

65-летию Великой Победы посвящается...

Во имя Отчизны – Победа!
Во имя живущих – Победа!
Во имя грядущих – Победа!

Р. Рождественский

НА АЛТАРЬ ПОБЕДЫ

Ответственный редактор Т. И. Гричененко

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2010

УДК 91(470.61)

ББК 63.3(235.7)

Н12

Рецензенты:

*доктор исторических наук, профессор исторического факультета ЮФУ
Венков А. В.*

*главный редактор Новошахтинской общественно-политической газеты
«Знамя шахтера» Филиппенко Л. С.*

Н12 На алтарь Победы. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – 400 с.

ISBN 978-5-9275-0769-6

2010 год – год 65-летия Победы над фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне. Книга «На алтарь Победы» – результат социально-культурного проекта «Университет – 65-летию Победы», посвященного этой знаменательной дате авторским коллективом, который объединил преподавателей и студентов Новошахтинского филиала ЮФУ, сотрудников редакции газеты «Знамя шахтера», представителей общественности города Новошахтинска.

Основой издания являются воспоминания новошахтинцев о Великой Отечественной войне. Многие из участников и очевидцев военных событий по состоянию здоровья уже не могут встретиться с молодежью, чтобы рассказать о своих ратных ледах, но их воспоминания представляют огромную ценность для патриотического воспитания и формирования активной жизненной позиции у молодых. Это исповедь людей, чья юность опалена войной, обращенная к нынешним поколениям.

В книге приведены выдержки из фронтовых дневников и писем, наградных листов, публикаций в газете «Знамя шахтера» разных лет и сочинения школьников Новошахтинска, использованы документальные материалы Новошахтинского историко-краеведческого музея.

Работа в архиве газеты «Знамя шахтера», изучение пожелтевших страниц газет военных лет, фронтовых дневников и писем, предоставленных жителями Новошахтинска, интервью с участниками войны позволили создать книгу, на страницах которой Победа предстает как результат повседневного кропотливого труда миллионов советских людей.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9275-0769-6

УДК 91(470.61)

ББК 63.3(235.7)

© Коллектив авторов, 2010

© Южный федеральный университет, 2010

© Оформление. Макет. Издательство

Южного федерального университета, 2010

***В книге использованы публикации в газете «Знамя шахтера»
1946–2009 гг. следующих авторов:***

*Григорьева М. А.
Дикунов В. Я.
Желтобрюх Л. В.
Зарубина Н. И.
Крылов Н. А.
Кушнир Н. Н.
Милованов А. М.
Никитянский В. Н.
Поздняк Ю. К.
Пудов А. В.
Пушкаренко А. И.
Раубо Н. Н.
Самсонов Ф. Г.
Серов Г.
Тарасевич О. И.
Тарико Н. И.
Телес А. М.
Филиппенко Л. С.
Шевченко Г. К.
Яценко В. Г.*

Организаторы проекта благодарят:

директора Новошахтинского историко-краеведческого музея в
2003–2006 гг. В. Н. Никитянского за идею создания книги и
предоставленные материалы;

главного редактора газеты «Знамя шахтера» Л. С. Филиппенко за
предоставленные архивные материалы;

жителей г. Новошахтинска за предоставленные информационные
и фотоматериалы из личных и семейных архивов;

Уважаемые читатели!

Предлагаемая вашему вниманию книга воспоминаний новошахтинцев о Великой Отечественной войне «На алтарь Победы» – результат проекта «Университет – 65-летию Победы», направленного на сохранение исторической памяти и воспитание патриотизма.

Память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. является одной из основных составляющих исторического сознания российского народа. Как никакое другое духовное явление она выполняет консолидирующую, объединяющую российский народ функцию. Патриотизм начинается именно с уважения к памяти предков, а отрицание памяти о прошлом приводит общество к отрыву от традиций и потере народности.

Все дальше уходит в прошлое Великая Отечественная война. Истинные знания и память о войне тоже уходят в небытие, а их место занимают мифы, легенды. Мы стали чаще сталкиваться с тем, что называется сейчас фальсификацией истории. Причем такие попытки становятся все более жесткими, злыми, агрессивными. Под влиянием различных обстоятельств: времени, коренной смены политических, экономических, нравственных ценностей, искажения исторических фактов – постепенно начинает забываться подвиг людей, прошедших через ужасы фронта и трудности тыла. Время беспощадно – умирают они, а вместе с ними умирает и память о прошлом.

Без памяти о Великой Отечественной войне, о великой Победе в этой войне, немыслимы ни достоинство России, ни гуманизация российского общества, ни гуманитаризация российского образования, потому что Великая Отечественная война – это духовный подвиг военного поколения, представители которого продолжают еще жить рядом с нами. Через их живые рассказы скорее, чем через

фильмы и книги, понимаешь, что же такое война. Пока еще живы те, кто прошел дорогами войны, живы их воспоминания, необходимо ловить каждое их слово, записывать каждый эпизод, что и сделали авторы книги «На алтарь Победы». Эта книга – десятки биографий, историй, ситуаций, известных и неизвестных, оцененных и не оцененных подвигов.

Проект «Университет – 65-летию Победы» дал возможность Новошахтинскому филиалу ЮФУ и всем, кто был вовлечен в его реализацию, внести свой вклад в общее дело Памяти.

*В. Г. Захаревич,
ректор Южного федерального университета*

Знать историю из первых уст

«Университет – 65-летию Победы» – это проект создания книги воспоминаний новошахтинцев о Великой Отечественной войне, который был задуман два года назад и явился продолжением студенческого проекта, реализованного в 2005 г., к 60-летию Победы. Тогда была издана брошюра «Ветераны рядом с нами», составленная на основе интервью с участниками Великой Отечественной войны. Цель издания книги «На алтарь Победы» – осветить шире и объемнее участие новошахтинцев в самоотверженной битве с фашизмом через призму их воспоминаний.

Память о событиях войны, выдающихся ее участниках, героических поступках наших соотечественников, горечь от понесенных огромных утрат несет заряд духовного единения российского общества при всей сложности его социальной структуры и экономических различиях. Эта память играет роль ценностных ориентиров. Она одна из главных «смыкающих ценностей» у стоящих далеко друг от друга поколений.

Происходит смена поколений, рождаются и вступают в жизнь новые люди и поэтому рассказывать о том, что было, нужно вновь и вновь.

Книга получилась интересной, ведь жизнь каждого человека уникальна. Книга получилась многогранной, содержащей взгляды на войну и Победу представителей разных возрастов, полов, национальностей. Книга получилась правдивой, так как при ее написании были исследованы и использованы материалы архивов Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера», начиная с 1943 г., и городского историко-краеведческого музея. Это стало возможным благодаря главному редактору газеты Л. С. Филиппенко, человеку неравнодушному и инициативному, и

всему сплоченному, отзывающемуся на интересные идеи коллективу редакции.

Как мозаика, издание состоит из небольших по объему, но ярких по содержанию фрагментов, вместе составляющих целостное представление о войне 1941–1945 гг., о Победе и победителях. Она позволяет оглянуться в прошлое, соединяет его нитями памяти с настоящим и будущим, учит беречь мир, ценить жизнь, воспитывать детей патриотами. Поэтому к 65-летию Великой Победы книги будут переданы во все библиотеки города Новошахтинска.

*Л. И. Пилипенко,
директор Новошахтинского филиала ЮФУ,
организатор проекта создания книги*

Сквозь глубину времен

Несколько поколений новошахтинских журналистов, работавших в газете «Знамя шахтера», создавали на ее страницах достоверную летопись города Новошахтинска. Сегодня она хранится в архиве редакции, в пожелтевших от времени газетных сшивах, первый из которых датирован далеким 1945 годом. Мощным аккордом звучит в них тема Великой Отечественной войны.

Разнообразна жанровая палитра этих материалов, поднимающих огромный исторический пласт событий 1941–1945 гг., участниками которых были новошахтинцы. Очерки о фронтовиках, хроники военных событий, письма с фронта, рассказы о подвигах героев, воспоминания участников войны, воспоминания детей военного лихолетья, переживших голод, холод, фашистскую оккупацию... Военные судьбы тысяч новошахтинцев запечатлены на страницах нашей газеты.

Материалы о новошахтинцах и войне, опубликованные в «Знамени шахтера» в разные годы, легли в основу книги «На алтарь Победы» – мы рады поделиться хотя бы частью бесценной информации, которая собрана в нашей газете за 65 победных лет.

Среди авторов публикаций читатели постарше встретят фамилии многих известных новошахтинцев, юность которых была опалена войной. Пусть и наши юные земляки знают имена этих замечательных людей. Участники Великой Отечественной войны, педагоги Федор Гаврилович Самсонов и Александр Иосифович Пушкаренко много и правдиво писали о войне, были создателями историко-краеведческого музея в Новошахтинске, А. И. Пушкаренко удостоен звания Почетного гражданина города Новошахтинска. Фронтовиком был журналист Алексей Михайлович Милованов, почти 30 лет проработавший редактором газеты «Знамя шахтера». Без прикрас, ярко и образно писали о пережитом, о военных дорогах журналисты-фронтовики Василий Яковлевич Дикун, Николай Александрович Крылов. Журналист Анатолий Мордухаевич Телес мальчишкой пережил ужас фашистской оккупации, на его глазах расстреливали родных и близких людей, сам он выжил только чудом. Этим и многих других авторов книги сегодня нет рядом с нами, но голос их продолжает звучать, сквозь глубину времен рассказывая правду о войне новым поколениям новошахтинцев.

Через творческие судьбы всех журналистов, многих нештатных авторов газеты «Знамя шахтера» прошла неисчерпаемая тема Великой Отечественной война. Сегодня о войне пишут внуки и правнуки тех, кто отстоял независимость нашей Родины 65 лет тому назад. Мы будем рады, если эта книга не только даст нашим землякам правдивую информацию об участии в войне наших земляков, но и наполнит сердца всех, кто ее прочитает, благодарностью и признательностью за совершенное ими ради нас с вами.

*Л. С. Филиппенко, главный редактор
Новошахтинской городской общественно-
политической газеты «Знамя шахтера»*

На каждой странице – память

Прошло 65 лет с того дня, когда отгремели бои Великой Отечественной и в нашей стране впервые отпраздновали День Победы – 9 мая 1945 года. Все дальше уходит в прошлое война. Историческая память о ней становится все более безликой, и постепенно начинает забываться подвиг поколения, которому мы обязаны жизнью сегодня. Почему так происходит? С каждым годом в России редеют ряды людей, участвовавших в той войне, все меньше остается среди нас носителей памяти о ней. И тем ценнее их воспоминания, заключенные в такие книги, как наша.

Я очень благодарна всем членам авторского коллектива. Наш проект был реализован благодаря инициативе бывшего руководителя Новошахтинского историко-краеведческого музея В. Н. Никитянского и потрясающему умению директора Новошахтинского филиала ЮФУ Л. И. Пилипенко организовывать и вдохновлять людей. Книга не получилась бы без кропотливой работы с архивом сотрудников редакции газеты «Знамя шахтера» Л. В. Желтобрюх, Н. Н. Кушнир, М. А. Григорьевой, Н. Н. Раубо, Л. Г. Красноперовой, С. Н. Яншиной по отбору материалов, в разные годы опубликованных в газете, без отзывчивости и участия жителей города, предоставивших документы из своих личных и семейных информационных ресурсов, без усилий работников Новошахтинского филиала ЮФУ Л. Н. Ильяшенко и А. В. Даниленко, проводивших набор текста и техническую обработку материалов. Очень ценно и важно то, что в проекте приняли участие студенты и школьники, проявив таким образом активную гражданскую позицию и прикоснувшись своими душами к Великому Прошлому.

Мне было очень интересно работать над книгой и хочется верить, что она будет принята читателями. Воспоминания ветеранов, сочинения их детей и внуков, журналистские статьи о тех, на чьих судьбах отпечаталась война, трогательны и пронзительны, доходят до самой глубины души, волнуют, заставляют сопереживать. Со многими из героев книги я была знакома, встречалась в городе, беседовала и не раз поражалась тому, как смогли они, пройдя через страшные годы войны, получив столько ранений, потеряв близких, сохранить оптимизм, доброту, желание жить и способность любить. Это бы все нам у них перенять и научить этому своих детей и внуков. И тогда нечего бояться за нашу страну – будет кому защитить ее!

Т. И. Гричененко, ответственный редактор

65-летию Великой Победы посвящается

ПАМЯТЬ

В этот памятный день, когда знамя Победы
Над горящим рейхстагом взошло, как заря,
Под раскаты «ура!» наши плакали деды,
Понимая теперь, что все было не зря.

Нет, не зря они шли в пасть грохочущей смерти
В закопченных снегах той зимой под Москвой.
Кто-то верно сказал, что в России, поверьте,
Нет семьи, где б не памятен был свой герой.

Эта память живет в сини глаз лейтенанта
Искрой сбитого «Яка», что шел на таран.
Эта память кричит страшным криком сержанта,
Что лишился ноги, но не умер от ран.

Эта память дрожит, как слезинка старушки,
Что простой медсестрой в Сталинградском аду
Выносила бойцов от расстрелянной пушки
С пульей в правом плече у врага на виду.

В этот памятный день, когда знамя Победы
Вновь выносят на площадь под стены Кремля,
Плачут снова в строю победители-деды,
И не может не плакать вся наша земля.

Та земля, что рвалась под ногами, горела
И звала их к себе, принимая в себя –
Под звездой легло чье-то юное тело,
Только память живет, о погибших скорбя.

Эта память жива и сегодня в солдатах,
Охраняющих мирные детские сны.
Эта память жива и в безусых ребятах,
Напевающих песни далекой войны.

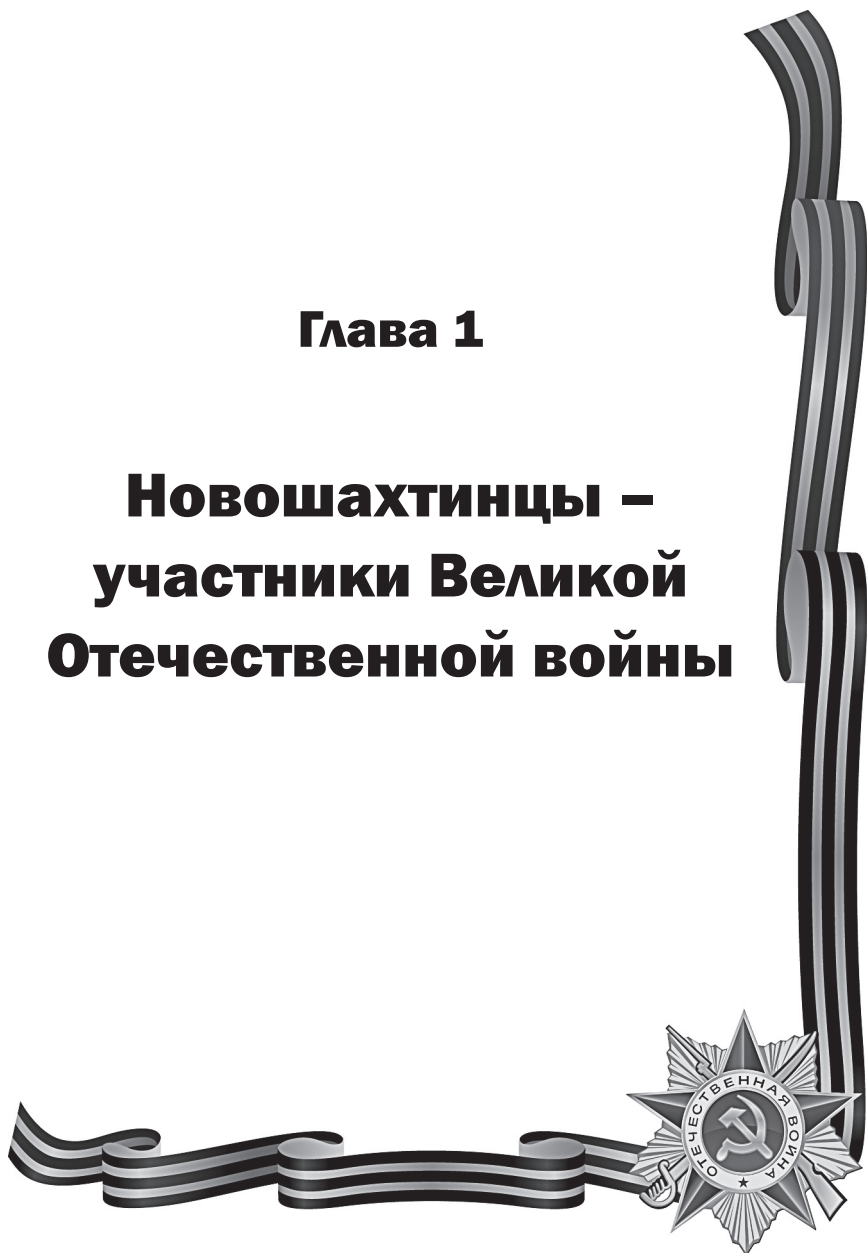
Эта память жива! И ночами во мраке
Где-то слышатся стоны и крики «вперед!» –
Это память бойцов снова ходит в атаки,
На защиту покоя и мира встает.

Михаил Сорокин

Глава 1

Новошахтинцы – участники Великой Отечественной войны

65-летию Великой Победы посвящается

Из заявления Советского Правительства 22 июня 1941 года

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападавшим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

* * *

Выпускной вечер в средней школе № 1 в 1941 году состоялся 21 июня в субботу. На вечере были гости от треста «Несветайантрацит», от горкома партии, горисполкома, редакции газеты «Знамя шахтера» и много родителей выпускников.

Всю ночь играл духовой оркестр, а в перерывах – баян. В большом школьном зале выпускники школы, их друзья и молодые учителя танцевали бесконечные вальсы...

Разошлись по домам утром 22 июня. После бессонной ночи я лежал на диване и дремал. Часов в 11 меня окончательно разбудил репродуктор, сообщавший, что через пять минут будет передаваться по радио важное правительственное сообщение. Это диктор повторил несколько раз. В перерыве между этими объявлениями шла по радио настройка. В дверь постучали, и в комнату вошли двое вчерашних выпускников.

«Федор Гаврилович! Вы нас простите, но мы к Вам за путевкой в жизнь. Нам для поступления в институт нужны характеристики от школы».

«Садитесь, – сказал я им. – Сейчас вам дадут путевку по радио».

И точно, через минуту председатель Совета Министров СССР В. М. Молотов сообщил о нападении немецких фашистов на нашу Родину.

Немцы в это утро, когда мы еще были на школьном балу, уже бомбили Киев, Одессу, Ригу, Севастополь и много других больших и малых городов, а также аэродромы, железнодорожные станции и мосты.

Война для многих людей не была неожиданностью. Немецкие захватчики за прошедшие два года присоединили к своей территории Австрию, Польшу, Чехословакию, оккупировали Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Францию, Югославию, Албанию, Грецию, Люксембург, Венгрию, Румынию, Болгарию. Очередь была за Советским Союзом. Избалованные легкими победами в Европе, немецкие фашисты рассчитывали так же легко, за месяц или не более, как за три месяца, сокрушить мощь Красной Армии, перестрелять лучших людей нашей Родины, а всех остальных превратить в своих рабов.

Нельзя сказать, что этой войны не ожидало Советское правительство. В начале мая 1941 года многие рядовые и офицеры запаса были призваны в армию на лагерные сборы.

Многие военные лагеря Северо-Кавказского военного округа были передислоцированы на территорию Украины. Тогда же в мае ушли на сборы учителя школы № 1 Александр Алексеевич Спиридонов, Григорий Яковлевич Сапрунов; из школы № 2 – Владимир Елизарович Нечитайлов.

Ночью 23 июня меня разбудил милиционер и увел в военный отдел горкома партии, а оттуда на призывной пункт, который раз-

65-летию Великой Победы посвящается

мещался в здании милиции: военкомата в городе не было. При милиции в одной комнате был «военный стол» и два шкафа с карточками военнообязанных. Из военного округа (СКВО) поступали требования о немедленном направлении в формируемые воинские части солдат и младших командиров. Например: «В город Новочеркасск военному коменданту 25 июня 1941 года доставить:

1. Стрелков – 140;
2. Пулеметчиков – 30;
3. Кавалеристов – 18;
4. Артиллеристов – 16;
5. Связистов – 8;
6. Саперов – 6».

Такие предписания предусматривались мобилизационным планом для развертывания существующих полков в дивизии, а дивизий – в корпуса и армии. Они должны были выполняться точно и без промедления.

Мы проверяли учетные карточки и отбирали требуемое количество военнообязанных по родам войск. Затем составляли списки по улицам и через комсомольскую организацию школы № 1 вызывали их во Дворец культуры к работникам Шахтинского военкомата.

Комсомольцы-школьники несли круглосуточное дежурство по 20–30 человек. Из Дворца культуры беспрерывно отправляли команды мобилизованных.

Нам было очень трудно. Сотни военнообязанных не проживали по адресам, указанным в их учетных карточках, и разыскивать их приходилось долго. Хорошо, если повестка вручалась днем, тогда в розыске этого призывника принимали участие соседи по старой квартире и сослуживцы. А если повестка вручалась ночью и в дождь? Но до рассвета повестка все-таки находила адресата.

Работе мешали и сами граждане, которые по своей инициативе с военными билетами приходили к нам, чтобы узнать, что им следует делать сейчас и почему нет повесток. Многие просили сейчас же отправить их на фронт.

Вместе с мужчинами приходили к нам и их жены. Жены без слез, по деловому расспрашивали, что они должны готовить мужу к отправке на фронт. У городского вокзала, еще недостроенного, ежедневно собиралось много людей. Отсюда отправлялись железнодорожные составы и в товарных вагонах увозили людей туда,

где отступали от границ наши войска, не будучи в силах сдерживать натиск имеющих двухлетний опыт войны в Западной Европе многочисленных дивизий гитлеровской Германии.

Когда 2 июля к народу по радио обратился И. В. Сталин и призвал советских людей к беспощадной борьбе с немцами, город стал перестраиваться на военный лад.

Из комсомольцев-школьников и работников милиции были организованы два истребительных отряда по 30–40 человек в каждом для борьбы с немецкими парашютистами-диверсантами.

В городе 200 человек записались в народное ополчение. Ежедневно, после работы, вечером, ополченцы маршировали по улицам и пели песни. Оружия у них не было. Во дворах школ, больниц и других организаций рыли извилистые окопы для укрытия от бомб и там же учили рабочих и служащих по сигналу воздушной тревоги укрываться в этих окопах.

Во Дворце культуры городской комитет партии проводил митинги рабочих, городской интеллигенции. Нужно было оторвать людей от мирной жизни, заставить их понять всю опасность войны, жить, работать для войны, для победы над врагом. А ненависти у людей еще не было: они еще не знали войны, не видели на своих улицах ни крови, ни огня.

По организациям проводили субботники и вырученные деньги вносили в фонд обороны, туда же сдавали облигации государственных займов.

Больше других в городе видели комсомольцев истребительного отряда. У них были винтовки, патроны и грузовая машина. Они вели непрерывное наблюдение за небом. А радио каждый день сообщало об оставленных нашими войсками городах и крупных населенных пунктах. Когда немцы вышли к Днепру, было получено распоряжение об уничтожении всех архивов и текущей переписки, могущей хоть в чем-то скомпрометировать наших людей перед фашистами. В городе загорелись десятки костров. Жгли огромные архивы горком партии, горисполком, горком комсомола, милиция, шахтные парторганизации, трест, школы, профсоюзы. Эти костры как бы сразу приблизили войну к нашему городу¹.

¹ Самсонова Ф. Г. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

* * *

Жестокая школа войны быстро научила нас воевать, и в итоге советское военное искусство взяло верх над прусским, перед которым западноевропейские страны одна за другой складывали оружие. Война была общенародной. Тыл и фронт в стране были едины. Вот несколько примеров только по Новошахтинску. Жителями было собрано 8 640 рублей на вооружение для Красной Армии, в частности, на танковую колонну «Новошахтинский горняк». В 1942 году среди шахтеров было развернуто соревнование за 200 и 300 процентов выполнения плана. По почину шахты имени Кирова горняки ежемесячно стали отчислять в фонд обороны однодневный заработок. Население города внесло на эти цели 317 тысяч рублей наличными деньгами. Женщины отдавали золотые кольца, броши, серьги. Новошахтинцы подписались на заем в 2 миллиона 135 тысяч рублей и собрали для фронтовиков 8 178 теплых вещей.

«Все для фронта, все для Победы!» – под этим лозунгом жила вся наша страна. Много молодых людей ушло добровольцами на фронт, чтобы сражаться с ненавистным врагом. Подвиги советских людей навечно вошли в историю нашей Родины. 11 603 воина удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе 10 новошахтинцев, 300 советских солдат закрыли собой амбразуры вражеских огневых точек, в том числе и новошахтинец Петр Дернов. За мужество и храбрость в боях государственные награды получили более 7 миллионов фронтовиков, в том числе более 5 тысяч новошахтинцев¹.

¹ Никитянский В. Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

Из гордого племени победителей

Июньской ночью 1941 года армады фашистского вермахта ринулись через границы СССР. Первыми приняли на себя удар советские пограничники – защитники Брестской крепости. Среди них был и наш земляк Федор Папченко, красноармеец 125-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии...

Когда немецкие войска после тяжелых боев все же овладели Брестской крепостью, они смогли взять в плен только тяжелораненых, остальные пали смертью храбрых, смертью героев. В плен был взят и раненый, полуживой Федор Алексеевич Папченко. Пленных погрузили в товарные вагоны и отправили в Германию. В одну из долгих ночей, когда эшелон проходил по лесам Польши, Федор выбрался из вагона, благодаря чему остался жить. В лесу его нашли и подобрала партизаны, подлечили, и, когда он стал чувствовать себя лучше, избрали его командиром одного из подразделений польских партизан.

Так и воевал Федор Алексеевич в должности командира польского партизанского отряда. Об этом периоде жизни нашего земляка в городском краеведческом музее есть документ следующего содержания: «Справка выдана Ф. А. Папченко о том, что он действительно был в партизанском отряде Словацкого (гвардия Людова) и выполнял обязанности командира отряда по 11 мая 1944 года».

С лета 1944 года Ф. А. Папченко снова служил в Советской Армии. Наш земляк награжден орденом Красной Звезды, медалями

65-летию Великой Победы посвящается

«Партизан Великой Отечественной войны», «Защитник Брестской крепости» и другими¹.

* * *

Новошахтинские комсомольцы 40-х годов хорошо помнили и тепло отзывались о Ване Свистове – тогдашнем секретаре Новошахтинского городского комитета комсомола.

Иван Свистов родился в 1911 году в городе Красный Сулин. Отец его был плотником. После окончания семилетки Иван поступил в горнопромышленное училище, получил специальность электрослесаря и стал работать на шахте имени ОГПУ, одновременно учился на вечернем отделении рабфака.

Получив диплом, Иван Свистов пошел работать в родное училище мастером производственного обучения, а через некоторое время был назначен заместителем директора по культурно-воспитательной работе. Свистов был душой училища. Ни одного вечера отдыха, ни одного концерта не проводилось без его участия.

В 1939 году комсомольцы Новошахтинска избирают Ивана Семеновича Свистова секретарем городского комитета комсомола. Два с половиной года возглавлял он неслетайскую комсомольскую организацию.

Когда началась финская война, был дан приказ всех первых секретарей горкомов комсомола Ростовской области призвать в армию. Иван прошел трехмесячную военную подготовку в Ростове-на-Дону, получил военное звание политрука и был направлен на финскую войну. Но еще в дороге объявили о ее окончании, и Иван Семенович получил направление в город Брест. Там его назначили начальником Дома Красной Армии.

22 июня 1941 года в 4 часа утра на Брест обрушились тысячи немецких бомб, снарядов, мин. Горели, рушились дома, гибли мирные люди. Желену и сына Иван Семенович отправил в подвал дома, куда стекались уцелевшие жильцы кто в чем был, а сам помчался в крепость, где шел бой с переправившимися через реку фашистами.

Днем к дому, в котором жили офицерские семьи, подошла машина: женщин и детей отправили в Гомель. Семья Ивана Семе-

¹ Пушкаренко А. И. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

новича спаслась, с трудом добралась до Новошахтинска, чудом уцелела в оккупации. А Иван с войны не вернулся, остался там навсегда, погиб, защищая Брестскую крепость...¹.

* * *

Вот как вспоминал о первом дне войны наш земляк, бывший летчик, офицер Красной Армии Федор Терентьевич Романов:

К началу войны я уже несколько лет прослужил в Красной Армии. С юности полюбил авиацию. Сначала курсант, потом летчик-инструктор московского аэроклуба. Время было трудное, предгрозовое. Наше правительство в 1937 году приняло постановление: дать стране 150 тысяч летчиков в ближайшее время – и обратилось с призывом к молодежи. По этому постановлению аэроклубы начали готовить пилотов, парашютистов, а летчики-инструкторы направлялись на укомплектование летных военных училищ. Я был послан в Оренбургское военное авиационное училище летчиков-истребителей. Службу проходил в Киевском особом военном округе.

За месяц до начала войны командование округа вдруг отменило запланированные маневры, так как к нам приехали немцы, будто бы затем, чтобы эвакуировать останки погибших в ходе операции в Западной Украине и Белоруссии. Но, как потом узнали, это были офицеры – генштабисты. Сколько они вывезли останков, неизвестно, но все стратегические объекты и коммуникации они рассмотрели и запомнили. А 22 июня в три часа наш аэродром был разбит, взорваны бензосклад и хранилище боеприпасов. Горели самолеты... Горько было на душе, потому что в эти первые часы войны мы потеряли много наших боевых друзей. В живых нас осталось только 11 человек. Некоторые погибли на квартирах и по пути на аэродром. Вот как дорого обошлась потеря бдительности. И это относилось не только к нашему полку.

К семи часам утра оставшиеся в живых пилоты и техсостав перелетели в город Тернополь. Там из трех наших полков создали один авиаполк резерва главного командования, который оставался в распоряжении Киевского особого военного округа. Начальником

¹ Пушкаренко А. И. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

штаба полка в ту пору был генерал Ватутин. Он погиб на фронте в начале 1944 года¹.

* * *

После окончания автотранспортного техникума Иван Иванович Коломийцев поступил в Саратовское танковое училище. До Великой Отечественной войны служил на Украине. В свой первый бой он вступил под Владимиром-Волынском в восемь часов утра 22 июня 1941 года. В том бою впервые горел в танке, но удалось выбраться. А от всего личного состава полка после боя осталось всего 19 человек, но знамя полка спасли и к своим пробилась.

Новые танки получали в Челябинске на эвакуированном заводе, который еще даже стенами не успел обрасти. Сборка танков велась прямо под открытым небом. Так тыл работал для фронта.

– Тот день – 7 ноября 1941 года – запомнил я на всю жизнь, – рассказывает ветеран. – Эшелон, на котором прибыли мы с Урала, разгрузили в Москве на Красной Пресне. Выдали новенькую форму, и отправились мы на новых танках на Красную площадь, на парад... Гитлеровцы все же дошли до Москвы, от стен древнего Кремля в ноябре 1941 года их отделяло всего несколько десятков километров. Представляете, немцы стоят под Москвой, а мы после неудач, страшных потерь, смерти товарищей здесь, на Красной площади. И я, механик-водитель танка КВ Иван Коломийцев, принимаю участие в параде! Парад прошел на редкость спокойно и торжественно. Наши войска противовоздушной обороны так блокировали небо над Москвой, что во время его проведения не то чтобы сбросить бомбы на столицу, но даже появиться над нею не смог ни один вражеский самолет. Воодушевленные солдаты готовы были пойти на все, но не пропустить гитлеровцев в столицу нашей Родины. Мы в этом всенародно поклялись, сразу с парада отправились на передовые позиции и тут же вступили в ожесточенный праведный бой с наседавшим со всех сторон врагом... После парада военный эшелон домчал нас до станции Голутвино, переправились мы через Оку и вступили в бой на шоссе Москва–Рязань. В боях подо Ржевом я в первый раз был ранен. Почти три месяца лечил-

¹ Романов Ф. Т. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

ся в госпитале. Потом в боях под Старой Руссой – новое ранение. Товарищи меня уже и не чаяли увидеть живым. А я выжил – и снова в бой. До 1943 года был ранен трижды, зато потом (вот уж, действительно, судьба!) – ни разу, хотя в таких переделках побывал! Дошел наш полк с боями до Восточной Померании, а оттуда перебросили нас на Дальний Восток, где шла война с Японией: Пхеньян, потом Порт-Артур. После окончания войны направили на учебу в Высшую офицерскую техническую школу в Казань. Потом в составе группировки советских войск служил в Чехословакии и в Прикарпатском военном округе... Награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны первой и второй степеней, знаками «Шахтерская слава» второй и третьей степеней и юбилейными медалями...¹.

* * *

Первые дни войны страшно вспоминать. Мы были явно не подготовлены к ней. И хотя солдаты и офицеры стояли насмерть, мы не смогли остановить врага. Началось отступление. Но и в этих условиях советские воины доказали, что они могут наносить ощутимые удары по врагу. Наша танковая дивизия несла потери, но фашистам нелегко давался каждый шаг по советской земле. Упорное сопротивление заставляло противника неделями топтаться на месте и тоже нести ощутимые потери...

На всю жизнь осталось в моей памяти сражение подо Ржевом. Наш танковый полк принимал участие в наступательных операциях по освобождению города Зубцова Калининской области. Здесь противник имел заранее оборудованные и хорошо укрепленные опорные пункты в непосредственной близости от железной дороги «Зубцов–Ржев». Бой длился непрерывно, днем и ночью, несколько суток подряд. На этом рубеже враг сосредоточил большое количество танковых частей, состоящих из хваленых «тигров». Наша артиллерия вела по ним прицельный огонь и немало уничтожила. Но фашистские танки шли и шли вперед. Нам надо было задержать их продвижение и уничтожить. Моя машина была во главе колонны. Умело маневрируя, мы приближались к «тиграм»

¹ Тарасевич О. И. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 13 апреля 2001 года.

65-летию Великой Победы посвящается

на большой скорости. Таким образом нашему экипажу удалось подбить несколько вражеских танков. Но в этом бою был подбит и наш танк. Я получил ранение. За этот бой награжден орденом Отечественной войны I степени...¹.

* * *

Кое-кто сегодня пытается не переосмыслить, а переписать и перелицевать историю Великой Отечественной войны. Договорились даже до того, что бессмысленным был массовый героизм, ненужной – оборона Ленинграда, Москвы... Эти люди преследуют совершенно конкретную цель – принизить значение Победы, бросить тень на Советскую Армию.

Трагичным был для нас начальный период войны. Давно уже подсчитано: война почти полностью выкосила тех, кто уходил сражаться в возрасте 18 лет. Из них дождались Победы только 3 процента, в их числе и Василий Иванович Путилин.

Рассказывает ветеран:

– Уходил на фронт отсюда же, из родного Новошахтинска. Как раз исполнилось мне восемнадцать. Вместе со мной призывались 137 несветайских парней. А вернулись из той группы знаете сколько? Вместе со мною восемь человек. И почти все контуженные или тяжело раненные. Я получил ранение в живот под городом Кошице в Чехословакии. Был командиром взвода автоматчиков. Стояли на опасном участке обороны... Ждали ночной атаки немцев. Рота готовилась к встрече нового 1945 года. Командир роты приказал мне найти подходящее помещение, чтобы отметить новогодний праздник. Мы были уверены в том, что 45-й год станет для нас годом Победы. Однако посидеть за новогодним столом мне не довелось. Гитлеровцы, хоть и не пошли в атаку, но устроили сильный огневой налет. Тут меня и зацепило. Взвод занял позиции в дзотах, а меня на руках унесли в санчасть санитары. Кусочек немецкого металла до сих пор ношу в себе. Он засел где-то в опасной близости от позвоночника. В госпитале не стали делать операцию, и поступили мудро. Врачи опасались за двигательные центры, чтобы не оказался я прикованным к постели. И вот живу с этой пулей...

¹ Коломийцев И. И. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 9 мая 1989 года.

А до той раны, выбившей из строя командира взвода автоматчиков Путилина, были у него другие бои. И самые памятные и кровавые – под Новороссийском. Шел с полком, освобождая советские города. Сколько там осталось солдатских братских могил!

Второй своей «раной» Василий Иванович считает надругательство в Чехословакии над танком, установленным в пражском районе Смихов в память советским воинам-освободителям...¹.

* * *

В мае 1941 года 20-летнего Валентина Гончарова призвали в Красную Армию из поселка Старая Соколовка, где он работал учителем. В Ростове-на-Дону были сформированы строительные батальоны. В составе одного из них Валентин попал в Ровенскую область на укрепление государственной границы СССР. Батальон, в котором служил Валентин Васильевич, шел следом за авиацией и в случае острой необходимости возводил временные аэродромы.

22 июня солдаты выполняли порученную им работу по укреплению границы, когда увидели в небе бомбардировщики. Начались обстрел, бомбежка. Официальное сообщение о вторжении немецких войск на территорию России было передано в 12 часов дня. Началось отступление в киевском направлении. Затем прибыли в Сталино (ныне – Донецк, Украина), где в срочном порядке к июлю построили военный аэродром. Немцы шли к Днепру, и этот аэродром был крайне необходим.

Дальнейшая военная дорога привела В.В. Гончарова в Сталинград, где он участвовал в строительстве аэродрома и моста через Волгу. Затем были аэродромы в Белоруссии, Латвии, где для В.В. Гончарова и закончилась война. В 1946 году он был демобилизован согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР².

* * *

Прошло два месяца, как вышла я замуж за моего дорогого Федора Васильевича Тамбовцева. 22 июня 1941 года, молодые, наряд-

¹ Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

² По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 7 мая 2006 года.

65-летию Великой Победы посвящается

ные, мы пошли с ним в кино. Прямо в кинозале объявили, что началась война и всем мужчинам необходимо к 6 часам утра явиться на сбор. На следующий день молодых ребят погрузили в эшелон и отправили из Астрахани на фронт. Сколько было пролито слез! Вскоре я получила известие, что мой муж пропал без вести. Я так горевала. К тому времени у меня уже родилась дочь.

А Федя был ранен в ногу в одном из боев на Кавказе, и его отправили в госпиталь в Сталинград. Но и там уже шли бои, город бомбили. Раненых стали срочно эвакуировать, грузили на пароходы и отправляли в Астрахань. Муж три дня кричал от боли. Когда пришла его очередь грузиться на пароход, врач (капитан медицинской службы) спросил: “Кто это так кричит?”. Ему показали. Врач осмотрел ногу, а она уже гнить начала. Оперировать было нечем, да и негде. Тогда доктор предложил Феде: “Если хочешь жить, то отпилю ногу ножовкой”. Он согласился. Дали ему выпить спирта и прямо под бомбежкой провели ампутацию. Когда стали отплывать, немцы потопили один из перевозивших раненых пароходов прямо на глазах их товарищей.

В Астрахани госпитали располагались вдоль побережья. Но в них не хватало места для всех вновь прибывших. Поэтому ставили палатки и размещали раненых там. Муж по прибытии в Астрахань отправил своей тете записку – мне побоялся. Так мы узнали, что он жив. Два дня я бегала с ребенком на руках по госпиталям, искала его. Удалось мне мужа отыскать по фамилии, потому что в лицо я бы его не узнала. Передо мною лежал старец. Дочь моя испугалась вида отца и плакала. У него была 20-процентная потеря крови. Каждый день вливали по поллитра, а она не принималась организмом.

В то время я работала на заводе, где пекли хлеб, резали на ломти, сушили и отправляли такие сухари на передовую для солдат. Меня стали отпускать с работы ухаживать за мужем.

А немцы подходили все ближе. Во время налетов бомбардировщики целились в госпитали. В один из дней в Братской могиле похоронили 130 человек, погибших в разбомбленном госпитале. Тогда раненых стали отправлять на Север, а мой муж остался. Жили мы в землянке. Федя прятал нас с дочкой под перину, говорил, что пуля перо не пробивает. Жить и работать приходилось под обстрелом. К счастью, бомбы и пули пощадили наш завод. Хлеба рабочим не позволяли выносить ни крошки. Но так как ди-

ректор знал, что мой муж ранен и без ноги, мне разрешили брать один кусочек.

Бывало, Федя забудет, что у него одна нога, вскочит с кровати и падает на пол. Мне с трудом удавалось поднимать его. А тут еще рана стала гноиться. Спасибо одному 90-летнему калмыку: он посоветовал прикладывать на рану бараний жир. Так нога стала постепенно заживать. Новой бедой обернулся для нас голод. У мужа открылось желудочное кровотечение. Его опять положили в госпиталь и удалили 1/3 часть желудка. И снова я ухаживала за ним, кормила с ложечки.

Мы были молоды и сумели справиться со всеми бедами, которые нашей семье принесла война... Но старые раны всю оставшуюся жизнь не давали Феде покоя. Мне было так больно смотреть на его страдания. Пенсию он получал небольшую, и всю жизнь мы прожили в бедности. Похоронила я своего Федора Васильевича давно. Светлая память ему и всем солдатам, прошедшим через войну...¹.

* * *

Во второй половине августа 1941 года создалась угроза захвата гитлеровцами Донбасса. Работы на шахтах Несветая приостановились: надо было строить оборонительные сооружения. Мы собрались на 27-м железнодорожном километре. Подали эшелоны. Погрузились – и в путь. Направление – на Мелитополь.

В Преднепровье, на запорожских землях, впервые увидели варварские следы фашистов: сгоревшие жилые дома, остовы вагонов, перекореженные рельсы.

С железнодорожной станции города Мелитополя нас направили в слободу Константиновскую. На другой день утром восточнее Константиновской все приступили к работе. Прокладывался противотанковый ров. Нас было около пяти тысяч человек. Возглавлял несветайский строительный отряд второй секретарь Новошахтинского горкома партии И. С. Овчинников. Ров должен был протянуться от Черного моря до Днепра. Правее от нас на таких же участках работали шахтеры других районов Донбасса. Трудились

¹ Бирюкова А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

с полной отдачей сил с восьми часов утра до девяти часов вечера, с небольшим перерывом на обед, который подвозили к месту работы.

Фашисты не раз пытались помешать строительству оборонительных сооружений. Вражеские самолеты методически бомбили наш район, обстреливали работающих из пулеметов. Но после этого мы снова и снова принимались за дело и трудились с еще большей энергией. Зарево пожаров над Мелитополем удвоило наши силы. Часто к нам приезжали военные специалисты и давали нужные указания по ведению строительных работ. После каждого такого посещения многие молодые шахтеры вместе с ними уезжали на фронт. Нелегко было и тем, которые остались. Все работы выполнялись вручную. Земля была очень твердая: глина и камни. Действовать приходилось больше киркой и ломami. Дисциплина установилась по-военному строгая. Наравне с мужчинами работали и женщины. Выходных дней не было.

Когда закончили сооружение противотанкового рва, начали готовить земляные сооружения для огневых точек: пулеметов, минометов, траншей для стрелков. Во второй половине сентября строительство было завершено... Возведение оборонительных сооружений стало нашей первой пробой на прочность, нашим боевым крещением¹.

* * *

Летом 1941 года немецко-фашистские полчища рвались к Москве, стремясь с ходу овладеть столицей Советского государства и победоносно завершить свой блицкриг, поставить на колени великую многонациональную страну. Но там они после триумфального шествия по Европе впервые получили холодный душ – были не только остановлены, но и отброшены назад. И тогда захватчики устремились на юг, намереваясь отрезать европейский индустриальный центр СССР от нефтеносного Кавказа, воротами которого являлся Ростов-на-Дону.

А Володе Дубченко было в то время 13 лет, учились он и его родная сестра Лида в новошахтинской школе № 1. Как и мно-

¹ Король Я. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 25 апреля 1985 года.

гие мальчишки тех суровых лет, Володя мечтал попасть на фронт, вместе с взрослыми отстаивать родную землю...

– Когда немцы подходили к Новошахтинску, – вспоминала Лидия Пантелеевна Дубченко, – Володя однажды исчез из дома. Искали его повсюду и вскоре узнали, что никуда он не пропал, а находится в разведывательно-диверсионной школе в Ростове-на-Дону.

Так вступил в войну наш юный земляк. Подростков-разведчиков, на которых мало кто, в том числе и гитлеровцы, обращал внимание (и понятно: много детей война вырвала из семей и раскидала по городам и весям), направляли через линию фронта для сбора сведений об обстановке в тылу врага. Не по годам много парнишке выпало суровых испытаний.

Познал он и предательство, когда соседка выдала его гитлеровским прихвостням – полицаям. Но выручила его бывшая учительница немецкого языка, ставшая переводчицей (учительница и предупредила, что надо опасаться соседки). Пришлось скрываться у родных в хуторе Шевченко...

После победы в Сталинградской битве Красная Армия погнала немецко-фашистских захватчиков назад, откуда те пришли на запад. Но завязались 10-месячные ожесточенные бои на укрепленном гитлеровцами Миус-фронте. И вновь шел в разведку не по годам повзрослевший Володя Дубченко.

Его боевой путь был прерван тяжелым ранением: как-то, возвращаясь с задания, попал на мину и остался без ноги.

Послевоенная жизнь Владимира Пантелеевича Дубченко прошла в латвийском городе Лиепая, куда он попал после окончания рыбопромышленного техникума. Приезжал он и в Новошахтинск к своей сестре Лидии Пантелеевне, бывал в городских школах, где рассказывал ребятам, как в годы Великой Отечественной войны сражались за Родину их ровесники¹.

* * *

Перетряхивал свои архивы, и неожиданно попала на глаза фотография человека в военной форме. Внимательно всмотрелся в него и вспомнил. Да это же Миша. Михаил Петрович Черненко!

¹ По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 13 февраля 2003 года.

65-летию Великой Победы посвящается

Встретились мы с ним в экстремальной обстановке. Когда осенью 1941 года фашисты рвались к Ростову, председатель Самбековского поселкового Совета Иван Федорович Сухарев получил приказ Ростовского комитета обороны организовать специальный отряд обозников для доставки снарядов на огневые позиции. Среди них были и мы с Михаилом Черненко, тогда пятнадцатилетние юноши. На первых порах занимались доставкой боеприпасов на фронт, передовая линия которого проходила в районе Матвеева Кургана. Погода стояла на редкость слякотная и дождливая. 27 несветайских подростков по бездорожью на бричках стремились как можно быстрее доставить боеприпасы по назначению. Только прибыли на огневые позиции, как появились вражеские танки. Старшие обозники, выбрав удобную позицию, залегли и начали почти в упор расстреливать бегущих за танками вражеских солдат.

– А мы что, лыком шиты? – увидев это, крикнул Михаил Черненко, схватил лежащий рядом с убитым автомат и помчался вперед.

Это было наше боевое крещение. Потом был путь отступления под натиском превосходящих сил противника от Матвеева Кургана до Новочеркасска. Кратковременная оборона под Новочеркасском. Миус-фронт. Ранение. Медсанбат в селе Рязном. Долечиваться Михаилу Черненко пришлось уже у родных в селе Болдыревка, занятом врагом, скрываясь от фашистов и полицейских. Здесь он пробыл до самого освобождения села от фашистов в феврале 1943 года.

На окраине села укрепился гарнизон фашистов. Выбрав удачную позицию, гитлеровцы из пулеметов и минометов на льду реки Большой Несветай расстреливали нашу пехоту, не давая ей соединиться и окружить врага. Узнав об этом, Михаил Черненко, утопая в глубоком снегу, добрался до расположения советских войск и показал танкистам, где засели фашисты. Танкисты подоспели вовремя. Их помощь имела решающее значение – фашисты были разбиты. Об этом рассказал мне работник музея СКВО, бывший командир танка Литвинов, который лично участвовал в той боевой операции.

В 1944 году Михаила Черненко призвали на действительную службу. Он воевал на японском фронте. Дожил до Победы над гитлеровской Германией, участвовал в разгроме Квантунской армии, где был тяжело ранен и скончался в госпитале.

Во время Великой Отечественной войны в действующей армии, морфлоте, в партизанских отрядах и соединениях были тысячи таких юных защитников Родины...¹.

* * *

Битва за Донбасс и Дон – одно из важнейших событий в Великой Отечественной войне. Штурм и прорыв Самбеко-Вареновского рубежа в августе 1943 года открыли ворота к освобождению Таганрога, Приазовья и всей Ростовской области.

А начиналось все еще в октябре 1941 года. Командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, впоследствии 56-й отдельной армии, генерал-лейтенант Ф. Н. Ремезов организует оборону на рубеже реки Миус. Для этого создается Таганрогское оперативное управление под командованием начальника артиллерии округа генерал-майора Г. С. Кариофилли, который вместе с комитетом обороны города координирует действия таганрогской группы войск, Азовской военной флотилии и истребительных батальонов.

8 октября 1941 года два истребительных батальона в районе сел Ефремовка и Марьевка приняли первый бой. Дивизион бронепоездов № 14, 45, 59 под командованием майора А. И. Суханова на участке Морская – Таганрог – Матвеев Курган сдерживал продвижение немцев. 16 октября авиация нанесла бомбовый удар по частям 339-й стрелковой дивизии. Разгорелся бой у реки Миус. 31-я дивизия отступила к селу Самбек. Дивизион артиллерийско-зенитного полка, курсанты артучилища и бронепоезд № 14 были разбиты немцами в районе станции «Морская». В этот день, 17 октября 1941 года, первая танковая армия немцев захватила Таганрог. После захвата Таганрога и форсирования Миуса немецко-фашистские войска начали наступление на Ростов-на-Дону, овладели городом, но в результате решительного наступления войск 37-й и 9-й армий, упорных боев 56-й армии 29 ноября 1941 года Ростов был освобожден. Тогда была предпринята первая попытка прорыва Самбеко-Вареновского рубежа и освобождения Таганрога, но безрезультатно: немцы заложили минные поля, создали прово-

¹ Чернецов В. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

лочные заграждения в 2–3 ряда, построили дзоты и блиндажи с многослойными перекрытиями, артиллерийскими и минометными позициями, пулеметные площадки, врыли в землю танки. В свою очередь части Южного фронта заняли оборону на восточном берегу Миуса. Фронт стабилизировался по линии рек Миус и Самбек.

В начале марта 1942 года была предпринята вторая попытка прорыва обороны немцев, но и она закончилась неудачно.

В середине июля 1942 года немецкие войска прорвали оборону Юго-Западного фронта, вторглись в Донбасс, развернули наступление в районе Среднего Дона. Практически началась оккупация всей Ростовской области. И только к 15–16 февраля 1943 года 28-я, 44-я армии и 2-й Гвардейский механизированный корпус овладели населенными пунктами Греково, Ульяновка, Марьевка, Советская, Морская, Приморка. К 18 февраля 1943 года в руках немцев оставались Таганрог, Анастасиевский, Федоровский и часть Неклиновского районов. Вновь была предпринята попытка прорвать оборону в районе Самбека, и вновь она не увенчалась успехом.

В июле 1943 года были снова атакованы Самбеко-Вареновские высоты, и опять неудачно. Но в отличие от трех предыдущих эта атака сковала силы противника на рубеже Миус-фронта и не позволила немцам снять дополнительные силы для Курской дуги.

В конце августа 1943 года войска Южного фронта (командующий Ф. И. Толбухин) в составе 51-й, 5-й ударной, 28-й, 44-й, 8-й воздушной армий, 2-го Гвардейского корпуса и других подразделений перешли в наступление. К концу лета Ростовская область была освобождена полностью...¹.

* * *

В начале ноября 1941 года фашисты рвались к Ростову и лихорадочно развивали наступление на шахтинском направлении. 30-я стрелковая дивизия РККА вынуждена была отойти к селу Болдыревка Родионово-Несветайского района, а 150-я – к Новошахтинску. 339-я Ростовская стрелковая дивизия, сформированная из жителей Дона, сдерживала натиск врага и прикрывала отход на новые рубежи других дивизий.

¹ Пудов А. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 17 февраля 2004 года.

Утром 6 ноября командир 1133-го стрелкового полка майор Алиев докладывал штабу дивизии по радио:

– Пятьдесят танков противника и два полка пехоты атаковали на двухкилометровом участке фронта. Веду бой.

Последним донесением в штаб дивизии командира 1135-го стрелкового полка было следующее:

– Начальнику штаба Рыбину! Танки до 12 штук с пехотой окружают и обстреливают командный пункт полка. Средств борьбы нет, кроме винтовок и гранат.

В том бою погиб командир 1135-го полка В. А. Кузнецов и весь его штаб.

Кузнецова заменил капитан Мороз, и он тоже докладывал штабу о непрерывных атаках врага. Прерванная телефонная связь не позволила штабу дивизии организовать четкое взаимодействие между частями. Прорвав оборону, гитлеровцы вышли на фланг Ростовской дивизии, угрожая ей окружением. Полки бросались из стороны в сторону, но кругом атаковали их численно превосходящие пехотные и танковые части противника. Отходить было некуда – оставалось драться до последнего патрона.

Чудеса творили врачи. Многим воинам они спасли жизнь, особенно старший военврач М. И. Потаповский и командир санитарной роты военврач А. С. Сердюк. Сутками, не смыкая глаз, перевязывали раненных, делали операции. У хутора Дороганова военврач А. С. Сердюк заменил погибшего командира роты и до вечера командовал ею, не давая гитлеровцам окружить медсанбат. С наступлением темноты Потаповскому и Сердюку удалось переправить в более безопасное место всех раненых...

В одном из боев пал смертью храбрых командир полка Григорий Михайлович Смахов. Командование полком взял на себя комиссар Михаил Михайлович Румянов.

Бои шли ожесточенные. Фашисты потеряли столько техники, что временно сбавили натиск. Усилием 339-й Ростовской дивизии и других частей 9-й армии удалось преградить путь врагу в сторону Новочеркасска и Шахт. Но Дарьевка, Родионовка и другие селения Несветая были захвачены гитлеровцами. На Кременной Горе засели вражеские наблюдатели. Обзор с ее вершины открывался отменный – до Новошахтинска и Новочеркасска. Болдыревка оказалась в нейтральной зоне: ни наших ни вражеских подразделе-

65-летию Великой Победы посвящается

ний. Столкновения происходили между немецкой и нашей разведками. Немецкие разведчики шли из Аграфеновки или Дарьевки, а наши – из Самбека или из Новошахтинска.

После недолгой обороны наши войска перешли в контрнаступление. Ожесточенные, затяжные и кровопролитные бои разгорелись на берегах Большого и Малого Несветая. В наихудшей обстановке вели их подразделение полка М. М. Румянова: они действовали на ровной открытой местности без артиллерийской поддержки. Особо жестокие бои шли за село Кутейниково. Оно дважды переходило из рук в руки.

Не одни сутки враг пытался на берегах Большого и Малого Несветая сбить упорство воинов Ростовской дивизии. Но сделать это ему не удалось. В одном из боев был смертельно ранен комполка М. М. Румянов.

1133-й стрелковый полк майора Алиева освободил Радионово-Несветайскую слободу. 1135-й полк освободил село Каменный Брод, а 1137-й наконец закрепился в селе Кутейниково. Наши войска вновь погнали фашистов к берегам Миуса. Очистили от оккупантов весь Несветай, но только на время...¹.

* * *

Сколько друзей моих боевых унесла война, а ведь все они были такими молодыми, совсем ребятами. Шли защищать Родину, матерей своих и свое будущее... Шли и умирали...

В 1939 году я окончил среднюю школу № 3 и от военкомата получил направление в Орджоникидзевское Краснознаменное военно-пехотное училище. В июне 1941 года окончил училище, получил звание лейтенанта. С 10 июня – отпуск домой в Новошахтинск. А тут – война. Из училища пришла телеграмма срочно прибыть к месту службы – командиром курсового взвода. Подал рапорт начальнику училища с просьбой отправить на фронт. Отказ. Подал рапорт второй раз – отказ.

Написал письмо самому Клименту Ефремовичу Ворошилову. Ждал, надеялся. Через две недели из Москвы пришел ответ: удовлетворить просьбу лейтенанта Чеботарева об отправке на фронт.

¹ Чернецов В. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

Попал на защиту Одессы командиром пулеметной роты. Страшные, кровопролитные бои за Одессу. Одессу пришлось оставить. Затем из Новороссийска морским десантом брали Феодосию. Меня назначили командиром разведроты. Задача разведчикам – бесшумно снять вражеские посты. В течение пяти часов Феодосия была взята 157-й стрелковой дивизией.

После Феодосии отошли к Керчи, затем – в Тихорецк на формирование. Потом – к Сталинграду. Бились за каждую улицу, каждый дом. Жесточайшая битва. Был ранен четыре раза, два – тяжело. Попал под взрыв, парализовало правую сторону. Но выжил.

После Сталинграда – Орлово-Курская дуга. Разведка всегда впереди. 14 июля – тяжелейшее ранение. Попал в госпиталь в город Тулу. В госпитале находился до января 1944 года. После таких ранений был списан. Но служил еще до 1948 года в городе Днепропетровске начальником военного отдела железной дороги...

Имеются боевые награды: два ордена Красного Знамени, ордена Александра Невского, Красной Звезды, ордена Отечественной войны I и II степеней, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Одессы», «За оборону Сталинграда»¹.

* * *

В 1941 году, когда враг вероломно напал на Родину, пришлось свою мирную профессию навалотбойщика сменить на военную. В звании старшего сержанта, а в последний год войны в звании старшины мне со своей воинской частью пришлось пройти длинный фронтовой путь.

Вспоминается прорыв обороны Днестра, бой за Талмац в Бессарабии и взятие штурмом сопки Безымянной. Здесь нашему соединению разведчиков удалось взять в плен немецкого полковника. Я лично его обезоружил и доставил в штаб дивизии, за что получил первую награду – орден Славы III степени.

И вот мы в Венгрии. В районе города Хоргош завязались ожесточенные бои. Группа смельчаков, в которой был и я, идет в раз-

¹ Чеботарев И. М. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

ведку и берет в плен целый вражеский расчет – семь человек и пушку «Фердинанд».

Вспоминаю такой случай. Немцы пытались любой ценой задержать наше продвижение. Но было уже поздно. Группы солдат на бронетанках врываются в населенные пункты и громят фашистов всюду, где они скрывались. Не давая врагу опомниться, наше подразделение снова устремилось вперед. Мы преследовали противника, обтекая его опорные пункты, перерезая ему пути отхода и, не задерживаясь, шли дальше.

За блестящее выполнение операции командование наградило меня орденом Красной Звезды, а позже за взятие в плен вражеского майора – третьим орденом.

В моей личной книжке девять благодарностей великого Сталина, а на груди три ордена и три медали – это награды Родины за боевые подвиги¹.

* * *

Война оставила неизгладимый след в судьбе и памяти семьи Титовых. Сразу же по призыву Родины ушли на фронт глава семьи Павел Иванович и старший сын Иван. Вслед за ними был призван в Красную Армию и другой сын, Василий, который стал разведчиком. Его грудь украсили боевые ордена Отечественной войны, Славы третьей степени. Евгений Павлович Титов рассказывает об одной из военных операций, в которой участвовал его брат Василий.

«А ну, подтянись, молодцы!» – послышалась команда. По дороге двигался растянувшийся отряд еще не познавших армейской дисциплины неунывающих призывников.

Вот шагает с сумкой через плечо среднего роста крепыш Василий Титов – вожак мальчишек, отчаянный, но незлобивый и доверчивый. Рядом с ним – худой и длинный, в заплатанных коротких штанах, гроза голубятников, почти бездомный Коля Курносов. За ним вымеряет шаги маленький, с хитрой улыбкой на губах Илья Луковский. Следом идут Вася Овчаров, Иван Морозов и другие. Все они знают друг друга с детства. Многие оглядываются, проща-

¹ Реуцкий А. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 9 января 1946 года.

ются с дымчатыми терриконами, которые словно вехи на пути из Новошахтинска в Шахты – на конечный формировочный пункт.

Большинство из них уже успело в течение месяца-двух после изгнания фашистов потрудиться на восстановлении разрушенных войной шахт. Но шла весна 1943-го, и каждый понимал, что он нужнее там, где старшие стоят насмерть за свою землю. После непродолжительной военной подготовки в Бийске на далеком Алтае большинство из них оказалось на фронте...

Василию недолго пришлось сражаться вместе с земляками, но все они остались в его памяти: спокойный, рассудительный, бесстрашный в бою, неразлучный со своим ручным пулеметом Вася Овчаров; весельчак и балагур Коля Курносов, постоянно выторговывающий у взводного лишний автоматный диск; маленький, всегда улыбающийся, Илья Луковской – противник длинных «обмоток»... Погибли эти и многие ребята, не успев услышать ни послевоенного пения соловьиного, ни нежных слов любви. И долго, до конца жизни будут смотреть вдаль материнские скорбные глаза, ожидая невернувшихся и оставшихся 18-летними своих сыновей...

Советские войска перешли в наступление на Рижском направлении и, прорвав немецкую оборону, стали быстро продвигаться вперед по территории Эстонии и Латвийской ССР, освобождая десятки городов и населенных пунктов. На подступах к Риге 402-й стрелковый красноармейский полк, в котором служил Василий Титов полковым разведчиком, был встречен яростным сопротивлением фашистских захватчиков. В ночь с 27 на 28 сентября взводу пешей разведки было приказано во что бы то ни стало проникнуть в расположение гитлеровцев и захватить «языка». В группу захвата были зачислены опытные и решительные разведчики Самойлов, Алтухов, Титов, Салов и Белый. В полночь они уже притаились на нейтральной стороне у проволочного ограждения, чтобы внезапно напасть на вражеский дзот. У Белого чуткий слух и острое зрение, а поэтому ему и было поручено снять часового у дзота. По условному сигналу группа осторожно проползла в проделанные минерами проходы в колючем ограждении.

Вспыхивают и разрываются ракеты. В наступившей на мгновение темноте разведчики по-пластунски быстро ползут к цели. Белый ныряет в нарезанную побочными ходами траншею, за ним скатываются остальные. А в небе опять сверкают предательские

65-летию Великой Победы посвящается

каскады огней. И снова – темнота. Не сбиться бы с намеченного пути, не потерять направление. Уже слышны немецкая речь и слабые звуки губной гармошки. И тут в нескольких метрах вспыхивает огонь. Видимо, часовой прикуривает от зажигалки.

Мгновенно совершив рывок, Салов набросил на часового плащ-палатку, сбил его с ног, подоспевший Титов помог ему. Салов и Алтухов бегом понесли его по траншее. Но гарнизон уже всполошился. Гитлеровцы открыли беспорядочную стрельбу. В этот момент Белый метнул в дзот противотанковую гранату. Едва отгремел взрыв, как взвились ракеты, осветив все вокруг. Противник старался отрезать разведчикам пути отхода. Рвались мины, взлетел вихрь огня, свистели пули. По траншее бежали гитлеровцы, поливая наших разведчиков свинцовым огнем.

Салов был ранен в живот и, передав «языка» другим, со стоном опустился на землю. Подхватив Салова, Белый устремился с ним по проходу. Василий же стал прикрывать их огнем. За гребнем траншеи он услышал топот врагов и метнул туда гранату. Проклятия и стоны заглушила оглушительная стрельба. Осколком или пулей обожгло руку. Не обращая внимания на рану, давая возможность своим дальше уйти с «языком», Василий упрямо продолжал вести автоматный огонь. Он не знал, где находится и сколько прошло времени. Уже вылезая из траншеи, почувствовал острую боль. Разрывная пуля раздробила колено правой ноги. Не было сил стянуть сапог, и, стиснув зубы, он перетянул ремнем ногу выше колена, кое-как перевязал руку.

На нейтральной стороне бушевал минометный огонь. Уже с тыла мелькнули тени немцев, пытавшихся окружить раненого. Не найдя своих, с тоскою подумал: «Отрезан. Неужели плен? Нет, нельзя допустить этого». Не теряя надежды, расчетливо соизмерив ситуацию, он метнул во врагов две «лимонки», а потом и последнюю, противотанковую.

С нашей позиции загремел артиллерийский огонь. Автомат Василия был пуст. Зажав в руке нож, с трудом волоча онемевшую ногу, он тихо пополз в сторону проволочного заграждения. И вот – спасительная отдушина. Превозмогая страшную боль, он еле протиснулся через колючую проволоку, свалился в глубокую яму от авиабомбы и потерял сознание...

Василий очнулся уже днем и опять впал в бредовое состояние. Только на второй день, случайно обнаруженный своими, он был

доставлен в медсанбат. Окруженный медсестрами уставший доктор несколько минут с горечью смотрел на почерневшую бесформенную конечность, а потом тихо произнес:

– На операционный. Ампутация.

В медсанбате Василию Титову стало известно, что приказ командования ими выполнен. Белый и Салов в этой операции пали смертью храбрых. Все разведчики были отмечены правительственными наградами¹.

* * *

Орден Святого Александра Невского учрежден в 1725 году, но статус его был разработан и обнародован только Павлом I в 1797 году. Впервые пожалование орденом состоялось в мае 1725 года. Кавалером его стал С. К. Нарышкин, обер-гофмейстер принцессы Анны. В тот же день 19 человек стали Александровскими кавалерами. А всего за 192 года существования ордена до 1917 года им было награждено 2500 россиян и иностранцев.

29 июля 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР орден Александра Невского получил вторую жизнь, при этом вид ордена изменился. Орденом награждались командиры дивизий, бригад, батальонов, полков, рот и взводов за проявленные в боях за Родину в Отечественной войне личную отвагу, мужество и храбрость, за умелое командование, обеспечивающее успешные действия частей с небольшими потерями в живой силе. В годы Великой Отечественной войны орденом Александра Невского было награждено более 42 тысяч человек.

В ознаменование 750-летия Невской битвы в 1991 году в Ленинграде со всего СССР собралось 264 орденосца, награжденных орденом Александра Невского, причем только шестеро имели два ордена Невского. Один из них – наш земляк Иван Федорович Ситниченко, гвардии капитан запаса.

Иван Федорович родился 2 января 1919 года в селе Гребеники Ново-Одесского района Николаевской области. Родители умерли рано. В 1933 году окончил 7 классов. С 1933 по 1938 годы обучался в Одесском электротехникуме связи, после окончания которого

¹ Титов Е. П. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

работал на центральном телеграфе города Днепропетровска техником – телеграфистом. Одновременно поступил в Днепропетровский горный институт на электромеханический факультет. Окончить институт помешала война. Иван Федорович принимал участие в боевых действиях сначала в войне с Финляндией, а потом – с фашистской Германией. После окончания артиллерийского училища в марте 1942 года в звании младшего лейтенанта был назначен на должность командира огневого взвода. К окончанию войны был заместителем командира дивизии в звании гвардии капитана. Участвовал в боях на Южном, Брянском, 1-м и 2-м Украинских фронтах. Был четырежды ранен, контужен.

Орденом Отечественной войны I степени Иван Федорович награжден за форсирование Днепра в составе 931-го стрелкового полка 240-й дивизии, обеспечившей стратегический плацдарм для освобождения правобережной Украины севернее села Лютеш. За освобождение Киева в 1943 году награжден орденом Боевого Красного Знамени. Первый орден Александра Невского получил за бой в Трансильванской долине в Карпатах. Второй – за бой в районе венгерского города Сегет. Выйдя в тыл к немцам со своей артиллерией, открыл огонь, чем обеспечил малые потери в пехоте. В результате этих боевых действий соединились 4-й и 2-й Украинские фронты.

«Воскрес из мертвых» – так называется книга Ивана Федоровича Ситниченко. Она вышла в издательстве «Новая книга» накануне Дня памяти и скорби – 22 июня 2003 года. Свои воспоминания о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов ветеран посвящает светлой памяти жены Екатерины Федоровны и боевых друзей, погибших в сражениях тех лет. Бывший капитан-артиллерист И. Ф. Ситниченко написал яркую и правдивую книгу о страшных событиях. Она читается легко, в ней есть то, что называют правдой жизни. Книга нашего земляка – это не только дань памяти ушедшим, это обращение к живым, ко всем нам с вами, кто обязан нести следующим поколениям правду о тех событиях, участниками которых были наши отцы и деды. В предисловии к книге ее автор написал о том, что воспоминания – это рассказ о судьбах людей в этой страшной войне, о жертвах, невольным свидетелем которых он был: «Если удастся, хотел бы вызвать отвращение к войнам вообще, вызвать чувство ненависти к тем, чьими замыслами началась и проводилась вторая мировая война. Молодым хочу ска-

зять: возможно, вы извлечете хоть что-нибудь полезное для себя из моего рассказа. И это я посчитаю за счастье и спокойнее уйду в тот мир, где нет ни печали, ни радости»¹.

* * *

Была весна 1941 года. В то утро Виктор Игольников, курсант Ейского военного училища, встал как обычно по сигналу «подъем». Быстро заправил постель, оделся и поспешил на построение. Объявили, что училище переведено на ускоренный курс обучения. Вскоре их уже аттестовали и распределили по воинским частям. 12 курсантов, в их числе был и Виктор, направили в Западную Украину в город Лида, где дислоцировался 31-й авиационный полк. В течение нескольких дней его сформировали и перебазировали на западную границу под город Проскуров Каменец-Подольской области. С 20 мая стали сооружать канониры для стоянки самолетов, производили маскировку аэродрома, словом, делали все для того, чтобы с воздуха не были видны стоящие на аэродроме самолеты. Хотя о предстоящих военных действиях разговоров не велось (в то время только упоминание о возможной войне с Германией грозило арестом), но подсознательно авиаторы чувствовали, что «в воздухе пахнет войной».

22 июня 1941 года началась война с фашистской Германией. Воинская часть, в которой служил В. Игольников, одной из первых приняла удар гитлеровских войск. Утром того дня замаскированный аэродром подвергся массированному налету вражеской авиации. Одновременно фашисты вели огонь из всех видов наземного оружия, бороздили нашу землю танками. В первые же часы войны погибло много бойцов личного состава полка, в котором служил В. И. Игольников. Но, несмотря на это, некоторым нашим летчикам удалось подняться в небо и завязать с противником ожесточенный бой, нанося ощутимые удары по живой силе и технике врага. В тот и последующие дни летчики сдерживали продвижение гитлеровских войск вглубь страны: на Житомир, Казатин, Киев. Об их героизме, проявленном в этих боях, говорит тот факт, что уже в первые месяцы войны было присвоено звание Героя Советс-

¹ По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 21 июня 2003 года.

65-летию Великой Победы посвящается

кого Союза командиру звена И. И. Леонову, летчик М. К. Виктор был награжден орденом Ленина.

– Но все-таки, – вспоминает Виктор Иванович Игольников, – Киев был сдан, а наш 31-й авиаполк, попавший в окружение, сильно потрепан. Боевой техники у нас осталось мало, и мы участвовали лишь в прикрытии отходящих наземных войск.

Под Харьковом в Верхне-Дуванске 31-й авиаполк пережил свое второе рождение. Его объединили с 20-м авиаполком. С этого момента он стал именоваться 20-м истребительным авиаполком и был направлен для прикрытия узловой железнодорожной станции в районе Валук. Здесь шли ожесточенные бои за город. Но силы были неравны. Враг превосходил советские войска и в численности, и в вооружении. Валуйки пришлось оставить. Сильно поредевший 20-й истребительный авиаполк перебросили под Воронеж, доукомплектовали и направили на Сталинградский фронт. Здесь истребители прикрывали наземные войска, которые подтягивались к Сталинграду в районе Котельниково. Шла подготовка к Сталинградской битве, в которой активное участие принимали летчики этого авиаполка. Они ликвидировали Тацинский и Морозовский аэродромы, с которых фашисты совершали налеты на Сталинград. Причем в Тацинке было захвачено около 300 самолетов врага, многие из которых находились в боевой готовности. После Сталинградской битвы полк переименовали – в 85-й гвардейский.

Событий, которыми была так богата жизнь Виктора Ивановича Игольникова, хватило бы на десяток жизней...

1942 год. В одну из ночей Виктор Игольников был дежурным по КП авиаполка. На рассвете фашистская артиллерия начала массированный обстрел аэродрома, загорелись самолеты. Уже ничего нельзя было предпринять, чтобы спасти их. Нужно было доложить командованию о случившемся. И Виктор принимает решение: на машине командира полка он взлетает с пылающего аэродрома. Попадает под перекрестный обстрел двух вражеских истребителей, которые неожиданно вынырнули из облаков и попытались взять «в тиски» самолет русского летчика. Но у него была цель: любой ценой долететь до наших. Завязался ожесточенный воздушный бой над Волгой. Самолет Игольникова загорелся. Он попытался погасить пламя. В развороте рванул вверх – нажал на гашетку – и попал в цель. Но тут же понял, что сбит сам, и это конец, если не

успеет использовать парашют. Утешало только то, что вражеский самолет, объятый пламенем, стремительно несется к земле...

Так получилось, что и Виктор и фашистский летчик спускались на парашютах одновременно и приземлились на расстоянии примерно двухсот метров друг от друга. Но гитлеровец оказался в траншее, а наш летчик – на открытой местности. И началась новая дуэль, теперь уже на земле. Только точный выстрел Игольников прекратил ее. Вскоре на месте происшествия появился командирский «виллис». Оказалось, что убитый немецкий ас имел Рыцарский крест, которым награждались в германских войсках летчики, сбившие наибольшее количество самолетов противника. Игольников ожидал разнос за сгоревший самолет командира полка, но вместо этого услышал: «Радуйся, что жив остался в бою с этим фашистской, – ведь какого аса сбил! А он о машине печется...». За тот бой Игольников получил медаль «За отвагу», это была его первая награда.

8-я воздушная армия, в которой служил Игольников, громила фашистов в небе Украины и Ростовской области, теперь уже освобождая от гитлеровских оккупантов родные села и города, в том числе Зимовники, Зерноград, Шахты, Новошахтинск и Ростов-на-Дону. Затем был Крым. Базируясь в городе Серабузы, авиаторы наносили массированные бомбовые удары по местам наибольшего скопления врага, окопавшегося в Керчи. Участвовали авиаторы 8-й воздушной армии в Севастопольской эпопее, в освобождении Симферополя, Евпатории, Николаева. Далее на их победном пути были Констанца, Варна, София, Бухарест, Яссы, Венгрия, Чехословакия, Австрия.

– Воодушевляющим моральным фактором в годы войны было получить за боевые действия благодарность Верховного Главнокомандующего, – вспоминает Виктор Иванович. – Не знаю, сколько их у моих однополчан, а у меня лично 19 таких благодарностей, храню их как самую дорогую реликвию.

О достойном жизненном пути Виктора Ивановича Игольникова говорят также награды: боевые ордена Отечественной войны II степени и Красной Звезды, медали «За отвагу» и другие¹.

¹ По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 13 февраля 2002 года.

65-летию Великой Победы посвящается

* * *

Войну Иван Лозько встретил безусым мальчиком. Он написал заявление в военкомат, когда войска Красной Армии летом 1942 года отступили вглубь страны, и был направлен в 25-й пограничный полк. Первый бой, первые потери. Во время бомбежки в районе станицы Раздорской на глазах Ивана погибли 18 солдат – таких же, как он, необстрелянных бойцов.

– Немецко-фашистская армия имела хорошо обученных солдат, была отлично вооружена, – вспоминает фронтовик. – На оккупированных землях действовали законы, которые, как рассчитывал враг, должны были оставить в человеке лишь биологическую потребность – выжить! Силу человеческого духа русских – вот чего не учел враг, а поэтому и проиграл.

Полк, в котором служил Иван Ильич, с боями отступал на Северный Кавказ до Сангарского перевала. В январе 1943 года он вошел в состав 56-й Армии, которой командовал генерал Ф. И. Толбухин, остановил фашистов, а затем перешел в наступление. Победа под Сталинградом внесла сумятицу в стане врага, повернула вспять его армию.

– Атмосфера в нашей Армии в период отступления и наступления сильно отличалась, – продолжал свой рассказ Иван Ильич. – И дело не только в том, что в первом случае мы теряли солдат, технику и оружие. Трудно было смотреть в глаза мирным гражданам, которые оставались на оккупированной территории.

Второй эшелон армии, в которой служил И. И. Лозько, вошел в Новошахтинск вечером 13 февраля 1943 года. Город казался пустынным. Жители осторожно продвигались по заснеженным улицам, еще не веря, что оккупации пришел конец...

Иван Ильич свой фронтовой путь закончил в Австрии, пройдя с войсками Красной Армии пол-Европы. В послевоенные годы служил в столице Румынии Бухаресте и в Тернополе на Западной Украине. Демобилизовался только 1 января 1949 года...².

¹ По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 13 февраля 2002 года.

² Раубо Н. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 11–12 февраля 2008 года.

* * *

В действующую армию Иван Гольцев был призван через два дня после начала Великой Отечественной войны, 24 июня 1941 года, и вскоре 60-й батальон связи, в котором ему назначено было проходить службу, уже воевал на Северном Кавказе. Здесь Иван получил первое боевое крещение, был контужен и ранен. Эти бои памятливы для него и тем, что получил свою первую награду – медаль «За оборону Кавказа».

Впоследствии связиста Гольцева дороги войны провели по многим фронтам: Западному, Карело-Финскому, Дальневосточному. И. А. Гольцев награжден медалью «За освобождение Советского Заполярья», орденом Великой Отечественной войны II степени.

День Победы над Германией Иван Андреевич встретил в пути на Дальний Восток.

– К тому времени я уже был лейтенантом и командовал взводом связи. Двери в вагоне раздвинулись, кто-то прокричал: «Победа! Победа!» Сразу все повскакивали с мест. Радостные возгласы. Объятия. Каждый друг друга поздравлял с событием, которого с нетерпением ждали почти четыре года. Но для нас, дальневосточников, война продолжалась. Прибыли в Ворошиловск-Уссурийск и стали готовиться к боевым действиям против Японии. Нам предстояло перейти государственную границу, и через Манчжурию с боевыми действиями 8 августа 1945 года мы направились в Северную Корею. Разбив японские войска, вступили на корейскую землю. Здесь тоже пришлось участвовать в непрерывных боях с японцами за полное освобождение Северной Кореи. В этой же местности мы встретили 3 сентября – День Победы над Японией, а вернулись на родину только 23 декабря 1945 года.

Так, через две войны Иван Андреевич Гольцев и его товарищи по оружию несли мир, свободу и независимость своей Родине и всем народам Земли¹.

* * *

В октябре 1941 года, когда враг стал угрожать нашему городу, ушел на фронт молодой горняк шахты имени В. И. Ленина Иван

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

Яуров. Было ему тогда всего 19 лет. При обороне горного перевала на Кавказе он был ранен, но не оставил своих бойцов. За проявленные в бою мужество и отвагу командир взвода Иван Егорович Яуров получил свой первый орден Красной Звезды.

После госпиталя отважный горняк опять принимал участие в боях с немцами. То задыхаясь от пыли и гари пожарищ, то утопая в грязи в дождь и непогоду, Иван Яуров вел с непрерывными боями уже не взвод солдат, а целую роту. На его гимнастерке появилась еще одна высокая награда – орден Отечественной войны II степени.

Теперь уже исполнился ему 21 год, и все же большинство солдат были гораздо старше своего командира. Зато за плечами у Ивана уже опыт многих боев. Не одну бомбежку пережили с ним солдаты, не одну реку форсировали под огнем, не один плацдарм захватывали и обороняли на длинной дороге от Кавказа до Будапешта. За Днестром получил он свой третий орден – орден Отечественной войны первой степени...

В декабре 1944 года шли тяжелые уличные бои по уничтожению окруженных в Будапеште войск. 29 января бои были особенно трудными. В многоэтажных жилых и производственных зданиях дрались за каждый этаж, за каждую комнату.

Командир стрелковой роты, старший лейтенант Иван Яуров проявил исключительные стойкость и храбрость, воодушевляя солдат роты на подвиги, но в одном из боев был убит осколком разорвавшегося неподалеку снаряда.

Командование воинской части прислало его матери известие о смерти сына, его орденскую книжку и ордена...¹.

* * *

Октябрь 1941 года... Николай Свистунов вышел из Новошахтинского городского парка культуры и отдыха и на улице Садовая увидел объявление, которое сообщало о призыве в армию граждан, родившихся в первой половине 1923 года. К нему оно прямого отношения не имело. Хотя он и родился в этом году, но 17 октября, т. е., во второй половине... Некоторое время стоя перед объявле-

¹ Самсонов Ф. Г. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

нием, мысленно повторял его содержание, потом стремительно зашагал в сторону Дворца культуры шахты имени ОГПУ. Его семья тогда жила в этом районе.

– Давай, мама, собирай вещи, уйду на фронт, – и Николай сообщил тревожно смотревшей на него матери о прочитанном объявлении.

– Повременил бы, сынок, – напряженно выдавила из себя мать, – ведь не тебя же призывают.

– Сегодня не меня, а завтра меня, – ответил Николай, – так чего же тянуть?

Этот разговор происходил примерно в два часа дня, а в пять часов он уже с вещами стоял в шеренге новобранцев, которая выстроилась во дворе городского военкомата и пешком пошла на сборный пункт в город Шахты. На другой день тем же пешим порядком направились в Раздоры, из них – в Цимлу и Сталинград. Только в Калаче-на-Дону их посадили на пароход и по Волге повезли в Ульяновск, а уже из Ульяновска железной дорогой в Уфу, где формировался запасной полк. Николай попал к минометчикам. Это и стало его военной специальностью.

В январе 1942 года Николай и его товарищи по оружию держали оборону в Подмосковье в районе Вязьмы. Особенно «горячим» был для них август 1942 года. И не только температурой воздуха, а главным образом – напряженными боями. Бойцы прорывали вражескую оборону, чтобы выручить из окружения кавалерийский корпус генерала Белова. Бои велись практически непрерывно и с земли и с воздуха. Местность лесная, болотистая, трясина. Здесь Николай получил первое свое боевое крещение и чуть не погиб. В том бою, который проходил ночью и мог стать для него последним, он был ранен в голову и потерял сознание. Очнулся на рассвете и сразу услышал немецкую речь.

– Неужели в плен попал? – пронзила мозг страшная мысль.

Но нашел в себе силы сдержаться. Приоткрыл глаза и увидел, что лежит в лесочке, а немцы ходят между трупами наших солдат и добывают раненых.

«Сейчас и мне придет конец», – подумал Николай и машинально нащупал рукой две гранаты – «лимонки».

«Ну, выручайте, родимые», – мысленно проговорил он, незаметно снимая чеки с гранат, и, вскочив на ноги, бросил их в ничего не подозревавших фашистов. Одновременно с раздавшимся

65-летию Великой Победы посвящается

грохотом Николай, собрав все свои силы, бросился бежать. Ему повезло. Он сумел уйти от врагов и добраться до своих. Потом был госпиталь. Запасной полк в Подольске. Центральный фронт. Белоруссия. Здесь при 31-й армии Николай окончил курсы младших лейтенантов.

Лето 1944 года... В районе города Турова наши войска, в составе которых и минометная рота, где служил помощником ее командира Николай Яковлевич Свистунов, держала оборону.

Стояло глубокое затишье. По обе стороны передовой все объято тишиной и спокойствием.

– Ты бы, Николай, смотался на НП и понаблюдай, – сказал командир роты Свистунову, – не уснули ли там фрицы? А может, их поминай как звали, или каверзу какую готовят?

Помкомроты взял с собой двух автоматчиков, и они втроем поползли к наблюдательному пункту, находящемуся в районе передовой. Добрались без приключений. Начали вести наблюдение. Но так было всего несколько минут. Николай, ведущий пристальное наблюдение, вдруг заметил передвижение на вражеской стороне обороны. Фашисты засекли их и открыли огонь. С наблюдательного пункта им дружно ответили из трех автоматов. Гитлеровцы не только усилили стрельбу, но и стали брать наблюдательный пункт в кольцо. Несмотря на то что Свистунов и его сослуживцы стреляли метко и, не прерывая, вели огонь, фашисты наседали и наседали, а тут еще и боеприпасы были на исходе. Живыми им не выбраться. Это понимали все трое.

– Давай, помкомроты, решать что предпринимать? – посмотрели на Николая автоматчики.

– Одно остается, – после некоторого раздумья ответил Николай, – вызывать огонь на себя: все равно помирать, так хотя бы с пользой...

– Иного в нашем положении не придумать, – оценив ситуацию, согласились с ним солдаты.

Николай по радиации связался с командиром роты и прокричал:

– Нас окружают. Патроны на исходе. Не удержаться. Огонь – на меня.

Прошло несколько минут, и «заговорили» наши минометы. Мины летели точно по указанной Свистуновым цели. Блиндаж, в котором находились три смельчака содрогался от взрывов, свиста мин и их падения. С каждой новой миной Николай и его товарищи

были уверены: это их смерть. Такое состояние не рождало никаких мыслей. Все было сосредоточено только на происходящем сейчас. В то же время память независимо от него воскрешала прошлое, говорила о том, что он с первого шага по войне вызывал огонь на себя.

После Белоруссии Н. Я. Свистунов участвовал в боях в Прибалтике, Польше, в разгроме гитлеровцев в Восточной Пруссии. В одном из боев был ранен в ногу. Произошло это в 1944 году в день его рождения, когда ему исполнился 21 год.

– В каких только госпиталях и больницах ни лежал, где только ни побывал, чем только ни лечил ногу, – говорит Николай Яковлевич, – свищ, образовавшийся в результате ранения, не заживает...¹.

* * *

«Балтиец» неожиданно вздрогнул всем корпусом и замер.

– Все, амба, – в наступившей тишине прозвучал голос командира, смахнувшего пот с лица.

– В чем дело? Почему стоим? – ведя огонь по врагу, спросил Александр Симонов. – Все-таки подстрелили, гады?

– Да нет, машина в порядке, – успокоил его командир, – только вот топливо кончилось.

Александр Симонов пришел на бронепоезд недавно. Сельский мальчишка, он в 1936 году решил стать рабочим и с этой целью уехал в Москву, где приобрел несколько строительных специальностей и еще до Великой Отечественной войны прослыл классным строителем. О его высокой квалификации говорит такой факт: Симонова приглашали на работу по спецнаправлению строить, ремонтировать и реконструировать правительственные здания. Это, наверное, и послужило главной причиной того, что он так и остался жить в Москве, откуда его в 1940 году призвали на действительную службу. Здесь он стал артиллеристом. А Великую Отечественную войну Александр встретил матросом на Балтике...

Это было в декабре 1941 года. Балтийское море покрылось льдом. Навигация прекратилась. Моряков, среди которых был и

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

Александр Симонов, перебросили в Кронштадт для формирования из них групп наземного действия. Симонов был назначен командиром 130-миллиметрового орудия. Так он оказался на бронепоезде «Балтиец».

Атаки шли непрерывно. Велись оборонительные бои на подступах к Ленинграду. Они продолжались днем и ночью. Сутками люди не знали ни сна, ни отдыха. А тут еще напасть – в самый критический момент кончились запасы топлива.

Без топлива бронепоезд стал мишенью для врага.

– Давай, Сашок, действуй, с тобою быстрее будет: ты топором, как добрый казак саблей, орудуешь, – сказал командир, – а мы постараемся продержаться.

Обычно лес заготавливали заблаговременно в перерывах между атаками. А сегодня такой день выдался, что и перерыва не было. Фашист прет и прет, как будто его прорвало.

Запахнули бушлаты. Топоры – под ремень. И соскользнули с бронепоезда в ночь, расцвеченную сумасшедшим фейерверком светящихся пуль и снарядов, в сорокоградусный мороз. Бушлаты сразу встали колом. Разгоряченные лица, заросшие щетиной, покрылись изморозью. Руки и ноги коченели. Вокруг гремела канонада, но никто – ни Самсонов, ни его двое напарников, которым сегодня выпало быть дровосеками, – не обращал на это внимания. Почти влипая всем телом в глубокий снег, боясь поднять голову, они попластунски поползли в сторону ближайшей рощицы.

– В тот раз обошлось все благополучно, – вспоминает Александр Иванович, – и бронепоезд продержался, и мы дрова доставили без особых осложнений. Но бывали случаи, когда дровосеки гибли, не успев и шагу сделать. Словом, на войне как на войне. Здесь все зависит от твоей сноровки, умения, находчивости, смелости, случая, наконец. А вот каково было ленинградцам в блокадные дни? Они жили в такой обстановке, что в буквальном смысле хоть ложись да помирай. И от них не зависело: сумеют они выжить или нет. Смерть косила их без разбора: и старых и молодых.

Александр Иванович на мгновение задумался. Глаза его вдруг увлажнились. Он смахнул покотившуюся по щеке слезу и хрипло продолжил:

– Довелось нам с другом в часы затишья побывать в блокадном Ленинграде. Там у него осталась невеста со своей матерью. Прихватили солдатский НЗ в вещмешки. Но он оказался ненужным: и

мать и дочь мы застали мертвыми. Они так и лежали, окоченевшие, тесно прижавшись друг к другу. Вынесли их на улицу, похоронили, как и другие трупы, в глубоком снегу, здесь же около дома. Вот это настоящее горе, непоправимое, от которого теряешь разум. Словно в тумане, вернулись в часть, и враг уже не знал от нас пощады.

Такое же чувство я испытывал и после войны, когда довелось мне принимать участие в разминировании дорог под Ленинградом. Ведь каждую минуту, не подоспей мы вовремя, могли здесь взлететь на воздух старик, старуха, женщина, девушка, только начинающий жизнь малец. Нет, такого нельзя допустить больше!

В послевоенной жизни А. И. Смирнов вернулся к своей прежней профессии строителя. Строить жилой дом, школу, детские сады – для него значило строить новую мирную жизнь, право на которую он отстоял в боях¹.

* * *

– Мелитополь. Осень 1941 года. Высота «1320». Вокруг злоедающие вспышки взрывов. И лица фронтовых друзей, – вспоминает Яков Евсеевич Дьяченко – участник Великой Отечественной войны, кавалер орденов Красной Звезды, Отечественной войны II степени и нескольких медалей. – 3 сентября бой продолжался весь день и всю ночь. Противник, неся большие потери, все же прорвался в расположение наших частей и закрепился на левом фланге высоты «1320».

Наутро все резервы были приведены в боевую готовность. Группу бойцов, в составе которой находился Я. Е. Дьяченко, назначили на охрану и оборону штаба полка. Вот тут-то и произошло первое боевое крещение.

Около восьми часов вечера заметили группу, которая короткими перебежками подбиралась к штабу. Замысел был разгадан. Это была немецкая разведка, переодетая в форму командиров Красной Армии. Завязался рукопашный бой. Схватка закончилась нашей победой и захватом «языка», представлявшего для нашего командования большую ценность. За этот бой Я. Е. Дьяченко был награжден орденом Красной Звезды...

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

Много раз участвовал Яков Евсеевич в боях, много раз смотрел он в глаза смерти, но сознание того, что надо выжить, победить, отстоять честь и свободу Родины, никогда не покидало его.

Наступил май 1942 года. Шли упорные бои за Харьков. В сражении с превосходящими силами врага Яков Дьяченко был тяжело ранен в левую ногу и попал в госпиталь, а после излечения его демобилизовали по состоянию здоровья. День Победы 9 мая 1945 года он встречал уже в коллективе горняков шахты «Несветаевская»...¹.

* * *

Война меня застала в Севастополе. 22 июня 1941 года в 4 часа утра было боевое крещение с воздуха. В то время я служил в частях морской авиации Черноморского флота. Чем дальше отодвигаются от нас военные года, тем чаще думаем о них, перебираем в своей памяти дорогие лица боевых друзей – и живых, уцелевших в горниле войны, и мертвых, навсегда оставшихся молодыми, отдавших свои юные жизни за нашу Победу.

250 дней длилась героическая оборона Севастополя. Насмерть дрались воины Приморской армии, моряки-черноморцы и авиаторы. До последнего снаряда стреляли береговые артиллеристы, бойцы гибли в штыковых атаках, жители города ушли в катакомбы и там ковали оружие.

Штурм за штурмом отбивал Севастополь, по 7–8 вражеских атак в сутки. Во время главного штурма вражеская авиация сбрасывала в день до 9 тысяч бомб, артиллерия выпускала по 2,5 тысячи снарядов. На каждого нашего бойца приходилось два фашиста, на каждый самолет – 10 неприятельских, на каждый танк – 12 танков врага...

Август 1943 года... Наша часть – под Новороссийском. Черноморский флот готовится к совместной с Северо-Кавказским фронтом Новороссийской наступательной операции. Уже истребители поддерживают с воздуха, а торпедные катера – с моря десантные части, которые рвутся к городу. 16 сентября 1943 года Новороссийск был освобожден.

¹ Романов Ф. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 7 мая 1972 года.

Пришлось мне участвовать и в освобождении Севастополя в мае 1944-го.

Важным, запоминающимся стала в феврале 1945 года охрана работы Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. Резиденций Сталина стал бывший Юсуповский дворец, Рузвельт разместился в Ливадийском дворце. Крымской конференцией была объявлена благодарность краснофлотцам, сержантам и офицерам частей Черноморского флота...¹.

* * *

После окончания школы Григория Митрофановича Быкова призывали в армию. В 1938 году служил на озере Хасан. На границе с Японией, в Маньчжурии, на одном из островов реки Амур строился укрепрайон. Вот здесь ему и довелось командовать взводом. Здесь же в октябре 1939 года в самые напряженные дни вступил в партию. Лично задержал 19 нарушителей границы.

А потом снова учеба, только уже на курсах по подготовке состава для офицерского училища. Там командиром роты и встретил Великую Отечественную. Не думал, не гадал он, дальневосточник, что ему придется побывать в самых горячих точках сражений с фашистами, там, где решалось, быть или не быть независимой нашей Родине.

19 ноября 1942 года он со своими курсантами воевал в Сталинграде. Началась Орловско-Курская операция – и Григорий Митрофанович везет туда новое пополнение, вместе с курсантами участвует в военных действиях. Затем были Белорусский, Украинский и Дальневосточный фронты. Уже отпраздновали Победу, а на границе, где служил Григорий Митрофанович Быков, война продолжалась.

– Особенно напряженным был август 1945 года, – рассказывает Григорий Митрофанович. – В последней агонии враг предпринимал отчаянные попытки отбиться. На нашем участке японцы прорвали укрепрайон. Пришлось бросить в атаку все наличные силы, под интенсивным огнем артиллерии форсировать Уссури. Враг был

¹ Трофимов Т. Т. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

разбит. 3 сентября – День победы над Японией – Г. М. Быков встретил на Южном Сахалине. Так от начала до конца прошагал он вторую мировую войну...¹.

* * *

Вой сирен, грохот разрывов, дым и пыль застилают глаза... Руки так вцепились в баранку, что, кажется, нет силы, способной оторвать их от нее. Взрыв, еще взрыв... Сколько же можно петлять, играя в прятки с самою смертью! Но там, в самой жаркой точке сражения, истекая кровью, теряя последние силы, его, как бога, ждут бойцы. И он, смахивая пот с лица, крепко стиснув зубы, везет дальше смертоносный груз...

И так всю войну – под обстрелом, по заминированным участкам доставлял солдатам на передовую боеприпасы фронтовой шофер Александр Николаевич Киценко. Это потом о сотнях таких, как он, напишут песню, которая сразу же обретет небывалую популярность – «Песенку фронтового шофера»:

*Путь для нас к Берлину, между прочим,
Был, друзья, нелегок и нескор.
Шли мы дни и ночи, трудно было очень,
Но баранку не бросал шофер.*

– Однажды вез я на передовую оружейный расчет, на прицепе была пушка, – вспоминает Александр Николаевич. – Только подъехали, только успели отцепить пушку, как из засады неожиданно появился «тигр». Ударил он в нас напрямую. Погибли все солдаты расчета. Пушка разлетелась вдребезги... А какие страшные бои были при форсировании Днестра! Река меняла цвет от пролитой крови. Больно об этом вспоминать, трудно говорить...

Сколько их было, потерь, – не счесть! Скольких товарищей оставил Александр Николаевич на полях сражений!

– И какие все это были замечательные парни! – с тоской и гордостью говорит фронтовик. – Теряли товарищей, и еще яростней сражались за свои города и села. Вселяло силы сознание нашей правоты, и не было более жгучего желания, чем выгнать, разбить наголову ненавистного врага.

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

Сам он родом из Сибири, из Красноярского края. Призвали в армию в мае 1941 года. Война на юного сибиряка обрушилась на границе с Польшей. Участвовал фронтовой шофер в боях под Сталинградом, на Курской дуге, под Харьковом, в составе 5-й Звенигородской Краснознаменной ордена Суворова воздушно-десантной дивизии освобождал села Молдавии. Боевой путь солдата закончился в Вене. Были ранения и контузии, оставившие недобрый след на всю жизнь.

Есть боевые награды. И есть память, суровая память войны, которая не дает покоя пожилым, столько пережившим людям. Эта суровая память заставляет их, не считаясь с расстоянием и здоровьем, собираться в далекий путь, чтобы хоть несколько дней побыть вместе с боевыми друзьями, вспомнить тех, кто навсегда остался молодым...¹.

* * *

Александр Иванович Хитрых сидел передо мною и считал по пальцам, задавая себе вопросы, и сам же отвечал на них:

– В Финляндии был? Был. В Турции был? Был. В Германии был? Был. Прибалтику с Карелией вдоль и поперек прошел? Прошел.

– И когда вы успели совершить такой, прямо скажем, необычный «круиз»?

– В войну, – проговорил он, – вернее, за две войны.

Александр Иванович участвовал в финской кампании, а потом в Великой Отечественной войне. Так получилось, что еще в 1940 году он, уроженец Лихой, попал на советско-турецкую границу на реке Аракс. А в январе 1941 года уже был в городе Грозном. Здесь после окончания спецшколы стал командиром зенитного орудия ПВО.

В Грозном его застала Великая Отечественная война. Враг совершал усиленные налеты на Кавказ. Бомбежки не прекращались ни днем ни ночью. Так что войскам противовоздушной обороны дела хватало, особенно зенитчикам.

– В буквальном смысле слова мы не успевали опускать дула своих орудий, – вспоминал Александр Иванович, – они постоянно

¹ Шевченко Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 4 октября 1985 года.

65-летию Великой Победы посвящается

были нацелены в небо: в любую минуту могли появиться фашистские стервятники... А этот случай запомнился мне особенно: тогда был ранен, но мы все-таки смогли дать отпор врагу. Это произошло 10 октября 1942 года. Только с одного захода на город обрушили свой смертоносный груз более 125 бомбардировщиков. Зенитки били бесперебойно. Конечно, после такой бомбежки сильно пострадали нефтяные промыслы, нефтехранилища, заводы, жилые кварталы. Но многие вражеские самолеты от меткого попадания зенитчиков отметили свой последний путь огромным шлейфом дыма и канули в вечность.

На фронте в 1943 году А. И. Хитрых стал членом КПСС. После ранения и излечения Александр Иванович попал на Карельский фронт. Потом была Прибалтика, а Победу встретил в трехстах километрах от Берлина.

– Здесь я хочу сделать отступление, – говорит Александр Иванович. – Оно связано с нынешними событиями в Литве, Латвии и Эстонии. Это сейчас прибалты называют русских и оккупантами, и захватчиками, и поработителями – словом, чем грубей и больней, тем лучше. А ведь когда мы победителями входили в прибалтийские города и населенные пункты, нас радостными возгласами, счастливыми улыбками встречали люди. Правда, были и такие, которые смотрели волком, но большинство литовцев, латышей и эстонцев всем своим видом, поступками, высказываниями встречали нас именно как избавителей от коричневой чумы, как людей, принесших им свободу. И нам, фронтовикам, странно, что сегодня в Прибалтике оскверняются могилы наших товарищей, отдавших свои жизни за их освобождение. Неужели у этих людей такая короткая память? Да и только ли в Прибалтике творится такое кощунство? Очень горько, но проявляются подобные настроения и действия и в других бывших республиках СССР...¹.

* * *

Я вспоминаю своих односельчан из совхоза № 6, ребят, которых я знал в молодости, – Ваню и Сашу Украинских. Незадолго до

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

войны они учились летному делу в Батайске, приезжали домой в летной форме, а мы смотрели на них с завистью.

Мишу Алейникова помню подвижным, всегда веселым, со смоляным волнистым чубом. Он был душой ребячьей компании, умел увлечь ребят на любое дело. Под его руководством смастерили детекторный приемник и поймали радиопередачу из Москвы. Вместе с братьями-двойняшками Украинскими Миша организовал художественную самодеятельность, и по вечерам в совхозном клубе они устраивали концерты.

Вспоминаю Ваню Петренко – серьезного и одаренного человека, который умел фотографировать и тоже увлекался радиodelом, Григория Пужка, которого мы в кругу друзей называли Пушкиным, – он работал у нас киномехаником, а жил в поселке Старая Соколовка. Ребята были запевалами спортивных соревнований, занимались военной подготовкой. А время было грозное. Шел 1941 год.

Началась Великая Отечественная война, а с нею и военная биография моих земляков. Саша Украинский в сентябре 1941 года в свои 18 лет принял первый бой под Харьковом, простудил почки, тяжело заболел, шесть месяцев пролежал в госпитале. После излечения был комиссован. Возвратившись в Новошахтинск, работал политруком в пожарной команде, при приближении фронта к Новошахтинску эвакуировался в город Красноводск, там работал на заводе, который выпускал порох. Сразу после освобождения Новошахтинска от немецко-фашистских захватчиков вернулся в родной город. Первым его делом здесь была регистрация расстрелянных и замученных гитлеровцами новошахтинцев. Затем учился в Персиановском сельхозинституте. За участие в научно-исследовательской работе был направлен в Москву на слет студентов, где был награжден Почетной грамотой. 6 февраля по 29 сентября 1945 года он был и.о. редактора газеты «Знамя шахтера». Писал критические статьи, фельетоны, стихи.

20 июня 1949 года Александра Украинского не стало. Внезапно начался воспалительный процесс, он ослеп, а через месяц скончался. Его брат Ваня Украинский, его друзья – Миша Алейников, Григорий Пужка, Ваня Петренко – с войны не вернулись. Долгое время об их судьбах ничего не было известно. И вот однажды в нашей областной газете «Комсомолец» я прочитал заметку украинских журналистов Ильи Филиппенко и Георгия Теплякова о

65-летию Великой Победы посвящается

молодых разведчиках, действовавших в тылу врага в Приазовье. Среди фамилий, названных журналистами, обнаружил и фамилии моих земляков. Связался с журналистами. Завязалась оживленная переписка. Из нее я узнал о том, что по роду своей службы они наткнулись на след гибели группы молодых разведчиков. Стали вести поиск, разыскивали трофейные документы гитлеровских палачей. Собрали большой и важный материал и решили написать книгу. Я с ними переписывался, сообщил все, что знал о своих товарищах. Сюда приезжал работник из Госбезопасности, уточнял, проверял сведения о ребятах, встречался с их родственниками.

Повесть «Три студеных месяца» вышла двумя книгами в 1982 и 1986 годах. Из нее мы узнали о подвигах и героической гибели наших земляков. На войне они стали армейскими разведчиками. Прошли подготовку в Ейске: овладели приемами борьбы самбо, метали гранаты, ползали по-пластунски, учились наблюдать, проводить разведку, ничем не выдавая себя. Вместе с другими парнями и девушками они входили в разведывательные десантные группы, которые переправлялись через Азовское море и, преодолев посты береговой охраны, «растворялись» на побережье. Собирали сведения о противнике, следили за продвижениями войск, техники врага, устанавливали места нахождения аэродромов, складов с горючим, боеприпасами и продовольствием, номера частей и имена вражеского комсостава. Сообщали своему командованию о скоплениях эшелонов на станциях и во время налета нашей авиации корректировали ее действия световыми сигналами, указывая, куда нужно сбросить бомбы.

Наши ребята участвовали в подготовке десанта на побережье, занятом врагом. Ваня Украинский, Миша Алейников, Ваня Петренко, Гриша Пужка входили в группу, которая обеспечивала прикрытие десанта, а затем разгромила поселковый гарнизон в Буденновске и взорвала базу горючего. В книге «Три студеных месяца» так описывалась эта операция: «Молниеносное появление саней с десантниками часовые береговой охраны прозевали. Они появились со стороны моря на тройках, летевших по льду замерзшего моря. Центрального наблюдателя и пулеметчика на остром уступе берега уже снял без шума Ваня Украинский, а часового у зенитной батареи намертво оглушил прикладом автомата Гриша Пужка.

Петренко и Пужка должны были при появлении немецких солдат открыть заградительный огонь, прикрывая высадку десанта.

Алейников получил задание перерезать телефонные провода и помочь в освобождении разведчиков, ранее попавших в лапы к гитлеровцам. Ребята блестяще справились с поставленными задачами.

После операции Миша Алейников рассказывал товарищам: “Фашисты как ждали нас в штабе корпуса. Только заглянул в окно, а автомат как чесанет... Гляжу, Ваня Украинский ломится в дверь. А там, в аккурат, пулемет. Кричу: «Стой, Ванька! Осторожно!». Он распахнул дверь и со всего размаху бросил в нее одну за другой две гранаты-лимонки. Потом пришлось схватиться врукопашную...

Возле одного из домов раздался голос Ивана Украинского: “Шнель! Шагай, сволочь, живет!”... Это был его десятый “язык”. Девятого он взял неделю назад у Кривой косы и на себе принес в Ейск...».

Они собирали разведсведения в самых трудных условиях, успешно участвовали в рукопашных схватках с врагом, брали пленных. Десантные операции армейских стрелков и моряков Азовской военной флотилии, тщательно подготовленные и проведенные совместно с разведчиками, наделали в стане врага немалый переполоха. Гитлеровцы усилили караулы вдоль берега моря, теперь посты располагались через каждые 200–300 метров. Были созданы патрульные группы в каждом населенном пункте, конные разъезды. Произошли провалы некоторых групп разведчиков. Роковую роль сыграли и предатели, один из них – Раскопов – знал многих разведчиков в лицо, так как долгое время находился в расположении советской разведшколы в Ейске. Сначала попала в густые фашистские сети группа, в которую входил Миша Алейников. Разведчики отдыхали в Ейске, оттуда были посланы командованием собрать разведданные о шпионской немецкой школе в поселке Волноваха. Наткнулись на засаду, там и были схвачены.

Но операции десантников продолжались, по-прежнему появлялись листовки, самолеты точно шли на цели, направляемые с земли, взрывались немецкие воинские эшелоны и мосты. Гитлеровцы усилили террор. К ним в лапы попали и другие разведчики. Товарищи готовили операцию по их освобождению, но не успели. После страшных, нечеловеческих пыток, изнурительных, жестоких допросов ребята были расстреляны: 24 разведчика в Голодунах и 14 – в Буденновске. Они не стонали и не плакали. А перед смертью свято верили в то, что жили честно и делали все, как подсказывало сердце. Правильно жили! На стене камеры смертников в Буденнов-

65-летию Великой Победы посвящается

ске написано: «Люди! Оставьте место в своем сердце, чтобы наша жизнь продолжалась в вас!».

В Новоазовске Донецкой области, на Украине, в братской могиле похоронены наши земляки Михаил Алейников, Иван Петренко, Иван Украинский, Григорий Пужка – мои товарищи с юношеских лет, не вернувшиеся с войны... Они верили, что о них не забудут, что свои жизни они отдали не зря. И такие люди должны оставаться в памяти народной, нашей с вами памяти, земляки!¹.

* * *

У каждого человека свой жизненный путь. Людские судьбы редко бывают схожи. Но жизни людей старшего поколения сделала похожими друг на друга война. Сколько сердец она опалила своим страшным огнем, сколько горя и слез принесла им! Одним из тех, кто вынес на своих плечах ее нелегкое бремя, был Иван Владимирович Кичин.

Он родился в селе Засновка Задонского района Липецкой области 6 сентября 1923 года. Едва ли в детстве маленький Ваня думал о том, что когда-нибудь судьба приведет его в далекий Новошахтинск. Но в 1939 году его отец уехал на заработки и оказался в нашем городе. Устроившись на работу, забрал к себе семью: жену и троих сыновей. Иван учился в пятой школе, окончил семь классов. И неизвестно, как бы в дальнейшем сложилась его жизнь, если бы в нее, диктуя свои условия, не ворвалась война. В августе 1941 года отца забрали на фронт. Из-под Харькова он прислал жене письмо, в котором велел ей вместе с детьми отправляться обратно в Засновку, к деду.

Именно из родной деревни в ноябре сорок первого И. В. Кичина призвали в Красную Армию. Новобранцев на повозках привезли в Мичуринск, в 204-й запасной стрелковый полк. Ивана, как имеющего семилетнее образование, отправили в Тамбов в 822-й отдельный разведывательный артиллерийский дивизион учиться на связиста. По окончании учебы И. В. Кичина вернули в Орловскую область.

Его часть занимала позиции у города Белева. Довелось Ивану Владимировичу воевать на Курско-Орловской дуге, освобождать

¹ Кутищев П. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 25 марта 1999 года.

города Орел, Брянск. На Курской дуге он получил контузию. Перед наступлением всю ночь пришлось налаживать связь, а днем выдалось немного свободного времени: сел Иван у блиндажа письмом писать. А рядом находился женский саперный батальон. При форсировании реки девчата, служившие в нем, таскали на себе к берегу тяжеленные бревна, строили плоты. Вымокли до нитки и развесили одежду для просушки. Вот это-то белье и послужило ориентиром для появившейся в небе «рамы», которая сбросила несколько бомб. Одна из них угодила в блиндаж. Кто-то из бойцов был ранен, кто-то убит, а Иван Владимирович получил контузию.

Далее фронтовая судьба привела его в город Калиновичи, что в Белоруссии. Затем он вместе с другими воинами 38-й гвардейской артиллерийской бригады принимал участие в боях за Белосток. Трудно перечислить названия всех населенных пунктов, в которых пришлось побывать Ивану Владимировичу. Пройдя с боями всю Прибалтику и Польшу, он принимал участие в штурме Кенигсберга и Зееловских высот. С чувством горечи вспоминает Иван Владимирович о форсировании реки Шпрее. Не широка она, да глубока. Много полегло на ее берегах под огнем минометов русских солдат.

5 мая 1945 года в Берлине И. В. Кичин и несколько его сослуживцев пришли к поверженному рейхстагу. Все его стены были уже покрыты надписями. Отыскав свободное место, Иван Владимирович вывел три слова: «Мы из Ельца».

Фронтовой путь Ивана Владимировича Кичина отмечен боевыми наградами: орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина»¹.

* * *

Его с детства влекла и манила к себе железная дорога. Он и поступил в железнодорожное училище, окончил его и даже успел поработать на железной дороге помощником машиниста. Решив учиться дальше, Иван Федосьевич Касьян сдал документы в Днепропетровский железнодорожный техникум. Но как раз в это время

¹ Григорьева М. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 13 апреля 2005 года.

65-летию Великой Победы посвящается

к молодежи был обращен призыв ЦК комсомола: «30 тысяч комсомольцев – в авиацию». В числе других ребят и его записали «в летчики». Он успешно прошел медкомиссию и был отобран в летную школу в Ленинграде, по окончании которой получил назначение в Пушкино: его взяли старшим техником в эскадрилью.

Боевой путь Ивана Федосьевича начался с финской войны. 1941 год застал его на румынской границе в 67-м авиационном истребительном полку. 22 июня 1941 года в 4 часа утра прилетел румынский бомбардировщик и сбросил бомбы, но ни одна из них не взорвалась. Поднял в воздух самолет командир звена Николай Ермак, догнал вражеский самолет и протаранил его. По тревоге поднялись в небо еще 10 наших самолетов. 14 сбитых вражеских самолетов – это был боевой успех первого дня войны авиационного полка, в котором служил И. Ф. Касьян.

Потом с боями отступали до Мариуполя. Иван Федосьевич за время отступления полка уничтожил 114 вражеских самолетов. После боевых действий полк направили на формирование в Моршанск (Тамбовская область), где Иван познакомился со своей будущей женой Анной. Это был все тот же 1941-й год. В военное лихолетье родилась их любовь и прошла все испытания на прочность...

А в боевой биографии Касьяна было еще много ярких событий. Был ад Сталинградской битвы. Не раз смотрел смерти в глаза, но ни разу не был даже ранен – видно, хранила судьба солдата.

В числе боевых наград – ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Много пережито, многое осталось в памяти. И почти каждую ночь – сны о войне...¹.

* * *

20 лет было Федору Ивановичу Конкину, когда началась Великая Отечественная война. С первых дней он – в рядах защитников Отечества. В составе 1-го Украинского фронта прошагал дорогами войны командиром взвода, роты. Начиная в 1941 году свой солдатский путь рядовым, закончил в конце 1944 года капитаном. Это было в Чехословакии, откуда его вывезли на Родину, и он в тече-

¹ Шевченко Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 31 декабря 2003 года.

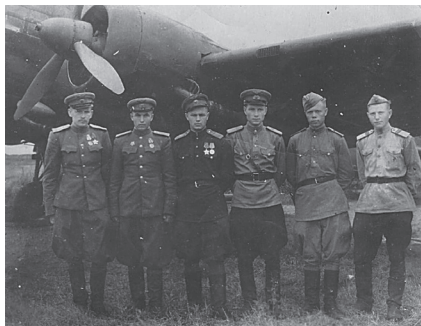
ние пяти месяцев находился в госпиталях в связи с тяжелым ранением. Не знал еще капитан Конкин, что за тяжелый и очень важный бой в Карпатах он награжден орденом Отечественной войны (один орден Отечественной войны у него уже был, а кроме того – орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и другие)...

Выздоровление шло своим чередом, здоровье восстановилось, и Федора Ивановича направили на службу в отдел кадров Северо-Кавказского военного округа. В Новочеркасске он находился в полку резервного офицерского состава, откуда был направлен в Урюпинск командиром роты. А затем – Белоруссия, офицерская школа МВД СССР, первый набор. Принимал участие в операциях по ликвидации бандформирований. В 1957 году подошло время демобилизации в связи с сокращением штатов в армии. В 35 лет предстояло все начинать с нуля, получать профессию...

А в это время в архивах военкоматов лежала награда, заслуженная им в далеком 1944-м за тяжелый бой. И только в 2001 году награда нашла своего обладателя. К двум орденам Отечественной войны добавился еще один, третий. В нашем городе ветеранов, имеющих три этих почетных ордена, всего двое...¹.

* * *

Вспоминается многое... Звонкая комсомольская юность в городе Каменске Ростовской области: походы, споры у костра, жаркие, непримиримые диспуты, танцевальные вечера, мечты о серьезной авиации, которая стояла на страже воздушных рубежей Родины. В 1940 году эти надежды осуществились. Я стал курсантом Вольского военного училища, которое готовило бортовых техников авиации дальнего бомбардирования. Люди такой специальности должны были

¹ Желтобрюх Л. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 7 ноября 2002 года.

65-летию Великой Победы посвящается

обслуживать очень мощные по тем временам самолеты: ДБ-ЗФ и модернизированный ИЛ-4. Я был еще курсантом, когда объявили о начале войны.

Всеобщее горе сразу сделало нас взрослее и серьезнее, училище перевели на ускоренное обучение. Состоялся первый экстренный выпуск, и я был направлен борттехником в 33-ю авиационную дивизию. Службу проходил в 90-м полку дальнего бомбардирования, в составе которого пребывал до 1947 года. Был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу»...

Мы отчаянно защищали Родину, погибали в боях, пропадали без вести, но продолжали оставаться молодыми, хотели любить и быть счастливыми. 18 сентября 1945 года у нас состоялась «полковая свадьба», женились сразу десять человек, связанных суровой боевой дружбой. Моей избранницей стала скромная, хрупкая, обаятельная девушка по имени Татьяна. Мы прожили с ней долгую, трудную жизнь, делили и радость, и горе. Наши любимые были не только женами, но и фронтовыми подругами. И, заметьте, никто из друзей не развелся, потому что любовь для нас «не вздохи на скамейке и не прогулки при луне». Сейчас так свято к браку, к сожалению, не относятся – не модно...

Не модно и чтобы парни становились защитниками Отечества. Это не патетика. Женщина – хранительница очага, она должна уметь и заботливо вести дом, рожать и воспитывать детей, встречать и провожать мужа. А сильный пол обязан служить в армии, оберегать мир на своей земле, честно добывать средства для достойной жизни семьи...

Защита рубежей государства не может быть наказанием. Что бы там ни сочиняли сегодня об «армейских кошмарах», в большинстве случаев служба в армии – это период формирования личности мужчины¹.

* * *

Владимир Тихонович Унтеров – человек удивительной судьбы. Дядя у него был капитаном на корабле. 15-летним парнишкой он взял Володю на корабль юнгой, и тот плавал по северным рекам.

¹ Карпов В. Ф. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 1 октября 2002 года.

День 22 июня 1941 года ничем не отличался от других: солнечно, тихо, пароход шел своим курсом. И вдруг – словно небо прорвалось, все грохотало, от взрывов поднимались ввысь водяные столбы. Так казалось мальчику. Такой в его жизнь ворвалась война. В том, что он будет воевать, был уверен с первого ее дня. На море оставаться не собирался. Решил сойти на берег и идти в военкомат. Не тут-то было: паспорта нет. Встретились с другом, оба рослые, а поэтому и решили пойти на обман. Пришли в милицию, сказали, что вчера им исполнилось по 18 лет, и им необходимы паспорта. Через два дня документы были готовы, а еще через день парни были в военкомате, где написали заявление о желании быть добровольцами. В воскресенье во Дворце культуры собрали всех добровольцев. В основном это была молодежь. Спросили: «Никто не передумал?». В ответ последовало единогласное: «Нет!». На следующий день – отправка. Всех юношей привезли в Центральный комитет комсомола Карелии. Все коридоры забиты молодежью, у всех желание скорее попасть на фронт... Подростки, юноши, они еще не знали, что идут не на месяц и даже не на год. Им казалось: сейчас всем миром возьмемся – и конец войне...

Вскоре в коридорах появились люди в военной форме, объявили набор в разведшколу, лыжный батальон. Группа ребят, в том числе и Владимир решили: разведшкола. По одному приглашали в кабинет, беседовали. Но что ответит на вопрос о том, что такое разведка, пятнадцатилетний паренек? Когда у Владимира об этом спросили, он сказал: «Не знаю, что это. Наверное, что-то искать надо, разведывать».

Все присутствовавшие в кабинете улыбнулись, и началась серьезная беседа. В числе беседовавших с новобранцами был руководитель ЦК комсомола Карелии Ю. В. Андропов. Это была первая встреча Владимира Тихоновича Унтерова с будущим руководителем нашего государства. Тогда, в войну, и после нее подобных встреч было много, но первая осталась в памяти навсегда...

Диверсионная группа, в которую попал В. Т. Унтеров, обучалась владению оружием различных марок, отрабатывала приемы взятия в плен «языка». Времени на долгое обучение и сборы не было. И вот подошел срок, когда группа из 10 человек, в которой был Владимир, отправилась на первое боевое задание. Напутствовал разведчиков Юрий Владимирович Андропов. А задание заклю-

65-летию Великой Победы посвящается

чалось в том, что предстояло зайти в тыл к финнам и взорвать железнодорожный мост через Шую.

Привезли группу на передовую. Наши войска отступали, сдавая Кандапогу. Все горело...

– Нам была команда «вперед», – вспоминает В. Т. Унтеров. – И мы ее выполнили. Под прикрытием шквального огня мы переместились за линию фронта. Все в операции в первый раз, за исключением нашего командира лейтенанта Листова. Нождажданно прямо на нас вышла группа военных, человек 15, в нашей форме. Раздумывать было некогда: наши войска ушли, и здесь, кроме нас, никого не оставалось. Это была финская разведка в нашем тылу. Мгновенная реакция командира – огонь! Вот где пригодилось мое первое место в соревнованиях по метанию гранат! Я бросил не только свои, но и гранаты убитого друга. Бились долго. В живых остались я и командир, у финнов – смертельно раненый командир. Мы собрали документы убитых противников, допросили их офицера. Оказалось, он уже несколько раз был у нас в тылу, и это первый его прокол. Он сказал, что мы дрались, как черти, и подарил нашему командиру свои именные часы, которые ему были вручены финским маршалом Маннергеймом. Это были последние его слова.

Бой – боем, а задание следовало выполнять. Подобрали новую группу и теперь уже без потерь выполнили задание и взорвали мост. Владимир Тихонович попал в другую группу, которой командовал Степанчук, первым на Карельском фронте получивший за мужество орден Красной Звезды.

Спрашиваю, сколько боевых походов было на счету разведчика Унтерова.

– Их было 13, – говорит он, – разных по протяженности (уходили и на неделю, и на пять месяцев) и по степени риска. Некоторые задания выполняли, объединившись с партизанами. Дважды в нашу семью приходили скорбные известия обо мне: одно – погиб, второе – пропал без вести. А я в это время бывал в самых невероятных переплетах и не знал, что меня считают погибшим...

В конце войны разведгруппу забросили в Шелтозерский район, важный стратегический узел, откуда был выход на Ленинград. Задание было выполнено, но возвращаться на базу прежним путем было нельзя. Следовало идти в обход, а это – более 200 километров. В одном из населенных пунктов встретили человека, узнали,

что свой. Расспросили, где можно остановиться на отдых, нашли помещение. Но предал мужичок группу. 14 с половиной часов шел бой, один за одним гибли товарищи. 11 пулевых ранений было у Владимира Тихоновича. После того как очнулся, понял, что находится в финском госпитале (был в форме офицера, говорил по-фински). Как только пошел на поправку, ушел в город, нашел известные ему явки. К радости, они не были провалены. Помогли перебраться в Выборг, затем – в Союз. А у родных уже лежало извещение, что он пропал без вести...

До 1976 года Владимира считали мертвым. Случай, как это часто бывает, расставил все по местам. Самые разговорчивые люди – попутчики в поезде: времени в дороге много, говорить о чем-то надо. Владимир Тихонович слушал своего собеседника внимательно. У того в Медвежьегорске был знакомый разведчик. Оказалось, что и В. Т. Унтеров его знает. Взял адрес, написал и... воскрес из мертвых: его считали погибшим, и имя занесли на мемориальную доску. С тех пор Владимир Тихонович ездил каждый год на встречу с фронтовыми друзьями, разведчиками Комитета госбезопасности Карелии...

У Владимира Тихоновича большой архив о войне на Севере страны, книги, фотографии. Но все меньше остается людей, запечатленных на них: годы берут свое...¹.

* * *

В 17 лет ушел Евгений Александрович Сармин на фронт. В память непроходящей болью вписались страницы войны: отражение бесчисленных атак врага, форсирование рек, взятие высот, освобождение городов, три ранения, потеря боевых друзей. Он уходил на фронт из села Маньково Чертковского района Ростовской области, а закончил войну в Австрии, под Веной.

Как забыть ему, например, взятие города Запорожья? Город был сильно укреплен, а Днепр – река широкая. Орудия наших солдат стояли на прицельной наводке, и задача тогда была одна: на Запад любой ценой. Это только написать легко: Днепр форсировали. Но что пришлось при этом пережить, какие понести потери, знают и

¹ Желтобрюх Л. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 21 июня 2002 года.

65-летию Великой Победы посвящается

помнят только они – солдаты Великой Отечественной. Вот тогда и появилась на груди Евгения Александровича первая боевая награда – медаль «За боевые заслуги».

Свои ранения Евгений Александрович получил в жестоких боях под станицей Лозовой при переправе через Северский Донец и в Венгрии, у озера Балатон. Там немцы держались усиленно за свои нефтяные промыслы. За световые сутки они 12-13 раз ходили в атаки. Все выдержал, все вынес советский солдат и победил...

Евгений Александрович Сармин воспитан суровым военным временем, послевоенными большими свершениями, когда фронтовики и труженики тыла, не успев передохнуть, поднимали страну из руин¹.

* * *

В ряды Красной Армии Михаил Федорович Ивакин был призван 6 июня 1941 года Бессоновским районным военкоматом Пензенской области. Началась служба у солдата в отдельном железнодорожном батальоне сапером. Служба медом, конечно, не казалась: опасность была на каждом шагу. Ведь подрывать объекты и разминировать – дело не из простых. Вот оно-то и досталось молодому Ивакину.

– Когда передовая часть уходила, для нас, саперов, начиналась точная, сложная работа – разминирование, – вспоминает Михаил Федорович. – Если надо было, то и взрывали железнодорожные мосты. За три войны, дорогами которых прошел: Великую, с милитаристской Японией, освободительную в Корею – многое пришлось пережить. В День Победы в памяти оживают лица однополчан, боевые подвиги и суровые военные будни...

Курская дуга, незабываемая Прохоровка, Старый Оскол, Воронеж, Орел, Брянск, Смоленск... Боевые дороги до сих пор сняты солдатом Ивакину. Ведь в основном шли пешком, и какой километраж «намотал» Михаил Федорович на дорогах войны – не сосчитать. Позади – войны, а теперь – воспоминания...

– Наш отдельный 13-й батальон от Прохоровки направлялся в Калининскую область, – рассказывает Михаил Федорович. –

¹ Шевченко Г. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

Но прежде надо было выполнить особо важное задание – разминировать мост у противника в тылу и обеспечить наступление. Ночью мы уничтожили немецкую охрану, обрезали коммуникации. Операция была проведена, ну, скажем, смело, по-бойцовски, саперы буквально проползли по заданной территории, щупами обследуя каждый сантиметр моста. Вот такая наша была задача. И выполнена успешно, и отмечена медалью «За отвагу».

Но главные боевые задания ждали его впереди. Обнаружить и точно обезвредить мины далеко не у каждого солдата получалось, и в группе разминирования Михаил Федорович не раз назначался старшим.

За инженерную разведку в тылу противника М. Ф. Ивакин был награжден орденом Красной Звезды. Было это в Брянской области. Группа саперов пошла на задание, но откуда ни возьмись немцы. Они открыли огонь, снаряды рвались, саперам пришлось вернуться. Ивакин все же ухитрился: просмотрел цель и обеспечил в сложной боевой ситуации для своих дорогу на передовую...

Страшные бои шли и за Кенигсберг. Михаил получил очередную точку разминирования: на железной дороге нужно было расследовать брошенный немцами вагон боеприпасов. Но командир, сержант Алексей Шувалов, изменил решение: бойцов от задания отстранил, и они пошли другой дорогой. Вдруг через короткое время – взрыв, командир погиб. Как потом выяснилось, вагон был взрывоопасен, заполнен боеприпасами, но приказ есть приказ. Похоронили сержанта Шувалова здесь же, на месте гибели.

Много и других эпизодов из своей службы рассказал М. Ф. Ивакин:

– Было это в Борисоглебске, я стоял в дозоре, затем сменился и лег под кустик отдохнуть. Вскоре началась бомбежка, здесь-то меня и зацепило, да так, что попал в госпиталь. Частенько и с домом связи не было, приходила маме даже «похоронка»... Серьезное ранение получил, когда служил стрелком-автоматчиком. Немецкая пуля так повредила правую руку, что и инвалидности не миновал. Но после лечения снова встал в строй.

Михаил Федорович говорил о непростых вещах просто, спокойно, только иногда убирал с глаз слезу, положив перед собой на колени натруженные руки. Им, этим рукам, довелось и мины взрывать, и уголь добывать, и трактором управлять...

65-летию Великой Победы посвящается

Фронтовик награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, десятью боевыми медалями. В послевоенные годы к ним добавились еще 10 наград, среди которых и медаль Маршала Жукова¹.

* * *

В апреле 1941 года Александр Васильевич Овсянников был призван в ряды Красной Армии. Служил в Украине в качестве оружейного номера. Война застала 712-й зенитно-артиллерийский полк в летнем лагере. Вражеская авиация бомбила город: взрывы, пожары, смерть...

Под командой генерала Еременко солдаты стали отступать. Отступая, теряли бойцов, но и врагу наносили ощутимый урон. Было сбито несколько самолетов, два из них сбило орудие Овсянникова.

При переправе под Оршей немцы настигли остатки полка. Авиация, орудия, танки обрушили на него жестокий огонь. Полк потерял все орудия, погибло большинство наших солдат. Оставшиеся в живых были взяты в плен, среди них тяжелораненый Овсянников. Это произошло 21 сентября 1941 года...

Пленных построили в колонну и погнали. Отстававших гитлеровцы безжалостно пристреливали. Александра выручили товарищи, буквально на руках донесли его до лагеря. «Лазарет» – охапка соломы на голой земле. Хорошо, что врач, тоже из пленных, оказался земляком из Самары. Он выходил, а в дальнейшем и спас Александра Васильевича. Овсянников заболел сначала брюшным, а потом и сыпным тифом. Все заболевшие, лежавшие вокруг, умерли. Всех их вынесли к свежевырытой яме. Вместе с ними вынесли и Александра, посчитав его мертвым. Еще немного, и он был бы похоронен заживо. Но вовремя вернулся врач-земляк и спросил: «А где же этот солдат? Он же еще живой!». Александра нашли среди трупов, проверили – действительно живой! Так Александр Васильевич первый раз чудом уцелел.

А дальше была Германия, тяжелый изнурительный труд. Два раза пытался бежать. Ловили, жестоко, до крови, избивали. И только в сентябре 1944 года Александр Васильевич вместе с други-

¹ Зарубина Н. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

ми пленными был освобожден наступающими частями Советской Армии. Вооружили и отправили на Западную Украину. Но воевать больше не пришлось.

После окончания войны, пройдя соответствующую проверку, Александр Васильевич в сентябре 1945 года был направлен в Новошахтинск¹.

* * *

Евгений Гаврилович Максимов родился в 1918 году в городе Новочеркасске в семье кузнеца. В 1920 году родители Евгения переехали на жительство на рудник 3-го Интернационала (ныне Новошахтинск). В 1938 году был призван в Красную Армию.

На войне с финнами старший сержант 20-го арtpолка Евгений Максимов участвовал в штурме линии Маннергейма, где был ранен. В 1940 году в составе того же арtpолка освобождал республики Прибалтики.

Участие в Великой Отечественной войне Евгений Гаврилович начал в районе города Лида, что недалеко от границы с Польшей. Но раненый в тяжелых пограничных боях, в 1941 году Максимов попал в плен. После неудачной попытки побега из немецкого лагеря для военнопленных он был приговорен к расстрелу.

У самого рва перед расстрелом приговоренные бросились бежать. С пятью товарищами Максиму удалось добраться до реки Березины и переправиться на противоположный берег. Там они влились в партизанский отряд «Непобедимый», входивший в состав 3-й Минской бригады имени Буденного. В отряде Максимов был начальником штаба, а затем заместителем командира отряда. В период битвы на Курской дуге партизаны бригады пустили под откос 47 немецких эшелонов с солдатами и военной техникой...².

¹ Тарико Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

² Самсонов Ф. Г. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

* * *

В городском парке культуры и отдыха на обелиске, установленном на Братской могиле, среди сотен фамилий есть и фамилия Георгия Ивановича Котлярова. Он – один из четырех братьев (Павел, Антон и два Георгия – одного звали Жоркой, чтобы не путать), с честью отдавших свой долг Родине, защищая ее в 1941–1945 годах от немецких захватчиков...

Судьба братьев Котляровых сложилась по-разному. Антона в начале 40-х призвали на воинскую службу, и война застала его в действующей армии. В самом начале войны на фронт ушли и оба Георгия. И только Павла не брали воевать, поскольку на его руках оставались мать и сестра. Однако в 1943 году, когда Новошахтинск был освобожден, он ушел вместе с частями Красной Армии и воевал до Победы. Павел отвоевал свое, вернулся в Новошахтинск, работал в электросетях. Антон служил в армии дольше других братьев, но тоже вернулся в Новошахтинск. Один из Георгиев пропал без вести в середине войны, и его имя осталось высеченным на обелиске.

О судьбе другого Георгия поведала его супруга.

... В июне 1941 года исполнилось Георгию 16 лет, а 10 декабря он уже принял присягу, уйдя добровольцем на фронт. Он был наводчиком. В мае 1942 года его направили на учебу в Краснодарское минометное училище, где он прошел ускоренный курс обучения, а затем стал слушателем учебного офицерского полка. В должности командира огневого взвода Георгий участвовал в боях за Ленинград, в январе 1944-го был ранен под Нарвой. Госпиталь в Кронштадте – и снова свой полк. Еще одно ранение, госпиталь, направление на Прибалтийский фронт командиром огневого взвода...

Г. И. Котляров участвовал в освобождении Прибалтийских республик, Польши, в форсировании Одера, воевал в Венгрии. В феврале 1945 года получил третье ранение, очень тяжелое, в голову. В госпитале Киева он и встретил долгожданную Победу.

До 12 апреля 1946 года продолжалась служба лейтенанта Котлярова, награжденного за ратные подвиги орденом Красной Звезды, медалями, получившего многочисленные благодарности от Верховного Главнокомандующего. Ему было чуть больше 20, когда он вернулся с фронта. Мирный его труд связан с работой в угольной отрасли Новошахтинска. Все послевоенные годы он носил в себе

как страшную память о войне осколки от вражеских снарядов, которые нельзя было удалять...¹.

* * *

Алексей Федотович Баканов – ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда, бывший учитель, общественник, краевед, автор и создатель двух скверов-мемориалов у поселковой школы, мемориального комплекса в парке.

Родился Алексей Федотович 12 марта 1917 года в селе Корсунка Литвиновского района Ростовской области. В 1938 году окончил Новочеркасское педучилище. Работал учителем математики в сельской школе Веселовского района Ростовской области. 25 мая 1941 года был призван в красную Армию, воевать начал на польской границе. Всю войну прошел «от звонка до звонка», демобилизовался в мае 1948 года. Его боевой путь отмечен Сталинградской и Курской битвами, Корсунь-Шевченковской операцией, освобождением Варшавы и штурмом Берлина. На груди ветерана два ордена Красной Звезды, два ордена Отечественной войны первой степени, орден Отечественной войны второй степени, медали: «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией». Он имеет благодарности Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза И.В. Сталина, более десяти юбилейных медалей, множество грамот и памятных знаков.

Алексей Федотович на протяжении всей своей жизни делился воспоминаниями о войне с молодежью, чтобы помнили, какой ценой завоевана Победа и кому мы обязаны своей жизнью.

1942 год. Май. Наступление под Харьковом

Чтобы оттянуть немецкие дивизии от Ростова-на-Дону, наше командование решило нанести удар по Харькову. А чтобы наступать, надо знать силы врага. Мне пришлось в составе разведки трижды ходить за «языком». Но враг всегда был начеку. «Языка» не взяли, а своих потеряли. 12 мая пошли в наступление. За два дня на нашем участке продвинулись на 25–35 км, наши танки ворва-

¹ По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 22 июня 2005 года.

65-летию Великой Победы посвящается

лись на территорию тракторного завода. Танки прошли, но пехота была отрезана, и немцы 14 мая пошли в контрнаступление. Наша 13-я дивизия под руководством комдива Родимцева и другие части начали отходить. В воздухе господствовали немецкие самолеты.

Я был ранен и контужен. Всех раненых выводили прямо в ходе боя на реку Северный Донец. Переправы были разбиты, переправлялись на лодках, паромов, вплавь. Немцы шли на танках, обгоняя обозы. Как сообщалось в печати, мы потеряли под Харьковом более 100 000 человек, после чего немцы двинулись на Ростов, Сталинград и Кавказ.

Отлежав в госпитале 3 месяца, я попал под Сталинград, в районе села Ерзовка, где участвовал в боях до декабря 1942 года. В январе 1943-го нашу 10-ю танковую бригаду перебросили на центральный фронт в район Курской дуги в составе 2-й танковой армии, командовал которой Семен Ильич Богданов.

1943 год. Июль. Курская битва

В результате зимнего наступления 1942–1943 годов войска Центрального фронта подвинулись глубоко вперед, образовав своеобразный выступ от Белгорода до Сум, Ельца и Малоархангельска. В этом выступе находилось до 500 000 наших войск. Летом 1943 года немцы хотели их окружить и уничтожить, чтобы потом пойти на Москву.

В марте 1943 года я был ранен в ночном бою, но в госпиталь не ушел, а лечился в своем бригадном медсанбате. 23 февраля 1943 года в бою за село Глотовка при 30-градусном морозе немцы задержали нас на болоте. Наша рота автоматчиков пролежала в снегу и в воде до вечера, а потом стала отходить. Отделение Зайцева осталось прикрывать роту своим составом. Так вышло, что командир остался один. На него шло 20 немцев в масках. Он открыл огонь, но был замечен. Фашисты бросились бегом вперед. Зайцев выпустил второй диск. Потом приготовил гранаты и кинжал. Стало темнеть, но на снегу все было видно, и немцы отступили. Утром нашли 13 фрицев убитыми. Зайцев получил орден Красной Звезды за этот бой.

Апрель, май и июнь 1943 года мы были в обороне и знали, что немцы готовят удар. 5 июля в 4 часа утра начался бой. Немцы лезли нагло, не считаясь с потерями. Танки шли в лобовую. 10 июля командир танкового взвода 107-й танковой бригады лейтенант Алек-

сандр Столяров таранил немецкого «тигра», так как экипаж погиб, а башню заклинило. Немецкие танки шли лавиной. На задней части у них были красные полотнища с белым кругом и черной свастикой – сигнал для их самолетов. Это я видел сам, когда проползал вблизи их по густой ржи. Видел, как два из них загорелись – это подбили их наши командиры взводов лейтенанты Гавричкин и Скворцов. За установление связи между командиром батальона и ротой автоматчиков в этом бою я был награжден медалью «За отвагу».

С 5 по 10 июля наша бригада потеряла все танки – 60 штук, а 16-й танковый корпус – 250 штук. Но буквально через 2-3 дня мы снова получили новые танки, на которых краска была еще сырая. И снова в бой. Мы шли в атаку «верхом» на танках. Если немцы били по танкам, мы спрыгивали, шли сзади или окапывались, но часто были случаи, когда не успевали прыгать и снаряд попадал в башню, тогда мы сыпались как горох – кто жив, а кто мертв.

5 августа Курская битва закончилась нашей победой. 2-я танковая армия пополнялась людьми и техникой почти полгода. Я был ранен дважды за лето, но из части не ушел.

1944 год. Февраль. Корсунь – Шевченковская операция

Наша армия входила в состав 1-го Украинского фронта и наступала на Белую Церковь, а 2-й Украинский фронт – из района Кировограда на Звенигородку. В районе Корсунь-Шевченковского было окружено нами около 80 тысяч немецких солдат и офицеров. В течение двух недель фашисты отчаянно вырывались из кольца, которое все больше сжималось. Деревни за сутки по два-три раза переходили из рук в руки. Мы были все в грязи, мокрые. Зарывали танки в землю, но немецкие «тигры» все равно их били по башням за 900–1000 метров (наши танки могли их бить только на расстоянии до 400 метров прямым выстрелом).

Было страшно и тяжело. Шли дожди, мели метели, стояли крепкие морозы. Но мы держались и наступали. 17 февраля 1944 года, ночью, в пургу и дождь, немцы пошли на прорыв между деревнями Комаровской и Джуржинцами: лезли на пулеметы, лафеты пушек, давили солдат танками. Мы были около своих танков. Огонь не вели, так как могли побить своих. И только на рассвете открыли огонь по фрицам. Немногим фашистам удалось тогда удрать. Основная их масса была уничтожена и пленена. За штурм деревни Федоровка я был награжден орденом Красной Звезды.

65-летию Великой Победы посвящается

1944 год. Июль–август. Даешь Варшаву!

17 июля войска первого Белорусского фронта под командованием маршала Рокоссовского перешли границу Польши и пошли в наступление. Наша вторая танковая армия штурмом овладела городами Холм, Люблин, Седлан и Демблин. К концу месяца мы вышли на Вислу и захватили плацдарм южнее Варшавы, где держали оборону до 14 января 1945 года. При этом одна из танковых бригад попала под фланговый удар отступающих из Белоруссии и Прибалтики немцев. Комбриг погиб, знамя было утеряно, бригада разбита. Остался один артдивизион. Начальник штаба армии Радзиевский (командир был тяжело ранен) отдал приказ 109-й бригаде во чтобы то ни стало найти комбрига и знамя. К счастью, комбрига нашли и знамя тоже, но оно было пробито во многих местах осколками.

14 января 1945 года началось наступление на Варшаву. Вперед шел 2-й батальон 107-й танковой бригады капитана Полякова. Когда пересекли автостраду Варшава–Берлин, то увидели колонны отступающих из Варшавы немцев. Батальон был развернут к бою и открыл огонь. Колонна загорелась, немцы замесались, а танкисты пошли давить колонну. Примерно через 30–40 минут немцы опомнились и стали бить из пушек. Бой продолжался. Подошли главные силы всей бригады – немцы были пленены. Трофеи техники и снарядов были огромны. Варшава освобождена 17 января 1945 года. В марте 1945 года наша армия вышла на реку Одер в районе Штеттена. Я получил орден Отечественной войны I степени.

Яско-Кишиневская операция

После разгрома немцев на Украине наша 2-я танковая армия освобождала Молдавию: в марте 1944 года город Бельцы, а в апреле форсировала Прут и наступала на город Яссы. 4 мая я был ранен, лежал в госпитале в городе Бельцы, а в начале июня 1944 года нашу армию из Румынии перебросили под город Брест. За участие в форсировании рек Днестр и Прут я был награжден вторым орденом Красной Звезды.

Не все было гладко на фронте. В Румынии пошли в наступление 2 мая. Прошли километров 5–6 и стали. Наши танки вырвались вперед и завязли в болоте. Пехоту отрезали от них зенитные орудия немцев. Это было в сопках в районе города Тырчул – Фруммос. Немцы обошли нас танками и открыли огонь. Артиллерия

начала отходить. Бежали 2–3 километра. Потом увидели: впереди нас носится по фронту танк и ведет огонь из пулемета в землю. Артиллеристы стали и начали окапываться. Оказалось, в танке был генерал Плосков – командующий артиллерией 16-го танкового корпуса. Так он остановил бегство, а то бежали бы до самой реки Прут. Жаль было 10 тысяч танков вместе с экипажами. Их немцы сожгли.

Апрель – май 1945 года

В начале апреля наша армия переправилась через реку Одер и заняла оборону на плацдарме. Я был в это время в артдивизионе 226-го минометного полка парторгом. Было странно, что пули не чирикают над головой и не ползешь на животе в грязи, в снегу, в воде. Иногда немцы засекут и дадут ответ беглым огнем. Тогда вжимаешься в землю.

16 апреля 1945 года началось наступление на Берлин. Артиллерии было столько, что негде было пройти: пушки, гаубицы и дальнобойные. Шли танки, артиллерия и пехота лавинами. Немцы огрызались сильно, но их смяли и пошли вперед. 25 апреля западнее Берлина, в городе Кетцин, соединились Первый Украинский и Первый Белорусский фронты. Наш минополк вел бой за предместья Берлина Шпандау и Панково, а 1 мая мы были в центре Берлина, в сквере на улице Фридрихштрассе, и вели огонь.

2 мая 1945 года в 3 часа, когда мы меняли позиции, все машины и танки двигались со светом. Все кричали, ругались: гасите свет. А когда увидели колонны пленных фрицев, то поняли: Берлин пал! За штурм Берлина почти весь личный состав нашей армии был награжден различными орденами. Я получил орден Отечественной войны первой степени¹.

* * *

Весть о победе над фашистской Германией застала Степана Артемовича Овчинникова в молдавском городе Флорешты. Ему предстояло в этот день провести торжественный митинг в селе в 12 километрах от райцентра.

¹ Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

– Люди смеялись и плакали, приглашали меня, вестника Победы, к себе в дом, встречали как дорогого гостя, – вспоминает Степан Артемович. – И в минуты всеобщего ликования передо мной вставали картины тех событий, участником которых я был, лица моих боевых друзей...

На фронт Степан Артемович попал в июле 1941 года. Воевал в составе истребительного батальона, был его комсоргом. Батальон охранял железнодорожные мосты, воевал с «пятой колонной» – шпионами, диверсантами.

На Украине под Белой Церковью немцы сбросили десант. Фашисты были вооружены автоматами, а наши бойцы – винтовками. Но десант был уничтожен: слишком велика была у наших воинов ненависть к самодовольным, опьяненным победами в Европе захватчикам.

Затем Овчинников сражался в составе 134-го отдельного саперного батальона 64-й армии, был командиром отделения.

– Наши части отступали, а мы взрывали мосты. Доводилось и в разведку ходить. Взяли «языка» – и назад, в расположение наших, – рассказывает Степан Артемович.

Чаще всего старый солдат вспоминает бои за Сталинград. Там он, неверующий, впервые перекрестился от радости, когда получил автомат. Но свою боевую подругу винтовку вспоминает с благодарностью, высоко оценивая ее боевые качества: «Могла железнодорожную рельсу пробить». Там, в Сталинграде, он едва не погиб во время переправы. Плот, на котором Степан Овчинников вместе со своими товарищами переправлялся через Волгу, был разбит. Из восемнадцати бойцов спасся лишь он один. Сумел освободиться от тяжелого пояса, на котором крепились связка гранат, саперная лопатка и топор. Сказалось и то, что вырос он на реке и умел отлично плавать.

– Когда выбрались на берег, был на черта похож, весь в мазуте (мазут попал в Волгу из разбомбленных складов), – вспоминает Степан Артемович.

В одном из боев Овчинников был ранен осколком и контужен. Потом три недели лежал в госпитале. После выписки – снова фронт.

Видел, как пленили немецкого фельдмаршала Паулюса и его генералов.

– Злобы к пленным врагам не было, только усталость навалилась страшная. Никто ведь не знал, сколько еще будет война про-

должаться. И было еще чувство радости при виде пленных немецких генералов, – рассказывает фронтовик.

В 1944 году Степана Овчинникова вместе с другими парнями и девушками, которые жили на территории Украины, Белоруссии и Молдавии, вызвали в Центральный Комитет комсомола. Расспрашивали про родные места, обрадовались, что Степан знает, кроме молдавского, еще и румынский язык. «Пригодится вам в будущей деятельности», – сказали работники ЦК и направили Овчинникова в молдавский город Флорешты, где он стал первым секретарем райкома комсомола.

Комсомольцы Флорештского района собирали средства на строительство танков, самолетов, организовали сбор подарков советским воинам, строили железную дорогу. 64 комсомольско-молодежные бригады выходили на полевые работы: пахали, сеяли, а также оказывали помощь семьям погибших воинов. Затем С. А. Овчинников работал в райкоме партии...

Степан Артемович Овчинников – один из огненного поколения победителей. Их, ветеранов-фронтовиков, осталось так мало. Пусть дни этих замечательных людей будут свободны от забот и тревог, а мы всегда будем помнить, что они сделали для нас и грядущих поколений¹.

* * *

Жил в нашем городе человек. Звали его Николай Петрович Гудков. Но кто из новошахтинцев знал, что рядом с ними находился самый настоящий командир партизан? Немногие. А между тем имя нашего земляка помнят и чтут в далекой Белоруссии, на земле которой ему довелось сражаться в годы Великой Отечественной войны...

С третьего курса вечернего отделения горного техникума Николай был призван в Красную Армию. Из части его направили в военное инженерное училище. Так Гудков стал командиром роты, участвовал в боях у озера Хасан, в финской войне.

Начало Великой Отечественной Н. П. Гудков встретил в звании старшего лейтенанта. Он командовал саперной ротой, входившей в

¹ Тарасевич О. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

состав дивизии, которую возглавлял генерал-майор Скубарев. После тяжелых кровопролитных боев, понеся большие потери, дивизия была вынуждена отступать на восток. Отходить приходилось по бездорожью, поэтому у саперов было много работы: они наводили переправы для автомашин и военной техники...

В Смоленской области дивизия была отрезана немецкими частями от нашего тыла и попала в окружение. Схваченные немцами остатки батальона Гудкова были угнаны на запад. Их привели в поселок Озерцы Толочинского района Витебской области. Здесь был расположен небольшой лесопильный завод. Пленных использовали для валки деревьев в местном лесу. Так как Гудков хорошо знал паросиловое хозяйство, его перевели в заводскую котельную. Среди пленных находились лучшие друзья Николая Петровича: Николай Кабанов, Федор Баклыков и Михаил Грудинин. Вскоре Н. П. Гудков случайно познакомился с заводским заточником пил Шишко. Тот оказался очень хорошим человеком, а его дочь Нина была комсомолкой-подпольщицей. От Шишко Николай узнавал обо всех делах в Толочинском районе. Созрел план побега из плена. Но бежать зимой они не решались, боясь, что по следам немцы легко их обнаружат.

Во второй половине апреля наступили теплые солнечные дни. Гудков решил, что пора уходить. Один из охранников-полицаяв, Александр Соколов, сочувствовал нашим пленным. В назначенный день ему удалось вывести группу пленных из пяти человек через проходную завода. Из оружия у них была одна винтовка и 15 патронов к ней.

Проблуждав несколько дней в лесу, группа встретила двух местных мальчишек – Колю Литвинова и Петю Писаренко. С их помощью вооружение отряда пополнилось станковым пулеметом. Это уже была сила! Первыми боевыми действиями отряда стали разгром молочного пункта и уничтожение хлебных складов фашистов. К Гудкову потянулись новые бойцы из числа местных жителей и окруженцев, скрывавшихся в лесах Бука. В конце мая 1942 года к отряду присоединилась большая группа партизан, вооруженных автоматами и пулеметами. Командовал ею лейтенант Алексей Сергеев. Оба отряда объединились в один. Его командиром стал Николай Петрович Гудков.

Николай Петрович оказался талантливым военачальником, он обладал удивительной интуицией: знал, когда надо ударить и

когда отходить. Бригада самостоятельно обеспечивала себя продовольствием и боеприпасами. К 1944 году она состояла из семи отрядов общей численностью 632 человека. За время боевых действий гудковцами было пущено под откос 48 вражеских эшелонов, подорвано 180 автомобилей, 3 танка и 250 повозок, разгромлено 7 гарнизонов и 8 волостных управ, уничтожено множество немцев и полицаяв. Боевой путь бригады описан в книгах А. Журавского «За родные хаты» и В. Ильина «Партизаны Бука».

Среди боевых наград Николая Петровича Гудкова – ордена Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медали «Партизану Отечественной войны» I и II степеней, «За боевые заслуги», «За победу над Германией»...¹.

* * *

Петр Федорович Соловьев – майор в отставке, инвалид Великой Отечественной войны. В юности помогал отцу в поле, в молодости был военным, в зрелые годы – шахтером. Высокий, статный, видный, смелый до дерзости, сильный, грамотный – таковы самые яркие внешние и внутренние характеристики этого человека. Но обо всем по порядку...

Петр Федорович Соловьев родился 13 декабря 1917 года. Его родина – село Бутчино Куйбышевского района Брянской области. Крестьянский сын, он сизмальства приучался к труду на земле.

В 1939 году П. Ф. Соловьева призвали в Красную Армию и направили на учебу в Ленинградское военно-инженерное училище, по окончании которого ему было присвоено звание лейтенанта. Тогда же Петр Федорович получил свою первую награду. Это был знак «Отличник Красной Армии», который ему и еще четверым курсантам, ставшим по итогам учебы отличниками боевой и политической подготовки, вручил лично Маршал Советского Союза, в то время нарком обороны К. Е. Ворошилов. А потом П. Ф. Соловьев был направлен на турецкую границу и до 22 июня 1941 года служил начальником полковой армейской школы в Ленинакане. Когда началась Великая Отечественная война, Петра Федоровича и его курсантов, среди которых были одни армяне, посадили в

¹ Григорьева М. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 15 декабря 2004 года.

65-летию Великой Победы посвящается

эшелон и отправили на запад, под город Белая Церковь, что за Киевом. С тяжелыми мыслями ехал на фронт молодой командир Соловьев. «Что с нами будет? – думал он. – Я сам пацан необстрелянный, а курсанты мои тем более. С кем в бой иду? Армяне – народ горячий, со спортивной закалкой, но как они поведут себя в бою: не струсят ли, не отступят?».

В Белой Церкви эшелон выгрузился – и с ходу в бой, ни секунды на передышку. Опытные, не в одной битве побывавшие немцы против юных, необстрелянных советских солдат. Но на стороне наших были молодость и жгучая ненависть к фашистам, что и стало мощным противовесом немецким силе и опыту. В этом бою Петр Федорович понял, что его сомнения были напрасны, он убедился воочию, что за отважный и настойчивый народ армяне.

Однако в одном ряду со своими курсантами П. Ф. Соловьев воевал недолго: был ранен и контужен. Двадцать дней он ничего не слышал и не говорил. Его отправили в кисловодский госпиталь, где молодость и сила вместе с заботой докторов и медперсонала восстанавливали его здоровье.

После лечения Петр Федорович стремился попасть в свою часть, но военное руководство распорядилось по-своему, направив его командиром в 68-ю отдельную морскую стрелковую бригаду. Моряки тоже были отважными. Зимой, в мороз, сорвав с себя телогрейки, в одних тельняшках, бросались они на врага. «Черной смертью» прозвали их немцы за то, что били они один раз: что ни удар – смерть.

Суровое испытание пришлось пережить Петру Федоровичу, командуя морской бригадой. В боях под Ростовом-на-Дону немцы прорвали оборону. Под их натиском и пехотная и морская дивизии отступили, а бригада Соловьева из семисот человек попала в окружение. Что делать, когда со всех сторон немцы? Сдаться в плен? Для Соловьева это было самым страшным и потому невозможным. Решение было одно – нужно идти искать своих. Шли ночью, днем прятались по камышам и рощам. По пути подбирали солдат разбитой пехотной дивизии, которые встречались им поодиночке и группами. В результате бригада Соловьева увеличилась до 2200 бойцов. Шли долго – 32 дня. Голодали. Бывало, по неделе во рту маковой росинки не было. Если был хлеб, одну булку делили поровну на всех. Выживали за счет дички – мелких кислых яблок, которые собирали в рощах, варили и ели. Через месяц изможденных, исто-

ценных, но живых солдат командир Соловьев вывел в Туапсе, за что был награжден орденом Красной Звезды.

В Туапсе его бригаду расформировали, и после месяца пребывания в запасном полку Петр Федорович был направлен в 151-ю стрелковую дивизию на должность заместителя командира саперного батальона. Когда был ранен комбат, Петр Федорович принял командование на себя и в этой должности дошел до конца войны. Участвовал в боях за освобождение Ростова-на-Дону, Киева, Днепропетровска. Освобождал город Жмеринку, в котором немцы заминировали все дома и ждали только приказа для того, чтобы стереть его с лица земли. Два пехотных полка Советской Армии освободили Жмеринку, но город в любую минуту мог взлететь на воздух. Тогда за дело взялся саперный батальон под командованием П. Ф. Соловьева. Огромную опаснейшую работу провели саперы, действуя аккуратно, внимательно, тщательно. Любая неосторожность, любой неверный шаг могли привести к трагедии. Но саперы сработали четко. Петр Федорович сам разминировал железнодорожный вокзал, его подчиненные – все остальное. В результате было извлечено 15 тонн взрывчатки. Когда работа завершилась и саперы разминировали Жмеринку, к Петру Федоровичу пришел пожилой человек и, смерив его взглядом, сказал: «Теперь я спокоен. Победа будет за нами, пока такие люди командуют войсками. От всех жителей я пришел поблагодарить вас за спасение и пригласить вас в наш город после войны. Отныне вы наш нареченный земляк, и всегда будете для нас желанным гостем». Петр Федорович принял приглашение. На тридцатилетие Победы он побывал в Жмеринке, где его приняли тепло и радушно. Об одном до сих пор жалеет Петр Федорович – о том, что не узнал имя этого старика и больше не смог с ним встретиться.

Две тысячи немецких танков шли на Будапешт. Командующий Украинским фронтом, Маршал Советского Союза Толбухин ломал голову, как остановить эту армаду. Собрав всех командиров на военный совет, Маршал вынес вопрос на всеобщее обсуждение. Но толковых предложений не было. И вот встал один из командиров, самый молодой из всех, и сказал: «Разрешите взорвать плотину на озере Балатон. Вода затопит местность, и танки завязнут в грязи. А там, где не пройдут танки, пройдут наши лошади». Это был Петр Федорович Соловьев.

Предложение все восприняли скептически. Но Маршал Толбухин увидел в нем выход. «Действуй», – сказал он Соловьеву. Рас-

65-летию Великой Победы посвящается

чет Петра Федоровича оправдался. Вода, освобожденная от удерживающей ее плотины, сделала то, что не могли сделать люди. Разлившись по округе и размыв дорогу, она остановила немецкие танки. П. Ф. Соловьев был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Кроме орденов Красной Звезды и Отечественной войны первой степени, Петр Федорович награжден также двумя орденами Отечественной войны второй степени, медалями Жукова, «За оборону Кавказа», «За победу над Германией». Свой ратный путь он завершил в Австрии. За успешное ведение боевых операций саперный батальон, которым командовал П.Ф. Соловьев, был удостоен в 1945 году ордена Александра Невского. Высокая награда говорит о мужестве батальона и боевом мастерстве его командира...¹.

* * *

Вряд ли найдешь новошахтинца, который не слышал бы об Андрее Андреевиче Остапенко. Многие горожане благодаря ему поправили свое здоровье, вернулись к полнокровной жизни...

А. А. Остапенко – кандидат медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, Почетный гражданин города Новошахтинска, человек, награжденный орденами Ленина, Отечественной войны второй степени, медалями, в том числе и «За боевые заслуги».

Его талант хирурга созрел не в тиши кабинетов, не в оборудованной по последнему слову медицинской техники клинике, а в примитивном армейском медсанбате. Не было самого необходимого, а раненые поступали и поступали. И каждому надо было оказать квалифицированную хирургическую помощь...

В такую обстановку попал Андрей Остапенко в августе 1942 года, сразу же после окончания Томского медицинского института. Сначала в армейском медсанбате, а затем в госпитале № 306 под Благовещенском и превращались руки только что покинувшего стены института выпускника в золотые руки хирурга. Этому способствовала и та экстремальная обстановка, в которой приходилось начинать практику А. А. Остапенко. Она научила его

¹ Кушнир Н. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 9 августа 2000 года.

быстрому определению диагноза, принятию решений в экстренной ситуации и организации немедленных действий для спасения жизни человека. Для него с первых шагов стало правилом творчески мыслить и брать на себя ответственность, искать и находить выходы из самых критических ситуаций, когда жизнь пациентов держалась на волоске. Все зависело от находчивости и мастерства хирурга.

Так было во время Великой Отечественной, так поступал он будучи заведующим хирургическим отделением центральной городской больницы и в мирное время. А. А. Остапенко написал 14 научных работ, которые опубликованы в различных медицинских журналах, сделал свыше 15 тысяч операций, спасших людям жизнь...¹.

* * *

Где он, этот день Победы, и на каком календаре, и в каком году? На протяжении великого противостояния в битве добра и зла, жизни и смерти в 1941–1945 годах никто не мог ответить на этот вопрос. Не знали ответа на него и братья Юрченко. Пройдут годы... И тихие воды Днепра в День Победы примут букет живых цветов в память о двух братьях, погибших на его берегах. Пройдут годы... И Сергей Иванович Юрченко, наконец, найдет могилу своего брата Ивана, умершего от ран, полученных во время Сталинградской битвы. Вместе с другими тремя братьями, уцелевшими в огне Великой Отечественной войны, он придет в Дубовский район Волгоградской области поклониться праху родного человека и еще четверемстам бойцам, похороненным в братской могиле.

– Из восьми братьев нас осталось всего четверо, – с грустью рассказывает Сергей Иванович.

Выросший в бедной крестьянской семье, он с ранних лет начал помогать родителям управляться с хозяйством, а к восьми годам был уже настоящим работником. С малых лет познал цену куску хлеба: никогда не ел вдоволь. В школу ходили с братом в одежде на двоих. Благо, учились в разные смены. Но мечту свою поступить в Гуляйпольское училище Сергей Юрченко осуществил. С блеском выдержал вступительные экзамены, а на первую стипендию туфли

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

купил: неприлично было ходить на занятия босиком. Только вот доучиться война не дала. Пришлось эвакуироваться.

Добрались до Котельникова, там и остались с матерью работать в колхозе. Работали, в основном, женщины, старики, дети да подростки. Недосыпали, недоедали, но ради того, чтобы лучше бойцов накормить да немцев разбить, ничего не было жалко.

Как только немцы подошли к Сталинграду, вместе с тремя колхозницами Сергей получил задание эвакуировать полторы тысячи голов скота. Гнали стадо степями Калмыкии, потом плыли на барже по Волге. Всех доставили и сдали в целости и сохранности.

– В начале сентября 1942 года призвали меня в Красную Армию, отправили на фронт под Сталинград, – вспоминает С. И. Юрченко, – зачислили во взвод бронебойщиков 34-й гвардейской авиадесантной дивизии. Немцы как огня боялись десантников. Но наши несли большие потери – вот нас, молодежь, и направили на пополнение этой части. Противник был грозный – танковая армия Манштейна. А у нас противотанковых гранат было мало, в основном, бутылки с зажигательной смесью, фосфорные шары да противотанковые ружья. Подползали мы к танкам на расстояние двадцати метров. Стреляли сбоку или сзади, где броня танка тоньше была и ружейные патроны могли ее поразить. И что вы думаете!? Горели вражеские танки! Но и мы, бронебойщики, были как смертники: с ружьями против танков. Вы вот спрашиваете: страшно ли было, не хотелось ли назад повернуть? А куда поворачивать? Там, за спиной – пехота. Такие же молодые хлопцы, как и я, только без противотанковых ружей. Пропущу танк – расстреляет он пехоту в упор, подавит гусеницами. Вот и приходилось ползти вперед, забыв про страх и про все на свете. Мысль одна была: как его, танк этот проклятый, подбить... А ночью мы ходили в контратаки, изматывали противника... Повиснут немецкие ракеты в воздухе – и мы у врага как на ладони, и стреляют по нам немцы трассирующими очередями. А мы, злые как черти, врываемся в их окопы – и врукопашную: кто прикладом, кто – штыком. Утром немцы снова отбрасывают нас на прежние позиции. Ночью снова контратака. Пригнали к нам однажды заключенных (было среди них много репрессированных) искупать вину кровью. Оружия не дали, сказали: «В бою сами возьмете!» – и бросили с голыми руками, прямо в тюремной робе в атаку. Страшная была та атака, но уцелевшие вернулись с оружием. Иногда мне кажется, что ни одному писа-

телю и режиссеру не удалось воссоздать правдивую картину Сталинградских событий. Хотя, впрочем, одна сцена из кинофильма «Горячий снег» очень напомнила мне эпизод из фронтовой жизни: командир приехал награждать своих бойцов, а награждать некого – все погибли. Помню, так и у нас было. Да и вообще о наградах мы тогда не думали. Боевые друзья на руках умирали, на глазах гибли, все просили родным сообщить, чтобы те знали, что их сын, муж, брат не без вести пропал, а погиб в боях... Мы победили. И наша Победа орошена кровью братьев моих погибших и моей собственной кровью. В 1943 году в калмыцких степях получил тяжелое ранение. Два месяца – на госпитальной койке. Потом комиссовали и предложили поехать восстанавливать шахты Донбасса. Так я попал в Новошахтинск. Направили меня на шахту № 5. Разруха была страшная. Шахты взорваны, затоплены. Из рабочей силы – женщины, старики, подростки да инвалиды – такие, как я. Вот такими силами и восстанавливали. И когда старые шахтеры плачут, мне их слезы, ох, как понятны. Не по женским силам эта работа была. Однако выполняли они ее на совесть, были и ударницы. Это же какой силой духа надо обладать, как мечтать о Победе, чтобы так работать, а потом еще дома о детях заботиться, о хозяйстве! Выдюжили! Выстояли! И пошел уголек, такой нужный для Победы нашей. Шахту пустили в 1943 году, и давала она после восстановления 900 тонн угля в сутки! Начал я работать машинистом врубмашины, потом машинистом комбайна. Да, День Победы мы приближали, как могли. И когда он пришел – радость была безмерная!

Очень дороги для меня мои награды – орден Отечественной войны (в наградном листе записано: за мужество и стойкость, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками) и медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹.

* * *

Василий Смекалин в минувшую войну сражался за Родину с первого дня. С боями отступал до Днепра, где был ранен. После

¹ Тарасевич О. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 9 мая 2001 года.

65-летию Великой Победы посвящается

излечения попал в кавалерийское училище. В октябре 42-го оно влилось в 3-й кавалерийский корпус. Сержант Смекалин стал разведчиком штаба 32-й кавдивизии. 200 дней и ночей он отважно воевал под Сталинградом, не раз заглядывал смерти в глаза.

В. Е. Смекалин вспоминал такой эпизод. Фашисты закрепились на берегу Миуса. Нужен «язык». С 7 на 8 марта 1943 года Смекалин и 13 разведчиков ползут по снегу в тыл врага. Смекалин – впереди. Он видит беспечно шагающего часового. И вдруг кашель бойца. В небо взвилась ракета.

– Вперед, – приказал командир.

Смекалин вскочил на ноги, побежал. Всюду рвались снаряды, свистели пули. Он швырнул гранату, упал на колено, вскинув автомат, увидел «языка». Решил, что надо надо подстрелить его. Вдруг свет погас, в голове звон, автомат куда-то исчез. Смекалин вскочил, протер глаза, рука стала мокрой от крови. «Глаза! – с болью выдохнул воин. – Не вижу, я ничего не вижу...». Но нельзя стоять на месте – убьют. За спиной – топот, крик на чужом языке. Лег солдат на живот, уткнулся лицом в снег. Рука сама нащупала на ремне гранату. Зубы стиснули кольцо. Пусть подходят. А может за мертвого примут? Надо повременить.

– Рус капут, – почувствовал он холод вражеской руки, снимающей наручные часы.

Вот он – грабитель. Вогнать бы тебе в брюхо с десятков пуль. Жаль, автомата нет. Зубы крепче стиснули кольцо гранаты.

– Рус капут! – восклицает гитлеровец, выворачивая карманы солдата, стукнув прикладом по голове.

Пнул сапогом в бок и пошел прочь. Но солдат остался жить. Он лежал в забытии, истекая кровью, но не умирал. На рассвете открыл глаза и увидел свет. Радость охватила душу: «Вижу! Вижу!». Он видел одним глазом, другой выбит осколком – все равно радовался. Собрал в себе силы и пошел к своим, но не дотянул – потерял сознание. Его подобрала разведчики, дотащили в санчасть в городе Новошахтинске. За жизнь гвардейца боролись женщины. Одну из них звали Машей Пономаревой¹.

¹ Таланов Ф. А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

* * *

Непросто сложилась судьба Михаила Савельевича Калинина. Год его рождения – 1931-й, место рождения – город Витебск. Родителей своих он не помнит, воспитывался в витебском детском доме.

Когда началась Великая Отечественная война, парнишке исполнилось 10 лет. В один из июльских дней 1941 года Витебск бомбили. Было разрушено много зданий, в том числе и детский дом. В страшной суматохе Миша попал на железнодорожный вокзал, где какой-то военный подхватил его на руки и посадил в воинский эшелон. На мальчонку особого внимания никто не обращал – мало ли их бродило по фронтовым дорогам. Так он оказался на фронте, стал сыном полка. С июля 1941 года по май 1943 года он служил в составе 198-го аэродромно-технического батальона, с мая 1943-го по август 1944-го в 14-м отдельном штурмовом батальоне был разведчиком. 15 августа 1944 года при выполнении боевого задания Михаил получил сквозное пулевое ранение левого локтевого сустава. Лечился в госпитале, а в октябре вновь вернулся на фронт, где был телефонистом.

После окончания войны он служил в 4-м истребительно-авиационном полку, в хоззвезде 8-го отдельного мостостроительного отряда.

За участие в боевых действиях Михаил Савельевич Калинин награжден медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»...¹.

* * *

Следующий рассказ – о скромном, немногословном участнике Великой Отечественной войны Николае Анисимовиче Лосеве. Долгое время он работал начальником расчетного отдела шахты № 7 («Коминтерновская»), а затем шахты имени В.И. Ленина. Всегда и везде его уважали и ценили за человечность, мягкое и внимательное отношение к людям, трудолюбие, аккуратность, большую добросовестность. Таким он был и в молодости, опаленной огнем боев на фронтах великой войны.

¹ Тарико Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

Родился Коля Лосев в декабре 1923 года в станице Багаевской в семье потомственных донских казаков. Только что отгремела гражданская война, трудно жилось в станице, и семья Лосевых перебирается на Несветай. Семилетку окончил в школе № 5, а затем продолжил обучение в школе № 4.

В августе 1941-го Николай добровольцем пошел воевать. Вначале в составе саперной части копал окопы, а с сентября учился в школе младших командиров. Враг рвался к центру страны, в войсках не хватало младшего командного состава, и Н. А. Лосев был откомандирован на Изюм-Барвинское направление в 23-ю отдельную мотострелковую бригаду командиром минометного отделения.

Солдатская судьба непредсказуема, особенно на войне. В апреле 1942-го Николай Анисимович был ранен и пролежал в Астраханском госпитале до октября. По излечении получил направление в минометную роту 34-й гвардейской дивизии 107-го стрелкового полка командиром отделения.

Немцы подходили к Волге, завязалась великая Сталинградская битва. Захватив Калмыкию, враг стремился к Астрахани и далее на юг. В бескрайних, насквозь продуваемых ветрами калмыцких и ногайских степях наши войска сдерживали упорный натиск противника.

В тяжелом бою у поселка Яшкуль в конце ноября 1942 года немцам удалось отрезать советским воинам путь к отступлению. Нужно было с помощью разведки выявить слабые места противника и прорываться к своим. В разведку пошла группа автоматчиков под командованием старшего сержанта Лосева. Несмотря на сложнейшие фронтовые условия, разведка обороны врага была проведена успешно. Части пробились к своим и вскоре освободили поселок. А затем боевой путь Николая Анисимовича пролег через Ростовскую область. В боях за освобождение станицы Буденновской 10 января 1943 года он был ранен и до мая лечился в Астрахани. После выздоровления, как казака, его направляют в 5-й гвардейский Краснознаменный Донской казачий кавалерийский корпус (командир генерал-майор А. Г. Селиванов) командиром минометного отделения.

Корпус был образован 20 ноября 1942 года приказом Ставки Верховного Главнокомандования в составе 11-й и 12-й гвардейских и 63-й кавалерийской дивизий. В корпус шли служить казаки семьями – отец, мать, взрослые сыновья. Всем находилось

место. Это старинная традиция, она укрепляла и цементировала боевой дух воинских частей, которые были непобедимы.

Получил Николай Анисимович казацье обмундирование, шашку и боевого коня. Не всегда казаки с шашками наголо шли в атаку, как в прошедшие войны. Зачастую, сдав лошадей коноводам, которые вводили их в укрытие, они становились обычными пехотинцами. Казак с лошастью – это единое целое: если он ее любит и бережет, она ему отплатит тем же. Бывало, что лошадь вводила бойца от места, в которое падали снаряд или мина. Удивлялись, как она могла знать, что ее хозяину угрожает смерть.

Пробыв какое-то время в резерве ставки в районе Лисок, корпус от Красного Сулина пошел на запад, освобождая Донбасс. Гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись. Они понимали, какое огромное значение имеет освобождение угольного региона. В результате упорных боев были очищены от врага важнейшие промышленные города юга Украины – Мариуполь, Волноваха, Чаплино, Барвенково. В сражении за Волноваху особенно отличились донские казаки 11-й гвардейской Донской казацкой дивизии, которая получила название «Волновахская».

В Донском корпусе воевали и другие наши земляки: Иван Гилко, Павел Почуев, Федор Гапоненко, Иван Киселев, Иван Сильченко. В феврале 1944 года, несмотря на гололед и непрерывные дожди, казаки 5-го гвардейского кавалерийского корпуса замкнули кольцо окружения противника в районе Корсунь-Шевченковского. До десятка гитлеровских дивизий было уничтожено в этом районе, тысячи немецких солдат и офицеров взяты в плен. За участие в успешном завершении этой операции корпус был награжден орденом Красного Знамени.

Перед городом Роман немцы попытались остановить стремительный натиск воинов. Они взорвали мост через реку. Однако кавалеристы верхом на конях переплыли реку и вступили в бой за город Роман. В этот же день, 24 августа 1944 года, фашисты были выбиты из города.

Отступая, немцы распространяли среди румынского и венгерского населения слухи, что идут казаки, они всех уничтожат. Но люди не верили, встречали своих освободителей улыбками, цветами, вином. Непередаваемое зрелище, когда через освобожденный город, сверкая шашками, на сытых конях проходит кавалерийская часть, а по обочинам стоят жители, машут руками, приветствуют

65-летию Великой Победы посвящается

своих освободителей, с грохотом проносятся орудия, пулеметные тачанки, которые и в эту войну были грозным оружием...

В феврале 1945-го корпус брал столицу Венгрии Будапешт. Земля стонала от грохота орудий и скрежета танковых гусениц. Хваленые немецкие «королевские тигры» были побиты и сожжены корпусной артиллерией. Группировка войск противника в Будапеште была окружена и разгромлена. Однако некоторые гитлеровские части подземными ходами вышли из города в горы. Дивизии, где служил Н. А. Лосев, было приказано перекрыть им пути отхода. С вечера казаки сделали вокруг гор стокилометровый маршбросок и перекрыли выход немцам, а потом и довершили полный их разгром.

В Венгрии, у озера Балатон, 23 марта 1945 года Николай Анисимович был ранен и целый год лечился в госпиталях. За мужество и отвагу, проявленные в боях за Родину и во время освобождения территории европейских государств, он был награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны I степени, имеет шесть Благодарностей Верховного Главнокомандующего...¹.

* * *

В августе 1941 года Петр Михайлович Калинин был направлен в военное пехотное училище города Астрахань. Но закончить обучение ему не пришлось: фронту нужны были солдаты.

В составе отдельной курсантской роты сержант-пулеметчик Петр Калинин участвовал в Сталинградской битве. 200 дней и ночей горела волжская земля. И все это время отважно сражались курсанты. В те тревожные дни защитники волжской твердыни поклялись: «За Волгой для нас земли нет!». В этих боях Петр Калинин был ранен.

После госпиталя – снова фронтовые дороги. В 1943 году в составе первого Украинского фронта старший сержант Петр Калинин, командир пулеметного расчета, участвовал в освобождении Украины, Польши. Стрелковая дивизия, в которой служил П. Калинин, сходу форсировала Вислу и захватила плацдарм на западном бере-

¹ Никитянский В. Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

гу реки. Шесть дней и ночей длилась жестокая схватка с врагом. Но гитлеровцы так и не смогли победить отважных советских воинов.

На позицию одного из взводов наступала при поддержке артиллерии большая группа вражеской пехоты. Комбат приказал открыть пулеметный огонь. Первым откликнулся расчет Калинина. Вражеская самоходка застыла на месте. К концу боя четыре штурмовых орудия врага были подбиты, остальных вывели из строя другие расчеты. Фашисты отступали. За образцовое выполнение приказа и проявленные в этом бою мужество и отвагу П. М. Калинину был вручен орден Славы III степени.

А дороги войны звали дальше. За активное участие в освобождении города Освенцима Петр Михайлович был удостоен ордена Славы II степени. Принимал участие в освобождении Чехословакии. День Победы батальон, в который входил теперь уже минометный расчет П. М. Калинина, встретил на подступах к Праге...¹.

* * *

В семейном альбоме Алексея Евдокимовича Воинова фотографии – вся его жизнь с рождения и до сего дня. Интересного в жизни у этого уважаемого в городе человека много.

– Первая моя попытка стать курсантом Орловского бронетанкового училища в 1938 году не увенчалось успехом, – рассказывает Алексей Евдокимович, – и мне пришлось учиться в Новочеркасском техникуме советской торговли. Однако мечта получить профессию военного меня никак не покидала, и на следующий год я сдал документы в Краснодарское пехотное училище, но не пропустила медицинская комиссия.

Алексей снова вернулся на учебу в Новочеркасск, на 3-й курс торгового техникума. И вот на одну из лекций к студентам пришел военный и предложил:

– Ребята, Мелитопольское военно-авиационное училище готовит командиров воздушных кораблей и штурманов. Есть желающие?

У Алексея трепетно забилось сердце, и одним из первых он поднял руку. В военкомате его документы уже были готовы, и

¹ Абрамов М. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 9 мая 1981 года.

65-летию Великой Победы посвящается

25 декабря 1940 года Воинова зачислили курсантом Мелитопольского военно-авиационного училища. В марте 1941-го он уже сделал первые учебно-тренировочные полеты на самолетах ТБ-1.

Когда началась Великая Отечественная война, аэродром оказался в оцеплении. Стали формироваться эскадрильи для обороны Киева.

Сколько бы времени ни прошло с тех пор, а подполковник в отставке Алексей Евдокимович Воинов никогда не забудет эти тревожные дни войны.

– Забыл бы, да не забывается. 18 августа 1941 года мы покатили вглубь России, – говорит Алексей Евдокимович. – Города Пугачев, Новокузнецк, Саратовская область... Там продолжалась летная программа. Затем была сформирована группа из 25 человек, и отправили нас в Чебоксары. Мы оказались инструкторами новичков-летчиков. Я обучал курсантов Афанасьева, Попова и земляка Межевицкого. Выполняли ночные полеты, стрельбу, бомбометание...

После окончания программы А. Е. Воинова направили в 46-й запасной авиационный полк (Чувашия), где формировались летные экипажи, звенья, эскадрильи. И 4 декабря 1942 года двухэскадрильный полк, а в его составе и Воинов, вылетел под Сталинград.

С этого дня и началась его служба в экипажах ночных бомбардировщиков в составе 8-й воздушной армии. Экипажу было поручено получить важные сведения, уточнить линию фронта. И когда штурман Воинов выполнил задание и доставил в штаб гвардейской армии карту (это было в присутствии члена Военного Совета Южного фронта Н. С. Хрущева), за четкий рапорт приказали летчика хорошо накормить. А это уже было наградой...

Памятно Алексею Евдокимовичу жаркое лето 1943-го. В то время молодой летчик со своим экипажем совершал по 6–8 ночных боевых вылетов на Миус-фронте. Было очень непросто, хотя у Алексея уже имелся некоторый опыт: в 1941-м летал на тяжелых бомбардировщиках конструкции Туполева. А дальше А. Е. Воинов в составе 10-го гвардейского авиационного полка освобождал Крым, Севастополь. Затем – III Белорусский фронт. И боевые награды: пять орденов и медали.

Алексею Евдокимовичу многое помнится в мельчайших подробностях:

– Это было в Литве. В одном из вылетов при подходе к цели мы получили сильное противодействие зенитной артиллерии. Наш

самолет в бою был изрядно поврежден (как позднее выяснилось, от обстрела осталось 40 пробоин), и при заходе на посадку шасси не выпускалось гидравлическим методом. Летчик принял решение: выпускать шасси механически. Но резкие подъемы и снижения результатов не дали. После нескольких кругов над аэродромом из командного пункта получили распоряжение садиться на фюзеляж, рядом с посадочной полосой. Операция удалась. Летчик, радист, стрелок мгновенно выскочили из своих люков, а мой люк оказался снизу. Прибежали техники наземной службы, так как в любую минуту мог вспыхнуть пожар, но произошло чудо: я сумел выбраться и остался жив. Честно признаться, мне было не до шуток, а юмористы-ребята посмеивались: в рубашке родился...

Май 45-го. Война окончена, но служба продолжалась: Китай, Прибалтика, Старый Крым. Только в 1959 году А. Е. Воинов демобилизовался и приехал с семьей в Новошахтинск... Пример отца – военного летчика стал решающим в выборе профессии Алексея Воинова-младшего. Он окончил Ленинградскую военную академию имени Можайского¹.

* * *

22 июня 1941 года Иван Гончаров был на финальной встрече по футболу на кубок Новочеркаска, где он в то время жил и работал. Встречу команда их завода имени С. М. Буденного выиграла, но отпраздновать победу молодые футболисты не успели. Радио передало страшную весть: началась война.

Иван Александрович вместе с заводом эвакуировался в Удмуртскую АССР в г. Воткинск, где он работал токарем-расточником и каждый день обивал пороги военкомата.

В 1942 году Гончарова направили на фронт. Он стал бойцом роты связи. Вскоре принял боевое крещение. Это случилось в составе войск Ленинградского фронта.

Ивану Александровичу запомнился такой эпизод. Его часть готовилась к форсированию реки Великая. Иван Гончаров находился в расположении левофланговой роты. Связь работала нормально. Вдруг поступил приказ: прибыть с товарищем на КП батальона.

¹ Зарубина Н. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 27 декабря 2001 года.

65-летию Великой Победы посвящается

Они взяли две катушки кабеля, телефонный аппарат и направились к траншеям, где располагается блиндаж КП. Комбат – майор Захаров – подвел Ивана к маленькому окошку блиндажа:

– Видишь в отдалении деревню? Там наша пулеметная рота. Вот туда надо протянуть связь. И пусть сразу же командир роты по телефону доложит мне обстановку.

По-пластунски пробирались к цели. За плечами катушка и телефонный аппарат. Самое трудное – проскочить широкую поляну, которая простреливается врагом. Связистам повезло: достигли цели. Установили в блиндаже телефон. Командир пулеметной роты доложил комбату обстановку, уточнил ориентиры для ведения огня и попросил подбросить боеприпасов.

Навсегда запомнилось Ивану Александровичу сражение за город Остров. Враг цеплялся за каждый клочок земли, оборонялся упрямо, но сдержат натиск советских воинов ему не удалось. Город был освобожден.

И. А. Гончаров принимал участие в освобождении прибалтийских республик: Эстонии, Латвии. Свой боевой путь он закончил в прибалтийском городе Елгава. За мужество и отвагу, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны был награжден двумя медалями «За отвагу» и орденом Славы третьей степени¹.

* * *

День и ночь не смолкает канонада. Атака следует за атакой. Свист пуль и снарядов, вой самолетов и авиабомб, земля, поднятая высоко вверх бесконечными взрывами – таким запомнилось Михаилу Букину в 1942 году Моздокское направление, по которому фашисты стремились добраться до грозненской нефти.

Когда началась Великая Отечественная война, Михаилу Букину, уроженцу Новошахтинска, было 18 лет. Он в то время поступил в Новочеркасское кавалерийское училище, которое в связи с военным положением было переведено в Пятигорск.

– Проучились мы недолго, – вспоминает Михаил Григорьевич. – Не окончив курса, в спешном порядке влились в четвертый Кубано-Кавказский кавалерийский корпус. Предстояли военные

¹ Овасян М. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 19 июля 1981 года.

действия. Нас направили на Моздокское направление. Насмерть стояли здесь бойцы и командиры Красной Армии, но врага не пропустили. Моздокское направление запомнилось Михаилу Григорьевичу на всю жизнь еще и потому, что он там был тяжело ранен и после длительного лечения в госпитале освобожден от воинской службы.

В 1943 году М. Г. Букин возвращается в родной город. Что делать? До войны он некоторое время работал на шахте бутчиком, но сейчас по состоянию здоровья это дело было ему не под силу. Но не сидеть же молодому парню без дела, тем более в такое напряженное время, когда каждый человек на счету, когда надо восстанавливать разрушенное городское хозяйство, сделать все, чтобы несветайский антрацит вновь пошел на-гора. Новошахтинск трудился во имя Победы. Активно включился в эту работу и бывший фронтовик Михаил Букин. О том, как воевал и работал Михаил Григорьевич, можно судить по его наградам: ордену Отечественной войны II степени, медалям «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За восстановления шахт Донбасса», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и другим...¹.

* * *

Степан Федорович Танский родился в украинском селе Васютинцы в большой многодетной семье. Отец его был знатным плотником и столяром, славился своим мастерством на всю округу. В 30-е годы семья Танских переехала в Новошахтинск, и отсюда Степан в 18 лет ушел на фронт. Ушел вместе со своим лучшим другом Михаилом Ерохиным, с которым рядом жили, вместе учились, играли мальчишками.

Отсчет фронтовых дорог Степана начался под Сталинградом, где он окончил полковую школу младших командиров, командовал отделением. Под Сталинградом получил свое первое ранение. Боевой путь Степана Федоровича прошел также через Миус-Фронт, Мелитополь, Кривой Рог, Тирасполь, Бухарест, Белград, Будапешт. Много было в его фронтовой жизни эпизодов, когда смерть ходила

¹ Телес А. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 9 мая 1987 года.

65-летию Великой Победы посвящается

буквально по пятам. Никогда не забудет Степан Федорович бой, когда его отделение форсировало Дунай и Буг.

– Был холодный, морозный март, – вспоминает он, – а у наших ребят не было выбора: или вражьи танки подавят, или в шинелях прыгать в воду. Но все мы переживали такое психологическое состояние, что выстояли в ледяной воде и отделались, в основном, насморком. И я тогда понял: наш солдат все выдюжит!

Конец войны С. Ф. Танский встретил в Вене. Это было такое всеобщее ликование, радости которого хватило на всю жизнь. Служба в Венгрии продолжалась для него еще некоторое время. После Победы и службы в армии С. Ф. Танский снова вернулся в Новошахтинск...

Есть у солдата боевые награды, есть снимки, на которых он запечатлен с фронтовыми друзьями в разные периоды военной жизни, на которых они все еще молоды и живы. Фотографии потускнели от времени, но память сердца годам не стереть...¹.

* * *

Статистика военной поры 1941–1945 годов свидетельствует о жестокой правде: больше всех полегло на поле боя, больше всех не вернулось домой мальчишек, родившихся в 1923 году. 18-летние ребята первыми приняли на себя внезапный удар фашистской армады, потому им и досталось сильнее всех.

Василию Максимовичу Боганову повезло больше, чем его сверстникам. Он выжил, хотя и был отчаянным и бесстрашным в бою. И его цепляли шальные пули, но от серьезных ранений, наверное, сам Бог хранил его, участника многих переломных сражений времен Великой Отечественной войны. Судьба пощадила, домой явился живым и невредимым. И только многочисленные медали красноречивее всяких слов рассказывают, в каких передрягах довелось побывать Василию Васильевичу и каким был его боевой путь. В дни особых торжеств грудь ветерана украшали медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», ордена Красной Звезды и Отечественной войны.

¹ Шевченко Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 20–21 июня 2008 года.

Служил В. М. Боганов в артиллерийских войсках, командовал отделением связистов. Началась его служба Отечеству 14 марта 1942 года, а закончилась 11 марта 1947 года. День Победы В. М. Боганов встретил в Прибалтике, в Кенигсберге, где фашисты оказывали особо ожесточенное сопротивление, но в конце концов были сломлены.

Обязательность, ответственность, высокое чувство долга – вот черты характера, которые отличали Василия Максимовича на фронте, а затем и в мирной жизни сделали его высоким профессионалом и глубокоуважаемым человеком...¹.

* * *

Михаил Нефедович Миронычев – человек интересной военной биографии. Не достигнув 17 лет, в апреле 1942 года ушел добровольцем на фронт. В первые фронтовые месяцы почувствовал всю «прелесть» отступления: ночью – марш-бросок, днем окапывались. 20 августа 1942 года добрались до Сталинграда, где шли тяжелые бои. До февраля 1943 года Михаил Нефедович участвовал в обороне этого города.

Во время одной из немецких атак Михаила с товарищами засыпало мерзлой землей. Утром их нашли под завалом и прямым ходом отправили в госпиталь Йошкар-Олы, где Миронычев находился до июля 1943 года.

После выздоровления он окончил Сызранское танковое училище и был направлен за танками в город Горький. Попал на 1-й Белорусский фронт, которым командовал маршал Советского Союза. Г. К. Жуков. Великого полководца Михаил Нефедович видел не раз во время операции «Багратион» по освобождению Белоруссии. Когда шли ожесточенные бои, танк лейтенанта Миронычева был подбит, горел, но сам танкист остался жив. Он набрал новый экипаж, получил новую машину и шел к заветной цели – к победе...

Закончилась война, но не закончилась служба. М. Н. Миронычев был направлен на советско-иранскую границу, затем – в Прибалтийский военный округ. Здесь и состоялась следующая встреча с Маршалом Жуковым уже в послевоенные годы, когда М. Н. Ми-

¹ Иванов В. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

ронычеву выпало дежурство в округе, именно Жукову докладывал он, как все прошло. Эти встречи оставили в памяти нашего земляка неизгладимый след...¹.

* * *

Это было в далеком 1942 году. На небольшую группу бойцов, занявших оборону на подступах к Ленинграду, шли в атаку немецкие танки. Ползли стальные громады, уверенные в своих силах, и те, кто управлял ими, думали, что непобедимы. Их было шестьдесят против шестнадцати советских воинов. 34 танка отступили, остальные остались перед полужасыпанными траншеями, в которых лежали погибшие, но победившие врага шестнадцать советских солдат.

В сумерках тревожной ночи в окопах, у орудий, на аэродромах слышали солдаты приказ Военного совета Ленинградского фронта, в котором говорилось об отваге тех шестнадцати. И не было слов более торжественных и гордых, чем эти скупые слова документа... «Воин! Будь таким, как они, и ты победишь врага, победишь смерть!» – говорилось в приказе.

Один из шестнадцати бойцов, Геннадий Унжаков, не погиб, а был тяжело ранен и в бессознательном состоянии взят в плен. Он выжил и дождался освобождения. А за тот подвиг все 16 бойцов, в том числе и Геннадий Унжаков, были награждены орденом Красного Знамени, 15 из них – посмертно².

* * *

13 июня 1942 года штабом партизанского движения при Военном совете Карельского фронта был подготовлен приказ, в котором первой партизанской бригаде (в ее составе было шесть отрядов по сто бойцов в каждом; бойцом отряда «Мстители» был 19-летний Иван Соболев, комсомолец, бывший детдомовец) предписывалось перейти линию охранения финских войск и выйти в тыл противника. Предстояло в срок не менее двух месяцев, действуя в тылу врага, нападать на вражеские штабы и гарнизоны, уничтожать

¹ Решетов А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

² Там же.

живую силу и склады, нарушать коммуникации в районе Петрозаводска и Поросозера.

Что касается запаса продовольствия и боеприпасов, то их надо было пополнять за счет противника, а питание – с помощью охоты и рыбной ловли. В случае критического положения снабжение партизан боеприпасами и продуктами планировалось обеспечивать с самолетов с Большой земли.

Линию охранения удалось перейти спокойно. Целую неделю бригада шла по вражескому тылу и подстерегала ее одна опасность – угроза преждевременного обнаружения. Но вскоре к ней прибавилось еще две – надвигающийся голод и угроза эпидемии. Охота была скудной, а плохие погодные условия не позволяли авиации выполнить свою работу по снабжению бригады продовольствием и боеприпасами. До Поросозера оставалось около 100 километров, не меньше недели пути, а голод, истощение, болезни приобретали угрожающие масштабы. Командир отдал приказ двигаться на Тумбу. Там и состоялся первый бой с финнами, которые обнаружили бригаду и стали постоянно преследовать ее. Стычки происходили все чаще. Были потери, раненые сильно задерживали продвижение бригады, вследствие чего она не могла оторваться от противника. Финны бросили на бригаду большие силы, и им удалось окружить наших бойцов на высоте. Среди партизан было много истощенных и ослабевших, но они приняли бой.

К этому времени Иван Соболев стал связным командира отряда. Он залег чуть в стороне от командного пункта и открыл огонь. Командир А. И. Попов крикнул: «Иван, передай командирам взводов: приготовиться к атаке. Сигнал – красная ракета!». Маленькими перебежками, от камня к камню, от кочки к кочке, связной побежал вдоль линии обороны. Передал команду трем взводам, и, хотя в двух уже были убиты командиры, бойцы пошли вперед.

Соболев вернулся, но именно в этот момент его обожгла автоматная очередь. Словно кипятком плеснули на бедро правой ноги. Схватился Иван обеими руками за ногу и тихо застонал не столько от боли, сколько от отчаяния: ведь у партизан вся надежда в ногах...

За камнем медсестра сделала перевязку. Бедро было прострелено навылет. Три пули прошли по мякоти. Вдобавок – мелочь от разрывных пуль, как пшено, десятка два осколков в ту же правую ногу. Задело запястье правой руки и коленную чашечку левой ноги, ногу было не согнуть. Ивану сделали костыли, и в сопровож-

65-летию Великой Победы посвящается

дении той же медсестры он отправился в направлении прорыва. По дороге к ним присоединился тоже раненый Коля Егоров. Вскоре их обогнал отряд. Медсестра ушла с ними, с ранеными остались трое партизан. Они минировали тропу и все чаще подгоняли уже ослабевших Соболева и Егорова: «Скорей! Что мы погибать должны из-за вас? Скорей!».

Так они двигались с полчаса. Впереди уже давно никого не видно и не слышно. Шли долго, и, когда Иван, в очередной раз преодолевая препятствие, перевалился через упавшее дерево, вдруг – удар в голову! Он повернулся, увидел лицо одного из сопровождавших – Живякова, все понял и крикнул: «Пристрели! Чего патроны жалеешь?!». Потом – второй удар... Тут уж боли Иван не почувствовал, как по мешку пришелся второй удар... Чтобы раненые партизаны не попали в плен к врагу, не стали своеобразными «маяками», их решили добить прикладами свои... Стрелять было нельзя: финны могли услышать...

Произошло это часов в 10 утра 31 июля 1942 года. Очнулся Иван – солнце уже на закате. Лежит: голова – по одну сторону дерева, ноги – по другую. Еще жив... Похоронил кое-как Николая Егорова: глубокую могилу выкопать не мог. Еще три дня пробыл на этой высоте, питаюсь грибами и ягодами. Рядом была вода. Потом пошел на восток. Много пройти не смог. Часто останавливался. Хватит ли сил дойти? Только бы раны не начали гноиться – тогда совсем беда. Встречал лесные избушки, но ночевать в них не решался. Осмотрит, нет ли чего из еды, – и дальше. В избушках финны останавливались, обязательно кострища вокруг, пачки из-под сыра, коробки из-под сигарет, пустые консервные банки. Еды совсем не находил. На берегу озера нашел сети, дня четыре питался рыбой, пытался ловить лягушек, все, что можно было есть. Совсем ослабевшего Ивана Соболева 1 сентября 1942 года взял в плен финский солдат.

А потом был финский лагерь для военнопленных. Ивана спасло только то, что с одним из охранников он был знаком до войны, и тот его устроил на работу на кухне. Здесь же, в лагере, он встретил партизана из другого отряда. Тот рассказал, что всего из их бригады вышли из окружения около третьей части партизан. А отряд Ивана Соболева в полном составе был окружен и уничтожен финнами, в том числе командир Попов с женой, а также Живяков. Этот лагерный партизан видел их всех убитыми и незахороненными, когда тоже был в окружении.

После освобождения из лагеря Иван Соболев прошел проверку советскими спецслужбами, никаких претензий к нему не было...

Среди экспонатов Новошахтинского краеведческого музея есть книга Дмитрия Гусарова «За чертой милосердия» с дарственной надписью автора. Ее передал в дар музею Иван Филиппович Соболев, которому посвящена 22-я глава этой книги¹.

* * *

Виктор стоял у обочины дороги, а по ней, обдавая его с ног до головы пылью, пронеслась конница, тарахтели подводы, шли колонны красноармейцев. Вдруг он сорвался с места, быстро вошел в дом и начал собираться.

– Ты куда, сынок? – встревожено спросила мать.

– Туда, с ними, – указал он на проходившие мимо дома войска.

Никакие уговоры родных не удержали Виктора – он присоединился к кавалеристам. Был июль 1942 года. Было Виктору Морданеву, уроженцу Новошахтинска, в то время неполных семнадцать лет.

– 32-я кавалерийская дивизия, – говорит Виктор Григорьевич Морданев, – к бойцам которой я тогда примкнул, стала для меня родной. В ее рядах и прошел всю Великую Отечественную.

Гвардии рядовой Виктор Морданев участвовал в Сталинградской битве, сражался с врагом, освобождая донскую землю и белорусскую. Мужественно сражался. За освобождение Белоруссии получил первый орден Красной Звезды.

– Здесь два месяца подряд, – вспоминает Виктор Григорьевич, – мы практически не выходили из кровопролитных боев. Но самым знаменательным для меня осталось освобождение от гитлеровцев моего родного Новошахтинска. 12 февраля 1943 года наш 121-й кавалерийский полк получил задание: разгромить группировку врага на станции Горная и, минуя город Шахты, со стороны нынешнего поселка Новопавловка (бывший хутор Кошкино) овладеть Новошахтинском. Когда я узнал об этом, сердце мое радостно и тревожно забилося: радостно, потому что довелось освобождать

¹ Тарико Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

родной город; тревожно, потому что все время мучила мысль о родных: «Живы ли?».

Но мне повезло. 13 февраля новошахтинцы радостно встретили своих освободителей, а меня еще и мать, и отец, и все мои родственники, когда наша часть проходила по улице Советской. Жили мы тогда в доме на пересечении улиц Советской и Комсомольской, где в настоящее время установлен светофор. Коротка была встреча с родственниками, с новошахтинцами – не более 20 минут: такова уж судьба солдатская – спешить вперед.

В. Г. Морданев участвовал в освобождении Польши, а закончил боевой путь на Эльбе. Геройски закончил. Об этом говорит то, что за бои в Германии он был удостоен самой высшей солдатской награды – ордена Славы III степени¹.

* * *

В 1942 году Яков Филофиевич Король окончил Краснодарское пехотное училище и был направлен под Сталинград. Воевал здесь до 25 июля. Этот день стал для него роковым. В одном из боев он получил тяжелое ранение в ногу. Госпиталь в Саратове. Выздоровел – снова Сталинград.

В ноябре 1942 года наши войска готовились к нанесению сокрушительного удара по противнику. Это грандиозное событие произошло 19 ноября. Оно положило начало Сталинградской битве. В ней участвовал и Яков Король.

После Сталинграда освобождал многие населенные пункты Ростовской области. Потом был Миусс-фронт. За ним – пеший бросок до города Антрацит (Украина). Дальше – бои за освобождение Снежного, Горловки, Мелитополя. При штурме Мелитополя был вторично ранен. Снова госпитальная койка... А затем – Крым и Прибалтика.

Длительное лечение в госпиталях привело к тому, что Я. Ф. Королёв своевременно не вручили медаль «За освобождение Сталинграда». Много времени ушло на то, чтобы получить ее: медаль нашла своего владельца только 17 ноября 1989 года².

¹ Телес А. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 13 февраля 1987 года.

² А. Телес. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

* * *

Этот рассказ – об участнике Великой Отечественной войны Семене Андреевиче Ролдугине... Родом он из села Первая Кривка Усманского района Липецкой области. В крестьянской семье, как обычно в то время, было много детей. В этой – шестнадцать.

В родном селе Семен закончил семь классов. Семье жилось трудно, и ему пришлось работать с 9 лет. Пас свиней, был водовозом, ездил на торфоразработки в Орехово-Зуево. В августе 1942 года Семена призвали в Красную Армию. И начался долгий, трудный боевой путь.

После окончания 239-го учебного стрелкового полка гвардии младший сержант Ролдугин в составе 81-й гвардейской стрелковой дивизии в марте 1943 года был отправлен на фронт. Не доехав до фронта, на станции Селикса эшелон был разбомблен немецкими самолетами. Погибло много бойцов. Похоронив убитых, отправив в госпиталь раненых, солдаты пошли пешком до станции Валуйки.

После переформирования сразу вступили в бой под селом Разумное Белгородской области, участвовали в битве на Орловско-Курской дуге... Шли в наступление. При форсировании реки Северский Донец из 33 советских солдат, находившихся на плоту, до противоположного берега добрались только трое, старший лейтенант и двое солдат, в том числе и Семен Андреевич.

В боях в Харькове Ролдугин был ранен в левую руку. После лечения в составе 180-й стрелковой дивизии освобождал Полтаву, Кременчуг. Опять ранение. Дальше военные дороги прошли через Украину и Молдавию. При форсировании Днестра за взятие сильно укрепленного пункта гвардии сержант Ролдугин был награжден орденом Славы III степени.

В одной из атак десантом на 14 танках оторвались от основных сил, были окружены фашистами. 12 танков гитлеровцы подбили... Было много погибших и раненых и у наших и у врагов. Пришлось отступать. Очередью с самолета Семен был ранен в левый бок. Опять госпиталь. После пришлось ему воевать еще и в Румынии, Венгрии, Австрии, Болгарии, Югославии. Уже в конце войны был направлен в Чехословакию, население которой с радостью приветствовало своих освободителей. Уже был подписан акт о капитуляции фашистской Германии.

65-летию Великой Победы посвящается

После окончания войны Семен Андреевич не сразу попал домой. Воевал на Украине с бандитами УНА. После восьмилетнего отсутствия дома был наконец-то демобилизован...¹.

* * *

Навсегда в моей памяти останется день 19 ноября 1942 года. Это было под Сталинградом. Туманный рассвет мне довелось встретить у артиллеристов батареи капитана Александра Семакина. В 7 часов 30 минут по сигналу командующего артиллерией 21-й армии генерал-майора Д. И. Турбина 964 орудия и более 1500 минометов разных калибров приготовились к бою. По команде «огонь!» сначала прогрохотал залп гвардейских минометов – катюш, а затем ударили орудия.

Сплошная стена разрывов – и, наконец, огненный вал нашего наступления взял разбег. Стрелковые части дивизии 3-го гвардейского кавалерийского корпуса во взаимодействии с 4-м танковым корпусом пошли в атаку. 22 ноября они вышли к реке Дон на рубежах Голубинская – Большенабатовский, Калачкин – Евлампиевский, а передовые части захватили донские переправы.

Но гитлеровское командование против кавалеристов бросило танки. Завязались жаркие бои. В этих боях наши артиллеристы и конармейцы проявили смелость и несгибаемое упорство. Кавалеристы отбивали атаки врага, а тем временем 23 ноября части 26-го и 4-го танковых корпусов Юго-Западного фронта соединились в районе Советского с частями 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта. Совершилось историческое событие: кольцо окружения вражеских войск, прорвавшихся к Волге, сомкнулось. Трехсоттысячная гитлеровская армия вместе с боевой техникой оказалась в гигантском котле. Это был победный перелом в наступлении наших войск...

Перед кавалеристами корпуса, которым командовал генерал-майор Н. С. Осликовский, командование фронта поставило боевую задачу: преследовать отходящие части врага, уничтожать очаги его сопротивления и идти на запад. В первый день нового 1943 года наши войска овладели казачьими хуторами Бирючим,

¹ Тарико Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

Сметаниным, Тарягинским, Поповым и Тормосиным. Теперь перед нами стояла другая задача: разгромить противника в нижнем течении Дона в районах Шахт, Новочеркасска и Котельниковской.

17 января 1943 года части наших войск вышли на восточный берег Северского Донца. И сразу же ушла разведка на западный берег реки. Первыми переправились через реку разведчики 5-й кавдивизии под командованием старшего лейтенанта И. И. Беляева. На этот раз разведка была необычной. Позади, пыльные дороги отступления от западной границы нашей Родины. Впереди – водная преграда Северского Донца. Где-то здесь, совсем близко родная земля – место детства – город Новошахтинск. А там – родители, братья, сестры, товарищи по школе. В частях кавкорпуса было немало воинов из станиц и поселков Придонья. Командир 5-й гвардейской кавдивизии, полковник И. С. Чепуркин – выходец из казаков хутора Верхне-Чирского Вешенского района. В этой дивизии были капитан А. И. Семакин из поселка Глубокий, сержанты Н. М. Отрошко из поселка Самбек и Н. Д. Чернобровкин из города Константиновска, рядовой П. И. Иодин из города Шахты. Все они прошли тяжелыми дорогами отступления и теперь вернулись в места своего детства...

Рядом с И. И. Беляевым в белых маскахалатах смельчаки-добровольцы: Иван Зайцев, Петр Покатило, Азамат Межева, Семен Горюков, Анастас Мирзоян, Абдула Адебеков. Сливаясь с местностью, они ползут к цели: им нужно выявить силы врага и взять «языка».

Совсем близко вражеские траншеи. Хорошо вырисовываются пулеметные точки врага. В ночном тумане обозначились орудия, у которых прохаживается гитлеровец. Один ловкий прыжок – и он в руках разведчиков. Теперь можно возвращаться к своим. Но И. И. Беляев приказывает уничтожить вражеские пулеметы. Разведчики незаметно подбираются к ним и забрасывают гранатами.

Еще не наступил рассвет, а данные разведки уже лежат на столе полковника И. С. Чепуркина и два «языка» ждут допроса.

Генерал Н. С. Осликовский, оценив данные разведки, принял решение: захватить плацдарм на западном берегу Северского Донца. В ночь на 19 января по единому сигналу конногвардейцы, используя броды и подручные средства, форсировали реку на многих ее участках...

Приказом командующего Южным фронтом перед 3-м гвардейским корпусом была поставлена новая боевая задача – по овладе-

65-летию Великой Победы посвящается

нию железнодорожной станцией Горная, окружению вражеских частей в районах городов Шахты и Новочеркасск и наступлению на Новошахтинск...

Конногвардейцы, подавляя очаги сопротивления гитлеровцев, устремились на запад. Остались позади Верхне-Кундрюченская, Сидорово-Кадамовский, Табунщиков, Таловый. Двигаясь в обход города Шахты, конники свернули на юг с наезженного большака. Кони с трудом вытаскивали копыта из глубокого рыхлого снега...

13 февраля 1943 года подразделения 86-го кавполка 32-й кавалерийской дивизии первыми вошли в Новошахтинск. И над городом взвилось Красное знамя...¹.

* * *

Это произошло на полевом аэродроме. Пилот Михаил Карпухин надел уже свой парашют и нетерпеливо дожидался задержавшегося стрелка. Его «ил», как огромная птица, распластавшая крылья, готовился взмыть в небесную высь. Вдруг из-за лесной посадки вынырнул штабной «виллис». Майор Голяк спрыгнул с подножки.

– Карпухин, готов?

– Готов, товарищ майор.

– Что будем делать? Твой стрелок в санчасти.

Молчание было долгим, нудным и неопределенным. Шофер поднял капот и возился с мотором. Где-то высоко-высоко гудели бомбардировщики, видно, шли в район цели.

Майор посмотрел на меня.

– Слушай, ты ведь летал за стрелка?

Да, еще в 1942 году я несколько раз летал на корректировщике во второй кабине с пулеметом на турели. Два раза пришлось летать и на «Иле».

– Надевай парашют, залезай в кабину, – сказал Карпухин. – Передний край заснимем. Я скажу, когда аппарат включать. Смотри только, чтоб какой-нибудь «мессер» в хвост не зашел.

Взвыл мотор нашего «ила». Машина ринулась вперед и плавно оторвалась от земли. Когда сделали круг и легли на курс, в воздух поднялись два истребителя сопровождения.

¹ Крутиков К. И. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

Внизу громоздились глыбы облаков. Они были похожи на снежные холмы, и мне казалось: вот-вот из-за холма появится собачья упряжка. Но мы врезаемся в сугроб, обдает молочным туманом, и самолет трясется, как в лихорадке. Снижаемся. Сейчас покажется лента Калитвы, излуцина недалеко от железной дороги. И я включу аэрофотоаппарат.

И верно, минуты через две вдали заголубела лента реки. Приближаемся. Посматриваю вниз, где ползет дрожащая тень нашего самолета. А вот и железная дорога, уходит прямо к Воронежу!

Теперь летим вдоль нее в сторону Новошахтинска. На путях, словно притаившаяся змея, застыл состав с головой-паровозом. Но это, хоть и враг, сейчас не наша цель.

– Боря, готовься... Включай!

Нажал кнопку, и аппарат стал отщелкивать кадр за кадром.

В фотоотделение мы приехали на штабном «виллисе» с заснятой кассетой. Пока лаборанты проявляли пленку, мы ждали результатов.

Спустя много лет после окончания войны, я получил письмо от Героя Советского Союза Михаила Терентьевича Карпукшина. Он напомнил, как мы летали на разведку под Новошахтинск, Каменск, Новочеркасск. Прислал мне старенькую фотографию. Я вспомнил, как в тот день, когда мы прилетели с задания, нас тут же и сфотографировал лаборант из фотоотделения старшина Косушко¹.

* * *

Целыми днями Максим Васильевич Кляшко возится в гараже, все латает и латает свою старенькую «Волгу». Руки в бензине и масле, звенит железками. С техникой связаны у него жизнь, война. Когда-то был механиком машинотракторной станции на Кубани, сеял хлеб. Оттуда молодого специалиста и призвали в армию. Как раз в ту пору в Донецке (бывший Сталино) формировалась шахтерская дивизия. Командиром ее был полковник Константин Привалов. Он и поставил Кляшко автотехником 966-го арtpолка...

О чем задумался, фронтовик? Грустная улыбка: годы не вернуть, молодость – в далеком прошлом. Остается только вспоми-

¹ Чельшев Б. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 9 мая 1985 года.

65-летию Великой Победы посвящается

нать о нелегких фронтовых буднях, о долгих боях и минутных передышках, о свинцовых дождях и однополчанах, которых нынче на пальцах одной руки пересчитать можно: кто еще в боях на земле Донбасса в спешке похоронен был, когда отступали, кто потом ушел в небытие – от ран и контузий... Горько вспоминать тех, кто пал на последних километрах войны, под Берлином...

– Тогда, в сорок втором и сорок третьем годах, до Берлина нам было ох как далеко, – вспоминает Максим Васильевич. – Наша дивизия вела тяжелые бои на Кубани, потом была Малая земля, взятие важного узла обороны гитлеровцев – станицы Крымской, освобождение Таманского полуострова. В боях мужали, набирались боевого опыта бойцы и командиры шахтерской дивизии. Командир дивизии Привалов грамотно воевал, успешно выполнял задания командования. Его назначили командиром корпуса, а шахтерскую дивизию принял 28-летний офицер Вениамин Горбачев. С ним мы готовились к освобождению города-порта Керчи. Начали делать плоты из множества железных бочек, тренировались в высадке десанта. Эти плоты нам оченьгодились. Высадились без особых потерь. А после взятия Керчи штурмом взяли Феодосию. Большая радость для нас и всего советского народа была 9 апреля в победоносном сорок четвертом году – освобождение Севастополя. Через несколько дней завершился полный разгром крымской группировки гитлеровских войск...

Шахтерская дивизия участвовала в освобождении Варшавы. Каждый город, каждый населенный пункт на польской земле стоили дорого для наступающих воинов. Сразу же за пехотой двигались пушки 966-го арtpолка, поддерживая «царицу полей».

Незабываемый день для Максима Кляшко – 2 мая 1945 года: пришли в гитлеровское логово, откуда началась война! Берлинские улицы в блеске орденов и медалей победителей. Максим Кляшко и его боевые товарищи гордятся тем, что брали Берлин в составе войск 1-го Белорусского фронта, которым командовал маршал Жуков...

Старый солдат доволен своей ратной жизнью. Награды немалые – и все они по заслугам. Первая медаль «За отвагу» – это Тамань, вторая – высадка в Керчи. Орден Красной Звезды – Польша, орден Отечественной войны II степени – за штурм Берлина...

В песне, которую любят фронтовики, есть слова: «Солдат в атаку шел не за награды, но велика награде той цена». И велики наши потери...¹.

* * *

С рассветом заработали двигатели фашистских танков, а когда взошло солнце, появился самолет-разведчик и начался обстрел нашего переднего края. Он не прекращался трое суток ни днем, ни ночью.

В короткое затишье между атаками на наблюдательный пункт заступили начальник штаба батальона старший лейтенант Наумов и связист сержант Подерин. Атаки ожесточались, передышек было все меньше и меньше, а потом они совсем прекратились: бой шел без перерыва. Наумов и Подерин оставались на КП более суток, так как замену на виду у врага под непрерывным обстрелом произвести оказалось невозможно. А за три дня нам пришлось отбить более тридцати атак противника.

На следующий день немцы бросили в атаку примерно 80 танков и более полка пехоты. Противник поставил цель выбить нас с господствующей над окружающей местностью высоты, с которой был обзор на 20–25 километров вокруг, с нее просматривалось более десяти населенных пунктов. В один из моментов боя немцам удалось приблизиться к высоте. Под прикрытием танков фашистские автоматчики устремились к наблюдательному пункту. Сержант Подерин открыл огонь из автомата, но был сам сражен вражеской пулей. Старший лейтенант Наумов перехватил автомат у Подерина и вел из него огонь до тех пор, пока не расстрелял весь диск. Выватив пистолет, продолжал отстреливаться до тех пор, пока не кончились патроны. И тогда, выскочив на миг из окопа, Наумов схватив автомат у убитого им фашиста и продолжал вести бой уже из трофейного оружия. Но вскоре «выдохся» и этот автомат. Старший лейтенант покинул окоп и пошел в рукопашный бой. Используя автомат как дубинку, уничтожил еще двух гитлеровцев. И тут загремело «Ура!». Это пошли в атаку наши бойцы. Фашисты растерялись и отпрянули. Высота, благодаря Подерину и Наумову,

¹ Дикунов В. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

так и осталась для противника недостижимой. 22 фашиста в том бою уничтожили они вдвоем.

Фашисты попытались прорваться к высоте с расположения другой роты, которой командовал младший лейтенант Н. Я. Павленко. Натиск противника был ураганным. Тогда Павленко поднялся во весь рост в окопе и длинными очередями из автомата косил набегавших гитлеровцев, приказав своим бойцам забрасывать фашистские танки бутылками с горючей смесью. Загорелся один танк, второй, третий, но в это время появился огнеметный вражеский танк и пустил струю огня в окоп, где находился Павленко. Долго бушевало пламя в этом месте. Павленко удалось вытащить только ночью. Он весь обгорел, но крепко сжимал в руках автомат. Так его и похоронили с автоматом в руках.

Все здесь рассказанное – о делах и людях нашей 87-й Краснознаменной Перекопской дивизии в переломный момент войны, в дни Сталинградской битвы. Ее воины участвовали в освобождении Крыма, Таврии, Донбасса, Ростовской области, Латвии и Литвы. А рассказываю я об этом новошахтинцам потому, что воины нашей дивизии стали их побратимами: в братской могиле в городском парке культуры и отдыха похоронен М. С. Эхохин – наш прославленный комдив, погибший на Миус-фронте. Пусть воспоминания о ратных подвигах воинов дивизии будут памятью о нем, о тех, кто пал на полях сражений за Победу, за нашу светлую жизнь¹.

* * *

Когда началась война, Петру Семеновичу Кузьменко было семнадцать лет. Чем занимался в тот воскресный день, не помнит, зато в память навсегда врезались слова, сказанные им, мальчишкам, старшими, что война – это большое горе.

В 1942 году его призвали в действующую армию, и до июня 1943 года Петр Семенович учился в Чкаловском пехотно-пулеметном училище. Свое боевое крещение в составе 3-й гвардейской танковой армии под командованием генерал-майора П. С. Рыбалко получил на Курской дуге, где был пулеметчиком танкового экипажа. Танк, на котором воевал Кузьменко, был американского про-

¹ Кутищев П. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

изводства – огромный, неповоротливый, как мрачно шутили наши танкисты, «гроб на колесах». Танку Т-34 советского производства этот «увалень» и в подметки не годился. И были эти американские танки великолепной мишенью. Вот и угодил снаряд в танк Кузьменко. Двое танкистов были ранены, но остальные успели спастись и вынести с поля боя раненых товарищей. Момент, когда горел в танке, – один из самых страшных в военной биографии Петра Семеновича.

После тяжелых, кровопролитных боев армию генерала Рыбалко отправили на переформирование в Тулу, а потом П. С. Кузьменко снова попал на фронт, но теперь уже воевал в разведке. Вместе с боевыми товарищами проводил разведку боем, брал «языков» и шел в наступление, освобождая родную землю от врага.

В боях за хутор Степной на Украине был ранен. После возвращения из госпиталя стал разведчиком артиллерийского артполка, а в марте 1944-го получил новое ранение. И в этот раз победили молодость и здоровье.

Запомнилась на всю жизнь Восточная Пруссия... Здесь гитлеровцы, чувствуя приближающуюся развязку войны, сопротивлялись особенно отчаянно. Двадцатилетний Петр Кузьменко стал командиром бронетранспортера. Служил в составе его экипажа легендарный водитель-сибиряк по фамилии Дахно. Пять машин, на которых он воевал, сгорели в боях, а на нем не осталось ни царапины.

– Да и со мной чего только не приключалось, – вспоминал Петр Семенович. – Под городом Браунсбергом ночью почти нос к носу столкнулись с немцами. Те нас сначала не заметили, и четверем нашим бронемашинам удалось проскользнуть, а потом все-таки подбили две машины. Но товарищей спасти мы успели и прорвались с боем. Тогда у нашего командира роты появилась первая седая прядь в волосах.

Все свои боевые ордена П. С. Кузьменко получил за бои в Восточной Пруссии: орден Славы III степени, орден Красной Звезды и орден Красного Знамени. Последний – за взятие Кенигсберга. Там, в Кенигсберге, экипажу бронемашины пришлось ее покинуть и пешком пробираться в тыл к немецким оружейным расчетам. Две фашистские пушки были уничтожены, дорога для наступающей бригады была открыта, а весь экипаж получил награды.

65-летию Великой Победы посвящается

Победу старшина Кузьменко встретил в Кенигсберге. Здесь и заприметили красивого, рослого старшину-орденоносца работники штаба бронетанковых войск и отправили в Москву для участия в Параде Победы¹.

* * *

Имя Степана Севастьяновича Скокова хорошо известно жителям поселка Южный. Степан Севастьянович является участником Великой Отечественной войны. Как и его пятеро братьев, как муж его сестры, он принимал участие в этой кровопролитной войне. В Белоруссии, под Воронежом, Москвой и Ростовом-на-Дону погибли четверо братьев...

Родился Степан Севастьянович 2 января 1926 года в многодетной крестьянской семье (семеро сыновей и одна дочь) в хуторе Бурбуки Родионово-Несветайского района. Мать была удостоена звания Мать-героиня.

Четыре класса окончил в хуторе, семь – в Болдыревке, ФЗУ – в Ростове-на-Дону. Училище окончить не успел – помешала война. Но послесарить Степан успел – готовил оборудование для мин. Из Ростова-на-Дону вернулся домой и стал работать учетчиком тракторной бригады в колхозе. Вскоре в хутор пришли оккупанты. Так как старший брат Степана работал в милиции, то вся семья была включена в списки тех, кто будет расстрелян. Пришлось семье скрываться.

В январе 1943 года хутор был освобожден от немцев. Нагрянула другая беда – сыпной тиф. Три раза Степан находился между жизнью и смертью, но он выкарабкался. После болезни ослабел, похудел. В 1943 году в военкомате во время призыва его забраковали. Но Степан Севастьянович очень стремился на фронт и добровольно примкнул к колонне призванных. Пешком добирались до Белой Калитвы, неоднократно попадали под бомбежку, несколько человек погибли.

Погрузка на поезд – и впереди Сталинград. После обучения Степан попал в зенитную батарею. Львов, Ужгород, Карпаты – начало боевого пути. В основном, пришлось воевать с бендеровцами.

¹ Тарасевич О. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 21 июня 2003 года.

В Чехословакии участвовал в разведке, вовремя предупредил часть о налете вражеской авиации. За это Степан Севастьянович был награжден медалью «За боевые заслуги».

Военная дорога привела Скокова в Венгрию, где и узнал он об окончании войны. Позже Степан Севастьянович участвовал в охране коммуникаций, в уничтожении банд бендеровцев. Еще пять лет служил в Днепропетровске и в звании ефрейтора демобилизовался в 1950 году...¹.

* * *

С каждым годом по времени мы все дальше и дальше уходим от военной поры. Выросло новое поколение людей, для которых война – это воспоминания ветеранов о ней. А их, участников этих исторических событий, становится все меньше и меньше. Но время не имеет власти над тем, что было пережито в войну. Это были необычайно трудные, но и очень славные годы. Человек, переживший однажды большие испытания и победивший, будет всю жизнь потом черпать силы в этой победе, как это делал ветеран Великой Отечественной войны Петр Михайлович Винокуров.

Его призвали на войну 18-летним парнем, едва узнавшим вкус жизни. Окончив Ярославское минометно-пулеметное училище, получив звание младшего лейтенанта, был направлен на Северо-Западный фронт в знаменитую Восьмую гвардейскую стрелковую дивизию генерала Панфилова. Новобранца назначили командиром пулеметного взвода.

Шел 1943 год, ставший переломным в ходе войны. Приближалось время возмездия, но за два года еще много трудных боевых дорог пришлось пройти. Несмотря на отсутствие ратного опыта, солдаты воевали отлично: выручала хорошая довоенная подготовка – лыжные кроссы, стрельба из винтовок. И все это было подкреплено истинным патриотизмом и лютой ненавистью к врагу, уничтожавшему все на своем пути. Приходилось видеть сожженные дотла русские деревни, селения без единого живого человека. Почти все боевые товарищи, с кем пришлось воевать Петру Михайловичу вначале, погибли. А могли бы жить, если

¹ Тарико Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

б не снайперская пуля, не щербатый осколок, не разорвавшаяся под ногой мина...

В наступательных боях был тяжело ранен П. М. Винокуров. Долго лечился, после чего опять попал на фронт в 421-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон 77-го укрепительного района в составе первого Украинского фронта. Пришлось освобождать не только Россию, но и Польшу, Германию. Для Петра Михайловича Винокурова война закончилась 7 мая 1945 года в немецком городе Бреслау, который ныне является территорией Польши. За боевые заслуги Петр Михайлович был награжден медалью «За отвагу», орденом Красной Звезды.

И сегодня не оставляет в покое ветеранов захватывающая власть воспоминаний, возвращающих в ушедшую молодость. Дают о себе знать старые раны, подводит здоровье. Но бывшие фронтовики не жалуется – не тот характер. Чем мы можем облегчить их старость? Хотя бы единственным – не оскорбляя гордости, относиться к ним чутко и уважительно. Это очень малая плата за все, что они сделали для нас в грозные военные годы и после войны...¹.

* * *

Михаил Герасимович Выморозко родился в крестьянской семье в деревне Ново-Ильиновке, расположенной в кустанайской степи далекого Казахстана. С детства привык к тяжелому сельскому труду, перенял трудолюбие и мастерство в любом деле от своего отца. Он с малых лет и сено косил, и лошадей запрягал.

Начало Великой Отечественной войны застало его на работе в топографической экспедиции в Челябинской области, куда переехала семья. В феврале 1943 года его призвали в армию и направили в лыжный полк в Челябинск. Через две недели зачислили курсантом в Златоустовское пулеметное училище, где через три месяца Михаил получил звание сержанта, а через шесть – стал лейтенантом.

В апреле 1944 года М. Г. Выморозко прибыл на Первый Белорусский фронт, которым командовал легендарный полководец, будущий Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Получил

¹ Волковинская В. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

назначение командиром пулеметного взвода, попал в 44-ю дивизию 65-й армии.

Батальон, в котором служил Выморозко, занимал оборону на знаменитых белорусских Пинских болотах. В июне он перешел в наступление и окружил Бобруйскую группировку фашистов, из которой попало в плен около 40 тысяч немцев. 29 июня окончательно был очищен от захватчиков город Бобруйск. Продолжали наступление на сильно укрепленный город Барановичи, в котором находились немецко-фашистские фронтные склады и аэродром. Батальону выпала задача взять аэродром. Обходным маневром он был освобожден без потерь. В этом бою отличился пулеметный взвод Михаила Герасимовича, и он был награжден орденом Александра Невского...¹.

* * *

– Хочется посмотреть такой фильм, чтобы все увидели, как в действительности происходили жестокие сражения, как воевали и шли к победе наши воины, – говорит подполковник в отставке Сергей Арсентьевич Першин, – не в сапогах и отутюженном обмундировании, со сверкающими орденами на груди, а в промокших пилотках, в ботинках с обмотками, в истрепанных, забрызганных грязью шинелях... И как могут уйти из памяти те хутора, степи, реки, где прорывали оборону врага...

Дивизия после пополнения готовилась к новым боям. Он был командиром батальона, в котором насчитывалось 600 бойцов. Это было на правобережной Украине. Командир полка поставил перед батальоном капитана Першина задачу взять село Каролинка. Наступление начали ранним утром. Батальону хорошо помогла «огоньком» полковая артиллерия. Когда ворвались в село, бойцы увидели, с какой жестокостью гитлеровцы отнеслись к мирному населению. На улицах, во дворах лежали трупы женщин, детей, стариков. До сих пор перед глазами убитая женщина, прижимающая к груди ребенка. В селе нельзя было напиться воды: фашисты побросали в колодцы трупы сельчан. Бойцы, видя зверства фашистов, еще крепче сжимали в руках оружие, клялись отомстить. На

¹ Пасечник Л. По материалам Новошахтиского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

пути дивизии оказалась и знаменитая еще по гражданской войне Шепетовка, с которой была связана жизнь и борьба Николая Островского. Очистили от врага и этот город...

Комбат знал по опыту: надо идти в атаку вместе с бойцами и ему: за командиром встанут и пойдут все. Вот так было и перед штурмом Шепетовки. И, конечно, рядом с комбатом шел партторг батальона.

— Сколько батальонных политработников не дождались победы! Четыре комиссара пали в бою. И это только в одном батальоне, а если взять полк, дивизию... Так, личным примером командир и политработники воспитывали у бойцов решимость отстаивать каждую пядь советской земли. Конечно, угнетали солдат, особенно в начале войны, недостаток вооружения, большие потери, «молчание» нашей авиации и артиллерии. Но войны сделали все для Победы... Каждый тяжелый бой держал людей в сильном психологическом напряжении. Однажды, когда все стихло, комиссар батальона Исаев снял фуражку, а волосы совсем белыми стали... Навсегда в памяти осталась битва за Севастополь, в обороне которого я участвовал. 250 дней и ночей длилась она. Много славных ратных дел свершили защитники города-героя. Оборона Севастополя сыграла огромную роль, приковав к себе десятки отборных дивизий гитлеровской Германии. Этим она способствовала подготовке к решительному наступлению и разгрому врага. Командуя стрелковым батальоном, я освобождал Северный Кавказ и Кубань, Правобережную Украину. Ее наш стрелковый батальон прошел от Днепра до Карпат. Здесь в марте 1943 года батальону была поставлена задача прорвать оборону противника и овладеть населенным пунктом. Мы выполнили задание, но подкрепление вовремя не подошло, и батальон оказался в окружении. Почти двое суток вели бой с превосходящими силами противника, отразили несколько атак, уничтожили сотни гитлеровцев, но из окружения вышли с честью. И снова батальон получает боевое задание: следовать в авангарде дивизии, сходу овладеть следующим населенным пунктом. И опять мы оказались в окружении по тем же причинам: опоздало подкрепление. Фашисты повели танковую атаку, а в батальоне не было противотанковых орудий. Мы располагали только противотанковыми ружьями, минометами и стрелковым оружием. Но все-таки упорно в течение 12 часов вели ожесточенный бой с гитлеровцами и устояли до подхода наших войск. Чудеса храб-

рости проявили бойцы. Комсорг батальона Мартиков, например, подбил из ПТР две бронемашины...

А сколько могил, в которые легли бойцы и командиры батальона, осталось на Кубани при освобождении города Крымска! Под жестким огнем держали оборону. У многих и могил нет, так и остались в камышах. В батальоне сражались бойцы разных национальностей. Все чувствовали себя братьями. Не вражда, а единение, согласие необходимы были нам для победы...

В августе 1944 года в отделе кадров Министерства обороны СССР решалась судьба Сергея Арсентьевича Першина. К тому времени у него было четыре ранения. Опытного командира послали на преподавательскую работу: готовить кадры молодых офицеров для действующей Армии. Ему было присвоено звание подполковника¹.

* * *

Участник Великой Отечественной войны Федор Денисович Закотий – из семьи сельских тружеников: отец – тракторист, мать работала в полеводческой бригаде. Федор с детства помогал родителям во время летней страды, а повзрослев, трудился в колхозе, учился на тракториста. В марте 1943 года был призван в армию. Присягу принимал в Ворошиловграде, а потом вместе со сверстниками его отправили на оборону Ленинграда. Служил в зенитных войсках. Основная задача зенитчиков – наносить удары по воздушным целям и по закрытым огневым позициям.

– Пушки наши сначала стояли у Нарвских ворот, – вспоминает Федор Денисович, – а потом, по мере отступления немцев произошла передислокация: Пулково, Горелово. Дежурили днем и ночью. Прибор у нас был американский, следил за воздушными целями. Были постоянная опасность бомбежек, голод. Ленинградцы голодали, и мы – тоже, от голода распухали пальцы.

День Победы Федор Закотий встретил в Ленинграде. И до сих пор помнит пронзительное ощущение счастья этого дня, ликование, цветы, слезы на лицах изможденных ленинградцев. Но военная служба для Федора тогда не закончилась. Его часть перебросили в Иран, в город Семнан, что в переводе означает «город

¹ Дикунов В. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

бывших заключенных». Запомнились резкая смена температуры, постоянное чувство жажды, а еще – общение с американскими солдатами. Служил в Иране с 1945 по 1948 год, а потом наши солдаты отправились своим ходом в Джамбул, дальше – в Сары-Азен (у китайской границы), в Ташкент, где он был помощником командира взвода. Демобилизовался в сентябре 1950 года... В майские и июньские дни память особенно терзает душу ветерана войны. Вспоминаются боевые походы, тревожное, грозное небо над Ленинградом, лица боевых друзей...¹.

* * *

По просьбе Михаила Семеновича Гурова, который во время войны был сыном полка, редакция газеты «Знамя шахтера» сделала запрос в Центральный архив Российской армии.

Вот что сообщили из архива: «В приказе 34-го запасного авиационного полка (г. Ижевск) № 66 от 29 марта 1943 года значится: “ученика-ремесленника ФЗО Гурова М. С., 1926 г.р., зачислить воспитанником в роту связи и на все виды довольствия с 27.3.1943 года”».

В штатно-должностном списке личного состава 34-го запасного полка от 01.05.44 года значится: «... радиотелеграфист, красноармеец Гуров Михаил Семенович».

Служба М. С. Гурова в 34-м запасном авиационном полку продолжается до января 1946 года в должности “старший телеграфист”, воинское звание – красноармеец.

Начальник архивохранилища А. Вьюгин».

Как же произошло, что уроженец города Ростова-на-Дону, стал воспитанником полка, базировавшегося на Урале?

– Окончив семилетку, я в 1941 году поступил учиться в ремесленное училище при заводе «Красный Аксай». При вторичном приближении гитлеровцев к Ростову, – вспоминает Михаил Семенович, – мы, девять пареньков, летом 1942 года под непрерывным обстрелом у Зеленого острова (район Нахичевани) решили переплыть Дон. При этом двое наших товарищей погибли, а семеро, в том числе и я, присоединились к советским войскам, направляв-

¹ Шевченко Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 22 июня 2004 года.

шимся на Северный Кавказ. Преодолевая все трудности, не раз попадая под огонь вражеских орудий с земли и под бомбежку с воздуха, мы добрались до Каспийского моря. В это время здесь готовилась отправка учащихся ФЗО в глубокий тыл. Нас присоединили к ним и на пароходе эвакуировали на Урал. Так я и мои товарищи оказались в Ижевске.

Но от своего желания бить немцев ребята не отказались и здесь. Им повезло. В городе дислоцировался 34-й запасной полк связи. С нескольких попыток ремесленникам удалось уговорить командование, и они стали воспитанниками полка, а после окончания специальных курсов – телеграфистами. В том же 1943 году передислоцировались в Калининскую область.

Неожиданно мы оказались на одном из самых драматических участков Великой Отечественной войны. В нашу задачу входило обслуживание связью эскадрилий, отправляющихся на Ленинградский фронт, предназначенных для охраны «дороги жизни» и военных действий в небе блокадного Питера. Выполняли и другие задания – словом, делали все от нас зависящее для фронта, для Победы... Невыносимо больно вспоминать события военного времени. С высоты прожитых лет особенно ясно осознаешь, что все, пережившие войну, живут по существу вторую жизнь, в том числе и я. Ведь любого из нас могла поразить шальная пуля, осколок разорвавшегося рядом снаряда. Разве не мог каждый из нас оказаться на месте тех двух пареньков, которые не переправились на Зеленый остров вместе с нами и погибли? Так что прошедшим через все тяготы войны и оставшимся в живых действительно выпала счастливая судьба¹.

* * *

После призыва Александра Прокофьевича Кутилина в армию в апреле 1943 года попал он в зенитно-артиллерийский полк.

– Впечатление первого боя навсегда врезалось в мою память с такой яркостью, словно все происходило вчера, – говорит ветеран. – В сумерках наш полк прибыл на станцию Шепетовка, являющуюся важным стратегическим пунктом для Красной армии. Станция

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

была перегружена. Наш состав вплотную подошел к составу, груженному танками. Новенькие Т-34, готовые мгновенно ринуться в бой, неподвижно стояли на железнодорожных платформах. Только отошел наш поезд от состава, как в воздухе появились немецкие бомбардировщики. Нам было приказано, не разгружаясь, прямо с платформы вести заградительный огонь. Земля сотрясалась от взрывов бомб и залпов орудий. Фашисты сбрасывали не только бомбы, но и осветительные ракеты на парашютах. Картина жестокости и варварства предстала перед нами, новобранцами, впервые увидевшими войну. Тысячи тонн взрывчатки и металла с воем неслись на нас, в щепки разлетались вагоны и путевые рельсы, как факелы горели цистерны с горючим, обреченно разваливались кирпичные строения, а немцы озверело бомбили и бомбили. Мы почти в упор расстреливали фашистских стервятников, а составы с продуктами, боеприпасами и боевой техникой беспомощно ждали своей участи. И вдруг совсем рядом я увидел, как танк Т-34, круто развернувшись прямо на платформе, перевалился на насыпь и быстро устремился в конец состава, зацепил тросом передний вагон и стал оттащить в тупик, в район леса, весь состав с танками. После налета станцию невозможно было узнать. Горько было смотреть на груды металла, кирпича и щебня, развороченные вагоны, крученые рельсы. Казалось, на многие месяцы станция выведена из строя, но к вечеру следующего дня она начала функционировать и тот же танк Т-34, мирно урча своим мощным мотором, подогнал состав с танками к станции без единой потери. Приятно было видеть героический экипаж, проявивший смекалку, мужество и отвагу. В этом бою мы, зенитчики, тоже отличились, уничтожив много фашистских бомбардировщиков, и были награждены орденами и медалями...

За этот бой Александр Прокофьевич получил первую боевую награду – медаль «За отвагу»...¹.

* * *

В первые дни войны моего отца призвали на фронт, мать осталась с тремя детьми. Я был старшим из них, и все хлопоты и

¹ Р. Башаров. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 28 декабря 1974 года.

заботы взвалились на мои еще не окрепшие плечи. Шло время, нас то и дело перевозили с одного места на другое, потому что мать была членом партии и очень активной общественницей. Она организовывала женщин на борьбу со снежными заносами, на рытье окопов, помогала собирать подарки фронтовикам. Мне же в это время приходилось заботиться о детях, готовить еду, стирать. При первой эвакуации мы потеряли все, что было в квартире. Полицаи забрали мебель, одежду. Последним нашим причалом была станция Семикаракорская. Оттуда-то и решил я сбежать на фронт. Планами своими поделился с другом Иваном Белокуровым, тоже из эвакуированных. Он меня поддержал, и мы уже подробно обдумывали бегство, но неожиданно меня вызвали в военкомат. Там мне и еще двоим ребятам моего возраста дали винтовки без патронов и послали разносить по селам призывные повестки. Боже мой, какой радостью было для меня осознавать, что хоть так, но я помогаю фронту. Воодушевление мое улеглось, когда, придя в село Константиновку, я понял: от моего прихода люди ждут лиха. Бабы бежали за мной со слезами, другие с тревогой следили за мной, перегнувшись через плетни, кто-то со страхом выглядывал из окна: «Не за моим ли сыночком пришли?».

Все задания военкома я выполнял добросовестно, он остался мною доволен, но отправить на фронт согласия не дал: мне было всего-навсего 15 лет, а другу – 16.

25 апреля 1943 года я твердо решил убежать на фронт, а друг оказался нерешительным, отступился от нашей затеи. Ночь накануне побега показалась такой длинной, я долго не мог заснуть, ворочался с одного бока на другой, боясь проспать. Чуть забрезжил рассвет, я вскочил, быстро оделся, положил за пазуху краюху хлеба и сало и, крадучись, вышел, чтобы не разбудить домашних. Шел к Дону, все время оглядываясь, а рассвет надвигался все быстрее. Было много тропок, и я смело пошел по хорошо вытоптанной. Куда по ней выйду, я не знал. Вдруг стало темнеть, сгустились черные тучи. Пошел сильный дождь, холодный и неприветливый. Я промок до нитки, ботинки все глубже погружались в грязь, силы покидали меня. Но тут дорожная тропка вывела меня на шлях. Я обрадовался и продолжил путь. Оглянувшись – по шляху движется телега, запряженная двумя быками, доверху груженная соломой. Женщина, увидев меня, остановила быков и закричала во все горло: «Куда тебя несет в такую погоду?!». Я так дрожал от холода, что ничего не мог ей

65-летию Великой Победы посвящается

ответить. Она быстро вырыла среди соломы яму, укутала меня рваным одеялом, напоила горячим чаем из бутылки... Не помню, как я уснул и сколько мы ехали. Проснулся, вылез из дыры. Дождь утих. Волы были освобождены из телеги и жевали солому.

Хозяйка завела меня в дом, покормила, переодела. Узнав мои намерения, обняла, заплакала и просила вернуться обратно. Но я был тверд: только на фронт!

Село, где меня приютили, называлось Чебакино. Дорога из него вела меня дальше в неизвестность. Пройдя километров десять, я увидел в небе летящий самолет и стал наблюдать за ним. За холмом он исчез: видимо, приземлился. Я бросился бежать туда и, к своему удивлению, увидел большой аэродром. Сердце мое забилося от радости. Я долго стоял и наблюдал, как солдаты в летной форме бегали взад-вперед, у столовой увидел командира. Хотелось подойти к нему и твердым, уверенным голосом потребовать, чтобы меня взяли на фронт, но получилось наоборот: по моим щекам потекли предательские слезы. Командир спросил:

– Тебе чего, парнишка?

– Я на фронт хочу, возьмите меня, пожалуйста!

– А сколько тебе лет?

– Пятнадцать, – ответил я. Он улыбнулся, взял меня за руку и завел в столовую, где обедали солдаты. Когда мы вошли, шум сразу утих, и в тишине командир громко произнес: «Ребята, возьмем в свою часть парнишку, уж больно он просится служить?». Все дружно, со смехом ответили: «Конечно, возьмем!».

Так я был зачислен в 87-й отдельный Сталинградский полк ГВФ (гражданского воздушного фронта). Все обязанности и поручения, возложенные на меня в части, я выполнял добросовестно. Командир эскадрильи, видя мое усердие в деле, определил меня на срочные курсы летчиков при части, и после их окончания я наконец-то стал самостоятельно летать на ПО-2 (самолет Поликарпова). Мы летали на линию фронта, забирали раненых и переправляли их в госпитали. Было очень много тяжелых полетов. Однажды самолет попал в такой туман, что не видно ни зги. Пришлось катапультироваться в глубокий снежный покров в Карпатах. Вскоре нас обнаружили и спасли. Я попал в госпиталь, а потом снова вернулся в свою часть и продолжал служить.

Украина, Польша, Чехословакия, Германия. Да, трудным был путь от села Чебакино до Берлина. После Победы нашу часть пере-

базировали в Россию, потом – в Молдавию, затем меня направили служить в Вильнюс, а оттуда я уже демобилизовался в 1946 году. Мне было 18 лет, и мои ровесники в это время только призывались на службу... О годах Великой Отечественной войны напоминают ордена и медали. Да еще снятся сны о войне. А о своей фронтовой юности я нисколько не жалею. Думаю, что поступил по долгу и по совести¹.

* * *

В 1942 году в Новошахтинск ворвались немцы. В городе начались расстрелы, пытки, разрушения. На площади имени В. И. Ленина немцы сняли с пьедестала памятник Ильичу. Была закрыта школа, в которой учился Ленья Федосов.

Однажды в дом, где проживала семья Федосовых, ворвались гестаповцы. Федосовых они не тронули, но забрали с собой еврейскую семью, которая жила в соседней квартире. За городом в ту ночь слышались автоматные очереди. Там, в овраге, немцы расстреливали советских граждан. Такой участи ждал каждый. Тревожно тянулись дни.

В снежный февраль 1943 года до новошахтинцев дошла радостная весть: Красная Армия наступает! Скоро наши части освободили от немцев Новошахтинск.

... По узкой улочке шли два паренька, с ними красноармеец. Они остановились около каменного дома.

– Вот тут, — проговорил Ленья Федосов и указал бойцу на убитого гитлеровца.

– Чистая работа. Молодцы, ребята.

И красноармеец протянул им свою огрубевшую руку... Это было в день освобождения Новошахтинска.

В то время Лене Федосову и Юре Карелину было по четырнадцать лет. Это была первая месть будущих разведчиков за свой любимый город. Тогда они оба твердо решили; пойти в Красную Армию. Но у Юрия заболела мать, и он не мог оставить ее одну. Леонида командир отказался взять. Сказал, что он еще мал. Но мальчик настойчиво просился в армию.

¹ Одинцов Р. Л. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 7 мая 2005 года.

65-летию Великой Победы посвящается

– Куда тебя такого, винтовку не донесешь, в походе отстанешь. Нет, лучше подрасти малость, – гвардии майор Степанов испытывающе смотрел на паренька. У Леонида навернулись на глазах слезы:

– Хоть в обоз возьмите, – просил он.

– Ну, видно, ничего не попишешь. Нстойчивый парень!

– Придешь завтра, на кухню устроим, – согласился, наконец, майор.

Лене дали новое, сшитое полковым портным обмундирование, и он стал работать на кухне. Сварить хорошую солдатскую кашу – это, конечно, искусство. Но Леонида ни на минуту не покидала мысль о воинском подвиге. И вот однажды с ним произошел случай, который помог осуществиться его мечте. Это было после боев на Миусе.

Леонид Федосов попал в расположение противника. Юношу схватили немцы и повели в штаб. Что случилось бы дальше – не известно, но Леониду ночью удалось бежать и перейти линию фронта. Через несколько минут после возвращения Леонида в свою часть, его вызвал к себе генерал.

– Молодцом, молодцом! Значит, вот здесь ты видел противотанковую пушку... Штаб, говоришь, в этом доме... Здесь немцы рыли окопы...

Генерал водил по карте карандашом и делал отметки. Леонид вышел от генерала сияющий. Отныне он будет зачислен в храбрую семью разведчиков.

Утром бойцы освободили село. Гарнизон противника был разгромлен, схвачен немецкий офицер, тот, что допрашивал Леонида. На груди у юного разведчика рядом с гвардейским знаком заблестел орден Красной Звезды.

Часть продвигалась с упорными боями к Днепру. Как-то командир вызвал к себе Леонида Федосова и сказал, что отпускает его домой в отпуск. Прошло полтора месяца после отъезда Леонида. Бойцы уже думали, что он не вернется. Дорога дальняя, часть все время продвигается вперед. Найти ее нелегко. Каково же было удивление начальника разведки Каргина, когда к нему однажды постучал Леонид.

– Ну, рассказывай, рассказывай. Как разыскал нас, а?

Леонид в смущении переступал с ноги на ногу.

– Да ты чего молчишь? Присаживайся...

– Я, товарищ начальник, приехал не один...

– Как не один? Не жену ли с собой привез? — пошутил старший лейтенант.

– Со мной товарищ приехал...

– Ну, давай, зови его сюда.

В комнату вошел Юрий Карелин. В смущении он теребил полусвоей поношенной кацавейки. После рассказов Лени о том, как они пробивались на фронт, как обходили комендантские посты, потому что у Юрия не было с собой никаких документов, Каргин сказал:

– Что ж, будете служить вместе, разведчиками.

Большой боевой путь прошли ребята. Участвовали в боях на Украине, в Крыму и Литве. Много раз они вместе с бывальыми разведчиками совершали дерзкие налеты на врага и всегда выходили из схваток победителями. В боях они закалились, возмужали.

Как-то в Пруссии Леонид Федосов и Юрий Карелин столкнулись с группой немцев. Несмотря на численный перевес противника, юные разведчики вступили с ними в бой. Несколько гитлеровцев было убито, а двое подняли перед ними руки.

За боевые подвиги командование наградило обоих друзей правительственными наградами. На груди у Леонида Федосова три ордена – Красной Звезды, Славы II и III степени, а у Юрия Карелина – орден Отечественной войны II степени и орден Славы III степени.

Боевые друзья, комсомольцы Леонид Федосов и Юрий Карелин заслужили добрую солдатскую славу: хорошо, хорошо повоевали хлопцы!¹.

* * *

Мы – дети войны... Наше детство было опалено огнем, на наши маленькие плечи неимоверной тяжестью легли немецко-фашистская оккупация, концлагеря, голод, кровь и слезы. Мы пережили столько, что хватит не на одно поколение. Как хочется, чтобы такое не повторилось никогда!

Я родился в 1931 году в Ленинграде. Отец в первые дни войны ушел на фронт и погиб в 1941-м. Я остался с матерью в блокадном

¹ Клюенков В. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

Ленинграде. Однажды утром проснулся, а рядом – мертвая мама. Испугался, спрятался в чулан. Там и просидел весь день и ночь. А утром услышал стук в дверь – пришли какие-то люди, унесли мать, взяли меня с собой. Оказывается, эти люди искали еще живых детей, чтобы переправить через «дорогу жизни», Ладогу, на «Большую землю».

В эшелоне доехал до Свердловска на Урале, где с признаками дистрофии был помещен в больницу. Потом – детдом. Но была мечта – бежать на фронт, чтобы отомстить за отца и мать. Бежал из одного детского дома – поймали в 50 километрах от железной дороги. В 1943 году опять бежал, пробирался по тайге, голодный и оборванный. Так добрался до Набережных Челнов. Там на пристани стоял теплоход «Иосиф Сталин». Удалось нырнуть под бухту кабеля на палубе. Голодный, промерзший до костей, доплыл до города Горького. На пристани забрали, поместили в детприемник – бежал. На товарняке добрался до станции Калязино Калининской области. Вижу: на станции стоит эшелон с танками. Выбрал момент, нырнул под брезент, эшелон тронулся. Очень хотелось есть. На одной из станций высунулся из-под брезента – часовой заметил и сразу: «Стой! Руки вверх!». Повел пацана в штаб. Там как раз находился командир 101-ой танковой бригады подполковник Хромченко. Оглядел он худого, голодного и оборванного мальчугана. Глаза подполковника вдрут потеплели.

– Откуда, сынок? – спрашивает он.

– Из Ленинграда, – отвечаю, – хочу на фронт, у меня свои счета с фашистами, хочу за маму и папу отомстить.

Подполковник Хромченко так же тихо сказал:

– У меня у самого два сына в Москве с матерью остались. А ты, сынок, так и быть, оставайся у нас, будешь всем нам сыном.

Так и стал сыном полка. Меня отмыли, перешили под рост солдатскую одежду, сапоги, поставили на полное довольствие. Подполковник Хромченко взял в свой танк стрелком-радистом.

Танковая бригада прибыла на станцию Обаянь под Орлом. Началась подготовка к самому большому в Великой Отечественной войне танковому сражению. Это была Курская дуга. До сих пор удивляюсь, как я вышел живым из такой битвы: тысячи танков, грохот гусениц, взрывы, пулеметные очереди. Танки буквально шли на таран. Небо почернело от дыма и пыли. И мы победили. Я мстил за папу и маму, за всех наших людей, за Родину...

На переформирование наша 101-я танковая бригада была направлена в Тулу. Получили новые танки Т-34 с длинноствольным 85-миллиметровым орудием. И бригада пошла вперед: Мелитополь, Запорожье, Сиваш, Турецкий вал. При форсировании Сиваша в Крыму погибли подполковник Хромченко и командир 432-го танкового батальона капитан Иван Николаевич Машкарин, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Потом были Прибалтика, Польша, Чехословакия, Венгрия, Восточная Пруссия. В боях за Севастополь. Я получил первую боевую награду – медаль «За отвагу».

Когда перешли границу Советского Союза, был получен приказ Верховного Главнокомандующего: всех детей, бывших в рядах Советской Армии, отправить в тыл. Было желание остаться в армии, дойти до Берлина, но приказ есть приказ...

В 1986 году в Москве, в парке Победы, посадили саженцы в честь 19-го танкового корпуса, куда входила и наша 101-я танковая бригада. Теперь в парке Победы растет дерево под № 41 – дерево Анатолия Георгиевича Краубнера, сына полка...¹.

* * *

Когда началась Великая Отечественная война, нашему земляку Мише Толчееву было только 15 лет. После освобождения Новошахтинска всех молодых людей, рожденных до 1925 года, призвали на фронт. А Мишу и других его сверстников вызвали в милицию. Им предстояло под руководством старших товарищей отлавливать дезертиров и шпионов. Это была непростая задача: работать приходилось по ночам – отсыпались днем. Разные были эпизоды, но в память остро врезалось задержание двух немцев с рацией. Они засели в подвале одного из домов в поселке Тельмана и передавали оттуда сообщения своим.

10 мая 1943 года Михаила Толчеева призвали в армию, и было ему тогда всего 17 лет. Сначала парнишка находился в запасных частях, его обучали военному искусству, а через год он попал на фронт. Боевое крещение Михаил принял под селом Тараканово Псковской области – первый бой, и первое ранение, и первая вы-

¹ Краубнер А. Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 4 мая 2001 года.

65-летию Великой Победы посвящается

сокая солдатская награда – медаль «За отвагу». Ранение было тяжелое – в голову, пришлось пройти лечение в военном госпитале.

Молодость взяла свое, и вскоре Михаил снова оказался в строю. В это время в их стрелковый полк влился новый отряд, в котором был Ваня Сыроваткин – такого же возраста парнишка из Краснодарского края. Ребята подружились и вместе делили военные тяготы.

– Помню, пошли на нас фашисты по грейдерной дороге, – говорит Михаил Иванович Толчеев. – Мы с Ваней залегли в кювете. 50, 40, 30 метров... Напряжение росло. Ваня бросил гранату. Она разорвалась, не долетев до танка. И вот танк пошел нас утешить. Это были страшные мгновения. У меня после этого была контузия, попал в медсанбат.

Солдаты говорят: «Если матушка-пехота – королева полей, то артиллерия – бог войны». А как бы в связке между ними – пулеметчики. В октябре 1944 года при освобождении города Валмиера (Латвия) Михаил поменял свою военно-учетную специальность. Это случилось, как часто бывает на войне, неожиданно, без подготовки. Немцы, отступая, оставили на железнодорожной станции эшелон раненых, а потом предприняли контратаку. Ожесточенный был бой. Наш пулеметный расчет был выбит из строя, и командир роты велел Михаилу заменить пулеметчика. Пулеметную ленту подавал казах Эргеш Туманбаев. Новый пулеметный расчет удачно выбрал позицию, где он практически был неуязвим. Как говорит Михаил Иванович, много тогда побили немцев – отомстили за всех своих погибших товарищей. Наши бойцы отбили три атаки, а Миша с тех пор так и остался командиром пулеметного расчета. За этот бой он был награжден орденом Красной Звезды.

На всю жизнь запомнил Михаил Иванович своего ротного командира Василия Ивановича Кузнецова, отдававшего душу за каждого солдата. Помнит он, как 9 Мая Кузнецов, сияя глазами, воскликнул: «Ну, ребята, отвоевались – победа!». Ликование этого дня трудно теперь передать словами.

Война закончилась, но военная служба продолжалась для Михаила еще пять лет. На аэродроме Средняя Рогатка в Ленинграде его рота принимала трофейные машины из Курляндского котла. Их приводили в порядок и потом раздавали колхозам, предприятиям, организациям. Оттуда Михаил попал в Днепропетровск, в казармы, построенные для солдат еще при Екатерине Второй. Для

солдат всегда была работа: на заводе, в колхозе на уборке урожая – всюду требовались сильные мужские руки.

Домой, в Новошахтинск, Михаил вернулся в 1950 году в звании младшего сержанта...¹.

* * *

Валентин Николаевич Петров родился в селе Теньковка Ульяновской области в семье сельских учителей. Дед его тоже был учителем. В 1932 году семья переехала в город Мелекесс (ныне Димитровград) той же области, где Валентин окончил десятилетку в 1941 году.

Началась Великая Отечественная война. Несмотря на неоднократные просьбы, на фронт его не брали. И он пошел инструктором в стрелковый клуб. 8 марта 1942 года Валентин Николаевич, наконец, добился своего: он добровольцем ушел в Красную Армию. Но на фронт он попал не сразу. Сначала учился в Ульяновском училище связи, которое окончил в 1943 году с присвоением звания лейтенанта. Командовал взводом связи в 1133-м Таганрогском стрелковом полку 339-й стрелковой дивизии, затем воевал – сначала на Степном, потом на Северо-Кавказском фронтах, освобождал Таманский полуостров, Северный Кавказ. 9 октября 1943 года Москва салютовала нашим победителям, а дивизия, в которой воевал лейтенант Петров, получила почетное звание Таманской.

Вскоре Валентин Николаевич был переведен в 1337-й стрелковый полк 318-й Новороссийской стрелковой дивизии, которая впоследствии была преобразована в горно-стрелковую. Освобождал Керчь и Севастополь, был дважды ранен. За эти бои награжден орденом Отечественной войны I степени.

Из сообщения Центрального архива Министерства обороны СССР: «...В наградном листе к приказу по 3-му горно-стрелковому корпусу отдельной Приморской армии № 015 от 26 мая 1944 года командир взвода радиосвязи 1337-го стрелкового полка 318-й стрелковой дивизии В. Н. Петров был удостоен ордена Отечественной войны I степени... Лейтенант товарищ Петров, работая в должности командира радиовзвода роты связи, хорошо организовал радиосвязь в бою 7 мая 1944 года при прорыве сильно укрепленной обороны

¹ Шевченко Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 23 февраля 2000 года.

65-летию Великой Победы посвящается

противника на горе Безымянной, западнее Кадыковки (под Севастополем). Помимо того, когда под сильным артиллерийским огнем противника линейная связь была расстроена, он четко организовал бесперебойную радиосвязь командования полка с батальонами и штабом армии. Несмотря на сильный артиллерийский минометный, и ружейный огонь, действуя с группой бойцов 2-го стрелкового батальона, взял на себя инициативу и командование над этой группой, не считаясь с опасностью для своей жизни, пошел на штурм вражеского дзота, стремительным броском атаковал его и забросал гранатами, убив при этом 12 фашистов, овладев дзотом. На протяжении последующих боев по очищению высоты Горная, совхоза № 10, района Итальянского монастыря товарищ Петров, помимо основной работы, не отрывался от боевых порядков, уничтожая немецких фашистов...».

После освобождения Крыма дивизия была переброшена в Карпаты. В составе 4-го Украинского фронта освобождал Ивано-Франковскую и Львовскую области, Польшу. В октябре 1944 года бойцы дивизии первыми ворвались в Чехословакию, взяв штурмом Русский перевал. Валентин Николаевич освобождал города Кошице, Прешов, Бельско-Бяла, Оломоуц, Моравску Оставу. И хотя война закончилась 9 мая 1945 года, он еще до 13 мая принимал участие в боях при Судетах.

После Победы продолжал службу в Закарпатье еще пять лет. Для дальнейшего прохождения службы Валентин Николаевич был направлен на остров Парамушир (Курильские острова) в 18-й артиллерийско-пулеметный полк. В ночь с 4 на 5 ноября 1952 года на острове произошло сильное землетрясение, обрушился мощный цунами. Были смыты волнами город Северокурильск, поселки Байково, Козыревск. Трое суток еду и одежду сбрасывали с самолетов. В. Н. Петров был эвакуирован с солдатами на остров Сахалин. 1 сентября 1953 года в звании капитана В. Н. Петров демобилизовался и приехал на родину жены в город Новошахтинск.

Среди наград Валентина Николаевича Петрова, кроме двух орденов Отечественной войны I степени, медали: «За боевые заслуги», «За освобождение Кавказа», «За победу над Германией», 11 юбилейных, знак «Отличник народного просвещения СССР», медаль «Ветеран труда»...¹.

¹ Тарико Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

* * *

9 октября 1943 года около 8 часов утра наши войска отбросили последние немецкие части в Керченский пролив и наступила мертвая тишина. Битва за Кавказ, которая продолжалась больше года, завершилась победой Красной Армии.

Бои за Кавказ были страшные. Они шли под Моздоком, Орджоникидзе, Новороссийском, на Голубой Линии. Названия мест, где они велись, говорят о жестоких сражениях: Балка Смерти, Крестовая, Высота Героев, Долина Смерти на Малой Земле. Шли бои за перевалы, за Эльбрус, где против черных егерей из дивизии «Эдельвейс» дрались горные стрелки из 242-й горнострелковой дивизии. А горные перевалы Главного Кавказского хребта защищали части 47-й, 56-й, 9-й и 18-й армий. На защиту Кавказа встали все народы, проживающие здесь: 414-я грузинская, 89-я армянская, азербайджанская дивизии, 339-я ростовская стрелковая дивизия, где в основном воевали русские, уроженцы Ростовской области. В 1133-м Таганрогском стрелковом полку воевал я. В битве участвовали адыгейцы, черкесы, кубанские и терские казаки, Донской казачий корпус, ингуши, чеченцы и представители всех национальностей, населявших Кавказ.

Итак, утром 9 октября наступила тишина: не слышно орудейных выстрелов, пулеметной и ружейной стрельбы – а мы все еще не верим, что битва за Кавказ, которая продолжалась более 15 месяцев, закончилась.

Вечером диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан зачитал приказ Главнокомандующего И. Сталина о победе наших войск на Кавказе и присвоении почетных званий. Нашей 339-й ростовской дивизии было присвоено звание «Таманская». А вечером Москва салютовала нам 24 залпами из 330 орудий. Между прочим, число 9 оказалось счастливым: 9 октября 1943 года закончилась битва за Кавказ, 9 мая 1944 года мы штурмом взяли город-герой Севастополь, а 9 мая 1945 года закончилась Великая Отечественная война...¹.

* * *

В октябре 1943 года было мне семь лет, помню все, как будто это случилось вчера. Городок наш Гуляйполе захватили немцы

¹ Петров В. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

как-то внезапно, незаметно. Большого боя не было. Не успели оглянуться, а везде уже висели немецкие приказы, все лучшие дома заняли солдаты и офицеры, исчезли из хозяйских дворов куры и поросята.

Наш дом стоял у дороги, рядом с базаром. Родная тетя жила через две хаты в большом каменном доме. Построили его перед Великой Отечественной войной. Ее выселили в старую хатку, что стояла во дворе, а в доме поселился немецкий офицер.

У тети было крепкое хозяйство: куры, утки, гуси. Все это быстро исчезло, а вот гуси остались. Большие, серые. Офицер заставил откармливать их для себя.

Но мы чувствовали: скоро придет освобождение. Чувствовалось это и по поведению немцев, и по далекому гроыханию пушек. Немцы стали готовиться к отпору. На базаре, за магазинами складировали снаряды, мины, патроны в больших ящиках, гранаты с длинными ручками. Мы, детвора, с завистью смотрели на крепкие металлические ящики, в которых были мины. Такой ящик, да еще с ручкой, можно было приспособить для любой игры. Но боеприпасы охранялись.

И вот осенним днем, под вечер, началась пальба. Снаряды рвались совсем рядом. Заскочил домой немецкий офицер, а гуси важно идут во двор. Офицер вытащил пистолет и перестрелял их одного за другим. Приказал тете их обработать, мол, он их заберет. Она позвала мою мать, вместе они быстро справились с работой. Сложили тушки в тазик и чуть-чуть присолили.

А канонада все приближалась. Возле базара стоял танк и стрелял в сторону речки, откуда наступали наши. Мать сгребла нас с сестрой в охапку – и к тете в подвал. Это был единственный каменный подвал на весь квартал. Остальные глинобитные, того и гляди привалит. Собрались туда со всего квартала и стар и млад. Сидим между подушками на земле на остатках картошки и молимся. Есть хочется, а выйти невозможно: пули высекают камень с крыльца.

Потом немного утихло. Вылезли из подвала. В доме тетя спрятала нас под кровать, забросав подушками. Около полуночи громко застучали в дверь. Все замерли. Если немцы, расстреляют всех из автомата. Тетя посмотрела на всех и сказала: «Я самая старшая здесь, пойду открывать. Убьют меня, любой ценой спасите детей, они должны жить». Вышла в сени и спрашивает по привычке: «Кто там?». А в ответ: «Мамаша, свои! Открывай!». Мы онемели.

Заходят трое мужчин и женщина. Что тут случилось! Все с воплями «Наши, родные!» бросились обнимать и целовать солдат. Слезы ручьями текли по лицам. Мать подошла к старшему и робко спросила: «А нам можно теперь домой? Мы живем тут рядом, на углу». Тот улыбнулся и сказал: «Можно, можно. Идите. У вас там полно гостей».

Мы пошли домой. И правда, полон двор солдат. Во дворе стояла скирда соломы. Под ней уже лежали солдаты. В комнатах везде солдаты. Офицеры устроились на кровати, но спальню оставили нам.

Мать бросилась доить корову, та два дня была не доена. Все молоко, а также кислое, что было в кувшинах, отдала солдатам со словами: «Пейте, дорогие, только хлеба нет. Мы давно его сами не видели». «Ничего, – отвечали, – мы с сухарями».

Бойцы стали засыпать, а к нам уже спешила тетя. Она сказала: «Миля, чем солдат кормить будем? Кухни отстали, все голодные». Потом махнула рукой и спросила: «Где твой котел?». У нас и правда в сарае лежал десятиведерный котел, в котором вываривали беляе. Мигом его выволокли и поставили в саду на камни. Натаскали воды. Тетя принесла тушки гусей – за ними так и не вернулся немецкий офицер. Видать, было не до них. Подошли соседки, а потом собрались женщины со всего квартала. Несли кто что мог: свеклу, картошку, капусту, морковь. Откуда-то появился кусочек сала. Работа закипела. К утру котел наваристого борща был готов. Мать зашла в дом за посудой и слышит разговор офицеров: «Когда еще кухни подойдут, чем кормить бойцов?». Мать метнулась во двор, а через несколько минут внесла в кухню котел с борщом и поставила перед изумленными офицерами. «Кушайте да кормите наших дорогих освободителей», – сказала с поклоном. Улыбающиеся солдаты потянулись к котлу с котелками. Усаживались где кто мог и с наслаждением хлебали борщ. Подходили, благодарили женщин, говорили: «Такого борща мы давно не едали».

А через несколько часов хоронили на нашем братском кладбище погибших солдат. Прямо напротив нашего дома. Были там похоронены солдаты, убитые во время гражданской войны, говорят, хоронили и белогвардейцев, но мы этого не знали. Кладбище содержалось в идеальном порядке. Моему деду горсовет платил какие-то деньги, а он сеял траву, подстригал акацию, обрезал деревья, белил ограду. Вот здесь и решили похоронить трех бойцов. Один из них был му-

65-летию Великой Победы посвящается

жем той женщины, что зашла в дом к тете. Они оба освобождали наш городок, но в разных частях. Гроб стоял в столовой на большом столе. Никогда не забыть это молодое красивое лицо. Лежал он в новенькой форме, с орденом, а под стол капала кровь. Жена, не отрываясь, смотрела на него, а в глазах ни слезинки, только губы плотно сжаты да крепко сцеплены руки. Так солдат и похоронили рядом: Черный, Муравьев, Джениакилов. Когда грянул залп и заиграл оркестр (откуда взялся – ума не приложу), женщины зарыдали, а жена Черного так и стояла, закаменев. Когда разошлись люди, она подошла к тете и сказала: «Посадите весной цветы. Ухаживайте за могилой. Я приеду сюда обязательно, если останусь жива. Сохраните это». И подала тете фотографию мужа.

Части солдат двинулись дальше в сторону Запорожья. Через несколько дней на каждой могиле стоял скромный памятник с красной звездой. Это два друга-старика, отменные каменщики, наносили кирпичей из разбитых зданий, сделали пирамидки, сами оштукатурили. На памятнике Черного сделали фотографию. Еще я запомнила, что был он из Донецка. Могилы содержались в идеальном порядке. Везде цветы, а по праздникам возлагали венки. Каждое предприятие шефствовало над могилами...

Прошли годы. Я уже училась в техникуме. Мы с подругой любили готовиться к экзаменам на кладбище. Там было много зелени и очень тихо. Как-то под вечер подруга ушла домой, а я задержалась. Смотрю, к могиле Черного идут две женщины, вернее, женщина и девушка, с букетом цветов. Я сразу узнала пожилую женщину: это была она, та самая, только седая, совсем седая. Они сели у могилы, положили цветы. Мать что-то рассказывала дочери, показывая на выцветшую фотографию¹.

* * *

Петр Григорьевич Гончарук родился на Украине в селе Заречье Житомирской области. Там же, в селе, окончил семь классов, работал в колхозе. В ноябре 1943 года был призван в армию и попал сразу на фронт, передовая линия которого в то время располагалась всего в 20 километрах от районного центра Барановичи.

¹ Иванченко С. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

В фильме «Направление главного удара» показано наступление наших войск на Брянск через болота, что явилось неожиданностью для немцев. Вот в этих боях и участвовал Петр.

Был сформирован отдельный саперный батальон. Месяц готовились к прорыву, ночами настилали гать, подтягивались войска. Боевая задача была поставлена так: ночью необходимо захватить плацдарм и удерживать его до подхода основных сил. Но с какими потерями она была выполнена...

Немцы обнаружили наступление и открыли шквальный огонь. Сразу были убиты командир и начальник штаба батальона. Командование на себя взял один из командиров рот. Потери были большими, но батальон взял с боем разрушенную деревню и занял оборону... Устояли...

Утром прошла двухчасовая артподготовка и наши войска пошли в атаку. За этот бой Петр Гончарук был награжден медалью «За отвагу». А дальше – Минск, Слуцк, Брест, Кенигсберг, Польша, Берлин, Прага. Дважды пришлось форсировать Буг: русло у реки оказалось очень извилистым. Грудь украсили новые боевые награды: орден Славы III степени – за Буг, орден Отечественной войны II степени – за Берлин, медали – за Кенигсберг, Берлин, «За победу над Германией»¹.

* * *

1943 год. Глубокая осень в Тамани. Слякотно, муторно, море покрыто туманом. Бойцы в напряженном ожидании. Идет подготовка к штурму Керчи, занятой врагом. Наконец, 3 ноября поступил приказ: начать штурм и освободить Керчь. Наша группа устремилась в атаку на военном катере. Бросились в атаку 150 человек. Прорыв был стремительный. Вначале все шло как намечали. Но вот в разгар боя катер получил пробоину и стал тонуть. Оказавшись в воде, солдаты продолжали наступление. Когда враг был разбит и мы заняли Керченский выступ, из нашей команды в живых осталось всего 10 человек...

И в таких сражениях мне приходилось участвовать десятки, а то и сотни раз. Освобождал Крым, Новороссийск, Севастополь,

¹ Тарико Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

служил во фронтовой разведке. Так что за годы войны пришлось и тонуть в Черном море, и выбивать фашистов из занятых ими городов Закавказья, Крыма, и освобождать Кубань, и участвовать в десанте, и действовать в тылу врага. В Крымской операции был ранен...

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени и 14 медалями...¹.

* * *

«Участвовал в уничтожении казармы немецкого гарнизона в деревне Бобовня (Копыльского района) и 2000 метров телефонно-телеграфной связи в районе заставы Филиповичи, был в пяти боях. 30 ноября 1943 года переведен в штаб области, где дважды участвовал в боях и проявил себя смелым и беспощадным к врагу. Представлен к правительственной награде». Это строчки из боевой характеристики сержанта Петра Константиновича Калинина. Она выдана штабом партизанского движения Белостокской области.

Петр Константинович рассказывает:

– Нас было 20 человек. Я – старший группы. Шли на хозяйственную операцию – отбить, перехватить – как уж придется – продукты у фашистов. По дороге встретили связного. Он нам и предложил уничтожить фашистский гарнизон в Бобовне. Дело рискованное. Подумали, посоветовались и решились. Сняли часового. Прислушались. Кругом спокойно. Без шума и шороха разошлись по коридорам. При свете карманного фонарика открыли двери. Фашистское зверье после очередной попойки в глубоком сне. Мелькнула мысль: может, снятся им партизаны, а они тут – наяву. Дом разом наполнился гулом от автоматной стрельбы. Длинные очереди поливали врагов свинцовым дождем. Пули пришили их прямо к постели. Риск оправдался: фашистский гарнизон был уничтожен. Благодаря дерзкой и молниеносной операции партизанам достались большие трофеи и много продуктов.

Несладко было фашистам, охранявшим железнодорожные пути. Партизаны группами на больших участках вели «рельсовую войну». Они были на своей земле: им помогал каждый кустик.

¹ Овасян М. А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

И не было такой ночи, чтобы не взлетали на воздух вагоны или не пошел под откос фашистский поезд, идущий на фронт. Уж если намечено на какую-то ночь взорвать пути на одном из перегонов, то так это и было. Штаб регулировал действие подпольщиков. Как правило, на задание выходило несколько групп – у всех не может быть неудачи.

В районе Филиппович группе Калинина просто повезло. Партизаны не только взорвали большой участок железнодорожного полотна, но и вывели из строя два километра связи.

На вторую ночь на участке, где был взрыв, немцы обычно усиливали охрану. Связные и разведчики докладывали, откуда пришло подкрепление, где можно удобней провести рельсовую операцию. Там и гремели взрывы.

Партизаны. Народные мстители. Они вели трудную и героическую жизнь. Мокли под дождем неделями, не имея возможности обсушиться, мерзли в землянках – нельзя было разложить костер. Спали в снегу, забравшись, словно в полог, под опустившиеся до земли густые ветви вековых елей. Преодолевали считавшиеся непроходимыми болота.

– Все было, – вспоминает Петр Константинович. – Не давали мы фашистам житья на родной земле.

Одиннадцатого сентября 1944 года Калинин вручили медаль «За отвагу». Награжден он и другой военной наградой – медалью «Партизану Отечественной войны» II степени¹.

* * *

Владимир Петрович Паршин встретил весть о начале Великой Отечественной войны курсантом полковой артиллерийской школы. И сразу – в бой.

С неопишуемой отвагой сражались молодые артиллеристы. Но враг превосходил их в численности, в вооружении и в опыте военных действий. Под его натиском пришлось оставить позиции и отступить.

Отступали от Вязьмы до самой Москвы. Началась оборона и битва за Москву, которая, в конечном счете, окончилась полным

¹ Смирнов Н. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 9 мая 1975 года.

65-летию Великой Победы посвящается

разгромом гитлеровцев на этом участке военных действий. Артиллеристы, в числе которых был Владимир Паршин, выбивали фашистов из многих подмосковных населенных пунктов.

После Москвы их полк через Саратов перебросили на Сталинградский фронт. Двигались под сплошным огнем. До сих пор, когда Владимир Петрович вспоминает об этом, то слышит непрерывный грохот, вой снарядов, видит одну и ту же картину: земля горит, небо горит, все вокруг – в огне и дыму. Трудно даже представить, как они преодолели это пекло и добрались до Сталинграда.

Сразу же повели наступление на Матвеев Курган, вслед за ним выбивали гитлеровцев в районе тракторного завода.

После Сталинградской битвы дороги войны для советских солдат, в том числе и Владимира Паршина, стали дорогами освободителей. Так, осуществляя эту священную миссию, оказался он под осажденным Ленинградом. Ежеминутно рискуя быть расстрелянными с воздуха или утонуть, переправились через Ладогу и приняли участие в снятии блокады Ленинграда. Потом были освобождение Пскова, Прибалтики. Но и после Победы военная служба для В. П. Паршина не закончилась. Он демобилизовался лишь в 1946 году...¹.

* * *

Михаил Васильевич Положий – участник Великой Отечественной войны. В его биографии интересно не только то, что он попал на фронт в неполные 17 лет, но и его военная специальность – воздушный разведчик.

– В обязанности воздушных разведчиков, – рассказывает М. В. Положий, – входило неусыпное наблюдение за небом, вернее, мы должны были не только не упустить приближение вражеского самолета, но и по звуку определить его марку, курс, высоту, скорость и загруженность бомбардировщика: летит ли он наносить удар или уже возвращается на свой аэродром... Однажды наша артиллерийская часть стояла в белорусском городе Мозыре. Воздушные разведчики охраняли деревянный мост через реку Припять (железнодорожный мост, расположенный рядом, был разрушен).

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

Я был в тот день дневальным. Было около десяти часов утра. Время затишья после многочасового ночного боя, который вконец вымотал солдат. Все уснули, бодрствовали только я и часовые. Шагая по вышке, я внимательно следил за небом, всматриваясь буквально в каждую тучку и напряженно прислушиваясь. И наконец услышал звук приближающегося самолета. По «голосу» это должен быть «Мессершмитт-109». Но звук был не совсем похожий. Летел он на довольно большой высоте. По «хрипоте» мотора понял, что бомбардировщик загружен до предела и летит бомбить. Смущало еще и то, что самолет приближался к нашим позициям не с запада, а с востока. Но маневр врагу не удался. По звуку я вскоре определил, что это новый, более мощный, немецкий истребитель – бомбардировщик «Мессершмитт-110». Как положено, сразу подал сигнал «воздух», подумав: «Не успеешь ты даже снизиться, как мы тебя накроем». Но, к моему удивлению, «мессер» и не думал снижаться. Он начал метать бомбы с той самой высоты, на которой завис над своей целью. К счастью, с такой высоты фашист не заметил, что железнодорожный мост разрушен и направил свой смертоносный груз именно на него. Поняв свою ошибку, немецкий летчик, снизившись, сделал разворот, приготовился нанести удар уже по деревянному, только что наведенному нашими солдатами мосту. Но сделать ему это не удалось. Он был накрыт «нашими» орудиями, выпускающими по 140 трассирующих снарядов в минуту. И, оставляя за собою огромный шлейф черно-сизого дыма, вражеский самолет нырнул безвозвратно в Припять.

Среди боевых наград Михаила Васильевича есть медаль «За освобождение Варшавы», а в сердце осталась память о тех днях:

– Из Белоруссии наша часть двигалась, прикрывая тылы фронта, до Варшавы. Это случилось уже перед взятием польской столицы, которая лежала в сплошных руинах, в январе 1945 года. Подойдя к Висле, наши войска, как обычно, навели деревянные мосты, чтобы переправиться через нее. Один из таких мостов охраняли от налетов вражеской авиации наши воздушные разведчики. В тот день я нес наблюдение на одной из вышек. Гитлеровскому летчику, которого потом все равно «накрыл» наш орудийный расчет, все-таки удалось сбросить несколько бомб. Одна из них разорвалась возле вышки, на которой я находился. Я даже не успел понять, что произошло, как мгновенно нырнул с 15-метровой высоты и угодил в огромный сугроб снега. Этот сугроб спас меня от

65-летию Великой Победы посвящается

верной гибели. Я отделался сильной, но все-таки не смертельной контузией, после которой пришлось долгое время лечиться в медсанбате. День Победы встретил в Варшаве.

Но на этом армейская служба для М. В. Положего не окончилась. До 1951 года он служил в армии, а потом надел милицескую форму...¹.

* * *

На Аллее Славы городского парка культуры и отдыха у братской могилы накануне 40-летия Великой Победы были установлены памятные мемориальные плиты. На них – фамилии новошахтинцев, сложивших головы на полях сражений за родную землю, павших от руки немецко-фашистских палачей. Сотни, тысячи фамилий. И Вечный огонь священной памяти...

И в праздники и в будни приносят сюда люди цветы, молодожены приходят, чтобы в торжественный и светлый день своей свадьбы поклониться праху героев, что жизни собственной не пожалели во имя их сегодняшнего счастья.

Часто приходит сюда и Владимир Михайлович Гриценко – потомственный горняк, участник Великой Отечественной войны. Останавливается он у обелиска и в который раз перечитывает многочисленные фамилии. И каждый раз болью защемит сердце, когда найдет самую дорогую надпись: «Гриценко М. А.». Отец, папа...

Сорок два года не знали Владимир Михайлович, его братья Иван, Борис и Валерий о солдатской судьбе их отца, пропавшего без вести во время горячих сражений на Миус-фронте, о чем сообщило их матери Варваре Даниловне официальное извещение. В конце 1984 года, когда в нашей стране широко развернулась подготовка к празднованию 40-й годовщины Победы, В. М. Гриценко решил попытаться счастья – разместить в донских СМИ заметку об отце...

А вскоре пришел ответ. Вот что было написано в письме: «Пишет вам незнакомая женщина, имя мое – Полина Ивановна Пашенко, живу я в селе Покровском Никлиновского района. Со слезами на глазах пишу вам это письмо: дело в том, что я прочла в местной газете “Приазовская степь” заметку “Память об отце жива”, где вы

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

просите рассказать о красноармейце Гриценко Михаиле Алексеевиче. Сообщаю, что я с вашим отцом служила в одной части. Он был пулеметчиком. В 1943 году шли жестокие бои под Саур-могилой, вот там ваш отец и погиб – вблизи села Дмитриевка.

Вы спросите, откуда я его знаю? Расскажу. Я была связисткой и тянула к ним связь. Пули сыпались со всех сторон, до нашей траншеи оставалось уже малое расстояние, как мне навстречу пополз человек и сказал: “Дочка, давай я тебе помогу, ведь тебе так тяжело”. (В это время мне было восемнадцать лет). Он взял меня за шинель и, прикрывая, опустил в траншею. Разговорились. “Откуда, – говорит он, – ты такая, черномазая?”. Я сказала, что из Ростовской области. Он так и засиял: “Ведь ты моя землячка, я тоже из Ростовской, только я шахтер”. Но адреса я тогда у него не спросила. Потом я пошла в землянку к командиру батальона, куда должна тянуть связь, и он тоже вошел и говорит: “Моя, дочка, фамилия Гриценко Михаил”. А отчество его я не запомнила. У него на груди были орден Красной Звезды, медали “За отвагу” и “За боевые заслуги”. Запомнился шрам от правого глаза по лбу. Солдату было года 42–43. Он говорил, что у него много детей, и шутил: кончится, мол, война, останемся живы – я тебя посватаю за сына. Звал он меня ласково Павлиночка, а я его – дядя Миша. Их к нам прислали как пополнение, ребята были все здоровые, жизнерадостные, много сибиряков.

Дядя Миша рассказывал мне, что у него на счету много подбитых танков, много уложил фрицев. Можно было, говорит, на этом и закончить, но фрица надо гнать из своей России. Он был не слишком разговорчив. Когда приезжали к нам корреспонденты, он больше молчал, а старался о других бойцах рассказывать...

А теперь самое тяжкое – как он погиб. Получилось так. Немцы открыли сильный огонь, нигде было спрятаться, кроме окопчика и траншей, а местность у Саур-могилы вся была открытой. Сколько там нашего брата полегло, никак мы не могли взять эту высоту. И враг ударил и слева и справа, и 150-миллиметровый снаряд попал прямо в траншею, где они были... После мы узнали, что из их взвода осталось в живых только трое (и те раненые), а все остальные погибли, мало что от них осталось. Но, к сожалению, я дядю Мишу так и не нашла и многие годы жалела о том, что не знала его адрес. Так что он погиб как герой, все они... Потом пришли их награды, но уже было поздно.

65-летию Великой Победы посвящается

После войны я не один раз ездила на Саур-магилу, видела те места, где мы проходили с боями, и знаю, в какой траншее погиб ваш отец Гриценко Михаил. В письме всего не опишешь, если вас заинтересуют подробности, приезжайте»...

С разными чувствами встретил Владимир Михайлович эту и радостную, и в то же время печальную весточку, о которой сразу сообщил братьям. Однако одолевали и сомнения: об отце ли речь идет в письме П. И. Пащенко?

Вновь и вновь старший сын направляет в Покровское письма с подробными описаниями отца, его привычками, и каждый раз Полина Ивановна присылает обстоятельный ответ, дополняя предыдущие новыми вспомнившимися деталями. Вот выдержки из ее писем.

«... Почему в памяти осталась ваша фамилия Гриценко? Моя сестра была замужем за Гриценко Иваном Павловичем, погибшим в 1941 году, и тоже носила эту фамилию...».

«... Как-то я спросила у дяди Миши: за что он награжден орденом Красной Звезды. Он долго молчал, а потом сказал: “Я, дочка, восемь танков подбил, а девятый в огне остался. И большинство гранатами: пускал танк через траншею, а сзади бросал гранаты”».

«... В отношении того, что задаете много вопросов, – это ваше право и долг узнать больше о своем отце. Но, к сожалению, я мало знаю о нем потому, что это фронт: встретился – знаешь, через час – уже нет никого. Это хорошо, что я была связистом, большее время находилась в укрытии. А когда связь тянешь к полю боя, все снаряды твои. Остался жив – ну и хорошо. Я тоже и ранена была, и контужена. Очень тяжело было на Курской дуге, при переправе через Днепр и взятии Киева, где я награждена была медалью “За отвагу”. Много видела горя, и сейчас я переписываюсь с некоторыми родными моих погибших боевых друзей».

«... Из редакции “Приазовской степи” мне сообщили, что они справлялись в селе Дмитриевке (это под Саур-могилой, возле Миуса) о погибших воинах, и им сказали, что останки всех убитых с поля боя перенесли в Дмитриевку и теперь здесь три большие братские могилы».

Прошла лютая зима, и в первые же теплые дни поехали братья Владимир и Борис Гриценко к Полине Ивановне, повезли и довоенные фотографии отца. Совершенно незнакомые люди встретились как родные. Посмотрев на братьев, на фотографии, Полина

Ивановна сказала тихо и твердо: «Теперь сомнений нет никаких – это был ваш отец». Тогда и условились: накануне 9 мая все вместе поедут на Саур-могилу, туда, где принял свой последний бой несветайский шахтер Михаил Гриценко.

Солнечный и зеленый май шумел и ликовал повсюду в честь Праздника Победы. Как дорогих гостей встретила Полина Ивановна Пащенко всех четырех братьев Гриценко (Василий Михайлович специально прилетел из Воркуты, и, увидев его, Полина Ивановна сказала: «Вот кто – вылитый отец»). А потом был путь к Саур-могиле... Они стояли посреди широкой степи, над которой высилась гора с мрачным названием. Стояли в скорбном молчании, всматриваясь в линию просевшей земли, бывшую когда-то окопной траншеей.

– Вот здесь это и произошло, – негромко промолвила Полина Ивановна. Братья преклонили колени и бережно положили на дышащую теплом и миром весеннюю землю букеты ярко-красных майских тюльпанов.

– Вот где ты нас ждал сорок лет, родной наш, – прошептал Валерий и припал пересохшими губами к зеленой траве, прижимая к груди узелок с землей, взятой с могилы матери. И никто из присутствующих не скрывал своих слез: это была встреча сыновей с отцом, встреча после столь долгой разлуки...¹.

* * *

Во время Великой Отечественной войны была песня: «Мальчишки, мальчишки, вы первыми ринулись в бой. Мальчишки, мальчишки, страну заслонили собой...» Одним из таких мальчишек был и я. Когда меня призвали в армию, мне шел 17-й год. Свое боевое крещение я получил под эстонским городом Петсери, будучи связным командира стрелковой роты.

В одном из боев при прорыве глубокоэшелонированной вражеской обороны был ранен в правое плечо. После излечения в ФГЛР (фронтowej госпиталь легко раненых) вновь попал на фронт, только воевал уже в качестве первого номера станкового пулемета. Что это за вид оружия, фронтовики знают. Участвовал в боях за освобождение городов Тарту, Риги и других. Воевал в составе 53-й

¹ Поздняк Ю. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 28 декабря 1985 года.

65-летию Великой Победы посвящается

гвардейской дивизии, которая входила в состав 14-го гвардейского корпуса 1-й Ударной армии. Сражались мы с фашистами в Прибалтике (Курляндии). В нашей фронтовой газете как-то было написано: раньше фрицы в Курляндии ловили кур в мешок, а теперь сами попали в Курляндский мешок. Зажатые со всех сторон с суши Прибалтийскими фронтами и имея единственный выход только через Балтийское море, они отбивались с яростью обреченных. А это были отборные фашистские армии, одна из которых держала в блокаде Ленинград.

Во время боя у шоссе на дороге Рига–Тукумс был ранен командир нашего расчета, и командир роты, забрав у него гильзоизвлекатель, сказал тогда мне: «Будешь командиром расчета». И вот я далее воевал в должности командира пулеметного расчета. Было в расчете у меня четыре человека: первый номер – украинец Шевчук, второй номер – из Западной Украины по фамилии Савчук, подносчиками были Богомоллов и Ковалев, один из Калуги, второй из Костромы (кстати, в то время и песню пели: «А ну-ка, дай жизни, Калуга, громи веселей, Кострома»).

В декабре 1944 года, отражая контратаку фашистов, я был тяжело ранен, а первый номер погиб. Судьбу остальных товарищей не знаю. Хорошо, если бы кто-нибудь откликнулся на мою заметку. Потому что нету дружбы сильнее, чем рожденная в пулеметной роте. На войне...¹.

* * *

Притих зал. Десятки глаз устремлены туда, где у кумачовой трибуны стоит Алексей Михайлович Чебакин, невысокий, коренастый, с седеющей головой:

– Служил я в авиации. Наш полк выполнял спецзадания, сущность которых заключалась в том, чтобы проникнуть в глубокий тыл врага и сбросить в точно заданный район десантные группы. И несмотря на то что прошло с тех пор более тридцати лет, я не могу забыть людей, которые отправлялись на шелковых крыльях парашюта в логово врага, не задумываясь, какие опасности подстерегают их там. Отправляли за линию фронта целые группы.

¹ Гриценко В. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

– Во время войны мне пришлось командовать разведротой, – говорит Николай Иванович Гавриленко, – Это было весной 1944 года. В Прибалтике стрелковые подразделения подошли к реке Мужжа. Это небольшая речушка, но в ту весну она разлилась широко. Готовилось наступление. Нужен был пленный. Но «языка» достать было нелегко: уходили ребята в поиск и погибали. И вот вызывает меня однажды начальник разведки дивизии и говорит: «Посылай своих людей, “язык” нужен позарез». Два дня мы наблюдали за вражеским берегом. Заметили: на ночь фашисты выставляют на склоне легкий пулемет МГ-40. Сюда и решили пойти ночью. Задача группы – захватить расчет пулемета. Соорудили плот и замаскировали его ветками. Установили связь с артиллеристами. В любую минуту они должны были помочь огнем. Стемнело. В поиск уходили сержант Поршневу, рядовые Малахов, Войтиков и Алиев. Полусогнувшись, они толкали плот вперед. Было тихо. Время шло долго, томительно. Вдруг заработал вражеский пулемет, за ним другой, третий. Я подал сигнал – ударила наша батарея. Воспользовавшись артиллерийской поддержкой, разведчики без потерь вместе с пленными вернулись в траншею.

– В начале Курской битвы немцы бросили против наших войск сотни танков, – вспоминает бывший механик-водитель танка Александр Тарасович Сельченко. – И небо, и земля, и само солнце, казалось, истекали кровью, когда на равнине под деревней Прохоровкой развернулось невиданное по своему размаху танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало около 1200 танков. Весь день гудели танки, ухали взрывы. К вечеру бой утих. Я уже собирался остановить машины, когда услышал голос командира: «Справа “тигр”!» Тут я и сам увидел вражеский танк. Он выскочил из-за поворота и быстро пошел навстречу нашей «тридцатьчетверке». Я нажал на тормозную педаль. Секундой позднее остановился «тигр». Несколько десятков метров разделяли танки. Командир быстро крутил ручки подъемного и поворотного механизмов, целясь в фашистскую машину. Еще один поворот рукоятки – и вражеский танк на прицеле. Он тоже замер, его орудие готово каждую минуту выплюнуть смертоносный снаряд. Командир нажал на спуск, и бронебойный снаряд разбил основание вражеской пушки. Не медля ни минуты, командир резким движением опустил оружие и выстрелил по ходовой части танка. Гитлеровцы начали вылезать из люка, но пулеметная очередь остановила их. Так доли секунды решили исход поединка.

65-летию Великой Победы посвящается

Замерев от волнения, слушают учащиеся фронтовую быль Алексея Евдокимовича Воинова – бывшего штурмана воздушного корабля:

– Мне пришлось сражаться в небе нашей области. С февраля 1943 года фронт оставался на реке Миус. Почти каждую ночь мы совершали по 6–8 бомбовых ударов по тылам врага, но особенно запомнилась одна из августовских ночей. Получив задание, наш экипаж поднялся в небо. Линию фронта пересекли благополучно. Но вдруг внизу вспыхнули огни. Стало ясно, что мы вошли в полосу противовоздушной обороны противника. Командир экипажа Валентин Константинов выполнил противозенитный маневр и вывел бомбардировщик из опасной зоны. Мы сбросили боевой груз. Над целью взметнулось сплошное море огня. Задание выполнено. Мы возвращаемся на базу. Но нас на пути ожидает враг. Вот заскользили по небу фашистские прожектора. От близких разрывов вражеских снарядов вздрагивал самолет. Командир корабля стремился выйти из-под лучей прожектора, но безрезультатно. Наступил критический момент. Тогда командир решил имитировать падение самолета. Маневр удался. Он у самой земли выправил самолет, и мы «ушли домой»...¹.

* * *

Илья Романович Дебенев призван в армию был Билимбаевским райвоенкоматом. За бой на переправе на реке Березина И. Р. Дебенев награжден орденом Славы третьей степени.

29 июня 1944 года у деревни Антоновка. Утром рано, еще на небе была видна зорька, вручную подкатили орудия на заранее подготовленные позиции. В деревне ни души, ни огонька. Рядом Бобруйск, там окруженный, но еще сильный враг.

Вот и готовы орудия к бою. Долго гитлеровцев ждать не пришлось. На рассвете они пошли из леса, лежащего справа. Неожиданно, без пристрелки, на огневую позицию обрушился шквал пулеметно-автоматного огня. Как будто из-под земли встают фашисты в черных и зеленых мундирах. Трассирующие пули прошивают все окружающее пространство, которое, кажется, соткано из

¹ Бондаренко Н. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 27 марта 1974 года.

огня. Враг рвется к переправе, она рядом. Опытный командир орудия Илья Дебенева подает команду: «Прямой наводкой – огонь!». У прицела его ровесник Илья Бураздин, он ведет точный огонь.

Комбат, старший лейтенант Е. Н. Плотников засекает с наблюдательного пункта вспышки минометов, по телефону передает расчетные данные и ориентир. Команда: «Дебенева лично уничтожить огневую точку». А цель закрыта холмом. Но с третьего выстрела Илья заставил замолчать гитлеровцев.

Целый день батареи отбивали атаки врага. Было отбито девять атак. Во всех схватках с врагом участвовал расчет Ильи Дебенева. Группами и в одиночку немцы двинулись на дорогу, а в руках – белые полотнища.

Уважали командира орудия за отвагу и находчивость, смелость и решительность. В ту пору ему было 28. Выглядел он молодо, но к его слову прислушивались и пожилые артиллеристы. И еще любили Илью за острую шутку-прибаутку. В короткие часы досуга рассказывал он об Урале, о Чусовой.

Ушел полк с боями на запад, воевал на Западном Буге и Висле. Заслуженный в бою на Березине орден Славы получил Илья Романович в Польше. 21 апреля 1945 года его орудие дало залп по логову фашизма – Берлину. Там встретил он Великую Победу. На груди Дебенева засияла еще одна звезда – орден Славы II степени. Демобилизовался в 1946 году. За годы войны, кроме орденов Славы, получил два ордена Отечественной войны и многочисленные медали. После войны к боевым орденам и медалям прибавился трудовой орден – орден Октябрьской революции...¹.

* * *

Меня очень взволновало письмо, полученное мною от Бобруйского района Компартии Белоруссии и райисполкома в начале июня. В письме говорилось: «Приглашаем Вас, дорогой ветеран, на празднование 45-летней годовщины со дня освобождения Бобруйска от немецко-фашистских оккупантов». И сразу вспомнились те далекие годы, июнь 44-го, когда наш артиллерийский полк в составе 3-й танковой армии включился в операцию «Багратион».

¹ Телес А. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 9 апреля 1987 года.

65-летию Великой Победы посвящается

Перед советскими воинами была поставлена задача – освободить Белоруссию от врага. Для осуществления операции ставка Верховного командования создала мощную группировку из войск 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов. Они имели в своем составе около двух с половиной миллионов человек, более 36 тысяч орудий и минометов, свыше пяти тысяч танков, самоходно – артиллерийских установок и столько же боевых самолетов. Цифры внушительные, и они наглядно говорят о размахе начавшейся битвы.

Наш полк входил в состав 1-го Белорусского фронта, которым командовал маршал К. К. Рокоссовский. А представителем Ставки был маршал Г. К. Жуков. Воевать под началом этих выдающихся полководцев было для нас большой честью. В те июньские дни наши части облетела радиограмма Рокоссовского: «Деретесь отлично, остался всего шаг до выполнения главной задачи. Желаю успеха. Главная задача – окружение врага в районе Бобруйска».

25 июня 3-я танковая армия и наш отдельный артиллерийский полк ворвались в Бобруйск. Артиллеристы полка, которым командовал полковник В. П. Иванов, в боях за город уничтожили много живой силы и техники врага.

Я был командиром орудия, расчет действовал четко, стреляли метко. Моим однополчанам было тогда по 20–30 лет, а огневыми взводами, батареями командовали и совсем юные офицеры и старшины. Вот и теперь, через 45 лет после битвы, я встретился в Бобруйске с командиром орудия 3-й батареи Василием Ивановичем Найдным. Это замечательный воин! На груди – четыре ордена Славы. Откуда же четвертый? Их положено иметь три. Но вышло так, что Найдну уже после войны был вручен в военкомате еще один орден Славы II степени. Словом, награда нашла своего героя.

На подходе к городу полк двигался по лесным дорогам, нередко по тропам. Заболоченные участки преодолевали с помощью партизан, используя подручные средства. Разумеется, все это требовало крайнего напряжения всех сил – и физических, и моральных...

И еще одна встреча в Бобруйске. С бывшим телефонистом – Василием Ивановичем Зайцевым. Это он пробирался сквозь заросли с телефонной катушкой за взмокшей от тяжести спиной. Но зато в бою Василий Зайцев надежно обеспечивал связь батарей с командиром огневого взвода.

Приехал на встречу из Баку бывший командир огневого взвода Ораз Хаджибеков. Он награжден орденом Красного Знамени и другими высокими боевыми наградами.

Бодрым, неунывающим показался мне Григорий Трофимович Ткаченко, командир орудия 1-й батареи. Он инвалид войны 2-й группы, был тяжело ранен на Буге. К слову, Ткаченко стал председателем полкового совета ветеранов войны.

И должен сказать, что почти на каждой встрече звучал призыв ветеранов: помнить войну! Этот призыв приобрел характер наказа и завета молодым: помните о том, что в суровую годину войны было совершено старшими поколениями советских людей – вашими отцами и дедами, завоевавшими великую Победу. Происходит смена поколений, рождаются и вступают в жизнь новые люди и поэтому рассказывать о том, что было в прошлом, нужно вновь и вновь...¹.

* * *

Форсировав Дунай в конце августа 1944 года, полки 20-й гвардейской дивизии быстро продвигались на юг. И хотя жара не ослабевала, бойцы чувствовали себя как-то бодрее, настроение было приподнятым. Каждый понимал, что врагу нанесен сокрушительный удар, фашистские захватчики вышвырнуты с советской земли. Шли дни и ночи. Гвардейцы стремились вперед, уже позади осталась Румыния.

Колонны нашего 57-го полка, остановились в балке, на берегу маленького, но бурного ручейка. Здесь объявили привал. Приказали разбить палатки и выставить охранение. Поступило распоряжение привести себя в порядок – постричься, побриться, заштопать обмундирование.

Старшина 5-й роты Михаил Яровой построил гвардейцев, критически осмотрел их, усмехнулся, потом строго сказал:

– Вот что, орлы. Не забывайте, что мы находимся за границей. Надо следить за своим видом. Ведь вы гвардейцы, и надо всегда иметь бравый, подтянутый вид.

Старшину поддержал командир роты лейтенант Скляренко:

– Надо, хлопцы, подтянуться. Всем известно, как вы храбро

¹ Дебенев И. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

сражались за освобождение Молдавии и Румынии. А сейчас мы находимся на земле братской Болгарии. На нас смотрят как на солдат-освободителей. В общем, приказ такой: привести себя в порядок и быть готовыми к построению. Приедут командир полка и замполит.

Часа через два гвардейцы выстроились на площадке. Бравые, подтянутые. Командир полка Гугин с замполитом Косолаповым, поздоровавшись с личным составом, обошли строй. С искренней любовью смотрели они на бойцов, добродушно шутили.

– Вот сейчас вы словно преобразились – сказал подполковник Косолапов. – Стали молодыми, привлекательными. Так и должно быть. Ведь мы с вами пришли на братскую болгарскую землю как воины-освободители.

Радостно и гостеприимно встречал народ Болгарии советские войска. В каждом городе, селе или хуторе люди всех возрастов выходили навстречу нашим бойцам. Раздавались приветственные возгласы, воинам дарили цветы, сувениры. И всюду было слышно ласковое слово «братушки». Навсегда оно осталось в солдатской памяти.

Когда проходили через город Сливен, ко мне подбежала смуглая девушка и, радостно улыбаясь, протянула большой яркий букет. Смущенный, я принял цветы. Девушка что-то восторженно говорила, и, хотя мало что можно было разобрать, но теплое и понятное слово «братушка» говорило обо всем. Поблагодарив девушку, я оглянулся на своих товарищей. У каждого из них в руках были свежие цветы, так любовно собранные в красивые букеты. В словах, обращенных к нашим солдатам, была искренняя глубокая благодарность за избавление Болгарии от немецко-фашистского ига.

Разнообразна природа Болгарии. Широкие долины, по которым протекают бурные речки, чередуются с горным пейзажем. Помню, как однажды мы взбирались на одну из вершин. Решили пройти напрямую, минуя дорогу, огибавшую гору. Сильно уставшие, присели отдохнуть. До вершины оставалось небольшое расстояние. Думали, что на той высоте вряд ли кто может жить. Вдруг заметили, что в гору поднимается пожилая женщина со связками мокрого белья на коромысле.

– Что такое? – удивленно воскликнул старшина. – Уж не привидение ли! Ведь мы и так высоко забрались.

Когда женщина подошла к нам, старшина спросил, откуда она и как попала на такую кручу. Из ее объяснения мы кое-как поняли, что она живет в хуторе на другой стороне горы, спускалась вниз, к речке, полоскать белье. Выносливость женщины вызвала у нас восхищение, а больше всего запало в душу тепло произнесенное ею слово «братушки»...

Навсегда сохранятся в памяти встречи на земле братской Болгарии. И сегодня отрадно сознавать, что нашу Ростовскую область связывают узы дружбы с трудящимися Плевенского округа ...¹.

* * *

Военная судьба Игната Борисовича Приходько сложилась не совсем обычно. С первого дня войны он рвался на фронт, в действующую армию. Но ни с первого, ни со второго и даже с десятого захода ему не удалось прорваться сквозь военкоматовские заслоны. Парней 1926 года рождения на фронт не брали: не вышли возрастом. В 1943 году, узнав, что подлежат призыву лица мужского пола 1925 года рождения, Игнат прибавляет себе год и идет на призывный пункт. На этот раз «тактический маневр» удался. Он становится солдатом. И воюет стрелком на Первом Белорусском фронте. С боями он прошел всю Белоруссию, Польшу и Восточную Пруссию...

Август 1944 года. Польша. Небольшая деревушка. Игнат лежит в засаде в леске и наблюдает за дорогой. Его задача – не пропустить врагов. Дорога пустынна неожиданно появляется санитарная машина. «Но что за черт, – думает Игнат, – ни раненых, ни конвоя не видно, больше того, шофер газует до предела. Что-то не то, что-то неладно. Раненых так не перевозят.

Игнат готовит гранату, срывает кольцо, бросает. Поврежденная «санитарка» закружилась на месте. Ему удалось взять в плен шофера. Оказывается, что «санитарка» использовалась для того, чтобы перевезти награбленное у местных жителей добро, потому-то шофер и гнал ее во весь опор...

Идет бой. Вдруг через балку пробирается группа фашистов. «Задержать!» – получает приказ Игнат. Не мешкая, открывает огонь

¹ Крылов Н. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

из автомата, забрасывает врагов гранатами. Приказывает пленным лечь на землю и держат, пока подросла помощь. Прикрывающий его пулеметчик москвич Анатолий Зацепин погиб, а он всех 12 пленников сдал командиру...

Наши наступают. Впереди речка. Фашисты взорвали переброшенный через нее деревянный мост. Игнат, не раздумывая, первым прыгает в воду и быстро начинает восстанавливать мост под вражеским огнем. И вскоре наши войска по мосту перебравшись через реку и обратили вражеских солдат в бегство...

А потом была Восточная Пруссия. Ожесточенные бои за каждую пядь земли. 31 января 1945 года Игната тяжело ранило в позвоночник. Его полк пошел дальше, на Берлин, а он попал в госпиталь, из которого выписался уже после войны, в октябре 1945 года, и приехал в родной Новошахтинск.

О боевых делах Игната Борисовича говорят награды: десять медалей, орден Отечественной войны I степени, орден Славы III степени, который нашел его через много лет¹.

* * *

После наступления Советской Армии и освобождения польских городов Гдыня, Колберг, Трептов и ряда деревень нашу 310-ю дивизию отвели на отдых и формирование, личный состав приводил себя в порядок. Солдаты мылись, чистили и чинили обмундирование, занимались боевой подготовкой, готовились к последующим решающим боям. Получив пополнение, боевую технику, боеприпасы и все необходимое для боевых действий, дивизия направилась на фронт.

19 апреля 1945 года дивизия перешла в наступление и, форсировав Одер, встретила сильное сопротивление немцев. Завязались кровопролитные бои, которые несколько раз переходили в рукопашные схватки. Немцы отчаянно сопротивлялись, стремясь во что бы то ни стало удержать свои позиции, но наступательный порыв наших воинов остановить было трудно.

Много героических подвигов было совершено в эти дни. Пехоту поддерживали артиллеристы и минометчики. Солдаты на руках

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

выкатывали пушки на прямую наводку и расстреливали немцев в упор. Особенно отличился расчет пушки сержанта Звенигородского, подбившего в этом бою три немецких танка и уничтожившего четыре огневые точки противника. За этот бой сержант Звенигородский был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Немцы не выдержали и отступили. Путь на Берлин был открыт. Вдохновленные этой победой, воины дивизии, преследуя противника, буквально на его плечах ворвались на окраину Берлина, где продолжали вести боевые действия за каждый дом, за каждую улицу.

С 1 мая 1945 года бои стали затихать и немцы начали вывешивать почти из каждой квартиры белые простыни, наволочки – знак капитуляции. Было понятно, что скоро Берлин падет.

Только где-то в центре города слышались взрывы авиабомб и снарядов, продолжались бои. А 2 мая немцы капитулировали. Победа! Что тогда творилось – объятия, поцелуи, поздравления, стрельба из всех видов оружия вверх. Это был салют победы. Так для нас, воинов 310-й стрелковой дивизии, закончилась война, хотя до мирной тишины еще было далеко¹.

* * *

Борис Власович Дубченко был талантливым модельщиком по дереву. В начале войны он закончил работу над двумя моделями, которые были выставлены в музеях Ростова-на-Дону, а затем – Москвы. Это были дубовые тисы и рубанок из липы.

Война не только оборвала занятие любимым делом, но и принесла Борису серьезные испытания: в 1942 году его угнали в один из концентрационных лагерей, расположенных на территории Польши. Его свободолюбивая натура не могла смириться с положением узника, и уже через месяц он совершил первый побег из лагеря. Его поймали в тот же день и жестоко избили. Но Борис не собирался оставаться здесь и несколько раз. Один из таких побегов увенчался успехом, и Борис оказался в партизанском отряде. Ему было 19 лет, он плохо говорил по-польски (за два года пребывания в концлагере запомнил некоторые слова), бежал с полемком с твердым желанием:

¹ Решетников А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

хотя бы на польской земле бороться с немцами. Так Борис стал солдатом 2-й бригады Народной армии «Сьвит» («Заря»).

Веселый характер, забота об оружии и особенно острый глаз снискали ему всеобщую симпатию товарищей. О его боевых делах в составе армии польских партизан в 1962 году рассказал польский военный журнал «На страже» (через четыре года эта публикация появилась в СССР, в журнале «Вокруг света»). Вот выдержки из этой статьи: «Своими леденящими кровь рассказами об ужасах гитлеровской оккупации, о пребывании в лагере он усиливал ненависть к оккупантам. Перед началом боевых действий он готовил наводчиков, обучая их пользоваться новым советским оружием...».

Он отлично стрелял, был смелым, инициативным. Он занимал такие огневые посты, с которых наиболее удачно поражал врага, это имело исключительное значение, когда по призыву Польской рабочей партии Народная армия начала «рельсовую войну». К поездкам Борис чувствовал особую ненависть, может быть, потому, что сам был вывезен из-под Ростова на работы в Германию. Казалось, что, обстреливая поезда, взрывая их, он хочет отомстить за все злодеяния Гитлера». Польша на долгие годы осталась в его судьбе. В скромном архиве Бориса Власовича десятки писем от его боевых друзей, каждое из которых достойно публикации. Наибольшее число их принадлежит бывшему командующему 2-й Народной армией «Сьвит» полковнику Тадэушу Оркан-Лэнцки. Он писал: «Честь тебе, дорогой советский друг Борис Власович! Ты и многие люди твоего народа укрепили в огне смертельной борьбы вечную дружбу народов наших стран. Прекрасные Келецкие леса шумят вам песню благодарности и славы».

Для своих польских друзей он был олицетворением советского человека. В годовщину 20-летия Победы, в 1965 году, Борис Власович побывал в Польше, встретился со своими друзьями, вспомнил свой боевой путь. И снова в Новошахтинск полетели письма...

Вот что писал ему Тадэуш в одном из писем: «Я много рассказываю о Вас – смелом боевом друге – своим товарищам по военной академии. Встречая русских людей в Варшаве, а особенно увидев Юрия Гагарина, я сразу же вспоминаю Вас»¹.

¹ Желтобрюх Л. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 22 июня 2005 года.

* * *

Великая Отечественная война давно стала историей. Но для людей, переживших войну, это время героических поступков на фронте и в тылу. Люди мужественно сражались за победу. Самое время вспомнить о погибших боевых друзьях – товарищах, о наших дорогих однополчанах, о людях, которых мы считали погибшими, но они выжили всем смертям назло...

Самолет старшего лейтенанта Виктора Антонова взорвался над целью. Командир упал в пекло огня. Часть самолета отлетела далеко в сторону. Выброшенный взрывной волной из открытой кабины, воздушный стрелок раскрыл парашют. Немцы из всех видов оружия били по парашютисту, трассирующие пули врага чертили смертельные стрелы вокруг висевшего на стропах человека. Земля ревела и стонала. Находившиеся в воздухе три «ила» прикрывали спускавшегося на землю летчика. Наши истребители «яки» вели воздушный бой с «мессерами». Но вот парашют опустился и протянул по земле распластавшегося летчика. Он не поднимался, лежал неподвижно. Земля вокруг была изрыта воронками от бомб и снарядов. Сесть самолету, чтобы забрать товарища, не представлялось возможности. Шел адский бой. На земле остался лежать воздушный стрелок Николай Суханов... Все тогда посчитали, что он погиб. В том тяжелом бою погибли три экипажа: три летчика, три воздушных стрелка, три ИЛ-2 не вернулись на свою базу...

Много лет прошло с тех пор. В 1975 году, накануне 30-летия Великой Победы, сибиряк Николай Емельянович Суханов ездил в места бывших воздушных сражений. Катастрофа произошла под прусским городом Хаймигенбейль, на территории окруженных со всех сторон нашими воинскими частями гитлеровцев. Вражеский зенитный снаряд угодил в бомболюк, где находились противотанковые, термитные, бронезажигающие бомбы – «головастики».

Потом, через тридцать лет, Николай Суханов разыскал однополчан и рассказал о том воздушном бое, о своих мытарствах:

– Это произошло 25 марта 1945 года. Фашистские войска получили строгий приказ фюрера: удерживать занимаемые позиции любой ценой. Именно в это время мы с летчиком и потерпели катастрофу. Я упал, что называется, прямо в «котел», приземлившись на парашюте в расположение немецкой интендантской части. В «котле» буквально кишели люди, техника. И особенно интенсивно «бурлило» в ночные часы, потому что только под покровом

65-летию Великой Победы посвящается

ночи можно было сравнительно спокойно передвигаться по перегруженным дорогам – днем их контролировала советская авиация. И все это, живое, орущее, блеющее, двигалось в неопределенном направлении, все еще не веря в безвыходность положения, ища спасительную лазейку и не находя ее. Я был невольным участником этого сатанинского круговорота. Сутки возил меня на телеге старый немец Карл, все искал «госпиталь», где бы мог оставить надоевший ему живой труп. Наконец, он привез меня в какой-то лагерь, где нашлось свободное место, и сдал меня санитарам – военнопленным, работавшим в этом лагере.

Здесь А. Суханову простой ножовкой ампутировали левую ногу. Примерно за неделю до прихода наших войск на бараки, где лежали раненые, вдруг посыпались бомбы и застрочили пулеметы. Это пикировали наши родные «ильюшины» и «петляковы». Свершилась невиданная подлость. Немцы убрали с крыш бараков красные кресты, а на территории лагеря установили зенитки, не пропускающие без обстрела ни один наш самолет.

Но вот пришла долгожданная Победа. В июне 1945 года с костылями под мышкой Н. Суханов, находясь в одном из госпиталей, на прогулке встретил Шахматова и Гришаева, летчиков нашего полка. Для них это была встреча с человеком, ушедшим в «мир иной», ибо в полку все считали его погибшим. В тот же день ребята перевели его в свою часть. Родной полк вернул его к жизни. В Москве Н. Е. Суханову на спецзаводе изготовили протез, и вскоре он уехал в Сибирь. Здесь он долгие годы работал инженером на трактороремонтном заводе, воспитал детей, дождался внуков, а в феврале 1983 года умер от фронтовых ран.

На днях я получил письмо от супруги моего однополчанина. Она живет в городе Шелехове, недалеко от Иркутска. Анастасия Николаевна, простая русская женщина, пишет: «Я хожу на кладбище и рассказываю Николаю Емельяновичу новости, прошу совета, но он молчит. Поставили ему памятник, вечная ему память, только плачу – скоро 40-лет Победе, а он не дожил...».

Но живет и будет жить Победа, ради которой он не щадил себя!¹.

¹ Милованов А. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 17 апреля 1985 года.

* * *

В боевой биографии каждого солдата есть события, которые остаются в памяти на всю жизнь. У меня – штурм города и крепости Кенигсберг. Было это в апреле 1945 года... Война близилась к концу, а Кенигсберг по-прежнему оставался в руках гитлеровцев. За мощными укреплениями, которыми располагала крепость, враг чувствовал себя в полной безопасности. Укрепления действительно выглядели неприступными. Основу системы обороны города составляли три позиции. Первая и третья были самыми сложными. На первой было 15 крепостных фортов, на третьей – девять. При взгляде на эти громадные сооружения казалось, что любая попытка пройти сквозь них – это безумство. Каждый форт – выступающее вперед и развернутое по фронту пяти- или шестиугольное сооружение, занимающее 7–10 гектаров земли, окруженное высоким валом, бетонированные откосы которого спускаются в заполненный водой ров шириной от 15 до 30 метров. Кроме того, каждый форт имел по четыре канонира: один впереди, два по бокам, третий прикрывал подступы к форту с тыла. Канониры соединялись между собой подземными переходами.

Штурм Кенигсберга начался 6 апреля 1945 года после полутора-часовой артиллерийской подготовки. И первый же ответный удар фашистов, казалось, заставил содрогнуться всю землю. Помню, подумалось: «Кто сказал, что война подходит к концу? Война только начинается...». Позже выяснилось, что примерно о том же думали и многие мои боевые товарищи по нашей гвардейской армии, которая входила в 3-й Белорусский фронт, штурмовавший Кенигсберг. И все же уже в первый день штурма 43-я, 50-я и наша 11-я гвардейская армии прорвали позицию обороны и блокировали несколько фортов. К исходу вторых суток 84-я гвардейская стрелковая дивизия очистила от фашистов юго-западный пригород Кенигсберга. Мы заняли гавань и подошли к реке Прегель. А бои продолжались с нарастающим упорством. В ходе их 8 апреля 11-я гвардейская армия сумела форсировать реку Прегель и соединиться с 43-й армией, наступавшей с севера. Тем самым крепость была отрезана от Земландской группировки войск противника. Но и после этого враг продолжал ожесточенное сопротивление, отклонив предложение о капитуляции.

Кульминационным моментом штурма Кенигсберга можно считать день 9 апреля, когда командование приняло решение нанести

65-летию Великой Победы посвящается

городу и крепости сокрушительный удар. Весь день от взрывов снарядов и бомб колыхалась земля. Огромные столбы воды и земли, похожие на смерчи, поднимались к небу. Воздух был пропитан гарью, и весь город казался окутанным огненно-дымовой завесой. Потом, уже после войны, я из различных источников узнал, что 9 апреля при штурме Кенигсберга войска 3-го Белорусского фронта поддерживали пять тысяч орудий и минометов, полторы тысячи самолетов. И враг не выдержал. Мы не успели принимать и пленных: фашисты целыми подразделениями сдавались любому советскому солдату... К исходу четвертых суток с начала штурма гарнизон крепости полностью капитулировал.

Интересуясь позже Кенигсбергской операцией, я узнал, что противник действительно представлял собой грозную силу. В ходе боев за Кенигсберг советскими войсками было уничтожено около 42 тысяч гитлеровцев, взято в плен – 92 тысячи, в том числе 1800 офицеров во главе с комендантом крепости генералом О. Лашем, который показал впоследствии, что исходу борьбы за Кенигсберг гитлеровское командование придавало исключительное значение с далеко идущими планами. Он заявил: «Мы должны были сковать значительно большие силы русских, чем те, которыми располагали сами, и этим лишить возможности русское командование использовать эти войска на других оперативных направлениях на Берлин, Прагу и т.д. Сохранение Кенигсберга было вопросом престижа Германии»¹.

* * *

После 5-дневного штурма столицы Восточной Пруссии Кенигсберга войска 3-го Белорусского фронта оказались в глубоком тылу врага. Только в Латвии остались более 20 фашистских дивизий, способных нанести мощный удар им в спину. Но несколько попыток фашистов нащупать слабые места для прорыва кончились одинаково плачевно. Когда прошли колонны пленных, потянулись и наши части на восток, чтобы образовать еще несколько колец обороны и усилить группировку Прибалтийского фронта.

Кенигсберг был изрядно заминирован. Во избежание жертв Александр Михайлович Василевский, командующий фронтом,

¹ Шкирмонтов П. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

принял решение вывести войска из города. Наша 384-я отдельная разведрота в составе 307-й стрелковой Новозыбковской орденов Суворова и Кутузова дивизии прибыла и расположилась в 30 километрах от крепости. А на Западе уже произошла встреча с войсками союзников на Эльбе.

30 апреля замкнулось кольцо вокруг Берлина. В этих условиях командующий фронтом счел возможным провести фронтовой парад войск 1 мая. В 3-х километрах от штаба нашей дивизии было выбрано поле размером 2 x 3 километра. Его оценили сплошным кольцом постов, расположенных через 30–40 метров друг от друга. Охрана плаца велась непрерывно с 26 апреля.

От каждой дивизии были выделены условные батальоны по 400 человек. Сводный духовой оркестр 28–30 апреля оглашал окрестности польками, вальсами, маршами и Гимном СССР. 1-го мая в 6 утра была готова трибуна для командного состава фронта. Батальонам было приказано прибыть на плац к 9.30. В 9 часов утра от штаба дивизии двинулся и наш батальон. У каждого участника было не менее четырех наград. Наш лучший разведчик А. Белов, впоследствии участник Парада Победы в Москве, имел девять орденов и шесть медалей. На плацу были установлены таблицы – указатели каждому батальону. Мы подходили к своему месту в тот момент, когда некоторые дивизии уже заняли свои места и в ожидании построения сидели на траве и курили. Зная соединения несли развернутым, проходя мимо очередного батальона. Начальник разведки дивизии майор Ведешин подал команду: «Батальон, смирно! Равнение на славное боевое знамя наших боевых друзей!». Знаменосцы слегка наклоняли знамена друг к другу. Ассистенты брали оружие «на караул» выражая взаимное уважение друг другу. Торжественно, уважительно, приятно.

В 9 часов 40 минут на высоте 1,5–2 километра над плацем прошли несколько девяток истребителей и стали набирать свой потолок. Наконец, один из группы старших офицеров подошел к Ивану Христофоровичу Баграмяну и при включенных динамиках агитмашины доложил ему, что все заняли свои места. Глянув на часы, тот произнес одно слово: «Начинаем!».

В 10 часов 1 мая 1945 года раздалась команда «Парад, смирно! К торжественному маршу, справа побатальонно, на одного линейного дистанции первый батальон прямо, остальные – направо, марш!». На параде сначала прошли танки, затем – полк противотанковых пушек (соток).

65-летию Великой Победы посвящается

2-я гвардейская армия и на параде отличилась. Ее бойцы захватили в портовом складе большое количество белых перчаток, предназначенных немцами для торжества 20 апреля по случаю дня рождения Адольфа Гитлера. Не состоялись торжества в Кенигсберге: 8 апреля 1945 года вечером над крепостью поднялся белый флаг. Все участники 2-й гвардейской щеголяли на параде в белых перчатках.

2 мая в Берлине из каждого окна и форточки висели на палках простыни и полотенца и другое белье. Полностью повторилась картина Кенигсберга 9 апреля. 6 мая 1945 года отметили Пасху. 8 мая в 18 часов сержант Липко заступил по графику на дежурство по разведроту и направил в штаб дивизии посыльного – старшину 2-й статьи Алексея Крыгина. В 23.40 он бегом прилетел в расположение роты и не по уставу доложил следующее: «Только что к святому Георгию (Г. К. Жукову) в Потсдаме повезли кучу немецких генералов и прилетели чины союзников. Морзянка непрерывно стучит: “Не стрелять, фрицы капитулировали”».

Мое дежурство закончилось общим салютом¹.

* * *

Летчик Николай Маркелов прибыл в наш полк с Балтики и принес с собою матросскую лихость и преданность революции. Летал уверенно, держался в строю «крыло – в крыло», не боялся зенитного огня. За мужество и отвагу награжден двумя орденами Красного Знамени, медалями.

Николай Маркелов – весельчак и затейник, активный участник художественной самодеятельности. Он знал цену хорошей фронтовой песне, пел, танцевал. Однажды из политинформации летчики узнали, что рядовой солдат из Донбасса Петр Дернов повторил подвиг Матросова – своим телом закрыл амбразуру немецкого пулемета. Николай в душе гордился храбрым поступком земляка. Хотелось побывать на месте сражения. Погода была нелетная, и группа комсомольских активистов полка поехала на место гибели героя. В тот пасмурный день стоял туман, высокие тополя покрылись изморозью, устало дымился дот, унося синий дымок в серое небо.

¹ Липко В. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

Наши летчики после осмотра дота отошли в сторону, закурили и горячо обсуждали подвиг незнакомого шахтерского паренька. В это время у дота остановился стрелковый взвод с винтовками через плечо. Командир взвода, младший лейтенант, подал команду: «Налево, разойдись!». И солдаты пошли осматривать место гибели советского война.

Вдруг из толпы солдат раздался крик: «Коля, сынок! Ко-ля!». Николай Маркелов встрепенулся и стал искать того, кто кричал. Так через четыре года вынужденной разлуки совершенно неожиданно встретились на чужой земле два советских воина – отец и сын. Отец Николая Маркелова потом до самого конца войны служил в нашем полку.

По всем признакам чувствовалось: война идет к завершению. Но враг остервенело огрызался. В одном из вылетов штурмовик Н. Маркелова был подбит немецкой зениткой, загорелся. Летчик Н. Маркелов направил пылающую машину в расположение немецких танков. Он повторил подвиг Николая Гастело¹.

* * *

После падения Берлина и подписания немецким руководством пакта о полной капитуляции командование оккупационных войск на территории Чехословакии капитуляции не признало. Оно планировало взорвать город Прагу и уйти в зону американских войск. В ряде городов вспыхнули восстания. Центром восстания оказалась Прага. На ее улицах были построены баррикады, нашлось оружие, но борьба была неравной. Восставшие оказались в крайне тяжелом положении, а наши войска были примерно в 250 километрах от Праги. Тогда повстанцы по радио обратились за помощью к Советскому Союзу.

Советское верховное главнокомандование отдало приказ войскам 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов немедленно оказать военную помощь восставшим и спасти Прагу от разрушения. 3-я гвардейская армия 1-го Украинского фронта, в составе которой я находился, такой приказ получила утром 9-го мая. Наша неопи-суемая радость Победы омрачилась необходимостью новых воен-

¹ Милованов А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

ных действий на территории Чехословакии. Новые испытания, новые жертвы... Но операция прошла успешно. Фашистские войска были разгромлены и сдавались в плен. Первыми вступили в Прагу 3-я и 4-я гвардейские танковые армии под командованием генералов Д. Д. Лелюшенко (нашего земляка) и П. С. Рыбалко и 1-я Чехословацкая танковая бригада. Несмотря на наши превосходящие силы, отдельные немецкие части еще продолжали сопротивляться, надеясь сдать в плен американским войскам. Но все же 11 мая и они капитулировали. Прага была спасена от разрушения.

Мне хочется рассказать, с какой радостью восприняли нас чехи. В населенных пунктах, которые были освобождены нашими войсками, женщины встречали нас в национальных костюмах и люди обнимали нас, целовали и плакали от радости, забрасывали цветами, угощали чем могли: квасом, молоком... Но были и мрачные картины: похороны погибших повстанцев и наших солдат, отдавших жизни за освобождения Чехословакии. Несмотря на это Прага торжествовала. У меня сохранилась газета, которая была выпущена в Праге в первый день ее освобождения, где в первой статье было сказано: «Приветствуем Вас в Праге! Как радостно приветствовали, об этом свидетельствуют развевающиеся платочки, флаги, цветы, дети, протягивающие к вам ручонки. О том говорит ликование многих тысяч провожающих вас по улицам, это видно из восхищенных глаз девушек и из слез в иных случаях очень сдержанных мужчин. Вы сами это видите, сами чувствуете! Мы никогда не забудем, что вы поспешили к нам на помощь!».

Наша 3-я гвардейская армия находилась в Праге до августа 1945 года, и внимание к нам не ослабевало...¹.

* * *

При штабе одной из военных частей 3-й гвардейской армии связным был рядовой Вася Тетюшин, родом из села Тетюшина, которое расположено на правом берегу в верхнем течении Волги. Вася был невысокого роста, крепыш, с русыми волосами и светло-серыми глазами, всегда улыбающийся и веселый. Он между прочим, нам поведал, что их в селе дразнят «тетюшиными ушами». Вася

¹ Милованов А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

страстно любил лошадей и мечтал завести свою собственную. Она была ему нужна еще и как связному. Неожиданно такой, правда, трагический, случай подвернулся, и давняя мечта его сбылась.

В одном из населенных пунктов при бомбежке обоза вражеской авиацией была разбита повозка. Одна лошадь убита, вторая – пегий конек, была только слегка ранена. Вася сразу же взял ее под свою опеку, самостоятельно вылечил и с тех пор не расставался с нею.

Это была удивительная дружба человека с лошастью. Иногда по делам службы Вася временно отлучался, но как только возвращался к Орлику (такую кличку дал Вася своему любимому), тот каждый раз встречал его радостным ржанием. Положит голову Васе на плечо, а тот его обнимет за шею, нежно поглаживает и отдает коню порой последний кусок хлеба или сухарь. Так они дошли вместе до самого Берлина. Вася мечтал о том, что, когда кончится война, он домой поедет не поездом, а верхом на своем друге Орлике.

Но военная служба распорядилась иначе. Когда был взят Берлин и гитлеровская Германия капитулировала, 3-я гвардейская армия была переброшена в Чехословакию для разгрома остатков гитлеровских войск, продолжавших там военные действия, и спасения Праги. В спешном порядке солдаты были погружены в автомашины и без промедления отправлены к месту нового назначения. Вот при этих обстоятельствах Васе и пришлось расстаться с Орликом: для него места в автомашине не нашлось. Расставание было трогательным. Мы еле оторвали Васю от лошади, он все ее ласкал, что-то нашептывая, а Орлик тоскливо ржал. Даже нас, выдавших виды суровых солдат, эта удивительная сцена прощания расстроила до слез.

В конце нашего пребывания в Чехословакии, когда мы расположились в лесистой местности, неожиданно все услышали протяжное конское ржание.

– Орлик! – закричал Вася и со всех ног бросился в ту сторону, откуда раздалось ржание.

– Сумасшедший, – произнес кто-то, глядя во след Васе.

И каково было наше удивление, когда перед нами снова появился Вася... с Орликом, исхудавшим и покрытым белой пеной. Одной рукой он держал коня под уздцы, а другою нежно поглаживал по загривку, не переставая возбужденно повторять:

– Я же говорил, говорил, ты сможешь, сможешь...

65-летию Великой Победы посвящается

Орлик же неуклюже тыкался в его лицо мордой, словно целовал после долгой разлуки, и тихонько ржал...

Мы взволнованно наблюдали за этой встречей, и на душе у каждого стало радостней и светлее¹.

* * *

О Параде Победы писали многие: маршалы и рядовые, военные и штатские.

Маршал Советского Союза И. И. Якубовский в своей книге «Земля в огне» вспоминает: «Вновь и вновь я представляю себе могучий, величавый, захватывающий парад. В сводных полках – доблестнейшие из доблестных, храбрейшие из храбрых... Его участники и свидетели будут еще многие годы с гордостью рассказывать потомству о двух незабываемых часах финала великой битвы».

Вот что рассказал участник знаменитого парада, наш земляк Петр Семенович Кузьменко:

– В городе Ростове-на-Дону проводится встреча участников Парада Победы. Я приезжаю на встречу с людьми, с которыми в июне 1945 года мне посчастливилось принять участие в событии, ставшем одним из самых ярких и интересных в моей жизни. Думал ли я, 18-летний мальчишка, в 1942 году, когда меня призвали в армию, что пройдет всего три года, и я в одном строю с героями войны буду шагать по Красной площади в новенькой, «с иголочки», форме, и на груди моей тоже, как и у других участников парада, будут сиять боевые ордена. Три года на войне – срок очень большой. Хлебнул я и горя, и лиха: горел в танке на Курской дуге, хоронил боевых друзей, когда Победа была уже совсем близко. Был разведчиком, воевал в экипаже бронемашин. Довелось испытать в полной мере и счастье Победы. О том, как возникла идея проведения победного Парада, я узнал совсем недавно, на нашей ветеранской встрече. В конце мая 45 года И.В. Сталин собрал военный Совет и сказал, что без парада не будет поставлена точка в войне с фашистской Германией. Решили провести парад 24 июня 1945 года на Красной площади. Участниками парада должны были стать представители всех фронтов и сводные воинские части гарни-

¹ Пушкаренко А. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

зона Московского военного округа. Командовать парадом должен был Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, а принимать парад – Маршал Г. К. Жуков. Я готовился к параду в составе сводного полка Первого Прибалтийского фронта сначала в Кенигсберге (где закончил войну), затем – в Москве. Подготовка была долгой и тщательной. Подъем в три часа ночи: садились на машины и – на Бутырскую площадь, где до шести утра репетировали без оркестра, а с шести – с оркестром. Потом – завтрак, обязательно с «наркомовскими ста граммами», затем – отдых до обеда. После обеда опять занимались строевой подготовкой с песнями. Генеральная репетиция была на Красной площади. В день парада с утра моросил дождь, но на душе все равно было празднично. Везде – толпы народа. Москва ликовала! Когда на площадь вступил наш Первый Прибалтийский, выглянуло солнце. Шли по 400 человек «в коробочке» – 20 шеренг по 20 человек. Я шел во втором ряду и хорошо видел всех, кто стоял на трибунах Мавзолея. После возвращения в часть меня долго расспрашивали о параде, разглядывали новенькую форму танкиста – синий комбинезон, кожаный шлем и краги... Много лет минуло с того памятного дня. Побелели головы, с каждым годом на встречу участников победного Парада собирается все меньше и меньше наших земляков. Наше поколение, как это ни горько говорить, уходит. И так хочется, чтобы внуки, правнуки не забыли нашу Победу и тех, кто головы сложил за нее. Молодым хранить, любить и беречь то, что досталось такой дорогой ценой. Многие из нас тоже были в войну молодыми. Но смогли и врага победить, и честь свою не уронить. И когда узнаю о добрых делах молодежи, на душе теплеет. Особенно радостно на внуков смотреть – они славные ребята. Значит, есть кому эстафету передать. Многие меряют наследство лишь материальными ценностями, а у нас, солдат Победы, оно особое: мы вам Родину завещаем любить и все дорогое и близкое, что с нею связано¹.

* * *

В Новошахтинске живут восемь участников Парада Победы 1945 года в Москве. Для нашего небольшого города это лестно и примеча-

¹ Тарасевич О. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 28 августа 2003 года.

65-летию Великой Победы посвящается

тельно. Большинство из них горняки. Значит, воины-шахтеры отвечали всем строгим требованиям, которые предъявлялись тогда при отборе участников этого торжественного церемониала...

Проходя в парадном строю, чеканил гвардейский шаг старший сержант

Петр Иванович Титаренко. На груди у него сверкали орден Красной Звезды, орден Славы III степени, две медали «За отвагу». А рядом с наградами были две нашивки – знаки ранений. Да, тяжело достались война и победа в ней. Служил Титаренко в отдельном батальоне связи 56-й армии. Работал на радиостанции. Обеспечивал надежную связь подразделений в бою. От Днепра дошел до Вислы, потом до Крепости Кенигсберг.

О Параде Победы Петр Титаренко говорит:

– Это было торжество нашего правого дела, торжество советского народа- победителя, – отвечает он. – Огромный смысл народного церемониала заключался в таком событии: впереди шла колонна воинов, несших знамена и штандарты фашистских полков и дивизий, разгромленных Советской Армией. Гитлеровская Германия безоговорочно капитулировала. И вот волнующий момент: наши солдаты бросили фашистские знамена к подножию Мавзолея Ленина. И еще очень важно было то, что Москва увидела на своих улицах, на Красной площади любимых воинов – победителей. Никогда не забуду, как тепло и трогательно встречали нас москвичи. Ликованию не было предела. В те дни танковые моторы работали на «мирных оборотах» Но сердца солдатские бились взволнованно, постигая величие того, что они совершили – принесли Родине Победу¹.

¹ По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 28 марта 1975 года.

Они прославили Новошахтинск

Федор Васильевич Прокофьев родился 25 мая 1919 года в хуторе Аул Родионо-Несветайского района Ростовской области в семье крестьянина. Семья после гражданской войны переехала на шахты Несветая. Здесь Федор учился в школе № 6, а затем в школе горно-промышленного ученичества (горпромуч) – ныне училище № 58, которое окончил в 1933 году. Поступил работать на шахту имени ОГПУ (шахта им В. И. Ленина) бутчиком, затем стал помощником машиниста врубовой машины, машинистом.

В 1937 году Ф. В. Прокофьева призывают в Красную Армию. Его направляют в 28-й отдельный танковый полк 7-й армии Северо-Западного округа.

В декабре 1939 года вспыхнул советско-финский военный конфликт. Танковое подразделение, где служил Федор Прокофьев, принимало участие в боевых действиях. В морозный январский день 1940 года три советских танка, ведя разведку боем в районе города Нисалахти на Карельском перешейке, вклинились в финскую оборону. Во время боя танк Ф. В. Прокофьева был подбит, поврежден мотор, заклинило рычаги управления. В броню ударили два снаряда, погиб командир танка, тяжело ранило башенного стрелка, получил осколочные ранения и Федор Прокофьев. Покалеченный танк замер в снегу. Ночью израненный Ф. Прокофьев мог бы уползти к своим, но оставить раненного товарища и танк он не мог.

Наступили сумерки. Ночь. Стало очень холодно, машина остыла. На рассвете второго дня Прокофьев заметил ползущих к танку двух финнов. Короткая очередь из танкового пулемета – и враги застыли в снегу. Весь следующий день финны обстреливали танк из пулеметов и минометов. На третий день они опять поползли к обороняющейся машине. Их встретил убийственный огонь. От ран и холода умер башенный стрелок, Федор остался один, борясь с сорокоградусным морозом, голодом, сном иседавшими врагами. Так прошло семь дней. Рано утром на восьмые сутки разгорелся бой, советские танки пошли в атаку и спасли Федора. В ленинградском госпитале врачи удивлялись: у щупленького солдата один-

65-летию Великой Победы посвящается

надцать ран, отморожены ступни ног, которые потом были ампутированы, а он мог столько дней сражаться и остаться в живых.

За проявленные мужество и героизм танкисту Федору Васильевичу Прокофьеву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

В мае 1941 года Федор Васильевич из госпиталя вернулся в Новошахтинск. Город горячо встречал своего молодого героя. Митинги, собрания, встречи в трудовых коллективах – везде Федор Прокофьев был окружен любовью и заботой, молодежь восторгалась его подвигом. Горком партии доверил ему руководство военным отделом. С началом войны Ф.В. Прокофьев руководил мобилизацией новошахтинцев на фронт, вместе с горкомом комсомола формировал истребительные отряды. При подходе немцев к Новошахтинску был эвакуирован в столицу Казахстана Алма-Ата. В 1943 году он вернулся в Ростов-на-Дону, затем 13 лет работал секретарем райкома партии в городе Шахты. В 1954 году Федор Васильевич окончил Высшую школу при ЦК КПСС, в последующие годы получил высшее техническое образование и перешел работать инженером комбината «Ростовшахтстрой» города Шахты. Умер в январе 1994 года.

* * *

Иван Григорьевич Вернигоренко – участник Великой Отечественной войны с 1941 года. Он был командиром отделения 78-го гвардейского стрелкового полка 25-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й армии Юго-Западного фронта.

1 марта 1943 года 78-му гвардейскому полку был дан приказ сосредоточиться вдоль железнодорожного полотна Лозовая – Мерефа на пути к Харькову. На южной окраине села в месте пересечения шоссе и железной дорог нужно было создать узел сопротивления и задержать врага, выиграв время для перегруппировки войск и создания прочного рубежа обороны.

Взводу лейтенанта П. Н. Широнова, где служил Иван Вернигоренко, было приказано с противотанковой пушкой держать оборону на железнодорожном переезде.

2 марта 1943 года немцы предприняли наступление на Тарановку. Сначала перед широнинцами появилось четыре бронетранспортера с автоматчиками, по которым был открыт огонь пулеметов. Немцы-автоматчики соскочили с бронетранспортеров и залегли в снегу, открыв по взводу огонь. Один транспортер загорелся от прямого попадания снаряда противотанкового орудия Широнина, три транспортера отошли назад, но в скором времени с фронта и фланга перед обороняющимися появились 16 танков и 6 бронетранспортеров, под прикрытием которых наступала развернувшаяся цепь автоматчиков. Перед каждой атакой немцы обрабатывали позиции широнинцев авиацией и артиллерией, но сломить их не смогли. Герои встречали гитлеровцев огнем из винтовок, автоматов, ручных пулеметов, а после того как вражеский танк раздавил единственную противотанковую пушку, уничтожали машины ручными гранатами. Горстка храбрецов, многие из которых были ранены, продолжала вести бой до последнего вздоха. Они выстояли, не отступив ни на шаг, повторив подвиг панфиловцев.

Когда на переезд прибыло присланное командиром полка подкрепление, там были обнаружены тела убитых гвардейцев и несколько тяжелораненых бойцов без сознания. Среди них был и Иван Григорьевич Вернигоренко. А вокруг пылали 30 танков и бронетранспортеров, лежали 150 убитых вражеских солдат.

Звания Героя Советского Союза Иван Григорьевич Вернигоренко удостоен 18 мая 1943 года. Его грудь украсили затем ордена Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней.

После демобилизации по ранению работал на шахтах «Западная–Капитальная», имени газеты «Комсомольская правда» в городе Новошахтинске... Умер Иван Григорьевич Вернигоренко в 1984 году и похоронен в том же селе Тарановка, где в марте 1943 года принял неравный бой с превосходящими силами противника в составе взвода широнинцев.

* * *

Пожелтевшие газетные странички, рукописные тексты воспоминаний, «Наградной лист», фотографии, портрет, написанный новошахтинским художником Н. Д. Маяковым, и многое другое – все это исторические материалы городского историко-краеведческого музея о новошахтинце Герое Советского Союза **Петре Сергеевиче Дернове.**

65-летию Великой Победы посвящается

С фотографии на нас через десятилетия смотрит симпатичный паренек. Кто же он, наш прославленный земляк, чьим именем названы школа, улица, назывались производственные бригады, учреждались призы, чьим именем назван теплоход в Калининградском порту?

Несветайский Матросов – так называли Петра Дернова пионеры и школьники прошлых десятилетий.

Родился **Петр Дернов** 22 октября 1925 года в хуторе Самбек. После смерти матери семья переехала в поселок Соленая балка, что в районе шахты «Западная–Капитальная». Отец, Сергей Иванович, работал на лесном складе шахты. Учился Петя в школе № 11. Он был честный, волевой, настойчивый парень, мечтал стать инженером. В параллельном классе учился Миша Ерохин (в дальнейшем тоже Герой Советского Союза). Вместе они окончили семилетку в 1940 году. А затем – Красносулинское ремесленное училище при металлургическом заводе, где Петя учился варить сталь. Учился прилежно, его фотография красовалась на Доске Почета. Последний раз побывал он дома в начале мая 1941 года.

Грянула война. В сентябре 1941 года училище из Красного Сулина эвакуируется в Ташкент, откуда он прислал родным письмо с фотографией. Затем – Киргизия, где на заводах требовались токарки точить снаряды и мины, делать автоматы и винтовки. Петр Дернов стал учеником к станку, а у самого была одна мысль – на фронт. В военкомате ему постоянно отвечали: «Куда тебе на фронт? Мал еще. Подожди, придет и твое время». Он ждал до 17 апреля 1944 года. Получив долгожданную повестку, дал телеграмму в Новошахтинск: «Еду на фронт. Ждите с Победой!».

Но попасть на передовую сразу не удалось. Два месяца учился Петр солдатской науке в запасном кавалерийском полку. Приученный с детства к лошадям, он быстро усваивал все, что требовалось от конника в бою. Наконец, солдатам выдали обмундирование, погрузили в теплушки, и через неделю Петр услышал грозный голос передовой.

Служба началась в кавалерийском эскадроне 24-го гвардейского полка 3-го кавалерийского корпуса. Командир эскадрона, старший лейтенант Позднеев, со своим полком освобождал в феврале

1943 года Новошахтинск. За умение быстро находить общий язык с бойцами Петра назначили агитатором в подразделении.

В конце июня 1944 года части 5-й гвардейской кавалерийской дивизии вступили в бои с фашистами на подступах к реке Лучеса. Именно в этот день началась битва за освобождение Белоруссии. Операция называлась «Багратион». Конечно, воины не знали о масштабе операции. Петр Дернов лишь уяснил суть задачи: форсировать по условному сигналу Лучесу, захватить плацдарм и удерживать его до подхода главных сил.

Одиннадцать часов гвардейский полк подполковника П. Ф. Ткаленко пошел вперед. Берега у реки крутые, песчаные, а переправ имелось всего две, да и те непрерывно обстреливались дальнбойной артиллерией.

Конники по понтонным мостам и вплавь преодолели Лучесу и, выскочив на противоположный берег, устремились в атаку. Она была скоротечной и лишь потом, когда на землю осели пыль и дым, поднятые разрывами мин и снарядов, а коноводы увели в низину лошадей, Петр понял, что участвовал в настоящем бою. «С боевым крещением, казак», – поздравил его Позднеев, когда весь эскадрон собрался на короткий разбор закончившегося боя.

И снова – бросок вперед. Теперь – к Березине, форсировав которую севернее Борисова, полк в составе дивизии должен был наступать в направлении городов Молодечно и Вилейка, а далее к Лиде и Гродно.

В июле 1944 года конники воевали на подступах к Гродно. Гитлеровцы оказывали упорное сопротивление. Над переправами через Неман и позициями советских войск постоянно висели целые эскадрильи немецких бомбардировщиков. Земля стонала от тысяч бомб и снарядов, в воздухе стояла сплошная стена пыли и дыма. В числе других конников храбро сражался и Петр Дернов.

...Прикрываясь огнем своих самоходок, гвардейцы устремились к противоположному берегу Немана. Бойцы эскадрона Позднеева уже зацепились за клочок плацдарма, начали его расширять. И тут из ложины показался бронетранспортер с крестами. По конникам, прижавшимся к земле, хлестнули длинные очереди.

– За мной! – крикнул Дернов, и его сосед по цепи рядовой Инодин, парень из Шахт, понял замысел земляка.

Смелчаки прыгнули в воронку от снаряда и, приподнявшись, метнули по связке гранат. Грохнули два взрыва; и окутанный ды-

65-летию Великой Победы посвящается

мом бронетранспортер застыл на месте. Но через минуту на позиции конников устремились сразу несколько бронетранспортеров. И вновь земляки вступили в неравный бой. Их меткие броски гранат поддерживали бронебойщики эскадрона, и враг отступил, оставив на поле боя еще одну машину.

Вечером того же дня боец Дернов проявил себя искусным пулеметчиком. По складкам местности он вплотную подобрался к огневой точке фашистов и в упор расстрелял ее расчет. Затем подавил огонь второго пулемета, мешавшего продвижению эскадрона. Здесь, на поле боя, майор Новиков объявил Петру благодарность.

Вскоре после освобождения Гродно гвардейцы-конники вступили на территорию Польши, а затем повернули на север – в восточную Пруссию. Здесь конникам в полной мере пришлось узнать, почему фунт лиха. Каждый фольварк – крепость, каждый городок – мощнейший опорный пункт, подготовленный к длительной обороне. Валуны, разливы рек и озер, топи болот, чащобы лесов – все это вместе с мощными инженерными сооружениями создавало наступавшим советским частям очень трудные условия.

На подступах к Ольштыну (немецкий Алленштайн) путь конникам подполковника Ткаленко преградила река Лына. Стремясь во что бы то ни стало задержать советские войска, гитлеровцы взорвали шлюзы, и сотни тысяч кубометров воды из озер, соединенных каналами, хлынули в русло реки. При поддержке огня артиллерии и минометов Петр Дернов с товарищами форсировали разлитую реку и громили врага на его же позициях.

22 января 1945 года Петр с бойцами слушал у полковой радиостанции голос Москвы: столица салютовала воинам, овладевшим крепостью Алленштайн. А 24 января он совершил подвиг, обесмертивший его имя.

Эскадрон Позднеева достиг леса на берегу Ваданга. От него вела дорога к деревне одноименного с речушкой названия, которую предстояло взять.

Ничто не угрожало конникам: ведь противник откатился на несколько километров. Но едва лошади ступили на лесную опушку, по ним ударил крупнокалиберный пулемет. Всего сто метров отделяли эскадрон от вражеского дзота. Петр видел, что срывается выполнение боевой задачи. Эскадрон, застряв здесь, может поставить под удар другие подразделения полка. Фашистский пулемет строчил без умолку, и его очереди доставали гвардейцев.

Петр знал, что в таких случаях нужен первый шаг. Кто-то должен подняться и, невзирая на огонь, броситься вперед. За ним пойдут остальные, пойдут обязательно. Но первый наверняка погибнет. Кто решится на это? Он еще раз обвел взглядом товарищей в надежде, что кто-то сделает этот первый шаг. Но почему кто-то? Почему не он сам? Сколько раз он говорил товарищам о силе личного примера и показывал его.

– Прикройте, я уберу его! – крикнул Петя товарищам и пополз к дзоту. Весь огонь немец сконцентрировал по движущемуся бойцу. Вот в амбразуру полетели две связки гранат, но пулемет продолжал строчить.

Все вдруг увидели, как Петя резко подхватился с земли, метнулся к дзоту и навалился грудью на его амбразуру. С криками «Ура!» бойцы разгромили вражеский гарнизон и взяли деревню. Пете было 19 лет...

Как сказано в наградном листе, подписанном командующим войсками 2-го Белорусского фронта Маршалом Советского Союза Рокоссовским: «Ценой своей жизни красноармеец Дернов обеспечил захват 4-м эскадронам переправы и населенного пункта Ваданг, где было уничтожено более 200 немцев. Товарищ Дернов своим бессмертным подвигом покрыл неувядаемой славой наше гвардейское знамя».

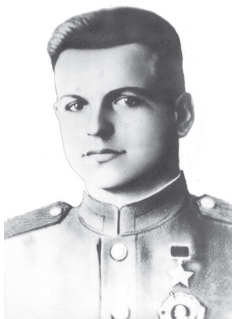
24 марта 1945 года рядовому Петру Сергеевичу Дернову Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Похоронен новошахтинец Петя Дернов на польской земле, в местечке Ольштын. На месте гибели стоит памятник – черный камень с надписью, славящей подвиг советского воина.

В прошлые десятилетия польские рабочие, пионеры и школьники с любовью ухаживали за могилой Героя, его чтили, помнили, воспитывали на его подвиге молодежь. А как сейчас, в наш двадцать первый век, век перевернутых ценностей, век рыночных отношений и иного представления о героизме и патриотизме? Хотелось бы, чтобы имя нашего героя-новошахтинца Петра Сергеевича Дернова помнили все поколения, во имя жизни которых он отдал свою молодую жизнь.

Вечная ему память!

65-летию Великой Победы посвящается

* * *

Уютный, утопающий в зеленых насаждениях поселок Западный возник в годы первых пятилеток вокруг строящейся крупнейшей в Европе шахты Западной-Капитальной. Здесь родились, выросли, трудились целые поколения горняков, обогатителей фабрики Несветай, строителей, путейцев, медиков, учителей, воспитателей, людей других профессий. Здесь на шахте трудились Герои Советского Союза Леонид Леонидович Стромкин, Иван Григорьевич Вернигоренко, здесь в школе № 11 до войны вместе учились, бегали и играли в футбол будущие Герои Советского Союза Петр Дернов и Михаил Ерохин.

Михаил Ерохин родился 15 ноября 1923 года на хуторе Серебряный Морозовского района Ростовской области в многодетной семье казака. В 1934 году отец, Григорий Егорович, перевозит семью на Несветай и устраивается работать на строящуюся шахту «Западная-Капитальная». Миша учится в школе № 11, а затем переходит в школу № 3, которую и окончил в 1940 году. В памяти родственников и друзей он остался добрым, отзывчивым, сердечным, заботливым, смелым мальчишкой.

Началась война, и Михаила призвали в Красную Армию. С фронта домой в Новошахтинск приходили нечастые солдатские письма-треугольники. Четким, твердым почерком солдат писал: «Давно соскучился я по дому, снится мне наша улица Грессовская и вы, дорогие папа и мама. Как там мои сестренки?». Письма ласковые, теплые и в каждом приписка: «Я ни в чем не нуждаюсь. Воюю».

1943 год. Битва за Днепр, освобождение Украины. Маршал Советского Союза К. Москаленко в своих воспоминаниях писал: «Главный удар наносился силами 40-й, 27-й и 3-й танковых армий в обход Киева, с Букринского плацдарма, с тем чтобы перерезать пути отхода вражеских группировок на запад». В составе 309-й Пирятинской дивизии действовал и 995-й стрелковый полк, где воевал М. Ерохин. Соединение входило в 40-ю армию. Воинам была поставлена задача: в ночь с 21 на 22 сентября 1943 года переправиться на правый берег Днепра, выяснить все о противнике, взять «языка» и доставить его в штаб.

«Чуден Днепр при тихой погоде», – помнил Михаил слова русского писателя со школьной скамьи. Но не такой была сейчас древняя русская река. Шквал фашистских снарядов и мин обрушился на левый берег, на все, что плыло по реке; ходуном ходила земля.

Дождавшись относительного затишья, разведчики попрыгали в лодки и через минуту уже покачивались на могучих волнах Днепра. С середины реки фашисты заметили разведчиков и обрушили на них орудийный и пулеметный огонь. Лодка была разбита, но разведчики уже подплывали к вражескому берегу.

В наградном листе на Михаила Ерохина сказано: «Тов. Ерохин, выполняя задание командования с группой разведчиков, под ураганным пулеметным и минометным огнем противника первым переправился на правый берег реки Днепр и с хода вступил в бой с немецкими захватчиками, несмотря на то что силы противника в пять раз превосходили группу смельчаков-героев.

Тов. Ерохин, увлекая своим примером храбрости и героизма товарищей, первым бросился на превосходящие силы противника, в рукопашной схватке уничтожил 12 солдат и одного офицера противника, захватил двух немцев в плен и переправил их в штаб полка.

Возвратившись обратно, тов. Ерохин принял активное участие в отражении яростных атак противника, уничтожил еще семь солдат противника и захватил ручной пулемет».

За этот бой рядовой Михаил Григорьевич Ерохин был представлен к правительственной награде – Ордену Ленина с присвоением звания Героя Советского Союза. Указом Президиума Верховного Совета СССР это высокое звание было присвоено ему 23 октября 1943 г.

А 10 ноября 1943 года в бою за деревню Монастырек Михаил Григорьевич Ерохин погиб. Похоронен он в братской могиле в поселке Ржищев Кагарлыкского района Киевской области. Там покоятся пять Героев Советского Союза и 63 солдата и офицера, отдавшие свои жизни за освобождение Украины.

Отцу Героя Ерохину Григорию Егоровичу командованием части № 01779, в которой служил Миша, было прислано благодарственное письмо. В нем сказано: «В дни летнего наступления наша часть вместе со всей нашей доблестной Красной Армией, отразив все атаки противника, перешла в успешное наступление, нанося

65-летию Великой Победы посвящается

сокрушительный удар немецко-фашистским извергам, с ненавистью уничтожая их и изгоняя с нашей священной земли.

В этих сражениях за великое и правое дело – защиту Отечества, чести и независимости нашей Родины отличился Ваш сын-богатырь Ерохин Михаил Григорьевич, который первым переправился на правый берег Днепра – священной реки нашей земли, которую немцы считали недостижимой для нас преградой и прочно закрепились на западном берегу. Эта твердыня немцев была сломлена героями нашей части, в числе которых и был Ваш сын». Командование благодарило отца за воспитание мужественного воина-героя.

Имя Михаила Григорьевича Ерохина увековечено в Новошахтинске: средняя школа № 3 названа его именем, на здании в его честь установлена мемориальная доска, школьный музей хранит уникальные материалы о бывшем ученике школы Мише Ерохине, в поселке Западный есть улица Ерохина.

* * *

Тимофей Федоротич Ивин родился 23 февраля 1917 года в селе Иннокентьевка Нанайского района Хабаровского края Дальневосточного военного округа в крестьянской семье. По окончании семи классов (в то время это считалось достаточно высоким образованием) был рабочим на рыбзаводе в поселке Славянка того же района.

Стремление к знаниям привело Тимофея в речной техникум, по окончании которого ходил на судах Амурской флотилии, в том числе и капитаном.

Нанайский райвоенкомат в 1938 году призывает Т. Ф. Ивина в Красную Армию, где он был направлен в авиационное училище учиться летному мастерству.

Тимофей полюбил небо и стал отличным летчиком. Началась война, полк бомбардировочной авиации перебрасывается на Западный фронт. Вместе с боевыми товарищами с августа 1941 года летчик Тимофей Ивин бомбит тыловые коммуникации гитлеровцев. Все было: приходилось после выполнения задания отчаянно отбиваться от вражеских стервятников, на последних каплях горючего дотягивать до своего аэродрома, сажать свою изрешеченную пулями машину на взлетную полосу, постоянно рискуя жизнью.

В начале 1942 года во время выполнения боевого задания Тимофеем Ивин был тяжело ранен. В сильно поврежденном самолете, теряя сознание, он с трудом приземлился. Окровавленного, товарищи вытащили его из кабины, потом госпиталь и суровый приговор врачей: «К полетам не пригоден». Т. Ф. Ивин был направлен в артиллерийскую часть, не стал отчаиваться, подучился и в звании младшего лейтенанта попал на Сталинградский фронт.

В тяжелых боях за волжскую землю закалилась твердая воля и увеличилось боевое мастерство нашего земляка-артиллериста. Его орудия громили технику и живую силу окруженной под Сталинградом фашистской группировки. После ее уничтожения боевой путь привел Тимофея на Запад. На груди появляются медали: «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы». Добавились и ранения – в июле 1942 года, в сентябре 1943, в феврале 1944.

Меняются фронты: Южный, 4-й, 3-й Украинский, 1-й Белорусский, где с января 1945 года гвардии капитан Т. Ф. Ивин командует дивизионом Кишиневского 489-го армейского минометного полка.

За скупыми строчками военного донесения не увидишь всей тяжести боев: «Капитан Ивин при прорыве долговременной обороны противника в районе Мангушевского плацдарма на реке Висла, в изгнании противника с пределов Польши и в боях по уничтожению противника на территории Германии с 14 января по 4 февраля 1945 показал высокую организацию, маневренность и меткость огня минометного дивизиона. Действуя в составе подвижной штурмовой группы 5-й ударной Армии по захвату важных стратегических пунктов и узлов дорог в тылу противника с 17 января по 4 февраля 1945 года, капитан Ивин огнем своего дивизиона при неоднократных встречах с противником наносил ему большие потери. Своим личным составом и техникой умело прикрывал фланги от нападающего врага, обеспечивал продвижение штурмовой группы и решение поставленной задачи».

Путь в 400 км по Польше и Германии был самым тяжелым и кровавым. Теряя боевых друзей, воины-артиллеристы рвались к логову врага, чтобы поскорее закончить эту войну. Одним из первых артдивизион капитана Тимофея Ивина перешел по льду реку Одер и закрепился на ее левом берегу, обеспечивая огнем переправу воинских частей. На него обрушился огонь вражеской пехоты и танков, фашисты неоднократно шли в атаку (только за 2 февраля

65-летию Великой Победы посвящается

атаковали девять раз), но сбросить в реку отважные полки не смогли. Дивизион прочно укрепился на занятом плацдарме.

Из наградного листа на Т. Ф. Ивина «За время действия в штурмовой подвижной группе минометным дивизионом уничтожено орудий – 5, минометных батарей – 3, пулеметов – 8, солдат противника – 350.

За героические действия дивизиона и мужеств. Проявленные в боях, достоин высшей правительственной награды – звания Героя Советского Союза».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года Т. Ф. Ивину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и «Золотой Звезды».

А впереди был Берлин, в штурме которого принимал участие и боевой арtdивизион майора Ивина.

На груди Героя появились медали «За взятие Берлина», «За победу над Германией», орден Кутузова III степени, который вручали военачальникам за успешно проведенные операции, орден Боевого Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды.

После войны, демобилизовавшись из армии, Тимофей Ивин приехал в Новошахтинск. Здесь он работал помощником начальника шахты № 7, в 1947 году избирался депутатом горсовета, затем заместителем директора центральной обогатительной фабрики «Несветай», трудился заместителем директора рыбзавода, коммерческим директором лесосплавной конторы. Тимофей Ивин всегда был скромным, простым человеком, никогда не выставлял напоказ свое боевое прошлое, не кичился геройством, о войне старался не вспоминать. Тяжелая болезнь унесла жизнь Героя 20 июля 1964 года: сказались военные раны.

* * *

Герой Советского Союза, летчик **Константин Ионович Коршунов** родился 17 октября 1920 года на Тульщине в семье крестьянина. С семи лет с утра до вечера тяжелая работа: таскал воду, поливал огород, полел траву, носил дрова. Семья жила очень бедно, в радость был каждый кусок хлеба, во дворе ни телки, ни козы, даже куры и то не всегда водились.

Костя любил животных и птиц, поле и лес, с друзьями играли в красных и белых – деревянная гнутая сабля, конь – хворостина. В восемь лет первое и непоправимое горе – умерла мать, в 1934 году

кулаки убили отца. Остались втроем с братом Николаем (старше Кости на два года) и сестрой Марийкой десяти лет. Дети разбрелись кто куда по белому свету.

Из деревни в деревню, от станции к станции, из города в город пробирался беспризорник Костя. Путь его привел в Москву. А в Лужниках его «подобрали» – накормили, приодели. Так, неожиданно он стал воспитанником Военизированной охраны водного транспорта г. Москвы. Здесь в охране он окончил школьную семилетку, увлекся лыжным спортом, гимнастикой, плаванием, стал крепким, физически развитым юношей. Здесь впервые наблюдал полет многомоторного самолета-гиганта «Максим Горький» в сопровождении маленьких истребителей. И закралась в душу юноши мечта стать летчиком и летать на таких вот юрких самолетиках.

15 декабря 1938 года Константин Коршунов поступил в аэроклуб. С тех пор авиация стала его судьбой. После аэроклуба он окончил Борисоглебскую школу военных летчиков и был направлен в авиационный истребительный полк в город Пушкино под Ленинградом. Летал на маленьких Ил-16.

Грянула Великая Отечественная война. С первых ее дней К. И. Коршунов защищал небо Ленинграда. Немцы пытались разрушить железнодорожный мост через Волхов. Советское командование выделило группу истребителей для его прикрытия, в которую вошел и К. И. Коршунов.

На второй день после прикрытия он вылетел на отражение налета противника. Среди многослойной, рваной облачности шел он с набором высоты. Константин сразу заметил между облаками четыре точки. Скоро они вытянулись в тире и наконец стали вражескими Ме-110. Они шли плотным «ромбом» без прикрытия, как на параде.

Константин понял: «Они легли на боевой курс!» Теперь нельзя им менять ни высоты, ни направления, ни скорости. Они сейчас, вот-вот сбросят бомбы.

Теперь все внимание и прицельный огонь он сосредоточил на головном Ме-110. Очередь за очередью посылал он по врагу. И вот ведущий «мессер» неуверенно качнулся с крыла на крыло, клонул

65-летию Великой Победы посвящается

раз-другой носом и отвесно устремился к земле. Тройка уцелевших стервятников, видя, что дела плохи, сбросила бомбы где попало, резко развернулась и понеслась на запад. Это был первый воздушный бой К. И. Коршунова. Он происходил на глазах жителей города Волхова и однополчан. Личный боевой счет был открыт. Потом бой за боем: над Волховым, Ленинградом, над Ладогой, в Карелии, Заполярье.

Однажды под вечер гитлеровцы решили нанести бомбовый удар по нашим войскам. Они хотели применить излюбленный маневр: блокировку района цели истребителями. Но наша группа «ястребков» под командованием Чиркова пришла в зону прикрытия раньше ФВ-190. Теперь фашистам нужно было потрудиться: «выжать» наших дозорных, связать их боем, оттянуть в сторону, «выместить» из района цели.

Атаковали «фоккеры» по-воровски, с большой высоты, со стороны солнца и не всей группой, а пара за парой. Но эффекта внезапности они не достигли. Наши летчики их вовремя обнаружили и смело контратаковали.

А потом началась «карусель». Горбачевский с Зайцевым в паре первыми бросились в атаку, но произошло непредвиденное. Увлечшись, Зайцев вдруг проскочил вверх, а в это время Горбачевского атаковала другая пара ФВ-190. Из-за солнца он не видел, что его атакуют, зато Коршунов видел все! Он мгновенно разгадал уловку врага и пошел на помощь товарищу. Константин открыл заградительный огонь с большой дистанции. Трассы его легли между самолетами Горбачевского и атакующей его парой «фоккеров». Но и враги вели сильный прицельный огонь. «Еще секунда-другая и будет поздно! Они Горбачевского срубят, некуда ему деваться», – эти мысли мелькнули в голове Коршунова. «Другого выхода нет! – решил он и так потянул ручку управления на себя, что потемнело в глазах. Этим маневром он прикрыл своим самолетом друга, как прикрывают амбразуру своим телом. А трассы огня все ближе и ближе. Если фрицы возьмут небольшую поправку – поминай как звали.

Наступил критический для Коршунова момент. Его самолет был на грани срыва в штопор: потерял скорость, завис, завибрировал. Но преследователи вдруг внезапно и резко отвалили в сторону. Молодой летчик, сам того не зная, спас Константина от гибели. Холодный пот катился по телу, но мысли были радостные: «Горбачевского спас! И сам жив!» Воздушный бой длился уже больше

десяти минут. Полностью потеряв инициативу, «фоккеры» покинули поле боя, а бомбардировщики противника сочли за лучшее повернуть назад, так и не сбросив груз бомб.

После полета Коршунов и Горбачевский, обнявшись по-братски, шли из столовой. Настроение у них было хорошее оттого, что сегодня, считай, оба они во второй раз родились.

Гитлеровцы все сильнее затягивали петлю вокруг Ленинграда. Враг стремился выйти к южной части Ладоги по восточному берегу. Теперь от водной трассы по озеру во многом зависела судьба города. Моряки Ладожской флотилии самоотверженно водили суда по Ладоге, где той осенью как никогда штормило. А штормы в это время бывают страшные. В такие дни единственным транспортом становились самолеты. В осажденный город на них доставляли медикаменты, питание детям, боеприпасы, а на обратном пути вывозили раненых и больных.

Лейтенанту К.И. Коршунову не раз приходилось вылетать на сопровождение транспортных самолетов: тяжелых, а главное – безоружных. 12 октября 1941 года ему с ведомым предстояло вылететь по маршруту Ладога–Ленинград для сопровождения пяти транспортных самолетов. Истребители пристроились к группе тяжелых машин там, где было приказано. Тяжелогруженные Ли-2 в целях маскировки шли на небольшой высоте, прижимаясь к холодным водам озера. На фоне волн самолеты становились малозаметными. Пара сопровождающих истребителей сверху зорко поглядывала по сторонам, в то же время ни на минуту не выпуская из виду охраняемые самолеты.

Полет проходил нормально. Пролетели уже большую часть маршрута над Ладогой, когда со стороны солнца на безоружные машины обрушились вражеские самолеты: четыре истребителя и один бомбардировщик. Враг первым открыл огонь. Дымная трасса, направленная в Ли-2, болью отозвалась в сердце Константина Коршунова. Он устремился в лобовую атаку. Однако гитлеровец попался упрямый – не отворачивал. И когда столкновение казалось неминуемым, фашист взял ручку на себя, подставляя под огонь пулеметов Коршунова грязно-желтое брюхо своей машины. Какое-то время бомбардировщик продолжал набирать высоту, его мощные моторы еще бешено вращали воздушные винты. Но вот самолет перевернулся и стал падать в озеро. Четверка «мессеров» попытались взять в клещи ведомого. Тот отбивался, бросал само-

65-летию Великой Победы посвящается

лет из стороны в сторону. Убедившись, что транспортной группе пока ничто не угрожает, Коршунов поспешил на помощь товарищу, поддерживая его атаку огнем из пушки. «Мессершмит» задымил и, теряя высоту, потянул в сторону вражеского берега.

Покачав крыльями ведомому: «Следуй за мной», – К. Коршунов догнал группу Ли-2. Враги больше не пытались атаковать. Транспортные самолеты благополучно достигли Ленинграда. Их экипажи поблагодарили летчиков-истребителей за надежное прикрытие, поздравили с победой над гитлеровскими асами.

В тот же день Коршунов был представлен к награждению орденом. В наградном листе командир полка майор Матвеев писал, что «лейтенант Коршунов уже имеет более 200 боевых вылетов, отлично владеет техникой, в воздушных боях сбил два самолета противника лично и три в группе. В боях за Родину против фашистов проявил себя смелым, бесстрашным летчиком-истребителем. Дисциплинирован, выдержан, исключительно правдив. Приходит на выручку товарищам в минуты воздушных боев. Неоднократно вступал в бой с превосходящими силами противника и выходил победителем».

В январе 1942 года эскадрилья, в которой служил Коршунов, была полностью передана из 194-го истребительного в 154-й истребительный полк, где лейтенанту пришлось осваивать новые машины Як, стремительные, грозные для противника. К. Коршунов легко освоил новую технику: помогли отличные знания матчасти, вооружения, техники боя. 3 февраля 1942 года он в группе из четырех истребителей вылетел на прикрытие наземных войск под Тихвином.

Воздушный бой разгорелся над нашими позициями. Сбив две вражеские машины, советские летчики разорвали строй Ю-88, отогнали их от Тихвина. Но вскоре появилась еще шестерка «Фокке-Вульфов». Бой разгорелся с новой силой. В том бою Коршунову удалось подбить вражескую машину, но и его истребитель был поврежден. Вот-вот произойдет взрыв. Счет времени идет на секунды. Задыхаясь от дыма, лейтенант с трудом отодвинул фонарь, выбросился из кабины. С ожогами лица, шеи, рук он опустился в болото. Его разыскали наши пехотинцы, наблюдавшие за воздушным боем, и доставили в полк. Раны заживали медленно. В строй лейтенант вернулся лишь через месяц.

Прошло два года с начала войны, и Константин Коршунов стал командиром эскадрильи в чине капитана – быстро мужают юноши на войне.

Немцы любили массированные налеты. Но любовь эта возникла не от хорошей жизни – их нещадно били наши истребители и зенитчики.

Так было и в этот день. Около 80 бомбардировщиков под прикрытием 60 истребителей держали курс на город Волхов. Звено Коршунова встретило противника первым. Четыре против ста сорока. Казалось бы, что может сделать четверка? Но ждать подхода других групп наших «ястребков» Константин не мог. Он смело пошел в атаку, в самую гущу бомбардировщиков. В скоротечном бою было сбито восемь самолетов врага, но и наши самолеты возвратились на аэродром только парой – два летчика погибли в жестоком, неравном бою...

Полк, в котором служил Коршунов, гремел по всему фронту. Его коллектив растил людей – люди прославляли коллектив. В полку сражалось пять Героев Советского Союза и один дважды Герой – цвет и гордость ленинградской авиации.

У каждого летчика есть самый памятный бой. Константин Иванович вспоминал:

«Как-то полетели мы шестеркой сопровождать 18 “петляковых” на бомбежку аэродрома. Много на нем стервятников базировалось. Шли к цели, вот-вот “петляковы” должны были сбросить бомбы, как в это время я заметил восьмерку “мессеров”. И подходили-то они с оголенного левого фланга наших бомбардиров. Я немедленно предупредил по радио всех об опасности и выполнил разворот в сторону врага, да резковато... Ведомый запоздал повторить мой маневр и оторвался. А в это время в наушниках зазвучало: “Справа сверху атакуют Ме-109”. Тогда я понял, что мне теперь помощи ждать неоткуда – остался один. Невеселые мысли одолевали меня, но на сближение с восьмеркой я шел в лоб. Фашисты, видимо, были очень удивлены тем, что одиночный советский самолет лезет в пекло. А что было делать? Оголить фланг? Поставить под удар “петляковых”? Почему я говорю, что фашисты были удивлены моей атакой? А вот. Они дали мне дорогу. Огня не открывали и, как мне показалось, покачивали крыльями, как бы говорили: “Ай-ай, буйная голова! Куда лезешь? Сейчас тебе будет капут!” А что было делать? Не было другого выхода. На то она и война: кто кого. Не мог я не связать их боем... Именно в этом бою я почувствовал... дошло до меня, что значит фраза “Бей не на жизнь, а на смерть!” Ну, вот, значит, проскочил я в открытые “ворота” двух четверок Ме-109 и развернулся на 180 градусов. И началось.

65-летию Великой Победы посвящается

Фашисты, уверенные в легкой победе, атаковали меня спокойно с разных направлений. Одним словом, вижу: не торопятся разделиться со мной. Играют, звери, перед тем, как меня растерзать. А мне и это тоже выгодно. Время идет. Сколько они могли бы “петляковых” срубить за это время?

Огненные трассы проходят то слева, то справа от моего самолета. Бьют по мне с близких дистанций короткими очередями, вроде не хотят много снарядов на меня расходовать. Но и от меня шарахаются в стороны, когда мне удастся открыть ответный прицельный огонь.

А тут как раз удачный момент подвернулся: поймал я в прицел “мессера”. Дал короткую очередь, и машина гитлеровца сначала махнула на крутую горку, а потом, переваливаясь с крыла на крыло, клюнула носом и отвесно понеслась к земле. На сердце у меня сразу как-то легче стало. Нет, думаю, так вот просто меня не взять! Повоюем сначала на полную катушку.

Но тут-то и началось самое страшное... Увидев бесславную гибель одного из своих асов, гитлеровцы совсем остервенели. Уходявшая, было, вторая четверка вдруг возвратилась. Гоняли они меня вначале, как борзые зайца... А мне опять повезло, Ме-109 в прицеле и никаких поправок брать не надо. Нажал на гашетки, мгновение – и ...стервятник вспыхнул и пошел к земле... Но в этот самый момент и мне досталось. Крепко врубил... На левой плоскости пробойн много, а на правой – консоль срезали в щепки. А сам я ничего, цел – невредим, ни царапины. Вывернулся кое-как из атаки. Пробую рули – самолет слушается. Мотор работает как часы! Соображаю: боекомплект еще есть! Успокаиваюсь и опять в атаку! Хочешь не хочешь, не выпустят же они меня, гады! Тут стало жарко. Не могу понять, откуда у меня силы брались – я не только оборонялся, но и нападал, зло нападал.

Был у меня тогда какой-то необыкновенный душевный подъем. Особенно, когда завалил второго фашиста. Теперь их осталось шесть, а я по-прежнему был один. Пришлось мне покуролесить в небесах, попетлять. Я выполнял такие фигуры высшего пилотажа, каких нет ни в одном наставлении. И эта моя “воздушная акробатика” сбивала их с толку. Они, видимо, не могли никак разгадать мой очередной маневр. Не могли предусмотреть. А я им выбрасывал фортель за фортеlem, и опять – удача: дистанция – пятьдесят

метров, и фашист сам влез в прицел. Очередь, небольшая поправка, еще очередь, и он камнем летит вниз.

– Три! Три! – кричал я в азарте, но... Тут пулеметные очереди ударили по кабине моего самолета. Били, гады, разрывными, аж в глазах зарябило... Чем-то ударило по голове. Пуля или осколок? Схватился рукой за шлемофон. Ничего, крови нет! Значит, порядок!

Интуитивно чувствую, что боеприпасы на исходе, а фашистов еще пять. Напрягая последние силы, закусываю губы до крови и продолжаю бой. И, представьте, мне опять везет: удается всадить очередь в Ме-109, но на этот раз уже последнюю. Не знаю, сбил я его или нет, не до этого было, но теперь со мной дралась только четверка. Осатанели фашисты вконец! Взяли меня в “клещи” и не выпускают ни на секунду. Прошили мой самолет от хвоста и до мотора, еле вывернулся. Что делать? Мои пулеметы молчат. Огрызнуться нечем, кончились боеприпасы. Произвел несколько ложных атак, без огня, знаю, фашисты быстро догадаются, что у меня нечем стрелять. Тогда мне верная крышка.

И, действительно, дьяволы, начали наседать. Гляжу: “петляковы” уже далеко-далеко. Эх, думаю, была не была. Сваливаю свой самолет через крыло и имитирую беспорядочное падение. Фашисты сопровождают, но огонь не открывают. Радуются, наверное: наконец завалили. А над самым лесом вывожу энергично самолет в горизонтальный полет и бреющим, по самым верхушкам, жму на свой аэродром. Тут стервятники спохватились. Но было уже поздно. Скорость у меня была большая, да и потеряли они меня вскоре на фоне местности. Лечу и сам не могу понять, на чем лечу? Мой Як-7 дырявый, как решето. Дрожит, как в лихорадке. Валится вправо, еле удерживаю ручку управления, сил нет, но кое-как долетел.

Вылез из кабины, доложил командиру, а через пять минут упал на койку и заснул. Я был счастлив. Мы не потеряли ни одного самолета Пе-2».

Из наградного листа командира эскадрильи 29-го Волховского истребительного авиационного полка Коршунова Константина Ивановича в 1943 году: «За период Отечественной войны с 23 июня 1941 года по 1 января 1943 года им произведено 392 боевых самолетовылетов, на прикрытие пунктов ПВО-75, сопровождение транспортных самолетов – 94, сопровождение своих бомбардировщиков

65-летию Великой Победы посвящается

и штурмовщиков – 111, штурмовку аэродромов противника – 6,крытие наземных войск – 96, разведку войск и коммуникаций противника – 10. Проведено 50 воздушных боев, из них большинство проводились с численным превосходством со стороны противника, лично сбил 6 самолетов, 4 бомбардировщика и 2 истребителя. За проявленный героизм награжден орденом “Красная Звезда” в 1942 году, орденом «Отечественной войны I степени в 1943 году, орденом “Красное Знамя” в 1943 году.

После правительственной награды К. И. Коршуновым произведено 116 боевых самолетовылетов, из них: на сопровождение своих бомбардировщиков и штурмовиков – 85, штурмовку наземных войск и коммуникаций противника – 15, разведку переднего края обороны противника – 10, сопровождение транспортных самолетов – 6. Принимал участие в 41-м воздушных боях, где лично сбил 9 самолетов, из них бомбардировщиков – 4, истребителей – 5. А в целом за период военных действий им произведено 508 боевых самолетовылетов, принимал участие в 91-м воздушном бою, где сбил лично 15 самолетов и в групповых воздушных боях 3 самолета противника.

За отличное руководство подразделениями и лично проявленные мужество и героизм в воздушных боях с авиацией противника, в которых лично сбил 15 самолетов противника и в группе 3 представлен к высшей правительственной награде – званию Герой Советского Союза – 27 октября 1943 года».

Это высшее звание Коршунову Константину Ионовичу было присвоено 4 февраля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР...

Война катилась на запад. К высоким наградам добавились медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Заполярья», «За победу над Германией». К концу войны количество боевых вылетов у К. И. Коршунова достигло 580.

В 1946 году К. И. Коршунов демобилизовался и до заслуженного отдыха работал машинистом подъема шахты имени Ленина. Жители города Волхова в знак особой благодарности за защиту города летчику К. И. Коршунову присвоили звание Почетный гражданин города Волхова. В мирное время за самоотверженный и добросовестный труд он награжден почетным знаком «Шахтерская слава», многими Почетными грамотами и юбилейными медалями. Семь раз Константин Ионович избирался депутатом Городского Совета.

Но время неумолимо. 8 марта 2005 года Герой Советского Союза Константин Ионович Коршунов ушел из жизни. Он похоронен на городском кладбище.

* * *

Николай Григорьевич Кострюков родился 9 мая 1924 г. в станице Камышевской Ростовской области в семье крестьянина. С детских лет помогал по хозяйству, летом работал табунщиком на конеферме колхоза. После переезда семьи в Новошахтинск учился и окончил перед войной восемь классов школы № 1, но постоянно тянуло в родную станицу, где он и находил все каникулы, ухаживая за лошадьми.

После восьмилетки несколько месяцев обучался в школе ФЗО (нынешнее ПУ № 58), работал на шахте имени ОГПУ (шахта имени В. И. Ленина). При приближении фронта к городу возвратился в станицу Камышевскую и, когда немцы уже подходили к Волге, летом 1942 года, перегонял с колхозниками скот в соседний Казахстан. Оттуда 24 сентября 1942 года добровольцем ушел в Советскую Армию. Джангалинский райвоенкомат направил Николая Кострюкова в Кемеровское военно-пехотное училище, где он обучался до декабря 1942 года, затем служба в 28-м снайперском полку 4-й учебной бригады командиром стрелкового отделения. С мая 1943 года принимал непосредственное участие в боях в составе 75-й гвардейской Краснознаменной дивизии.

Наиболее значимым событием было форсирование Днепра. Дивизия входила в 60-ю армию генерал-лейтенанта И. Черняховского. Первыми к Днепру вышли роты батальона старшего лейтенанта Гаврилина 212-го гвардейского стрелкового полка. Взводу гвардии младшего лейтенанта Г. Г. Яржина, в котором командиром отделения был гвардии сержант Николай Кострюков, было приказано форсировать Днепр и укрепиться на его западном берегу.

18 сентября в темную глухую ночь с дождем, взвод в составе 18 человек занял плацдарм около старого русла Днепра, где в течение двух суток держал оборону.

Николай Григорьевич вспоминал: «...Я с отделением был снят с обороны и направлен для доставки продуктов, а также доклада по-

65-летию Великой Победы посвящается

ложения на участке. Подойдя к берегу Днепра, мы заметили пароход, который двигался вверх по реке, ведя с собой баржу. Рассредоточив пять человек на расстоянии 50–60 метров вдоль Днепра, я спустился к берегу и стал давать сигнал пришвартоваться. Когда пароход взял курс к берегу, я скрылся в заросли и дал команду отделению ожидать моего сигнала. И вот пароход, подойдя к берегу, выкинул трапы, и с него стали сходить немецкие офицеры. Мы с товарищами пленили всю команду парохода. Там были и украинцы, насильно привлеченные к работе».

Затем Николай дал команду отчалить, и пароход был доставлен к нашему берегу. На этом пароходе была переправлена на правый берег вся 6-ая рота, в помощь 12 храбрецам, отбивавшим на плацдарме натиск немцев. Среди них было и отделение Н. Г. Кострюкова. Плацдарм держали упорно. Только за день 23 сентября батальон отбил шесть контратак противника, а к 11 часам 24 сентября было отражено более десяти контратак. В боях за деревню Ясногорка противник предпринимал яростные атаки, стремясь сбросить наших бойцов в Днепр, но не помогли ни танки, ни авиация. Здесь Н. Г. Кострюков лично уничтожил 12 немецких солдат и офицеров.

О боях на Днепре писала тогда газета «Правда»: «Много великих дел, совершаемых во славу Родины, видел на своих берегах седой Днепр. Много витязей, защитников Руси, купали коней в его водах. Героическими преданиями овеяна его старина. Но меркнут все былые подвиги перед подвигами воинов Красной Армии. Еще не бывало такого на берегах Днепра, что совершается там теперь бесстрашными советскими воинами...».

17 октября 1943 года Николаю Григорьевичу Кострюкову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Этого высокого звания были удостоены более 60 воинов 75-й гвардейской стрелковой дивизии, в том числе 15 гвардейцев из 6-й роты 212-го гвардейского стрелкового полка, где служил наш земляк. Николай Григорьевич Кострюков был награжден также орденом «Красной Звезды», медалями «За отвагу», «За победу над Германией».

Продвигаясь на запад, у одной из высот Николай Кострюков был тяжело ранен, лечился в госпитале в Курске. По излечении уже не попал в родной полк, а в составе 37-й Краснознаменной гвардейской дивизии в должности командира стрелкового отделения дошел до Данцига и закончил там свой фронтовой путь.

Затем была служба в 126-й стрелковой дивизии, демобилизация в 1947 году, работа в Новошахтинске в геологоразведочной экспедиции на разных должностях.

Умер Николай Григорьевич Кострюков в октябре 1984 года в возрасте 60 лет.

* * *

Василий Григорьевич Карпенко родился в 1910 году в семье крестьянина на хуторе Фролово-Егоров, Семеновского сельского совета Романовского района нынешней Ростовской области.

В 1917 году умер отец, матери к тому времени уже не было. Осиротевшего мальчика берет на год в семью жена родного брата. А потом – приют.

1921 год, в стране страшный голод. Одиннадцатилетний мальчишка подбирает компанию и бежит из приюта, бродяжничает до 1924 года.

В 14 лет Василий Карпенко становится батраком у местных богачей. Работает от зари до зари за миску постной каши да латаную одежку, изношенную хозяйскими детьми.

В это время на Несветае закладывается и начинает строиться шахта, названная позже именем ОГПУ (шахта Ленина). В декабре 1928 года Василий Карпенко поступает на стройку вагонщиком. Новая жизнь захватывает его целиком. Он идет в вечернюю школу, участвует во всех молодежных делах, в художественной самодеятельности – ему всюду интересно. В 1929-м Василия принимают в комсомол, а в конце 1931-го в члены ВКПБ. Через год, в конце 1932 года, его призывают на службу в ряды Красной Армии.

После службы Василий Карпенко вернулся на шахту. Знание горной техники позволило ему стать врубмашинистом, посоревноваться с одним из опытейших в то время врубмашинистов – Ефимом Ивановичем Духаниным.

Руководство шахты посылает пытливого горняка на курсы, а после их окончания его назначают на должность горного мастера.

Александрю Максимовну Фисунову, работницу сортировки, Василий Григорьевич Карпенко знал еще до призыва в Красную Ар-

65-летию Великой Победы посвящается

мию. Подвижная, щедрая на острое словцо, девушка нравилась ему. Знакомство превратилось в дружбу. Их объединяло много общего: учеба, думы о будущем и заботы на производстве. Вечерами они ходили по широким аллеям молодого парка, деревья которого несколько лет тому назад сажали вместе.

Скромная рабочая свадьба состоялась в 1935 году. В подарок молодоженам шахта вручила ордер на квартиру. Но грянула Великая Отечественная война, в первый же ее день Василий Карпенко был призван в Красную Армию, а уже 28 июня политрук Карпенко, заместитель командира роты по политической части, вступает в первый неравный и жестокий бой с врагом в составе 22-го полка 13-й Армии Юго-Западного фронта. С солдатами знакомился в бою по свист пуль и грохот взрывающихся снарядов. 17 сентября 1941 года, поднимая роту в контратаку под Брянском, Василий Григорьевич был ранен в ногу. После выздоровления в госпитале до начала 1942 года воевал на Западном фронте, а затем командование направляет его комиссаром батареи в 154-ю отдельную бригаду моряков Северо-Западного фронта.

С июня по сентябрь 1942 года – учеба на курсах усовершенствования политсостава. Потом другая воинская часть, другое ответственное задание: в составе 9-го отдельного батальона минеров он проводит ряд удачных диверсий в тылу противника. Летят под откос железнодорожные составы врага с живой силой и техникой, горит земля под ногами оккупантов.

Комиссар В. Карпенко так пишет об этом в своей автобиографии: «Награжден часами начальником инженерных войск Северо-Западного фронта за выполнение боевого задания в тылу противника».

В представлении о направлении В. Карпенко на учебу начальником политотдела первого Гвардейского стрелкового корпуса полковым командиром Тарасюк говорится: «На фронте с 28 июня 1941 года. Товарищ Карпенко Василий Григорьевич – участник боев с немецкими оккупантами. В бою смел и решителен. Своей отвагой и мужеством увлекает бойцов на борьбу с фашистским зверьем. Волевой политработник. С личным составом работать умеет... Рота превратилась в крепкий боевой организм, способный выполнить любую боевую задачу».

15 ноября 1943 года Карпенко успешно окончил курсы при Краснознаменном военно-политическом училище имени Ф. Энг-

гельса и получил краткосрочный отпуск, чтобы навестить родных в Новошахтинске. Здесь узнал, что его жена Александра Максимовна, как коммунист, была расстреляна фашистами. Своими руками сделал обелиск и установил на братской могиле, в которой покоится и прах его жены.

Вернувшись в действующую армию, капитан Карпенко сражается на Белорусских фронтах. 15 июня 1944 года его награждают орденом Красной Звезды. В это время батальон вплотную подходит к Днепру и готовится к решительному броску. В наградном листе на Василия Григорьевича Карпенко, заместителя командира по политчасти стрелкового батальона 843-го стрелкового полка 238-й стрелковой дивизии, гвардии капитана, сказано: «При форсировании реки Днепр товарищ Карпенко лично организовал переправу через реку на лодках, плотам и досках, первым переправился на правый берег и, захватив небольшой плацдарм, организовал оборону. Этим самым обеспечил переправу других подразделений. Закрепившись на правом берегу реки Днепр, товарищ Карпенко начал готовить бойцов, сержантов и офицеров к штурму города Могилев и при этом отразил яростную атаку противника. Получив приказ штурмовать город Могилев, во главе 5-й стрелковой роты ворвался в город. В дальнейшем ходе боя за город он с одним из подразделений продолжал очищать город дом за домом от противника. Подразделения при освобождении города захватили большие трофеи и до сотни пленных». Это было представление к званию Героя Советского Союза.

В ходе дальнейших боев под Минском Василий Григорьевич был смертельно ранен и умер 22 июля 1944 года. Похоронен он на кладбище в поселке Смиловичи Червенского района Минской области в 30 километрах от Минска.

Звание Героя Советского Союза присвоено ему посмертно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года.

* * *

Леонид Леонидович Стромкин родился 15 сентября 1921 года в семье рабочего на руднике имени III Интернационала (с 1939 года – город Новошахтинск).

С началом Великой Отечественной войны Стромкин ушел добровольцем на фронт. Как способного, грамотного молодого бойца, его послали на курсы младших командиров, которые он окончил

65-летию Великой Победы посвящается

в 1942 году в звании младшего лейтенанта. Со своим подразделением воевал в составе Брянского, Центрального, 1-го Белорусского фронтов, в мае 1943-го был ранен, затем сражался на Курской дуге.

Тяжелые бои вели наши войска в 1943 году. Предстояло форсировать Днепр. Авиационная разведка доложила советскому командированию, что на правом берегу Днепра обнаружены ложные окопы противника. Для уточнения произвели разведку боем. В ту туманную ночь батальон Л. Л. Стромкина первым переправился через Днепр. Разведчики в самом деле наткнулись на пустые траншеи немцев. Это была ловушка. Усиленная группировка фашистов встречала наших воинов сильным артиллерийским и пулеметным огнем, пыталась сбросить батальон в Днепр. Но красноармейцы уже успели закрепиться в траншеях и мужественно приняли удар противника на себя. Всю ночь длился этот тяжелый бой, но ни на один шаг не отступили бойцы батальона Стромкина от занятых ими позиций, и плацдарм был удержан. За успешно проведенную операцию по форсированию Днепра и захвату плацдарма командир батальона Леонид Стромкин был награжден орденом Красного Знамени. Второго ордена Красного Знамени он был удостоен в октябре 1943 года.

Вот уже форсировали реки Сож и Буг. Батальону майора Леонида Леонидовича Стромкина в январе 1945 года было приказано первому в дивизии переправиться на левый берег реки Вислы в районе местечка Новы Двур (Польша) и захватить плацдарм. Переправлялись ночью по разбитому взрывами льду под непрерывным огнем врага. Вгрызались в мерзлую землю. Гитлеровцы обрушили на батальон сильный огонь, бросили пехоту и танки. Комбат мастерски управлял боем, появлялся там, где было наиболее опасно, где требовалось делом и словом вдохновить подчиненных. «Надо выстоять, товарищи! – говорил он бойцам. – И мы первые. Это почетно и трудно. Помните, от нас зависит успех всей операции».

Целую ночь батальон Леонида Стромкина вел неравный бой и удержал плацдарм. А под утро подошли основные силы дивизии и пробили вражескую оборону.

Командиру стрелкового батальона 1285-го стрелкового полка 60-й стрелковой Краснознаменной ордена Суворова дивизии майо-

ру Леониду Леонидовичу Стромкину Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

На груди Героя засияли также орден Ленина, медаль «За победу над Германией» и другие.

Встретив Победу в Германии, Л.Л. Стромкин в декабре 1945 года возвратился в Новошахтинск подполковником запаса. Работал на шахтах № 3–35, № 7, а с 1950 года и до пенсии – заместителем директора шахты «Западная–Капитальная», избирался депутатом горсовета. Ушел из жизни Герой Советского Союза Леонид Леонидович Стромкин 12 мая 1982 года.

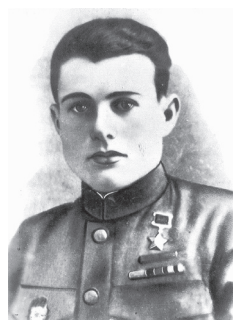
* * *

К славной плеяде людей, которыми гордится наш город, по праву относится **Василий Иванович Смоляных**.

Родился он 12 сентября 1923 года в семье шахтера в поселке Коминтерн (будущий Новошахтинск). Ему рано пришлось взять на свои плечи заботы о семье, так как отец в 1938 году погиб в шахте. Кроме Василия, в семье росли еще дочь Нина и сын Ваня.

Василий учился в школе № 6, был любознательным, смекалистым, озорным мальчишкой. Как и его сверстники в то время, интересовался техникой, музыкой, много читал книг, мечтал с ребятами о будущей счастливой жизни. Заботы о семье, учеба в школе не мешали участию Василия Смоляных в работе самодеятельного струнного оркестра при клубе имени Ильича. В то время ребята сами находили себе увлечения. Музыкой Василий занимался успешно. В составе оркестра он занял первое место в областном смотре музыкальных коллективов 1939 года. В награду ребята получили белые рубашки – в то время дорогие подарки.

Увлечение музыкой позволило Васе Смоляных поступить в Таганрогское музыкальное училище. Но стать музыкантом ему было не суждено. Грянула война, пришлось вернуться в Новошахтинск. А 25 июня 1941 года Василий Иванович Смоляных был призван Новошахтинским горвоенкоматом в Действующую Красную Армию.

65-летию Великой Победы посвящается

С тяжелыми боями фронт все дальше и дальше откатывался на восток. Летом 1942 года в одном из боев на пути к Сталинграду Василий был контужен, долго лежал без сознания. Посчитав его убитым, немцы прошли мимо. Придя в себя, Василий оценил обстановку: боевых товарищей нет, фронт гремит далеко на востоке, он остался один во вражеском окружении.

Темными ночами шел Василий Смоляных в родной Новошахтинск, днем отсиживался в балках, в посадках. Наконец на горизонте показались терриконы – это был дом, в котором уже хозяйничали чужеземцы.

«Новый порядок» установил для жителей одну меру наказания – расстрел. Каждый день уводили группами жителей в балку поселка Бугултай, на временный аэродром. Там гремели выстрелы, гибли от рук оккупантов и предателей ни в чем не повинные люди. С этим злом Василий Смоляных, как боец доблестной Красной Армии, решил бороться, не щадя своей жизни.

С друзьями, участниками струнного оркестра, Василий вошел в молодежную группу по борьбе с оккупантами. Возглавил ее бывший пограничник Сергей Бутин. Опыт двух боевых солдат Смоляных и Бутина позволил уберечь организацию от провала: она была разделена на тройки, действующие самостоятельно.

Василий деятельно включился в борьбу. Молодые подпольщики захватили машину с продуктами, через радиоприемник слушали Москву, потом писали по сводкам Совинформбюро листовки и распространяли среди жителей, помогали тем, кому очень голодно жилось, препятствовали угону молодежи в Германию. По городу поползли слухи, что какой-то немец чинит праведный суд, убивает наиболее ретивых полицейских – предателей Родины. Как впоследствии выяснилось, этим переодетым «немцем» был Василий Смоляных. Он спас от грозившего расстрела семью Ивана Федоровича Щеглова – председателя профкома шахты имени Горького, и только после войны в этом признался. Многие жители города были благодарны Василию за спасение. При освобождении Новошахтинска от оккупантов 13 февраля 1943 года подпольщики не допустили взрыва горбольницы с больными и ранеными, помогали бойцам Красной Армии.

После освобождения Новошахтинска Василий Иванович Смоляных вновь в боевом строю, теперь уже громит врага на фронтах Великой Отечественной войны. Он гвардии старший лейтенант,

командир 6-й стрелковой роты 133-го гвардейского стрелкового Краснознаменного полка 44-й гвардейской стрелковой Барановической Краснознаменной дивизии. И на груди его сияет медаль «За отвагу».

Все дальше и дальше на запад уходил фронт, а с ним и Василий Смоляных. Вверенные ему бойцы любили своего командира за человечность, храбрость, находчивость, умелые действия в ходе боев и марш-бросков.

Приведем выписку из наградного листа на Смоляных Василия Ивановича, подписанную командиром 133-го гвардейского Краснознаменного полка гвардии подполковником Солодовом:

«Товарищ Смоляных В. И. 5 сентября 1944 г. при преодолении водного рубежа Нарев, несмотря на массированные налеты авиации противника и непрерывный обстрел переправ, сумел без потерь форсировать реку Нарев. Достигнув правого берега реки, тов. Смоляных со своей ротой, выполняя боевой приказ, быстро закрепился, ведя бои по охране отвоеванного плацдарма. Немцы, предприняв ряд яростных контратак, стремились любой ценой прорваться к правому берегу и оттеснить наши подразделения за реку. Тов. Смоляных, проявляя стойкость и все свое воинское мастерство, сдержал бешеный натиск врага. Сильным ружейно-пулеметным огнем рота тов. Смоляных отбила контратакующую пехоту противника, нанеся врагу большие потери в живой силе. Танкам противника удалось прорваться к позициям, обороняемым гвардейцами тов. Смоляных. С ходу ведя интенсивный огонь, вражеские танки пытались посеять панику в наших рядах и внезапно атаковать наши стрелковые подразделения. Тов. Смоляных, находясь вместе со своими бойцами, призвал их сражаться до последнего патрона, но ни на шаг не отступать. Презирав смертельную опасность, тов. Смоляных В. И., перебегая от одного бойца к другому, простыми душевными словами вселял в каждого воина непоколебимую веру в победу и стойкость в борьбе с немецкими захватчиками. Как и вначале, вторая контратака немцев не имела никакого успеха. Когда немецкая пехота, следовавшая за танками, приблизилась на расстояние 100–120 метров, рота тов. Смоляных открыла залповый огонь из всех видов стрелкового оружия. Потеряв десятки убитыми и ранеными, гитлеровцы в панике разбежались.

В течение полутора суток рота вела почти непрерывные ожесточенные оборонительные бои, отстаивая плацдарм на правом берегу

65-летию Великой Победы посвящается

реки. В эти роковые минуты бойцы видели своего командира тов. Смоляных на самых опасных участках боя. Это воодушевляло бойцов на славные боевые подвиги во имя Родины.

Отразив несколько вражеских контратак, рота уничтожила свыше взвода немецкой пехоты, и, когда был дан сигнал к наступлению, тов. Смоляных В. И., поднявшись первым, повел за собой всех бойцов в атаку и, выбив немцев с занимаемой обороны, они продвинулись с боями до 4 км, расширив плацдарм на правобережье реки Нарев.

За образцовое форсирование реки Нарев, за расширение плацдарма на ее правом берегу и проявленные при этом мужество и героизм гвардии старшего лейтенанта Смоляных Василия Ивановича представляю к присвоению звания Героя Советского Союза с одновременным награждением орденом Ленина и вручением медали «Золотая Звезда».

По этому представлению было вынесено Заключение Военного Совета 65-й армии: «Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза», которое подписали командующий войсками 65-й армии генерал полковник Батов и член Военного Совета армии генерал-майор Радецкий.

Звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда» было присвоено Василию Ивановичу Смоляных Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР 24 марта 1945 года.

После Победы Герой Советского Союза Василий Иванович Смоляных возвратился в Новошахтинск. Здесь он был назначен заместителем начальника шахты имени Горького по быту и кадрам. Его до сих пор помнят ветераны шахтерского труда как энергичного, делового человека, требовательного к себе и рабочим. Он умел оперативно провести совещание, быстро реагировал на все требования производственников. Шахта имени Горького работала в четком ритме, перевыполняла плановые задания, уголь бесперебойно шел на-гора. Василий Иванович был чутким и внимательным к нуждам людей. Будучи ответственным за быт рабочих шахты, он старался выполнять все просьбы, с которыми к нему обращались люди.

Но не суждено ему было долго жить и работать. Трагический случай оборвал жизнь 30-летнего Героя Советского Союза Василия Ивановича Смоляных в январе 1953 года.

Прошли годы... Нет уже шахты имени Горького, как и других шахт нашего угольного района, но в клубе поселка Горького (директор В. Н. Чурсина), в маленьком музее, благодаря энтузиазму работников клуба, библиотекаря Изы Ивановны Лаврищевой – ветерана педагогического труда, хорошо знавшей семью Смоляных, на планшетах помещен уникальный материал о нашем земляке – Герое Советского Союза Василии Ивановиче Смоляных как примере для жизни будущим молодым поколениям¹.

* * *

Есть такая книга документальных очерков «Кавалеры ордена Славы». В главе «Этапы большого пути» – строки о **Бочарове Алексее Федотовиче** и о его земляках.

... Такое случается редко, чтобы высшей солдатской награды – ордена Славы трех степеней – были удостоены сразу трое из одного села. Это три артиллериста, три земляка из села Бугаевка Кантемировского района – Алексей Бочаров, Иван Бокатый и Павел Литвиненко. В их военной службе много общего: все трое служили в артиллерийских противотанковых истребительных войсках, форсировали Днепр, брали Познань. И высшую награду – золотые ордена Славы I степени – каждый из них получил за взятие Берлина. Хочу поведать об одном боевом эпизоде из героической жизни А. Л. Бочарова.

... 266-й Краснознаменный Днепровский ордена Суворова и Богдана Хмельницкого гвардейский противотанковый артиллерийский полк, в котором Алексей Бочаров служил наводчиком, получил задание войти в Познань и помочь пехоте очистить город от немцев. Полк вошел в город, и вдруг со стороны трамвайного парка выскочили «тигры», самоходные орудия и бронетранспортеры, а за ними густой цепью бежала вражеская пехота. Полк, не ожидая такого внезапного натиска, еще не рассредоточился. Положение было критическим, и все решали буквально мгновения.

¹ Никитянский В. Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

Орудие Алексея Бочарова оказалось ближе всех к противнику. Моментально развернув его, Алексей открыл огонь прямой наводкой. С первого же выстрела идущий впереди «тигр» споткнулся и завертелся на месте. Второй снаряд попал в его боковую броню. Следующим снарядом Алексей ударил по самоходке, которая тоже остановилась. А наш отважный земляк, не теряя ни секунды, продолжал вести прицельный огонь. Благодаря его мужеству и блестящему мастерству, пробка на пути вражеских машин была поставлена прочно. А за это время развернулись остальные наши орудия и открыли шквальный огонь. Немцы поспешно отступили.

После боя полк был выстроен, и его командир, подполковник Сковорцов скомандовал: «Старший сержант Бочаров, два шага вперед!». Командир говорил о подвиге Алексея, о награде, которую он заслужил за этот беспримерный бой. А Алексей стоял и очень волновался: ему было тогда всего 19 лет! А в 20 лет он уже был кавалером всех трех орденов Славы. Перенес три ранения и три контузии. Выдержал, выжил, победил!

Так совпало, что домой он вернулся в день своего рождения, 19 ноября 1945 года.

Работал в вагонном депо станции Юбилейная, на шахте № 3-2/бис – лесогоном, слесарем, был председателем шахткома профсоюзом, начальником техкомплекса...¹.

* * *

Григорий Иванович Коваленко – кавалер ордена Славы трех степеней родился 22 ноября 1911 года в селе Беловодское Ворошиловградской (Луганской) области. Трудовая деятельность его началась в 17 лет. В мае 1941 года Ворошиловградский райвоенкомат призвал его на службу в Красную Армию.

В годы Великой Отечественной войны Григорий Иванович бил врага на Юго-Западном фронте, Сталинградском, 4-м Украинском, 1-м Прибалтийском фронтах. Письма с фронтов он

¹ Шевченко Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 21 июня 2003 года.

посылал в село Верхняя Макеевка Кошарского района Ростовской области, где находилась его семья (жена Варвара Максимовна). В июле 1943 года Григорий Иванович был ранен.

Гвардии старший сержант Григорий Коваленко был отличным воином. Орденом Славы третьей степени его наградили в Крыму за активное участие в боях при освобождении Севастополя. В наградном листе командира 40-го отдельного гвардейского саперного батальона гвардии-майора Карасева записано: «В ночь с 7 на 8 мая 1944 года гвардии старший сержант Г. И. Коваленко, находясь в составе своего взвода, производил разграждение проволочных заграждений и снятие минных полей противника в полосе действия 84-го гвардейского саперного полка в районе высоты Безымянной, что южнее хутора Камышлы. Выдвинувшись вперед, старший сержант Г. И. Коваленко обнаружил инженерные препятствия врага и, невзирая на ураганный огонь из всех видов оружия, проделал два прохода в проволочном заграждении, снял мины, чем обеспечил продвижение пехоты на высоту и захват ее. Действуя впереди пехоты, он, невзирая на огонь, первым заскочил в траншеи противника и помогал пехоте огнем своего автомата».

Затем военная судьба забрасывает Григория Ивановича в Литву, где в ходе наступления наши войска вышли на реку Дубису. До государственной границы оставалось километров тридцать, когда 16 августа 1944 года немцы перешли в контрнаступление. Гвардейцы сдерживали противника у шоссе Шяуляй–Кельме. Задержали врага и отогнали его обратно. После некоторого затишья 5 октября 1944 года наши войска перешли в наступление. У деревни Клятишкес Кельменского района группа гвардии старшего сержанта Г. И. Коваленко разгромила подразделение противника, а им лично была захвачена легковая машина, в которой обнаружили оперативные документы, давшие возможность уточнить группировку и замыслы противника. 18 ноября 1944 года Григорий Иванович Коваленко был награжден орденом Славы второй степени.

И вот Восточная Пруссия... Григорий Иванович уже старшина 7-й стрелковой роты 91-го гвардейского стрелкового полка 33-й гвардейской стрелковой Севастопольской дивизии. В феврале 1945 года под Кенигсбергом в местечке Меттетен на перекрестке дорог в доме находилась немецкая засада, которая шквальным огнем преградила нашим путь. Григорий Коваленко первым подполз к дому, зажег его и из автомата расстрелял убегающих немцев, при этом

65-летию Великой Победы посвящается

уничтожил девять вражеских солдат и двух взял в плен, тем самым дав нашим подразделениям возможность овладеть перекрестком дорог и выйти к морю. За этот подвиг он был награжден орденом Славы I степени.

После войны кавалер ордена солдатской Славы трех степеней работал в Новошахтинске. Был навалотбойщиком, бутчиком, крепильщиком, проходчиком на шахте имени В. И. Ленина, горным мастером на шахте № 3-2/бис. Трагически погиб в декабре 1958 года¹.

Женщины на войне

Родина старшего фельдшера саперного батальона и батальона связи, лейтенанта медицинской службы Галины Федоровны Соловьевой (в девичестве Емец) – Полтавская область, село Яблоновка. После окончания в 1938 году медицинского училища ее направили в Полтавскую неврологическую больницу. В 1940 году Галя была переведена во Львовскую больницу, где работала старшей медсестрой. Трудилась и строила планы на будущее и, как все девушки, мечтала о счастье. Но в ее девичьи грезы 22 июня 1941 года в 4 часа утра взрывом бомб ворвалась война.

– Мы еще ничего не знали о войне, а сразу услышали страшный грохот и вой, – вспоминает Галина Федоровна. – Ой, как же было страшно! Солнце только стало показываться из-за бугра, и вся земля тряслась и содрогалась. Мы даже подумали сначала, что это землетрясение, но потом поняли: бомбежка.

¹ Никитянский В. Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

В первые дни войны 20-летняя Галя ушла на фронт. Помнит, как в районе Волыно-Подольска разбомбили военный эшелон. Подбирали и грузили раненых в машины, отвозили в госпитали. Помнит, как ехали с ранеными в санитарном поезде: крики, стоны, кровь, смерть. Луганск, Армавир, Минводы, Пятигорск, населенные пункты Чечни... Казалось, отступлению не будет конца. Долго потом в мирной жизни в ее сны врывается этот ужас, и она кричала во сне и просыпалась от своего крика. Но вот произошел перелом в войне и снова – версты и версты, но уже в обратном направлении. И наконец, страны и города Европы и волнующее, томительное предвкушение конца войны и долгожданной Победы.

К этому времени в личной жизни Галины произошли изменения. Сквозь грохот войны, сквозь смерть, пожарища и кровь, сквозь потери пробился росток любви. Они ведь были тогда совсем юными и влюблялись, доказывая этим, что жизнь и любовь сильнее смерти.

Зимой 1944 года Галя, девушка строгая и неприступная, ответила взаимностью Петру Соловьеву. Командир батальона, майор Соловьев был не только отважен, высок, строен и хорош собой. В то время, когда для кого-то была очень удобна расхожая формула «Война все спишет», его отличали исключительная порядочность, благородство, ответственность и надежность. К Галине он относился с такой трепетной, трогательной нежностью, что это, конечно, не могло не покориť юную полтавчанку. Молодые люди вместе прошли фронтовыми дорогами до Победы. Война закончилась для них в Альпах (Австрия), но после этого еще больше года они продолжали служить в армии.

5 июня 1946 года Петр и Галина расписались в посольстве СССР в Румынии. Судьба так распорядилась, что местом жительства для брянского парня и девушки из-под Полтавы стал Новошахтинск. Они прожили вместе 56 лет, воспитали трех дочерей... И всегда они занимали активную гражданскую позицию: часто встречались с молодежью, делились своими воспоминаниями, переписывались с боевыми друзьями. Супруги Соловьевы стали героями книг своего однополчанина И. Полищука «От Миуса до Днепра», «От Днепра до Карпат», «На пути к Победе»...¹.

¹ Шевченко Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 21 июня, 2003 года, №114.

65-летию Великой Победы посвящается

* * *

Я – участница Великой Отечественной войны... Мой муж также воевал, имел награды за героизм и мужество, был инвалидом, а в прошлом году я его похоронила. Теперь живу одна. Кто знает, что такое одиночество, поймет меня. Утешаю себя тем, что в таком положении не только я, у кого-то судьба сложилась и похлеще. Ведь есть у меня дочери, пусть и не рядом со мной, но все же мы видимся, и они помогают мне, зовут к себе, да только мне не хочется из родных мест уезжать.

Часто задумываюсь о прожитых годах, вспоминаю, как в 1938 году окончила медицинское училище и меня направили в Полтавскую неврологическую больницу, а затем, в 1940-м, перевели во Львовскую неврологическую больницу. Именно в этой больнице для меня началась война. Надела военную форму и «отступала» с эвакуационником: перевязывала и оказывала помощь раненым, отправляла их в госпитали через всю Украину, Донбасс до самого Орджоникидзе. Затем была направлена в отдельный саперный батальон фельдшером. Те же раненые, те же бомбежки, только уже – Карпаты, Югославия, Венгрия... Война для меня закончилась в Австрии. Демобилизовалась в июне 1946 года. Вот так прошла моя молодость – все время на передовой, под пулями...

Иногда, вспоминая, что прожила, переживаю необыкновенное чувство и начинаю записывать на листик бумаги. О своей юности написала так:

*Пронеслась она просто мгновенно.
Не воротишь, не крикнешь:
«Постой!».
А была моя юность военной,
Беспокойной была и крутой.
Не сошлась она с комнатным бытом,
И, оставив родительский дом,
Поселилась под небом открытым,
Ночевала в снегу у костров,
По лесам, по горам, по болотам
Пронесла столько солдат
На своих неокрепших плечах...
Ничего ее нет дороже,
И когда бы вернулась она,*

*Я бы вновь прожила ее так же –
Мне другая судьба не нужна¹.*

* * *

Передо мной сидит приятная женщина. Она рассказывает о тех фронтовых путях, которыми прошла, а я думаю о том, что время оставило не очень сильный отпечаток на ее лице. Живые глаза, обаятельная улыбка, быстрые движения – все говорит о ее жизнелюбивом, оптимистическом характере. Фельдшер, лейтенант медицинской службы Тамара Григорьевна Беспалова с июня 1941 по август 1945 года находилась на фронтах Великой Отечественной.

Девушки уходили на фронт в 18–20 лет. На войне они делали все, что от них требовала суровая военная действительность. Они выносили с поля боя раненных, во фронтовых госпиталях ночи напролет проводили у постелей бойцов, откликаясь на их чуть слышное: «Мама...». Они были мамками и няньками, любимыми и сестрами. Они переносили тяготы военного быта наравне с мужчинами, ничуть не требуя к себе снисхождения и поблажек.

В самый канун войны окончила Тамара Беспалова Шахтинский медицинский техникум. Сбылась мечта: она – медик. Но тут грянула Великая Отечественная война. И 26 июня 1941 года Тамара и три ее подруги ушли на фронт. Боевые дороги пролегали через Украину, Белоруссию, Польшу, Германию. На фронте встретила своего будущего мужа, поженились.

Вся жизнь Тамары Григорьевны связана с Новошахтинском: здесь родилась, отсюда ушла на фронт. В составе 365-го зенитно-артиллерийского полка 32-ой дивизии освобождала Новошахтинск 13 февраля 1943 года от немецко-фашистских захватчиков. Ранним утром дивизия вступила в поселок Соколово-Кундрюченский, прошла шахту № 5, двинулась в сторону Болдыревки. Затем – освобождение Украины...

После войны вернулась в родной город, где работала заведующей здравпунктом шахты «Несветаевская», затем трудилась на гормолзаводе, в санэпидстанции.

¹ Соловьева Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 10 августа 2001 года.

65-летию Великой Победы посвящается

Обо всем этом рассказывала на встречах с новошахтинцами героиня моего повествования. Преклоняясь перед ее стойкостью и мужеством, могу сказать только одно: на войне орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За отвагу» просто так не дадут. Эти награды – на груди Тамары Григорьевны...¹.

* * *

Зоя Акимовна Шендрикова – маленькая, хрупкая женщина со строгим взглядом и сдержанной улыбкой. А в молодые годы была хохотушкой, такой чаще выходила и на фотоснимках военной поры, когда, казалось бы, не до смеху было. Такой, наверное, впервые увидел ее будущий муж, командир артиллерийской батареи Павел Ефимович Шендриков. Познакомились они уже в Берлине в самом конце войны. Строгий, серьезный капитан артиллеристов иногда заходил на радиостанцию, где и заметил жизнерадостную радистку Зою.

Войну она прошла, как говорится, от звонка до звонка. Сибирячка, родом из города Рубцовска Алтайского края, детство и юность она провела в Ташкенте, куда перевели работать отца, железнодорожного служащего. После окончания восьмилетки поступила в Ташкентский гидромелиоративный техникум. Но доучиться не пришлось. Началась Великая Отечественная война. Однажды в техникум пришли военные и пригласили девушек на курсы радистов.

Откликнулись практически все – так велик был энтузиазм, так велико было желание внести свой вклад в разгром врага. Отбор был жесткий. На курсы приняли только тех, у кого был безупречный слух, и у кого получалась быстрая передача по рации. Зоя оказалась способной, ее приняли. Учились недолго – всего месяц, и уже в конце июля 1941 года радисток отправили на фронт.

– Вначале нас привезли в Воронеж, – вспоминает Зоя Акимовна. – Там распределили по частям, погрузили в составы и отправили к месту службы. Я оказалась на Украине, в Чугуеве. Здесь и приняла боевое крещение. Всю войну – от первого до последнего дня – провела на передовой, на полковой, батальонной радиостанции. Пере-

¹ Желтобрюх Л. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

давала по рации сообщения в штаб, принимала команды из штаба. Если радиостанция выходила из строя, переключались на телефон. Когда прерывалась и телефонная связь, взяв автомат, шли, а то и по-пластунски ползли на поиск поврежденного участка.

Трудно было на войне всем, а девушкам – вдвойне, втройне. Страшно было невероятно, но ничего, привыкали и к свисту пуль, и к разрыву снарядов. Сутками, а то и неделями не снимали сапоги и шинели. Когда идут ожесточенные бои, ни помыться нельзя, ни переодеться. А бывало, девчонки шагали со всеми наравне по осенней распутице – по колено в грязи, по пояс в холодной, ледяной воде.

Зоя Акимовна до сих пор, как страшный сон, вспоминает бои в Сталинграде. Место дислокации ее радиостанции было в районе Дома Павлова, исторического дома, оставленного в память потомкам, на котором, наверное, нет ни одного кирпича, не испещренного оспинами от взрывов снарядов и пуль.

Судьба щадила Зою Акимовну. В каких бы сражениях она ни участвовала, а ей приходилось форсировать реки Днепр и Одер, освобождать Варшаву, брать Берлин, – ни одного ранения, если не брать в расчет царапины от пуль, прошедших по касательной. А вот муж ее Павел Ефимович получил такое количество ранений и контузий, что чудом выжил – и не один раз. Его артиллерийская батарея всегда была на передовой, лицом к лицу встречая удары немецких танковых колонн, налеты авиации, наступление моторизованных рот и пехоты. Но жесточайшие испытания не сломили Павла Ефимовича, до конца дней своих он оставался добрейшей души человеком, чутким, отзывчивым, внимательным к людям.

– Мы прожили с Павлом Ефимовичем счастливую жизнь. Не слышала от него грубого слова. Воспитали двух дочерей. Как жаль, что он так рано ушел из жизни. Но это все – последствия войны и тяжелых ранений, – говорит Зоя Акимовна.

Они поженились в Берлине. Там, в поверженной немецкой столице третьего рейха, оставили они подписи дважды – сначала на стене рейхстага, а 4 апреля 1946 года – в книге записи актов гражданского состояния – о создании новой семьи...¹.

¹ Филиппенко Л. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

* * *

Катюша... Близкие, родственники, фронтовики – однополчане и сейчас зовут так Екатерину Сергеевну Дергачеву. А когда гремели бои Великой Отечественной, это слово было дорого сердцу каждого бойца. Одни связывали его со знаменитыми гвардейскими минометами, другие с любимой песней «Катюша», а с третьими рядом шла в бой связистка Катя тогда Карунина, Катюша...

Когда началась война, Катя добровольцем ушла на фронт. Не было ей в то время и 18 лет, но тяготы фронтовой жизни она переносила наравне с бойцами.

Были сложные ситуации. Приходилось их части с боями выходить из окружения. Была ранена при восстановлении прерванной телефонной связи. В составе Первого Украинского фронта молодая связистка освобождала Украину и Белоруссию. Участвовала в освобождении Варшавы, за что была награждена медалью. Их бригада получила наименование Варшавской. Окончила войну младший сержант Е. Карунина в поверженном Берлине, в числе многих тысяч бойцов оставила свой автограф на рейхстаге. Медалями «За взятие Берлина» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» была награждена за ратный труд¹.

* * *

Когда началась война, Маруся Овчинникова вместе с подружками-комсомолками добровольно ушла на фронт. Ее зачислили в армейскую разведку 30-й армии, воевавшей тогда в районе Каменска. Молодая разведчица под именем «Татьяна» работала на самых важных участках фронта. Ночью она переползала по льду на правый берег замерзшей Волги, пробиралась на знакомые улицы города Калинина, где до войны она училась в текстильном техникуме, встречалась со знакомыми людьми и с добытыми сведениями, рискуя жизнью, тем же путем возвращалась в свою часть.

В самые напряженные бои под Москвой Таня переходила линию фронта и пробиралась далеко вглубь по Волоколамскому шоссе. Трудно было Тане: мороз и глубокий снег, много немецких машин,

¹ Георгиева Р. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 8 марта 1985 года.

танков, солдат. Но она без труда проходила линию фронта и приносила ценные сведения.

Зимой 1942 года уже в оккупированном немцами городе Ржеве Таню схватили. Не добившись от нее признаний и не имея каких-либо доказательств, немцы отправили Таню в следственную тюрьму города Борисова. Ни пытками, ни издевательствами фашисты не заставили девушку признаться, что она разведчица. И тогда ее из Борисовской тюрьмы отправили в местный лагерь для военнопленных. В Борисовском лагере были жестокие порядки. В нем немцы ставили клеймо всем военнопленным. Не избежала этой участи и Таня.

От тяжелой изнурительной работы в лагере, от постоянного недоедания болели и ежедневно умирали пленные. На больную Таню немцы стали меньше обращать внимания. Она казалась им совсем обессиленной. Но это было не так. Отважная разведчица в мае 1942 года бежала из немецкого лагеря в белорусские леса. Долго она бродила по лесным болотам и наконец в Могилевской области в деревне Жуковец встретила с партизанами отряда «Непобедимый». Не попала бы она в этот отряд, если бы ей не помог случай. Один из бойцов партизанского отряда узнал «арестантку» Таню. Он вместе с ней находился в Борисовской тюрьме.

В отряде Таня стала называться своим именем – Маруся. Ее обучили подрывному делу, и она несколько раз успешно участвовала в операциях по подрыву немецких воинских эшелонов.

В конце войны Маруся Овчинникова вышла замуж за начальника штаба этого же партизанского отряда Евгения Максимова. За боевые подвиги в Великой Отечественной войне Мария Федоровна награждена медалью «Партизану Отечественной войны» I степени ¹.

* * *

– Грозный – моя память и боль, о которой напоминают, как только включу телевизор или радиоприемник, – говорит Тамара Григорьевна Глызина. – Слушаю сообщения о военных действиях в Чеченской республике и как будто по-прежнему – на Великой Отечественной...

¹ Самсонов Ф. Г. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

Это – места ее пламенных лет, трагических и героических. 26 июня 1941 года она, 17-летняя учащаяся Шахтинского медицинского техникума, проживающая в Новошахтинске, добровольно ушла на фронт. Боевые дороги медицинской сестры пролегали от Ростовской области до Берлина, до места встречи союзных войск на Эльбе. Она освобождала Украину, Белоруссию, Прибалтику, участвовала в боевых действиях в Восточной Пруссии, была участницей легендарного Парада Победы, который проходил в июне 1945 года на Красной площади в Москве. Перенесла тяжелое ранение. До сих пор врачи извлекают из ее тела осколки. Награждена орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими.

Т. Г. Глызина вынесла с поля боя и спасла сотни солдат и офицеров. Вместе с 32-й кавалерийской дивизией в феврале 1943 года освобождала нынешний поселок Соколово-Кундрюченский, который тогда был центром Красногвардейского района, а в настоящее время по территориальному делению относится к Новошахтинску.

– Только вот обидно, военные действия в этом районе развивались так стремительно, что мне даже не представилось возможности забежать к родным, которые тогда жили на поселке Петровском, – вспоминает она.

Но все это было потом. А начинала Т. Г. Глызина свой боевой путь в Ростовской области, и на Северном Кавказе. Воинская часть, которой был придан их медсанбат, вела в начале войны бои с гитлеровцами в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Враг поставил своей задачей прорваться к грозненской нефти. Ожесточенные бои шли в самом Грозном и в его окрестностях. Здесь Тамара вместе со своими боевыми подругами, медсестрами и санинструкторами, чаще всего под огнем противника, выносила с поля боя раненых, оказывала им первую медицинскую помощь, доставляла в медсанбат. Теперь, более чем через полвека здесь снова раздаются военные команды, идут бои, льется кровь, получают ранения и гибнут люди.

– Это не только моя боль – это боль всех моих друзей и знакомых, однополчан, с которыми я продолжаю поддерживать дружеские отношения, – добавила Тамара Григорьевна. Она показывает письма, фотографии и открытки своих боевых товарищей, присланных ей из многих городов России и бывшего СССР. А с Хакимом Хусейновичем Зайкиным, освободителем нашего города,

конным разведчиком 32-й кавалерийской дивизии, который проживает в нашем городе, они до сих пор поддерживают дружеские отношения.

– Мы в мае 1945 года, – вспоминает Тамара Григорьевна, – проводили Хакима домой, а я в звании лейтенанта медицинской службы демобилизовалась в августе того же года. Но, к сожалению, так случилось, что ни я, ни он не знали, что живем в одном городе, и встретились только в восьмидесятых годах, когда в Новошахтинск приезжали бывшие воины 315-й стрелковой и 32-й кавалерийской дивизии, освобождавшие его. С того дня и не теряем друг друга из виду... Так хочется мира, спокойствия, тишины везде и навсегда¹.

* * *

Удивительная судьба у этой женщины. Она приехала на Несветай в 1927 году из станицы Милютинской. Здесь окончила среднюю школу. Отсюда уехала на учебу в Ростовский пединститут, чтобы вернуться и учить истории несветайских мальчишек и девочек.

Любовь Алексеевна Клевцова прошла путь, ступенька за ступенькой, от рядового учителя до заведующего горно. С 1955 года с момента открытия средней школы № 24 до выхода на пенсию работала директором, несколько раз избиралась депутатом городского Совета, активно участвовала в общественной работе. Отличник народного образования, П. А. Клевцова награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «Ветеран труда», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», многочисленными грамотами и благодарственными письмами.

В июле 1941 года Любовь Алексеевну назначили заведующей горно, а после освобождения Новошахтинска от немецко-фашистских захватчиков в феврале 1943 года она стала председателем горисполкома. Ей предстояло решать судьбы не только детей и педагогических коллективов, а всего населения города, и делать это в экстремальных условиях и сверхоперативно. Недосыпая и недоедая, как и все новошахтинцы, Л. А. Клевцова стремилась де-

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

лать все, чтобы город быстрее залечил раны войны. Налаживание мирной жизни шло ускоренными темпами. Уже в первой декаде марта 1943 года на улице Садовой был установлен громкоговоритель, а работники городского радиоузла приступили к радиофикации квартир. К тому времени в городе открылись четыре магазина. Во второй декаде марта в Новошахтинске уже давали уголь семь мелких шахт. Своими силами горняки восстановили шахты № 3, имени Горького, Несветайского шахтоуправления, Самбековской группы и другие. Через месяц в городе действовала водопроводная система, были пущены четыре мельницы, две маслобойки, две пекарни, открыты три аптеки, пять амбулаторий, несколько детских садов и яслей. Шел ремонт школьных зданий, и некоторые из них уже приняли первых учащихся. 12 тысяч семей получили индивидуальные огороды общей площадью 1900 гектаров. Принимались меры для налаживания подсобных хозяйств и выращивания в них картофеля и других овощей.

И еще один знаменательный штрих в биографии Л. А. Клевцовой: она была назначена начальником поезда, на котором было написано «Жив Донбасс!». Этот состав вез уголь для москвичей, добытый шахтерами Несветая после освобождения его от гитлеровских оккупантов.

– В то время, – вспоминает Любовь Алексеевна, – уголь был на вес золота. Встречающие наш состав так и говорили: «Золото везут»...¹.

* * *

Нелегкую трудовую жизнь прожила Нина Ивановна Ковтуненко. Много событий в ее судьбе произошло за 79 лет, есть о чем рассказать.

Родилась она в селе Кутейниково Родионово-Несветайского района, в семье колхозников Ивана Власовича и Варвары Яковлевны Ковтуненко. Очень хотелось Нине носить белый халат, лечить людей. Поэтому, вопреки воле отца, в 1939 году она поступила в Ростовскую фельдшерско-акушерскую школу. А в июне 1941 года началась война.

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

Многие ушли на фронт. Девушки фельдшерско-акушерской школы, в том числе и Нина Ковтуненко, остались в Ростове-на-Дону, чтобы экстерном окончить третий курс обучения и получить дипломы. Не пришлось Нине работать в больнице. 25 августа 1941 года 17-летняя девушка была призвана в действующую армию. Попала на юг, в город Майкоп, была назначена фельдшером в 26-ю запасную бригаду, которая формировала маршевые батальоны для фронта.

Тяжело девушке приходилось на фронте, но есть такая профессия – защищать свою Родину от врага. Вынося с поля боя израненных солдат, сама не раз попадала под обстрел. Получила не одно ранение: пулями были повреждены обе ноги, левая лопатка... Лечилась в госпиталях, а в 1944 году младший лейтенант медицинской службы Н.И. Ковтуненко была демобилизована по второй группе инвалидности.

У Нины Ивановны много боевых наград: в их числе – ордена Красного Знамени и Отечественной войны I степени, медали – «За Победу над Германией» и другие.

О мае 1945-го Нина Ивановна говорит как об одном из самых светлых в жизни дней, большом всенародном ликовании...¹.

* * *

На высоком берегу у Невской Дубровки, что под Петербургом, на поле, вошедшем в историю Великой Отечественной войны как плацдарм на Невском «пяточке», воздвигнуты обелиски и памятники. На одном из них написано: «Вы, живые, знайте, что с этой земли мы уйти не хотели и не ушли. Мы стояли насмерть у темной Невы. Мы погибли, чтоб жили вы». Героев легендарной обороны «пяточка» знают и помнят. А героями там были все. В их числе – наша землячка Муза Федоровна Курова (тогда Ефремова).

Двадцать четыре девушки, вчерашние студентки факультета инженеров противопожарной обороны (ФИПО) Ленинградского инженерно-строительного института. В трудные для города дни они пошли бойцами в медико-санитарный батальон легендарной 20-й стрелковой дивизии НКВД, ставшей заслоном на пути гитлеровцев у Невской Дубровки осенью 1941 года...

¹ Апанасенко О. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 28 августа 2003 года.

65-летию Великой Победы посвящается

8 октября ночью полк подняли по тревоге и направили в район Невской Дубровки, где разгорелись тяжелые бои. Атаки гитлеровцев были отбиты, и их попытки переправиться на правый берег Невы не увенчались успехом.

Утро 9 октября. Налет фашистской авиации. Появились первые раненые, им оказывалась необходимая помощь. Под бомбежками, градом осколков и снарядов девушки выносили с поля боя раненых, эвакуировали их в безопасное место, перевязывали, чем могли, облегчали страдания. Муза Ефремова отличалась отвагой и бесстрашием. Во время боя в Долине Смерти она ползком или кубарем добиралась до первой траншеи, перевязывала раненых, помогала им добраться до берега, вновь возвращалась под огонь и буквально на себе выносила контуженых и раненых бойцов. Приходилось Музе тушить пожары, когда ее жизнь также неоднократно подвергалась опасности. За участие в боевых действиях Муза Федоровна была награждена орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Ленинграда».

15 декабря девушки ФИПО вернулись в Ленинград продолжать учебу. Добирались сложно, машинами, поездом, пешком, кто как мог. Занимались в нетопленных аудиториях, без света, тепла, на полуголодном пайке, под постоянными обстрелами...

Прошли годы, участницы боев на Невском «пяточке» окончили факультет и стали первыми дипломированными специалистами-пожарными. По-разному сложились их судьбы. Муза Федоровна сначала работала по специальности. Затем приехала в наш город и более 20 лет, вплоть до выхода на пенсию, работала экономистом на Соколовском заводе ЖБК. Награждена медалью «Ветеран труда», многими грамотами и ценными подарками...¹.

* * *

Прошли десятилетия, а не забывается одно холодное снежное декабрьское утро. И я горда тем, что мне довелось быть участницей того парада, который сейчас называют легендой. Действительно, золотой строкой записан в историю нашей Родины военный парад 7 ноября 1941 года в прифронтовой Москве.

¹ Тарико Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

Я была в то время старшей медицинской сестрой 111-го эвакоприемника, который располагался в одной из школ города Пушкина под Москвой. Когда нам стало известно, что состоится парад, комиссар эвакоприемника Павел Федорович Лутай, он из Ростова-на-Дону, отобрал специальную команду медсестер и санитарок, которая должна была пройти по Красной площади мимо Мавзолея. В эту команду комиссар зачислил и меня.

Ночью мы все сели в санитарную машину и из Пушкина двинулись к Москве. Вместе с нами был и комиссар Лутай. Улицы города уже были усыпаны ранним снегом, и он все продолжал падать. Но такая погода была кстати: она затрудняла действия вражеской авиации. И все же, как мне потом стало известно, стрелковые части, проходившие через Красную площадь по 24 человека в каждой шеренге, были предупреждены, что в случае бомбежки или обстрела с самолетов парад продолжается, место упавшего занимает идущий позади, а равнения не терять ни в коем случае. И это предупреждение было не случайным: Москва находилась от линии фронта в 25–30 минутах езды на автомашине.

Проезжая по улицам Москвы, я видела, как сурово выглядела столица нашей Родины. Погашены огни, витрины укрыты мешками с песком. Оконные стекла заклеены бумажными крестами. Москва готовилась к бою, выставив на перекрестках противотанковые ежи.

Наша санитарная машина в ожидании этого необыкновенного парада стояла на одной из улиц вблизи Красной площади. Но прежде чем началось прохождение войск, с трибуны Мавзолея выступил И. В. Сталин. Его речь слушали колонны фронтовиков в полном боевом снаряжении, даже с вещевыми мешками – во всем этом был не только суровый облик войны, но и настрой парада в осажденной Москве. К слову сказать, через годы из воспоминаний бывшего председателя Моссовета В. П. Пронина, члена Военного совета стало известно, что за несколько минут до выступления Сталин спросил Пронина о радиотрансляции. Пронин ответил: «Передача идет по городской сети на Москву». Сталин посмотрел на хмурое небо и сказал: «Включайте весь Советский Союз». Его выступление слушала не только Красная площадь, но и люди во всех уголках страны, даже на линии фронта. Это развеяло тревогу, обрадовало наших друзей во всех странах, начисто опровергло провокационные слухи о всеобщей панике в Москве, распушенные вражеской пропагандой.

65-летию Великой Победы посвящается

И мы, медики, вместе со всеми участниками парада слушали с большой радостью речь Верховного Главнокомандующего, проникнутую беспредельной уверенностью в разгроме фашизма. Она волновала сердца каждого из нас.

...Парад начался в 8 часов. Принимал парад маршал С. М. Буденный, а командовал парадом генерал-лейтенант П. А. Артемьев. По Красной площади двинулись стрелковые части, артиллерия, танки, десантники в белых маскхалатах... Настала и наша очередь... Войска проходили под сильным впечатлением от речи И. В. Сталина и проникались твердой уверенностью: будет победа! И сейчас, 45 лет спустя, перед глазами стоят суровые участники парада 1941-го – предвестника Победы.

С парада мы вернулись в город Пушкино, где был развернут эвакоприемный пункт. Наступали решающие дни обороны Москвы. Где-то близко гремели орудия. Начали прием раненых, доставляемых с поля боя. Легкораненых направляли в медсанбаты, с тяжелыми ранениями – в глубокий тыл.

Защитники Москвы выстояли. Фашистские орды были отброшены от нее на сотни километров. Горжусь участием в параде, горжусь и тем, что на фронте стала коммунистом. Партийный билет вручили мне еще в 1943 году. Прошла всю войну, награждена двумя орденами Отечественной войны I степени и многими боевыми медалями. А ордена Трудового Красного Знамени удостоилась в мирные послевоенные годы. Мне вручен и почетный знак «Отличник здравоохранения СССР»¹.

* * *

Жаль, что не всегда фотография может передать тепло и свет глаз человека, его обаяние. Об этом мне подумалось, когда я встретила с ветераном Великой Отечественной войны Прасковьей Сергеевной Маталыженко: давно не видела таких не по возрасту ярких, живых, лучистых глаз, как у нее.

Эта женщина обладает такой огромной внутренней силой, неиссякаемым запасом жизнелюбия, юмора, песен! Когда находишься рядом с нею, особенно остро понимаешь, как это здорово – жить!

¹ Осипова Н. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 5 января 1987 года.

Не сломила ее судьба, годы не остудили душу, а ведь выпало на ее долю столько испытаний, что хватило бы на несколько жизней...

В 16 лет юная Прасковья ушла добровольцем на войну. Окончила сначала курсы связистов, потом – радистов. Воронежский фронт, Орловско-Курское направление, Варшава – только некоторые вехи ее боевого пути. И все время на переднем крае, все время под огнем противника. И ответственность – высочайшая: надежная связь во время боя – одно из главных условий его успешного исхода.

– И тяжело было, конечно, и страшно, особенно в первое время, – вспоминает Прасковья Сергеевна. – А потом привыкла. Но остались моменты особенно незабываемые... Первая ночь в зимнем лесу... Не представляла, как я смогу уснуть и не замерзнуть... Никогда не изгладится из памяти эпизод под Ковелем. Наша стрелковая часть сменила там партизан, но нескольких человек немцы успели отрезать от основного военного подразделения. Пережили страшные мгновения, но сумели пробраться на старые позиции, к своим.

Были несколько ранений, госпитали и долгий путь к Победе. За четыре года на войне пришло взросление и на всю жизнь осознание хрупкости и ценности человеческой жизни. Наверное, поэтому она подарила другим столько сердечного тепла, внимания, заботы...¹.

* * *

Тяжелый военный 1942 год... Наша первая стрелковая дивизия в декабре перешла в решительное наступление, чтобы освободить земли Воронежской области от фашистской оккупации. Враг за шесть месяцев надежно укрепился: сотни дотов, дзотов, окопов, траншей, бесчисленные проволочные заграждения, противотанковые, противопехотные минные поля. Но задача была для нас предельно ясна: прорвать оборону противника.

Горела земля, ее белоснежный покров становился черным и серым. Тысячи воронок от мин, снарядов, авиабомб изуродовали лицо земли. Взрывы прижимали к земле, но бойцы, выполняли приказ командования, настойчиво продвигаясь вперед, преодоле-

¹ Шевченко Г. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

вая минные поля и проволочные заграждения. По всему фронту гремело: «Ура!».

В этом страшном бою я был тяжело ранен. Помнил одно: надо уйти из прицельно обстреливаемого района. Каждое движение давалось с неимоверным трудом. Барахтаясь в снегу, старался быстрее уйти от следующего выстрела снайпера. От большой потери крови потерял сознание. Не знаю, сколько прошло времени...

Придя в себя, услышал ласковый девичий голос. Цепкие, маленькие руки тащат меня в укрытие. Ловко снимают с меня шинель, промывают, бинтуют рану, дают глотнуть из фляги. Потом положили меня на сани и ползком, пригнувшись, повезли. Кругом рвутся мины, снаряды, свистят пули, а милые фронтовые сестрички выполняют свой долг – спасают раненого. Остановившись передохнуть, растирают мне лицо, руки, чтобы я не обморозился. Осталось в памяти разное, обрывочное: кто-то поил меня, шептал что-то тихое, успокаивающее.

Придя в сознание, спросил: «Где те девушки, которые вывезли меня с поля боя?».

– Они ушли, чтобы спасти других, – услышал в ответ.

Полгода меня лечили в госпитале. Потом еще 13 лет длилась моя военная служба. С должности командира стрелкового батальона в звании гвардии майора уволился в запас. Вернулся к своей любимой профессии учителя. Вырастил и воспитал четверых детей, растут пятеро внуков.

39 лет искал девушек, спасших меня. Помогли следопыты одной школы. И вот я читаю и перечитываю письмо одной из них – Ольги Ивановны Паршиной, проживающей в городе Новошахтинске по улице Рабоче-Крестьянская.

«Я родилась в 1925 году в селе Журавки Богучарского района. В 1942 году наш район оккупировали фашисты. Мне тогда было неполных 17 лет... Я добровольно вступила в ряды защитников Родины, стала медицинской сестрой...». И дальше идет рассказ о том событии, которое я здесь описал.

Девушка Оля служила в том батальоне, в котором служил и я. Среди своих подруг она выделялась скромностью, безупречно выполняла любые приказы. Прошла долгий путь войны, имеет военные награды.

Бесконечная благодарность ей от меня и тех воинов, которых она вынесла с поля боя, спасла от верной гибели. В знак солдат-

ской признательности склоняю голову перед этой женщиной, целую ее нежные мужественные руки¹.

* * *

На синем пиджаке этой женщины среди десятка медалей особо выделяется одна. Видно, что медаль носилась, а не лежала в корбочке среди своих боевых «подруг».

– А как же, носила, с первого дня, как получила, и до самого конца войны, – говорит ее обладательница Алевтина Николаевна Болдина.

Она гордится, что имеет награду, которую вручали далеко не каждому мужчине – медаль «За отвагу»...

Она была призвана на фронт в начале 1942 года, служила в составе истребительного батальона санинструктором. Батальон базировался в поселке Старая Соколовка, неподалеку от ее места жительства – деревни Киселево. Уже чувствовалось приближение к Новошахтинску немцев, и батальону пришлось отступать. Подошли к «18-му километру», где обнаружили дислокацию бронепоезда, бойцы которого вели наблюдение и охрану стратегического объекта – железной дороги Горная – Лихая. Узнав, что Алевтина до войны окончила техникум и увидев, с каким упорством девушка выполняла все поручения наравне с мужчинами, комиссар бронепоезда обратился с ходатайством к командиру батальона о зачислении Али в истребительную роту по охране железной дороги. Теперь она в случае необходимости была санинструктором, а в боевых операциях – полноправным бойцом. Бронепоезд курсировал по железнодорожной ветке от «18-го километра» до Лихой и далее – в сторону Украины. В одном из тяжелых боев он был обстрелян. В живых осталось несколько человек, в том числе – Алевтина.

1943 год принято считать переломным в истории Великой Отечественной войны. Он был невероятно трудным и стал очень памятным для гвардии старшины Алевтины Сохрановой: в 1943 году наблюдатель А. Сохранова попала в состав 710-го отдельного батальона ВНОС (ведение, наблюдение, оповещение, связь), который вел наблюдение за небом под Россосью. А потом была команда:

¹ Волков П. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 28 ноября 1981 года.

65-летию Великой Победы посвящается

«На Сталинград!». Шли пешком, в полной боевой выкладке, но все равно в шеренгах уставших, грязных солдат в глаза бросались две хрупкие девичьи фигуры. «Эй, девчонки! Вы куда? Прыгайте в кузов, подвезем!», – предлагали проезжавшие мимо асы фронтовых дорог – шоферы. И поскольку все двигались одной цели и в одном направлении, Алевтина и ее подруга иногда пользовались (с разрешения командира) приглашением.

Сталинград встретил солдат огнем, жестокими боями. Вместе с мужчинами Алевтина, не сгибаясь под тяжестью ноши – физической и моральной, переносила все тяготы военного времени. Однажды ее вызвали в штаб и сказали: « В разведгруппу нужен ловкий, смелый человек. Придется идти долго, задание ответственное и опасное. Потому не приказываем, а спрашиваем: пойдешь?». Не раздумывая, девушка ответила: «Да!». Операция была серьезной. Несколько дней шли бои, а продвинуться вперед не получалось. Необходимо было взять «языка». За ним и отправилась группа. Она выполнила поставленную задачу. За участие в этой операции Алевтина Николаевна Сохранова в марте 1943 года была награждена орденом Красной Звезды. За битву на Курской дуге санинструктор А. Н. Сохранова получила главную солдатскую награду – медаль «За отвагу», а в июне 1943 года – медаль «За оборону Сталинграда». Алевтина не снимала наград с гимнастерки – они заслуженные. Она всегда была там, где трудно: надо – боец, надо – санинструктор на передовой, в самом пекле войны. Венгрия, Румыния, Австрия, часть Германии – по этим странам прошли фронтовые пути-дороги нашей землячки. Но за всю войну – ни одной царапины, ни одного ранения.

– Меня, видимо, фамилия охраняла – Сохранова, – шутит Алевтина Николаевна¹.

* * *

Фронтовая судьба... В родное село в начале 1943 года пришла «похоронка» – «санинструктор сержант Мария Васильевна Дунина погибла смертью храбрых в боях с фашистскими оккупантами». Дунина – это была девичья фамилия Марии Февралевой. А она

¹ Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

оказалась жива – штабисты поспешили отправить этот страшный документ.

В ту жестокую осень 1942 года и до февраля, когда битва на Волге закончилась победой, Мария служила санинструктором в стрелковом батальоне, и не где-нибудь, а в Сталинграде. А погибнуть было там так просто: та балка, где располагалась санчасть 441-го стрелкового полка 116-й дивизии, простреливалась со всех сторон. Падали снаряды и бомбы. Спасая других, от прямых попаданий умирали за операционными столами хирурги и медсестры.

Деревня Ерзовка, Латошинская переправа... Навсегда запомнила Мария те места. Там для многих первый бой оказался последним. Давно это было. Но все в памяти. В череде годов не тускнеют лица боевых подруг, одни уже ушли из жизни, другие, слава Богу, живут и здравствуют. Мария счастлива, когда садится за столом рядом с ними в дни встреч однополчан.

– И всегда загадываем, когда назначать новое свидание, – говорит Мария Васильевна.

Каждый раз она возвращается домой из Волгограда с дорогой для нее реликвией. Однажды она привезла оттуда мешочек земли. Там, на огромном Солдатском поле, где шла война, каждый ров, каждый овраг напоминает места сражения. До сих пор в бывших окопах и блиндажах находят куски смертоносного металла. С этого поля и взяла Мария Васильевна горсть священной земли, степной ковыль, колючие травы.

Осенью 1943 года главный фронт развернулся на Днестре. 116-я стрелковая дивизия участвовала в боях за освобождение Кременчуга. Однажды форсировали переправу под жестоким огнем. Лодка, на которой плыла Мария, качалась от близких разрывов. И вдруг девушка увидела в наступающих сумерках: кто-то плывет, теряя силы, и зовет на помощь. Попросила солдат, что были в лодке, поспешить на помощь. То была женщина – Мария слышала ее голос. Когда утопавшую подняли в лодку, выяснили: подобрали санинструктора другого полка дивизии Галину Чуйко. Лодку, на которой она плыла с солдатами, разбило снарядами.

Потом Мария и Галина встретились уже в мирное время, через сорок лет. На той встрече освободителям Кременчуга вручили сувенир, вызвавший улыбки – кисет со знаменитой кременчугской махоркой. А на кисете была надпись: «Дорогому освободителю Кременчуга».

65-летию Великой Победы посвящается

А память не отпускает, зовет в другие места, где сражались, теряли однополчан. Там, под Харьковом, на территории колхоза «Буревестник», 116-я дивизия вела тяжелый бой с гитлеровцами. Есть там братская могила наших воинов. Лежат в ней солдаты и офицеры 116-й...

В сороковые в землянках и на переправах фронтовики мечтали о мире, о счастье Родины, о том, что у их детей будет светлая доля. Родину, как и мать, не выбирают. От нас и от тех, кто придет после нас, зависит ее будущее...¹.

* * *

Тамара Филипповна Безус (Кнурова) родилась в 1925 году в селе Большая Романовка Воронежской области. В 1928 году семья переехала в Новошахтинск.

Училась Тамара в школе № 4. До войны успела окончить восемь классов. Когда уже шла Великая Отечественная война, шесть девушек из нашего города, в том числе и Тамара, поступили в техникум имени Седова. Девушки мечтали стать судоводителями. Но вскоре к Ростову-на-Дону подошли немецкие оккупанты. Девчата были направлены на теплоход «Решающий». Тогда был объявлен призыв: «Три тысячи девушек на Сталинград!» Тамару сначала не брали в команду, пришлось ей к возрасту прибавить год.

9 января 1943 года были в Сталинграде. Тамара стала сандружинницей. Очень трудно было привыкнуть к крови, страданиям, ранениям, гибели солдат. 106-й гвардейский стрелковый полк 36-й гвардейской стрелковой дивизии, в котором служила девушка, входил в состав различных фронтов: Сталинградского, Донского, 3-го Украинского, Степного. Военные дороги полка пролегли через республики СССР, страны Европы. И всюду гвардии сержант Кнурова спасала человеческие жизни: вытаскивала из-под огня раненых, перевязывала, перевязывала и перевязывала... Была и сама ранена. После излечения вернулась на передовую.

Как выполняла свой воинский долг Тамара Филипповна, говорят ее награды: орден Красной Звезды за бои в Альпах и Румынии,

¹ Дикун В. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

медали солдатской доблести за спасение раненых, «За отвагу» и «За боевые заслуги».

В Вене встретила Победу. В сентябре 1945 года демобилизовалась и вернулась в Новошахтинск. Здесь и познакомилась со своим будущим мужем, тоже фронтовиком, летчиком Алексеем Федоровичем Безус. Четыре брата мужа погибли на фронтах Великой Отечественной войны, а отец – Федор Карпович – во время оккупации города был расстрелян фашистами в балке Бугултай. Его имя – на памятнике на братской могиле, в которой он похоронен.

Как-то по телевидению была показана передача, в которой бывшие однополчане искали Тамару Филипповну. И вот в 1987 году они встретились в Волгограде. Один из них – бывший адъютант командира дивизии, а ныне писатель К. В. Амиров – подарил ей с благодарственной надписью свою книгу «От Волги до Альп», в которой упоминается имя Тамары Филипповны...¹.

* * *

– Мне кажется, мы ничего особенного не совершили, делали то, что должны были делать, – говорит Екатерина Тимофеевна Лукас, отвечая на вопросы интервью. – Кто, если не мы? Ведь мы защищали свою землю!

Кто, если не мы... Почти все люди того, военного, поколения были уверены: от их участия в битве за Родину тоже зависит успех. И шли на фронт в большинстве своем добровольцами, как и моя собеседница.

20 июня 1941 года Екатерина окончила педагогическое училище. Сбылась мечта семьи Цымбаловых увидеть свою дочь учительницей. А уже 22 июня провожала Катюша на фронт вместе со своими подругами знакомых, близких, родных. Но несмотря ни на что, предстояла работа по распределению... Когда в 1942 году немцы подошли к Воронежу, решила пробираться в Богучары, к родным. Однако это было непросто: декабрь, холод. «Застряла» на перепутье.

В это время немец упорно рвался за Дон, начались бомбежки, обстрелы. Первая стрелковая дивизия получила задание сковать на-

¹ Тарико Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

ступление немецко-фашистских войск, которые рвались к Сталинграду и на Кавказ. Нельзя было пропустить врага за Дон. Стоять насмерть! Этот приказ определил судьбу многих молодых людей, оставшихся в окрестных районах. Они помогали рыть окопы, стирали белье солдатам, пекли для них хлеб. Когда поступил приказ об эвакуации местных жителей из этого района, молодые люди, в том числе 65 девушек, остались в дивизии. Их никто не агитировал, они были уверены, что нужны фронту, а значит – и Победе.

Так в неполные 18 лет Екатерина Цымбалова стала бойцом 1-й стрелковой дивизии, которая пошла в наступление через Дон. 19 декабря 1942 года были освобождены родные Богучары. У девчонок была возможность остаться дома. Но никто из них не сделал этого. Они пошли дальше, под пули и взрывы снарядов, уже понимая, что такое война и какие она приносит потери. Девушки были связистками, санинструкторами, находились все время на переднем крае.

– Дивизия шла через Миллерово, – вспоминает Екатерина Тимофеевна, – через Мальчевскую, на Ворошиловград. К лету были в Харьковской области, освобождали многие украинские поселки. Бои шли упорные, под Михайловской была ранена. Подлечилась – и снова в строй.

Одно только перечисление моей собеседницей фактов, населенных пунктов, освобожденных городов говорит о масштабности происходящего. А для девушки, комсорга роты, это была работа – страшная, трудная, но работа. Доводилось разворачивать узел связи в воронке, куда только что попал снаряд или бомба. Обстановка не терпела промедления, информация нужна была постоянно. А значит нужна была бесперебойная связь...

А пути-дороги пролегли дальше: Днестр, Днепр, Пушкаревский остров, форсировали Вислу, попали в Польшу. Тяжелые бои на Шпрее, а затем в конце войны – незабываемая встреча на Эльбе с союзниками. День Победы встречали в Праге.

– Если бы мне в мирное время сказали, что в 19 лет предстоит такое пережить, не поверила бы, – говорит Е. Т. Лукас. – Но война требовала от нас абсолютно нового восприятия жизни, все было подчинено ей, и, в конце концов, Победе. Мы не думали о себе. Всем на войне трудно...

Порою землянку заменяла воронка, зимняя ледяная стужа пробирала до костей. Не все мужчины выдерживали. А они, девчонки,

держались. Они знали: работать, выстоять, чтобы победить, – это главное...

Оглушительная тишина наступила в 1945-м. До июня дивизия находилась в Австрии, откуда после демобилизации отправилась Катя в родные Богучары. Здесь познакомилась с красавцем-майором Николаем Лукасом, который увез свою жену по месту службы – в Австрию. Затем были Киев, где Николай учился, Борисов, Белоруссия, где служил начальником штаба танкового полка. Мирные годы настраивали на счастливый лад, все получалось, было светло и радостно на душе, ждали рождения ребенка...

На журнальном столике среди фотографий – журнал «Советский воин» со статьей о 65 девчонках-добровольцах, орденская книжка, удостоверения к наградам. Среди них – медали «За боевые заслуги», «За отвагу», ордена Красной Звезды и Отечественной войны, а также награды за освобождение городов Европы, за Победу над Германией. Они воскрешают в памяти далекие суровые годы, о которых не забыть...¹.

* * *

На мало кому известной улице Широкой есть очень уютный уголок. Здесь живут супруги Иосиф Степанович Монастырский и Пелагея Кирилловна Галкова. Каждый из них прожил отдельную, насыщенную событиями и делами жизнь. А потом, скажем так, в уже весьма зрелом возрасте их соединила вдовья судьба, и вот уже 10 лет они вместе, поддерживают друг друга в горе и радости. И в комнате, будто светлее от их теплых, добрых отношений, от умения выслушать и понять друг друга... А еще супругов объединяет общая военная молодость. И хоть были они на разных фронтах, память о тех страшных годах одна.

Пелагея Кирилловна попала на фронт зимой 1943 года. Она была главным кондуктором военно-эксплуатационного отделения. На поездах перевозили раненых, грузы, даже «катюши» пришлось перевозить. Много довелось пережить страшных моментов, потому что работали под бомбежками, обстрелами. Девушке, которая находилась рядом с нею, оторвало ноги. Хватало боли, крови, страданий.

¹ Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знания шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

Москва, Калинин, Тосно, Бологое, Новгород, Луга, Псков, Гатчина – это все вехи ее фронтового пути. В страшный переплет попали под Красными Стругами, где был выброшен вражеский десант и возникла реальная опасность попасть в плен. Когда была снята блокада Ленинграда, стояли там на станции Кушелевке. Под Выборгом поезд стоял на товарной станции, а немцы совсем близко, на пассажирской.

– Когда наши войска стали освобождать города, – вспоминает Пелагея Кирилловна, – мы двигались следом. Там, где были разбомбленные пути, мы сначала прокладывали рельсы. Были рядом с Финским заливом – это такая красота! Но любоваться им нам было некогда. Не было ни составителей, ни сцепщиков – все делали сами. После Выборга ездили в Финляндию – вывозили оттуда наших пленных и оборудование.

Война для Пелагеи закончилась 9 мая. Был путь домой, в Сибирь, учеба, работа, замужество, дети. Был переезд в Новошахтинск, где она живет с 1962 года. Нельзя вместить в несколько строк целую жизнь, можно только обозначить ее отдельные вехи.

– Оставьте место и для Иосифа Степановича, – улыбается Пелагея Кирилловна.

А у него тоже непростая судьба. Родом он из Ивано-Франковской области. Рано лишился матери, мыкался по родственникам. В 1944 году призвали в армию. Попал паренек на 2-й Белорусский фронт, в инженерно-саперный батальон и прошел боевой путь от Вислы до Одера. Наводили переправы через реки, таскали понтоны, не раз были под бомбежками.

– Помню, на Одере только навели переправу, – говорит Иосиф Степанович, – как тут же налетели вражеские бомбардировщики и разбили ее. Я тогда чуть не утонул. Закрепились на берегу Одера, держали оборону, отбивали атаки немцев, сколько могли.

Близился конец войны, шел апрель 1945 года. Но бомбежки продолжались, и при одной из них Иосифа контузило. В середине мая 1945 года сказались последствия контузии и его отправили в госпиталь в Кенигсберг. Когда поправился, направили в первую Московскую дивизию. Там и прослужил до 20 марта 1950 года. Вернулся к брату в Бессарабию, а жизнь распорядилась так, что в конце концов оказался в Новошахтинске. Участвовал в строительстве шахт имени газеты «Комсомольская правда» и «Соколовская», где до пенсии работал потом машинистом шахтного подъема.

...Жизненные испытания не сломили ветеранов. Они нашли в себе силы после потерь создать новую семью, где поселились тихое счастье, уют и взаимопонимание...¹.

* * *

Раисе Пасечной (ныне Корниенко) был 21 год, когда она попала на фронт. Шел февраль 1943 года. Это были дни, когда началось освобождение Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков. Был освобожден и Мальчевский, а ныне Миллеровский район, где она жила в селе Туриловка и работала в колхозе дояркой, свиноводкой, трактористкой, в поле – на прополке овощей, уборке хлеба. Она в свои юные годы уже умела делать всю работу, которая необходима на селе. А когда оказалась на фронте, быстро освоила трудное и ответственное дело связистки. Она ползком на хрупких девичьих плечах тащила связь на передовую.

– Катгушку тащишь и аппарат следом, – рассказывает Раиса Лаврентьевна. – Только-только наладишь связь – взрыв! И опять по всему полю ползешь на животe, ищешь концы провода, чтобы снова их соединить.

Раиса Лаврентьевна тянула связь до Берлина, до самого конца войны. Каждый день войны незабываем, но бои за реку Одер для нее особая память.

Шла осень 1944 года. Наши дошли до Одера и остановились в лесу. Поступило сообщение, что немцы ушли из поселка, расположенного по другую сторону реки, и тогда связисты перешли через мост, чтобы наладить там связь. Только перешли, а немцы вдруг вернулись. Наши связисты вместе со своим командиром успели спрятаться в подвале какого-то сарая. Немцы, установив пулеметы над рекой в нескольких точках, опять ушли. И тогда командир сказал: «Нужно срочно передать пакет своим за реку. Мост отпадает – он под прицелом».

Идти вызвалась Рая. Река только-только покрылась льдом, а она была самая маленькая и легкая. Командир проинструктировал девушку, и вот она, перебегая от дома к дому, пробралась к реке.

¹ Шевченко Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 7 мая 2004 года.

65-летию Великой Победы посвящается

Пулеметы молчали – значит, враги ее не заметили. И вот Рая уже ползком по льду пробирается на другой берег, к своим.

Было ли страшно? Конечно! Война вообще дело опасное: смерть караулит человека ежесекундно. Но одно дело, когда рядом плечо товарища, и другое, когда ты совершенно один и беззащитен под прицелом врага. Каждую минуту мог застрочить вражеский пулемет, каждую секунду могла уйти под лед. Как передать, что пережила юная девушка в эти страшные мгновения? Лед все-таки обломился, но уже у самого берега. Рая не утонула, а только промокла до нитки. Сухим остался лишь пакет, который она берегла как зеницу ока. Но было такое состояние, что холода не чувствовала. Мысль одна: быстрее добраться к своим. И добралась! Благодаря ее донесению, наши потери были неизмеримо меньшими. За этот подвиг она была награждена орденом Красной Звезды...¹.

* * *

Родители Екатерины Семеновны Чернецовой в 1930 году в поисках работы приехали в Новошахтинск из Пензенской области. Отец Кати устроился на шахту ОГПУ. Будущий Новошахтинск совсем не был похож на город. Так, большая деревня. Но зато здесь шло становление угольной промышленности, открывались новые шахты, что давало людям возможность заработать себе на жизнь.

19 июня 1941 года у Екатерины Семеновны и ее одноклассников был выпускной вечер, а спустя три дня началась война. Мальчики ушли на фронт, а большинство девчонок поступило на открывшиеся в городе 6-месячные курсы медицинских сестер. По их окончании девушки получили повестки из военкомата, но попасть в действующую армию не успели – началась оккупация.

Однажды Е. С. Чернецовой принесли повестку с биржи. Когда она пришла туда, сотрудница тихонько ее спросила: «Ты что, в Германию хочешь?» «Конечно нет!» – воскликнула девушка. «Тогда давай свою бумажку и иди отсюда». Оказалось, что неожиданная спасительница во время Катиной практики в больнице была ее пациенткой. Женщине удалили аппендицит, а Катя всю ночь уха-

¹ Шевченко Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 7 мая 2003 года.

живала за ней. «Я даже имени ее не знала, – говорит Екатерина Семеновна. – А вот она меня запомнила». Потом повестки приходили еще не раз, но девушке все же удалось спастись от угона в Германию.

Сразу же после освобождения Новошахтинска было принято решение сформировать здесь госпиталь, под который выделили помещение школы № 1. Девушки дружно принялись приводить его в порядок, и вскоре передвижной хирургический госпиталь № 3543 принял своих первых пациентов. Вместе с ранеными сюда поступили и тифозные больные. Ухаживая за ними, Екатерина Семеновна заразилась сыпным тифом, тяжело и долго болела, а затем снова вернулась на службу. Госпиталь следовал за 5-й Ударной Армией. Иногда раненых было столько, что врачи и медсестры по 20 часов не выходили из операционной.

Екатерина Семеновна вспоминает, что, когда госпиталь находился в Молдавии, свободный от дежурства персонал отправляли в заброшенные сады собирать фрукты для раненых. А при форсировании Днепра медикам пришлось через плавни нести на себе все оборудование. Так, вместе с госпиталем № 3543 Е. С. Чернецова прошла Украину, Молдавию, Польшу. День Победы она встретила в Берлине в звании старшего сержанта медицинской службы. О том, как выглядели города, в которых ей довелось побывать, Е. С. Чернецова почти ничего не помнит: времени рассматривать достопримечательности у нее не было. Война – это тяжелый каждодневный труд, где один день походил на другой: страшные раны, операции, кровавые бинты...

После Победы Екатерина Семеновна вернулась домой не сразу. Медсестер перевели в госпиталь для тяжелораненых в город Пархим в Восточной Пруссии. Демобилизовалась девушка только в декабре 1945 года, а в начале 1946-го приехала в Новошахтинск.

Екатерина Семеновна Чернецова награждена орденом «Отечественной войны» II степени, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией» и многими другими¹.

¹ Григорьева М. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 22 июня 2005 года.

65-летию Великой Победы посвящается

* * *

Девочки, девчоночки... Вам бы беззаботно кружиться в вихре вальса, слушать нежные признания, любоваться степными рассветами. Но вашу юность опалила война, прошла по ней огненным ураганом, оставив рубцы и отметины. Вы повзрослели очень быстро: сменили девичьи платица на солдатские гимнастерки, расцветы окрасились для вас в кровавый цвет, а вместо соловьиных трелей вы слышали разрывы бомб и снарядов.

В апреле 1943 года наши землячки Маша Панченко, Валя Васильчикова, Лиля Устинова, Валя Ноженко ушли на фронт. Им было по восемнадцать лет, и у каждой уже был свой счет к врагу: они хлебнули лиха, когда город был оккупирован фашистами. Так распорядилась судьба, что землячки попали служить вместе на вторую батарею 18-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона. Вместе с такими же девчатами они делили и горе, и радость, и тяжелые военные будни. И приняли вместе боевое крещение.

Было это на станции Красный Сулин. Там скопилось много составов с боевой техникой, войсками, ранеными, горючим. Внезапно налетели немцы. Одна волна вражеских бомбардировщиков сменяла другую. На станции – море огня, горели цистерны с горючим, заживо сгорали люди. Крики погибающих, вой бомб, грохот сливались в адские, пронизывающие душу звуки. Столбами взвивалась земля, дышать было невозможно из-за гари и дыма. Кажется, что могло уцелеть в этом аду? Но батарея выстояла и вела заградительный огонь. Уцелели и девчата.

– Конечно, было страшно, – вспоминала Мария Николаевна Панченко-Абрашина. – Уши у нас были заложены от грохота выстрелов, а глаза постоянно засыпала пыль. Каждая на своем месте выполняла свою работу. Мы с Валею Устиновой – у приборов наведения, Валя Васильчикова отвечала за связь на батарее, Валя Ноженко – у рации. Нам повезло в том первом бою. И мы, и орудия целехоньки остались. А вот станция горела так, что было видно даже из Новошахтинска. Мама моя знала, что я служу рядом, в Сулине, и когда увидела ужасное зарево в той стороне, в страшной тревоге бросилась через степь, пешком пришла, чтобы узнать, что стало с ее дочкой. Как она разыскала меня – одному Богу известно. Материнское чутье помогло, наверное. Но успокоилась только после того, как увидела меня живой и невредимой.

Вот так, забывая о страхе, необстрелянные девчонки выполняли каждая свою работу. И так изо дня в день. Зенитчицы воевали на Южном, Северо-Кавказском, Западном фронтах. Их дивизион за годы войны сбил 36 вражеских самолетов, подбил 4 танка, уничтожил 1 бронемашину, 20 вражеских мотоциклов с мотоциклистами. За один только 1943 год они отразили 773 вражеских налета. Как радовались девчата, когда сбивали самолеты с ненавистой свастикой! И не важно было, твоя это сбila батарея или другая, главное – дивизион не давал врагу безнаказанно и безраздельно господствовать в нашем небе.

Судьба хранила землячек, только в 1944 году тяжело была ранена Валя Ноженко. Это случилось в Западной Украине. Она со своей рацией находилась на выдвижном наблюдательном пункте. Когда напали местные националисты – бандеровцы, забросали место расположения наблюдателей гранатами. Завязался ожесточенный бой. Девушек спасло вызванное по рации подкрепление. За этот бой Валентина была награждена медалью «За боевые заслуги».

Как вспоминали наши землячки, на войне было место и любви:

«Влюблялись и замуж выходили. В нашем дивизионе все девчата, которые замуж вышли на фронте, так со своими мужьями с войны вернулись и прожили долгую, счастливую семейную жизнь... Однажды, было это на Одере, услышали мы вдалеке пальбу, крики. Спрашиваем своих батарейных разведчиков, связистов: “Девчата, узнайте!” А им – по рации: “Победа! Наша Победа!” Дома, в Новошахтинске, нас с музыкой встречали представители горвоенкомата: оказывается, мы были самыми первыми, кто после войны в город с фронта вернулся. Даже на повозках по домам развозили. А дома сколько радости было! Родные-то ничего не знали о нашем приезде. А тут вернулись живые, с Победой!»

Они вернулись в город с войны, как первые весенние ласточки. А потом жизнь разбросала их, из четырех девушек – в городе остались две – Маша Панченко и Валя Васильчикова, которая закончила техникум, работала на шахте «Западная-Капитальная». Лиля Устинова уехала в Азов, работала агрономом до выхода на пенсию. Валя Ноженко жила в Риге.

*Поэт Ярослав Смеляков писал:
Сняли вы бушлаты и шинели,
Старенькие туфельки надели.*

65-летию Великой Победы посвящается

*Мы еще оденем вас шелками,
Плечи вам согреем соболями,
Мы построим вам дворцы большие,
Милые красавицы России.*

Их жизнь оказалась намного прозаичней и трагичней, чем мечталось поэту Смелякову. Они вынесли на своих плечах все послевоенные тяготы и лишения. Жизнь не баловала. Мы не построили им дворцов, не согрели их плечи соболями. А для многих не обеспечили даже спокойной и достойной старости. Еще поэт обещал:

*Мы о вас напишем сочиненья,
Полные любви и удивленья.*

И я пишу эти строки, полные восхищения перед жизненной стойкостью и мужеством, и с любовью и признательностью кланяюсь всем красивым, сильным и нежным, удивительным русским женщинам, вместе с мужчинами защитившим нас и наше Отечество от врага¹.

* * *

Валентина Никитична Барышникова родилась в городе Шахты Ростовской области. Ее родители в свое время приехали в наш шахтерский край из воронежской губернии. Отец занимал активную жизненную позицию, работал председателем колхоза. Мама посвятила себя воспитанию детей: своих и детсадовских.

В начале войны Валя пережила тяжелое время оккупации в городе Новошахтинске.

Когда Новошахтинск освободили от немецко-фашистских захватчиков, девушка пошла в городской военкомат с просьбой отправить ее на фронт. А росту была невысокого. Ей говорили: «Куда тебе на фронт, такой малюсенькой!». Но Валя настояла на своем.

Окончив краткосрочные курсы, весной 1943 года 18-летняя Валентина была направлена на фронт, сначала связисткой, потом телеграфистской в 126-ю гвардейскую стрелковую дивизию 550-го стрелкового полка, 3-го стрелкового батальона. С боями прошла Украину, Белоруссию, Восточную Пруссию. Попадала под обстрелы, бомбежки. Как говорит Валентина Никитична: «С землей не

¹ Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

рассталась». Часто находила укрытия в воронках, окопах, траншеях от пуль и осколков. Военная судьба обошлась с ней милостиво – ни ранений, ни контузий. В 1945 году наша героиня демобилизовалась и вернулась в Новошахтинск.

Среди боевых наград Валентины Никитичны медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», орден Отечественной войны I степени .

* * *

Мария Георгиевна Дерезенко (в девичестве Пономарева) родилась в крестьянской семье в Тацинском районе Ростовской области. В полтора года девочка осталась сиротой – ее, братьев и сестер воспитывала бабушка. Окончив четыре класса сельской школы, Маша стала работать по хозяйству: пасла коров, занималась огородом. В день начала войны Маша отметила свое 18-летие. Это был грустный праздник. Грустный от расставания с близкими, друзьями, которые решили уйти на фронт добровольцами.

Когда в хутор вошла наша воинская часть, стало известно, что требовались люди в хозяйственный взвод. Четырех девушек 1923 года рождения, в числе которых была Маша, зачислили в него бойцами. Женщины выполняли обязанности прачек, стирали белье, верхнюю одежду, поступающую из части и госпиталей. Работа была очень трудной. А выполнив основные свои обязанности, девушки несли службу по охране части. Мария Георгиевна вспоминает, что особенно тяжело было зимой.

От стирки ныли руки, а во время ночных дежурств холод пробирал до самых косточек... Но девушки не роптали, они знали, что есть такое слово – «надо».

Демобилизовалась Мария Георгиевна только 17 августа 1945 года. Из четырех подруг, которые уходили с ней на фронт, в живых остались две. Она достойно исполняла свои обязанности, о чем есть запись в ее трудовой книжке, о чем свидетельствуют ее награды.

После войны приехала Мария в гости к тете в Новошахтинск. Город был молод, развивался и так понравился девушке, что она в нем осталась жить...¹.

¹ Тарико Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

* * *

Я в гостях у Полины Григорьевны Пакшиной. Мы уютно сидим и говорим о многом: о жизни, о детях, о ее фронтовой юности, прошедшей по судьбе страшной отметиной.

После окончания образовательной школы Поля вместе с подругами поехала в город Шахты и поступила учиться в фельдшерско-акушерскую школу. И сиял вокруг мир, полный радужных красок, надежды и трепетного ожидания. Но уже шел неотвратимый 1941 год, черной, жирной линией перечеркнувший все юные мечты. Как в кадрах военного фильма, мелькают воспоминания Полины Григорьевны. Немцы оккупировали родной город, и юные девчонки, и взрослые женщины с риском для жизни приходили к школе № 1, где тогда был лагерь военнопленных, старались поддержать наших солдат продуктами, одеждой и взглядом, которым будто заклинали: «Держитесь, мы с вами!».

Помнит Полина Григорьевна оглушительную радость Дня освобождения города – 13 февраля 1943 года. Юная Поля стала очевидцем и свидетелем этого события. Вместе с другими девчонками в порыве патриотических чувств пошла она тогда учиться на курсы Красного Креста при городской больнице имени XVI партсъезда – так называлась городская больница № 1 – и участвовала в организации госпиталя при ней.

Но Великая Отечественная война продолжалась, и Поля вместе с подругой Валей Твердохлебовой оказалась на передовой. Это были саперные части, и санинструктор сопровождала бойцов на все задания, под огнем противника она выносила раненых с поля боя.

Самое страшное ожидало ее на Курской дуге, где, казалось, горели земля и небо, где наши воины бились насмерть за каждую пядь земли, где на каждые 100 квадратных метров приходилось 300 вражеских «тигров», и где отовсюду доносились крики раненых: «Сестра, сестричка, Поля, помоги!». И Поля спешила помочь, облегчить боль, успокоить. Ко всем спешила, а сама не убереглась. Нестерпимый яркий белый взрыв оглушил ее, а после наступила темнота и ушли все звуки. Кто знает, сколько шагов оставалось тогда ей до вечности, если бы не спас ее боевой товарищ и друг Владимир Петров. Он вынес ее из того грохочущего ужаса, как мог, наложил жгуты на обе ноги и доставил в медсанбат.

Помнит Полина Григорьевна, как бились за ее жизнь врачи в госпитале под Воронежем и в далеком уральском городе Свердлов-

ске. Много было потеряно крови, и жизнь девушки висела на волоске. Сделали несколько тяжелейших операций, и был страшный день, когда Поля осознала, что ей ампутировали ногу. Она и сейчас помнит, как придавила ее тогда глыба невозможного отчаяния, когда все ее юное существо протестовало против такой чудовищной несправедливости: «Как жить дальше? А как ходить? А ведь я уже никогда не смогу танцевать?». Все эти вопросы болью сверлили голову. В 19 лет жить, ходить, танцевать – это ведь все одинаково важно.

Госпиталь навещали военные из офицерского полка. И был среди них молодой капитан Борис Пакшин. Он сразу заметил юную красивую Полю и понял состояние, в котором она была, и старался сделать все, чтобы исцелить ее душу – она ведь тоже кровоточила.

Какие свадьбы были по тем временам? В лучшем случае собиралась скромная вечеринка, на которой родные и друзья поднимали чарку за молодых и громко кричали: «Горько!». Так было и у Бориса с Полиной. 21 апреля 1944 года они расписались в Новошахтинском ЗАГСе, и начались их странствия. Такова была судьба жены офицера. В 1945 году родился сын, однако жизнь сложилась так, что Полине самой пришлось его растить и воспитывать. И она и с этим справилась...¹.

* * *

Всю свою жизнь Лидия Прокофьевна Чернобривец посвятила самой гуманной и необходимой профессии – охране здоровья людей. Великая Отечественная война внесла в ее жизнь, как и в тысячи, миллионы других жизней, свои жесткие коррективы. Досрочно окончив фельдшерско-акушерскую школу, девушка добровольно ушла на фронт. В составе морского десанта участвовала в боях за Малую землю под Новороссийском.

– 225 дней и ночей шли бои за Малую землю, – вспоминает Лидия Прокофьевна. – Это был кромешный ад. Особенно обострилась ситуация в 20-х числах апреля. В день рождения Гитлера немцы хотели преподнести ему подарок: смести с лица земли Малую землю.

¹ Шевченко Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 9 мая 2001 года.

65-летию Великой Победы посвящается

Один из самых запомнившихся Лидии Прокофьевне эпизодов – высадка морского десанта с сейнера в Новороссийск. Армады вражеских самолетов летели одна за другой. От взрывов закладывало уши, и вскипала вода за бортом, а побелевшие девичьи губы шептали: «Перелет, недолет...». И между этими взрывами от сейнера к берегу с непостижимой верткостью сновали юркие мотоботы-плоскодонки, перевозившие связистов, радистов, медработников. Рассчитывали перебраться под покровом ночи, но не получилось. Незаметно подкрался рассвет, и опасность увеличилась в стократ. А когда стало всходить солнце, командир сейнера, чтобы спасти людей, принял решение вернуться назад, в Геленджик.

Через много лет, после войны, в Новороссийске была встреча участников боев на Малой земле. Выступают один, второй, третий, и вдруг объявляют ее, Лидию Прокофьевну Чернобривец. Ей всегда было что сказать, но в этот раз она не думала выступать, и так получилось, что приглашение на сцену оказалось для нее неожиданным. Но человек решительный и находчивый, Лидия Прокофьевна, пока шла из зала к сцене, мысленно прокрутила в голове свое выступление. Оно было коротким, но ярким и запоминающимся. Лидия Прокофьевна рассказала о высадке десанта в ту памятную ночь 1943 года, о том, с какой отеческой заботой относился к ним командир сейнера, как предпринимал все, чтобы уберечь парней и девчат от верной гибели.

– К сожалению, после войны многие ниточки оборвались, жизнь разбросала нас по стране, и я не знаю, где теперь наш спаситель, жив ли он, – сказала она тогда. – Но я до конца своих дней буду благодарна ему за радость жить, видеть красоту неба и земли, встречаться с вами, дорогими моему сердцу однополчанами.

А после торжественной части случилось то, что бывает только в кино. К ней подошел стройный, седовласый мужчина с цветами: «Это вам, Лида. Спасибо за долгую память и добрые слова». И это были незабываемые мгновения радости и счастья от встречи с человеком, который был во время военных испытаний для них, желторотых бойцов, и бесстрашным, строгим командиром, и добрым, заботливым отцом, хотя и не так уж велика была их разница в возрасте. Такие неожиданные встречи остаются в памяти навсегда.

Анапа, Керчь, Севастополь, Одесса – вехи боевого пути Лидии Прокофьевны, отмеченного наградами: орден Красной Звезды, две

медали «За боевые заслуги», медали «За освобождение Кавказа», «За победу над Германией», орден Отечественной войны II степени¹.

* * *

Нина Ивановна Терехина – участник освобождения нашего города от немецко-фашистских захватчиков. Она вместе с другими бойцами 109-й гвардейской дивизии вырвала из когтей смерти в селе Великая Лепетиха на Украине детей детского дома города Таганрога, которых фашисты обрекли на мучения и гибель. О ней, как и о каждом участнике Великой Отечественной войны, можно говорить много.

В 1976 году у Нины Ивановны Терехиной произошла встреча с человеком, которого она спасла от смерти и которого все-таки считала погибшим. Эта волнующая встреча состоялась в июле 1976 года в Москве, куда Нина Ивановна приехала по приглашению совета ветеранов 5-й ударной армии.

Встречи с однополчанами... Для каждого ветерана войны память о них священна, потому что никогда не забудутся годы, опаленные дымом боевых сражений, когда после каждого боя приходилось хоронить тех, кто только что плечом к плечу отражал яростные атаки врага. Каждая такая встреча – это воспоминания и переживания, это цветы, это радость, пронизывающая все существо человеческое...

Шло награждение ветеранов войны памятными знаками. И вот генерал-лейтенант Федор Ефимович Боков приглашает на сцену Нину Ивановну Терехину и просит ее рассказать какой-нибудь наиболее запомнившийся эпизод из фронтовой жизни. Заметив, что бывший санинструктор немного растерялась (слишком многое всплыло в памяти), Федор Ефимович попросил: «Нина, расскажи нам, пожалуйста, о том, как ты солдата спасла, с того света, можно сказать, вернула».

– Рассказать-то можно, – вздохнула Нина Ивановна. — Да все равно умер он, наверное, уж больно много крови потерял.

А было это так. Шел апрель 1944 года. Весна покрывала израненную землю изумрудным, пушистым ковром, распускаясь клей-

¹ Шевченко Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 7 ноября 2001 года.

65-летию Великой Победы посвящается

кие, зеленые листочки, но война вновь и вновь напоминала о себе грохотом орудий, разрывами бомб и снарядов. Коротка солдатская ночь: только закроет солдат глаза, а уже рассвет и новые атаки. Шли жесточайшие бои на подступах к Одессе. Много вражеских атак отбили за день наши солдаты. Без устали работали девушки-санструкторы: раненых было много. Им оказывали первую медицинскую помощь и отправляли в медсанбат. А с наступлением темноты стали подбирать и хоронить своих погибших товарищей. И вдруг показалось Нине, что в могиле кто-то застонал. Замерла девушка: «Послышалось или на самом деле?». В ушах еще звенели отголоски боя, и звук, идущий из могилы, она, кажется, услышала сначала сердцем, потому что заныло оно тревожно и больно. Ни минуты не задумываясь, бросилась Нина в свежевырытую яму и лихорадочно стала перебирать тела погибших.

– Не помню, сколько я их перебрала, — говорит Нина Ивановна, — и тут вдруг снова раздался глухой стон, приложила ухо к груди солдата и услышала, как тихо-тихо бьется его сердце. Вытащили нас с ним ребята из могилы, и оказалось, что это совсем молоденький парнишка. Лицо его было обезображено до неузнаваемости. По документам узнала, что он родом из Баку.

Сделала ему Нина перевязку и отправила в санроту, а ребятам сказала: «Не жилец он — уж больно много крови потерял...».

И тут раздался голос генерал-лейтенанта Ф. Е. Бокова:

– А ведь тот солдат жив, Нина, и сегодня он приехал из цветущего Азербайджана, чтобы встретиться с тобой. Имя его — Агаев Шахлар, и сейчас я приглашу его к нам на сцену.

Сжалось сердце бывшего санструктора, а глаза напряженно всматривались в лица, кто же встанет. И вдруг увидела Нина Ивановна седого, невысокого человека, который, вытирая глаза, торопливо шел к ней навстречу. На лице его война на всю жизнь оставила свою страшную метку.

– Бросились мы друг к другу, обнялись и заплакали, — вспоминает Нина Ивановна, — все дни, пока продолжалась встреча ветеранов, Агаев Шахлар не отходил от меня. Когда же расставались, он просил меня приехать со своей семьей к нему в гости в село Гиндарх Абединского района.

Знал Агаев Шахлар, что спасла его русская девушка-санструктор, но не знал ни имени ее, ни фамилии. Всюду искал ее, чтобы выразить свою бесконечную благодарность, и теперь можно

понять, какие счастливые мгновения пережили и спасенный и спасительница, найдя друг друга.

«Тебе я обязан жизнью», — написал Агаев Шахлар в телеграмме, которую Нина Ивановна получила вскоре после возвращения из Москвы.

Идут в Новошахтинск письма из Азербайджана, и звучат в них слова, рожденные самой жизнью...¹.

* * *

Катя Своеволина была жизнерадостной, белокурой, голубоглазой. Она не дожидаясь окончания Великой Отечественной войны, не радовалась праздничным фейерверкам Победы. Она навсегда осталась лежать в запорожской земле. Но для нашей победы она сделала все, что могла, за нее отдала свою жизнь.

В свои восемнадцать, после освобождения Новошахтинска от гитлеровских оккупантов, Катя пошла защищать Родину. Она стала санитаркой в полевом госпитале и была всеобщей любимицей не только подруг по службе, но и раненых. Надо было видеть, как загорались глаза раненых солдат, когда перед ними появлялась Катя. Это значило, что она не только своими ловкими руками санитарки облегчит их страдания, но и словом, рассказом, песней, пляской поднимет настроение.

— А ну, Катюша, давай нашу любимую «Катюшу», — завидев Катю Своеволину, просили раненые.

И Катя запевала. Обычно уже с первых слов песню подхватывала вся палата. И даже те, кто не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, на некоторое время забывали о своем порой смертельном недуге.

А нередко Катя усаживалась на табурет и начинала читать стихи или рассказывать какой-нибудь интересный увиденный ею в жизни или прочитанный в книгах случай. Раненые внимательно слушали Катю.

А было и так: вдруг раздвигался круг, и девушка пускалась в пляс, исполняя веселый танец. Окружающих заражала ее неукротимая жизнерадостность.

¹ Шевченко Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 15 января 1977 года.

65-летию Великой Победы посвящается

Да, обладая природным юмором, Катя Своеволина умела поднимать душевное настроение в тяжелую минуту, а таких минут было много.

Погибла Катя в селе Большая Михайловка Запорожской области 6 октября 1944 года. Узнав об этом, мы долго не верили, что такое произошло на самом деле, что этой голубоглазой, белокурой, жизнерадостной девчонки уже нет среди нас и никогда не будет.

А случилось все так. В тот день враг вел интенсивную бомбежку села и наших воинских частей, расположенных в нем. Но такие экстремальные ситуации нас, медицинских работников, уже не удивляли, подобное на войне случается чуть ли не каждый день. В медсанчасти шла обычная напряженная работа, доставлялись раненые, им оказывалась необходимая помощь, а многих приходилось прямо с поля боя класть на операционный стол. Как раз в это время и шла одна из таких операций, в которой участвовала Катя Своеволина. Операция закончилась, она вышла из операционной и, попав под бомбежку, была смертельно ранена в живот. Погибли многие раненые, поступившие в тот момент в наш госпиталь...

Такие, как Катя, и после смерти остаются живыми в сердцах тех, кто их знал, в сердцах людей, за мирную жизнь которых они сражались до последнего дыхания¹.

* * *

Великая Отечественная война была тяжким испытанием для всего нашего народа. И выдержали мы его потому, что Победа ковалась не только на фронте, но и на оккупированных территориях, и в тылу врага. Мы смогли победить, объединившись и сплотившись, встав все как один на защиту Родины.

Я родилась в селе Глебовка Куцевского района Краснодарского края. Мой отец был красным партизаном, коммунистом, работал председателем сельсовета. Когда началась Великая Отечественная война, с первых же дней добровольцем ушел на фронт. Осталась мать, Пелагея Петровна, с тремя детьми-подростками.

Фронт быстро приближался к нам. Сдали Ростов, Куцевку, и бои шли уже в трех километрах от нашего села. Земля гудела от разры-

¹ Иваненко Н. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

вов снарядов. В кухоньке, где мы жили, дребезжали стекла и колыхались стены. Мы приготовились к эвакуации, потому что нашей семье нельзя было оставаться дома. Но однажды утром мама, разбудив нас, сказала: «Мы никуда не поедem, будь что будет». Мы все вышли во двор. Была мертвая тишина. Вдруг со стороны высоты, где шли бои, послышался стук колес и голос погонявшего лошадей. Повозка остановилась у нашего дома. Солдат подошел к маме и сказал: «Я привез своего раненого друга, помогите ему, а мне надо возвращаться в часть – мы отступаем». Мама взяла раненого и попросила о помощи врача – эвакуированную гречанку. Она извлекла пулю из ноги солдата, остригла его, забинтовала голову и вывесила на дверях листок со словом «тиф», на случай, если придут немцы. Но красноармеец смог уйти из села раньше, чем в него ворвались фашисты.

В нашем доме разместился их штаб. И был при штабе адъютант по имени Иосиф. Когда немцев не было в доме, Иосиф включал радиоприемник и разрешал нам слушать передачи из Москвы.

Однажды Иосиф спросил у меня: «Ты комсомолка?» Я ответила: «Да». Мама побледнела и чуть не упала. «Больше никому не говори об этом, а комсомольский билет закопай. Когда мы будем отступать, убегайте из села, эсэсовцы – страшный народ, они вас не пощадят», – предупредил Иосиф. И действительно, вскоре немцы начали отступать. На ночь все соседи сходились в наш дом. Маленьких детей укладывали на кровать, старших – под кровать, а взрослые ложились на пол. Однажды ночью (это было в феврале) мы услышали рев автомобилей и громкую немецкую речь. Эсэсовцы открыли дверь и выгнали из дома всех детей и женщин на улицу. Было очень холодно. Нашу семью опять спасла врач, забрала к себе и вывесила на дверях спасительное слово «тиф». А немцы всю ночь пьянствовали в наших домах, застрелили нашего односельчанина, психически больного человека. Но недолго они куражились: через два дня пришли наши. Люди ликовали. Брат сразу же вместе с действующими частями, ушел на фронт. Его зачислили в казачий полк. А спустя три месяца наш казак погиб.

После этого мама два месяца вообще не говорила, была в шоковом состоянии. Заговорила, когда ей принесли пенсию, назначенную за погибшего сына. «Получать деньги не буду, не хочу, он погиб за Родину». Но до конца жизни ждала, что сын вернется. А умирая, чуть слышно и удивленно прошептала: «Шурик», – и на ее губах застыла улыбка.

65-летию Великой Победы посвящается

Я до сих пор удивляюсь тому, как наша мама, безграмотная деревенская женщина, любила свою Родину: она безропотно приняла гибель сына, принесенного в жертву на алтарь Победы...

После освобождения от немцев мы с сестрой вместе с другими детьми работали в колхозе. Сеяли хлеб: стояли на сеялке, которую тянул трактор, и следили за равномерным поступлением зерна в землю. Занимались прополкой зерновых: нам делали тяпки-штыки с треугольной зазубриной, давали засоренные участки, и мы уничтожали сорняки. Выходили в поле ежедневно после уроков. Когда поспевал хлеб, убирали его косилками и косами. В колхозе был один комбайн. Мне довелось работать на нем – дергать соломокопнитель за веревку, когда в нем накапливалась солома. На руках от этого были багровые мозоли. Приходилось стоять на молотилке: подхватывать вилами и бросать в барабан снопы пшеницы и ячменя. Приходилось работать и у бункера молотилки: собирать намолоченное зерно в тяжеленные ящики... А в нас самих-то было веса по 30 килограммов, а то и меньше. Часто из носа текла кровь. Зерно засыпали ведрами в веялку, а чтобы мы, дети, доставали до веялки, для нас делали подставки. Когда темнело, все шли к ворохам зерна, падали и засыпали в пшенице. А утром, только начинает светать, дед Иван будил нас: «Девчата, вставайте, фронту хлеб нужен!». И нас как ветром сдувало – сходу принимались за работу.

Зимой ухаживали за коровами, убирали навоз. Кормов не хватало, кормили соломой, а ее еще нужно надергать из скирды клюшкой. Вьюга метет, снег, ветер. Надергаешь, положишь на воз, а ветер унесет. Так мы приспособились: один дергает со скирды, другой несет к возилке, а третий принимает ее и держит на возилке своим распятым телом. Привезешь, разложишь коровам, а они ее быстро и жадно съедят, и опять смотрят на тебя большими жалкими глазами, из которых катятся слезы, как горошины. Они плачут от голода, а мы плачем от своего бессилия помочь им.

А вечерами собирали и готовили посылки для солдат: пекли пряники, толкли и упаковывали махорку, шили кисеты, вязали теплые носки и варежки. И каждый раз радовались, когда получали письма от солдат, понимая, что мы помогаем нашим защитникам.

После войны мы учились, восстанавливали разрушенное хозяйство и, получая мизерные зарплаты, подписывались на государственный заем...

Очень хочется, чтобы молодые люди, живущие в мирное время, слыша слова «труженик тыла», знали, какими мы были в те военные годы и за что удостоены такого звания¹.

Узники фашистских концлагерей

1941 год. Началась Великая Отечественная война. На третий день, не дожидаясь повестки, уходит на фронт Бордюгов Михаил Фомич. Он шел защищать свою Родину, свою семью: жену Матрону, сыновей Георгия и Алексея, дочь Тамару. С трудом сдерживая слезы, Тамара Михайловна вспоминала, как провожали отца на фронт, как последний раз он помахал рукой жене и детям, крикнув на прощание: «Ребята, вы остаетесь мужчинами, берегите маму и сестричку». Полуторка, оставляя за собой клубы пыли, увезла отца из родной деревни Екатериновки Миллеровского района Ростовской области.

Не знал тогда Михаил Фомич, что в ноябре 1942 года фашисты угонят в Германию его милую доченьку Тамару, как он ее ласково называл, не знал и того, что придется ей, совсем юной, испытать в фашистской неволе.

В 1943 году Михаил Фомич погиб. Кроме Михаила Фомича, ушли на фронт и четыре его родных брата: Иосиф, Георгий, Федор и Алексей. Пятеро родных братьев Бордюговых ушли на фронт в 1941 году, и ни один из них не вернулся живым. Вечная им память!

Разрывалось сердце Матрены Илларионовны, мамы Тамары Михайловны, в тревоге за мужа. Но этой беды в семье было мало... В деревню вступили фашисты, и Тамара, как дочь коммуниста, первой попала в список на отправку в Германию. Ее вместе с другими деревенскими девушками угнали на чужбину. Вагоны для скота были набиты людьми до отказа, нечем было дышать. Некоторые не выдержали и умерли. Их не давали даже по-человечески похоронить, просто выбрасывали из вагонов.

В Германии девушек поместили в лагерь, который назывался «Фокланд». На следующий день они уже работали на фабрике. Де-

¹ Гончарова Н. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 2 августа 2006 года.

65-летию Великой Победы посвящается

вичьи руки с трудом переключали рычаги огромных машин. Работали по 12 и больше часов, ужасно уставали, валились с ног. Если делали случайный брак, полицаи тут же избивали нагайками и сажали в подпол по колено в воде, без еды до самого утра. А утром – опять к машине. Единственным утешением была возможность послушать радио Москвы, услышать голос далекой Родины. Этот радиосеанс устраивали девушкам иногда их сторожа – военнопленные поляк и итальянец.

Девушек перебрасывали из одного лагеря в другой.

В 1945 году, весной, когда советские войска были на подступах к Германии, начались бомбежки. Девушек выводили из лагеря как живой щит, подставляя под разрывы бомб. В апреле 1945 года всех девушек выгнали на рытье окопов. И тут началось такое, что нельзя вспоминать без содрогания. Летят самолеты, сбрасывают бомбы, которые почему-то светятся. Страшные взрывы, бежать некуда. Тамара видит, как падает ее подруга, бежит к ней. Вдруг резкая боль пронзает ее – и больше ничего не помнит. Очнулась через несколько дней в каком-то сарае, на соломе. Вокруг раненые девушки, стоны, жуткий запах крови. Попыталась подняться, но резкая боль пронзила все тело, и она опять потеряла сознание. Когда пришла в себя, увидела, что у нее нет правой ноги. Бинты прилипли к ране и засохли, невыносимая боль. Хотелось, чтобы все это скорее закончилось, она просила смерти. Но те, кто мог как-то двигаться, помогали остальным.

Как могли, ухаживали за Тамарой. Лекарств не было, бинтов тоже, рана кровоточила и не затягивалась. Надежды выжить не было, да и зачем жить. А ей было только 19 лет...

Может быть, и умерла бы Тамара в том сарае, но в город вошли американские войска и освободили молодых узников. Девушкам оказали медицинскую помощь, довели к границе и передали нашим. Только в конце июля добралась Тамара на костылях до родной деревни. Мама не верила счастью, что дочь жива. Но как передать боль матери, увидевшей свою юную дочь без ноги, исхудавшую, потерявшую всякое желание жить?!

Время шло, заживала рана на ноге, рядом были мама и братья Алексей и Георгий, поддерживали друзья и подруги. Переехала жить в Новошахтинск, устроилась на работу и проработала всю жизнь в бухгалтерии. В 1954 году Тамара Михайловна вышла за-

муж, а через год родилась дочь. Было трудно, но дочь росла, и у Тамары Михайловны появилось еще большее желание жить...¹.

* * *

Я все пытаюсь представить себе своих близких в тот летний вечер 21 июня 1943 года. Бабушка с дедушкой, наверное, были в гостях, мама играла с подружкой, а папа бегал с шумной ватагой детворы, поднимая босыми ногами легкие облака пыли. Доктор Синяков дежурил в больнице. Они строили планы на завтрашний выходной. А завтра была война.

И в тот тихий летний вечер мои близкие и представить себе не могли, что находятся на пороге страшного события, которое перевернет их жизнь: дед уйдет на фронт, бабушка с крошечным сыном и дочкой-школьницей отправятся в трудный путь через всю страну в эвакуацию, отец едва не погибнет под огнем немецкого пулемета. Не знал и доктор Синяков, что 1300 страшных дней и ночей он проведет в фашистском плену.

Георгий Федорович Синяков, дядя Жорж, как называет его моя мама, был давним другом нашей семьи. Врач-хирург, до войны работал в новошахтинской городской больнице. Потом переехал в город Шахты. В начале войны ушел на фронт, и долгое время мои родные ничего не знали о Синякове. А в ноябре 1945 года мой дед, Олег Михайлович Ногатырев, руководивший Новошахтинской городской аптекой, получил от него письмо из немецкого города Франкфурта. Это письмо, уже пожелтевшее от времени, полустершееся на сгибах, хранится до сих пор в нашем семейном архиве. Для меня это не только память о близком нашей семье человеке – это реликвия на долгие времена, свидетельство человеческого мужества, стойкости и огромной любви к людям, своей Родине. Об этой любви мы стали забывать за многочисленными выборами, сменами Правительства, шумными скандалами. Стали появляться другие символы и идеалы. Ну, вот баварское пиво, например. Некоторые его любители смеют даже утверждать, что жили бы припеваючи и вволю бы пили это самое пиво, не выиграй Советский Союз эту войну. И вот уже человек, переживший войну, с болью и

¹ Серов Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 10 августа 2001 года.

65-летию Великой Победы посвящается

возмущением пишет о такой короткой, неблагодарной и продажной памяти. И дело, конечно, не в баварском пиве. Все намного сложнее и печальнее. Мы многое поняли, переоценили и даже простили. Но простить нельзя одно – фашизм. Вероятно, кто-то запамятовал, а может, и вовсе не знал о существовании немецкого плана «Ост», о многочисленных директивах и инструкциях по истреблению населения и вывозу богатств нашей страны: «Дело заключается в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. Подрыв «биологической силы» русского и других славянских народов планируется осуществить путем физического истребления больших масс людей, преднамеренной организации голода. Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полугерманского типа, масс, расово неполноценных, тупых людей». Фашисты мечтали превратить нас в рабов XX века. Допустили бы они нас в свою райскую жизнь, наивные любители заграничного пивка? Кем или чем были бы вы в их жизни и были бы вообще «Если третья империя должна существовать тысячи лет, то наши планы должны быть разработаны на целые поколения». Слышите, на «целые поколения», т. е. и на вас, господа. Что мы потеряли и что приобрели, выстрадав эту страшную и кровавую войну, которая смерчем ворвалась в жизнь нашего народа?! Не верьте ярким этикеткам, многочисленным кликушам и зазывалам, очернителям самого святого, а верьте седым головам наших дедов, их горячим сердцам, их ранам и честно пролитой в боях крови. Как бы ни переиначивали, ни перекраивали нашу историю, неизменным остается одно – их мужество, вера, стойкость и человеколюбие. Человеколюбие? Это на войне-то, спросите вы? Да, человеколюбие, которого так не хватает в наше время, когда с экрана, страниц модных газет и журналов буквально рекой льется пропаганда насилия над человеком: убийства, кровавые разборки, обезображенные трупы. Какими станут наши дети, глядя на весь этот порок грязи и дряни? Пришла пора остановиться, одуматься и посмотреть в прошлое, чтобы было чем жить в настоящем и с чем идти в будущее.

Я вновь и вновь перечитываю письмо человека, на долю которого выпали страшные испытания, и вспоминаю все, что слышала и читала о нем.

Из письма доктора Г. Ф. Синякова: *Когда я попал на фронт, решил: моя жизнь принадлежит раненым и не старался ее беречь.*

Я был на Южном фронте, под Киевом, работал в медсанбате ведущим хирургом. В сентябре 1941 года внезапно наши войска отступили перед сильным танковым ударом противника. Врачи, санитары, сотни раненых остались в глубоком тылу врага. Посчитали оружие. Разделили раненых между врачами. Решили пробираться к своим. Вскоре кончились продукты, перевязочный материал и медикаменты. Оперировать не было возможности. Для перевязок рвали нижнее белье. Мы перестали ходить в атаки (некому было) и не стреляли (нечем было). И все-таки решились на прорыв. Фашисты дали им выйти на равнину. Завязался последний бой. Синяков увидел самое страшное на войне: весь ужас бессилия, слезы ярости тяжелораненых. До последней секунды он метался между ними, оказывая помощь, его схватили, обыскали.

Плен. Их гнали сутки, вторые. Без еды и воды. В одной сожженной деревне с ними за колючей проволокой оказались и гражданские. Всю ночь на руках у женщины плакала маленькая девочка – просила пить. Но все фляги были пусты. А конвоир за колючей проволокой, обливаясь, лил воду себе в глотку, остатки выплеснул на землю. Иногда немцы подпускали местных жителей к ним, разрешали кинуть картошку, хлеб. И тут же на глазах у голодных людей давили еду – сапогами и прикладами. Пленные решили спасти девочку. В очередной деревне жестами и взглядами намекнули об этом стоящей у обочины женщине. От нее тотчас отделился мальчик. На повороте он выскочил из-за угла хаты, схватил ребенка. Ему дали отбежать, потом выстрелили. И еще раз – в кричащую девочку. Две матери бросились на конвоира. Фашист так и не смог оторвать от шеи из руки, пока женщин не пристрелили.

Из письма доктора Синякова: *Немцы спросили у меня, кто я – политрук или комиссар? Я сказал, что я – врач. Они начали меня бить, избili так, что потерял сознание.* Пленных привели в какое-то селение, завели в сарай, не давали ни пить ни есть. Тяжелораненые стали умирать. Многие просили воды. И тогда доктор отковыривал от каменной стенки камешки и клал на разгоряченные лбы, гладил раненых по голове, говорил слова утешения. А сам еле держался на ногах. Утром Синяков долго стучал в дверь. Наконец она открылась. На просьбу дать раненым поесть или хотя бы воды немец ударил врача прикладом. Придя в себя и поняв всю безысходность положения, Георгий Федорович решил уйти из жизни, но его спасли раненые и сказали, что его долг быть до конца с теми,

65-летию Великой Победы посвящается

кто в нем нуждается. На другой день их отправили в госпиталь для военнопленных – огромное здание без окон, где раненые лежали на полу. Разумеется, ни медикаментов, ни бинтов в этом «госпитале» не было, а Синякову приходилось работать за хирурга, медсестру, санитаря, – до изнеможения, до обморока.

В марте 1942 года нас отправили в Германию. Убежать по дороге я не мог – еле двигался, весил 40 килограммов.

В Германии Синяков попал в концлагерь «ЗС» под Кюстрином, в лазарет для пленных русских. До приезда Синякова раненые умирали сотнями. *Кошмарная картина – больные лежали и гнили, из ран торчали кости.*

Георгий Федорович работал сутками, через два месяца смертность понизилась настолько, что стали умирать единицы. Он познакомился и подружился с югославским доктором Павле Трпинач, который стал часто навещать в лазарет у русским. Лагерь был интернациональным, во многие «европейские» секторы разрешали передавать посылки. Трпинач обратился к заключенным из этих секторов, и они стали выделять часть продуктов для доктора. Георгий Федорович стал выглядеть лучше – спали отеки, кончилось хроническое истощение. Но не более того. Оказалось, что полученные продукты Синяков старается обменять у немцев из охраны на картошку, суп для раненых и больных. И хотя в «европейских» секторах тоже был голод, люди делились с русскими пленными от сознания того, что рядом кому-то в тысячу раз хуже.

Но не раны, болезни и голод были самыми страшными в плену. Больше всего мучила, угнетала, доводила до сумасшедшего отчаяния тоска по Родине и неизвестность. Немцы трубили во все фанфары о своих победах. *Многие пленные растерялись и начали терять веру в нашу победу, и вот тут-то пришлось проделать большую работу,* – писал Синяков. Как обыденно и просто сказано – работа, а это была ежедневная схватка со смертью. Ведь за малейшее неповиновение самое малое наказание – карцер с поркой плетью до 25 ударов в день в течение трех недель.

Из письма бывшего узника Кюстрина Леонида Гупалова: *Кто возьмется сказать, что человеку дороже – хлеб насыщенный или духовный. По самому своему складу Синяков не мог не пойти дальше в борьбе. И он пошел – от добычи лишней плошки баланды до пропаганды истины о положении на фронте. Кто знает, сколько из нас спасла, излечила эта истина.*

Синяков вспоминал: *Я начал выпускать листовки, писанные карандашом от руки, в которых призывал всех честных людей объединяться и не верить лживой пропаганде фашистов. Каждый пленный должен бежать при первой возможности на Родину, на работе – плохо работать и вредить.* Это покажется чудом, но отсюда, из лагеря, расположенного в тысяче верст от фронта, совершались побеги. Но сколько было неудачных! Беглецов ловили, вешали на виду у лагеря или отправляли в каменный карьер, а там – смерть. Неорганизованные побеги проваливались еще на территории Германии. Нужны были карты, компасы, еда. Группа Синякова, в которую входили санитары из лазарета, стала составлять карты – их образцы приносил немец-антифашист Гельмут Чахер, с которым доктор установил связь. Часы и компасы выменивали у пленных иностранцев, которым разрешались посылки. Русские пленные делали подделки из дерева, соломы. Все это менялось на хлеб, а затем через подставных лиц хлеб менялся на часы или компас. Кандидат на побег симулировал болезнь, попадал в лазарет, где беглецов подкармливали, снабжали продуктами, компасом, картой. «Выздоровев», люди возвращались в бараки, а затем бежали из рабочей команды за воротами лагеря при помощи полиция Ильи, который был человеком подпольной группы. Сложнее было со смертниками. Чтобы спасти смертника, его под любым предлогом нужно было сначала перевести в умершие и устроить побег. Умершие хоронились под номерами живых. Живые жили и нередко бежали под номерами умерших. Илье Эренбургу – еврею, да еще с такой знаменитой фамилией, грозила в лагере смерть. Синяков спрятал его. Через месяц Илью нашли, отправили в карьер. Уже едва живого, на носилках, его удалось перевести в лазарет и списать в умершие. Наконец, с помощью группы Синякова он бежал из лагеря, удачно перешел линию фронта и закончил войну офицером в Берлине.

Самому Синякову запретила бежать тройка по организации побегов, ведь центром всей работы, связанной с побегами, был его лазарет. *Если я убегу, мое место неизвестно кто займет, и тогда работу невозможно будет продолжить.* Поэтому он без колебаний согласился с этим решением. Над доктором не раз сгущались тучи, но грозы так и не произошло, хотя в подпольной организации лагеря провалы случались. Огромным напряжением воли удавалась ему эта роль: он только доктор, только лечит людей... Перед его

65-летию Великой Победы посвящается

гневом, когда он бросался на защиту раненого от избиения, отступали даже отъявленные негодяи. На подозрения он отвечал: это – его долг. Он готов лечить любого, но и любого защищать. Слух о чудесном докторе проник даже в город. Однажды ему привезли для срочной операции немецкого мальчика. Для операции нужен был высококвалифицированный хирург, какого в Кюстрине не было. Синяков блестяще провел операцию. Больные и раненые не только русского, но и других секторов лагеря стремились попасть на лечение только к нему. За ним прочно укрепилось имя: «Наш русский доктор».

В 1942 году, когда немцы двинулись к Сталинграду, мне один немецкий солдат сказал, что многие немцы не хотят ехать на русский фронт. Не возьметесь ли вы что-нибудь сделать, чтобы они туда не попали? Я решил, что симуляцию надо поддерживать. Доктор прокалывал барабанные перепонки, вызывал появление долго незаживающих язв в области голени. Этих солдат, к их радости и радости доктора, уже не отправляли на фронт.

В 1944 году в лазарет лагеря привезли русскую летчицу Анну Егорову. У нее было обожжено лицо, руки, ноги. Немцы надеялись, что угрозами и побоями склонят ее к предательству. Синяков спрятал ордена и документы Егоровой в банках с порошками. Доктор лечил Анну, а сам ломал голову над тем, как продлить ее пребывание в лазарете. Он начал всячески затягивать процесс выздоровления, и это спасло летчицу, как спасли продукты, которые передавали ей другие пленные, отрывая от себя, как спасла ее моральная поддержка, доброта находящихся в неволе людей.

Наконец, они услышали фронт. Пора было начинать восстание, которое давно готовилось в лагере. Но фашисты опередили. Ночью они погрузили заключенных в эшелоны. Осталось лишь около трех тысяч раненых и больных. Немцы-антифашисты предупредили Синякова, что готовится акция уничтожения оставшихся пленных. И врач отправляется к солдатам охраны, обращается к ним, презрев смертельную опасность: «Солдаты! Война проиграна. Вас прислали сюда совершить подлое, бессмысленное убийство, беспомощных людей. Вы, конечно, можете сделать то, что захотите. Но знайте: история, человечество не простят вам этого преступления!».

Сказав страстные, отчаянные слова, Синяков ушел в лазарет. Если начнется расправа, он должен быть со своими больными. Потянулись долгие минуты ожидания.

Солдаты ушли. А вскоре в лагерь вошла советская танковая группа майора Ильина. У танкистов было около ста человек раненых, и Синяков организовал для них госпиталь, вновь стал к операционному столу.

Два месяца врача проверяли в нашей контрразведке, а потом направили в специализированный госпиталь, где он оперировал только ранения в живот. Да так оперировал, что его прозвали «Бог операций живота». Он был представлен к ордену, но не получил его.

Синяков сильно переживал то недоверие, которое некоторые проявляли к бывшим пленным. Но его поддерживало желание вернуться домой. *Хочется увидеть еще раз свою Родину, подышать своим родным воздухом. У нас все лучше – земля, леса, луга, реки. И солнце у нас светит ярче.*

Так писал этот измученный, истосковавшийся в плену человек.

После войны Синяков жил в Челябинске. Заведовал хирургическом отделением больницы на тракторном заводе и одновременно преподавал в мединституте. И никто в городе, ни он сам не знал, что его уже давно ищут друзья – бывшие узники и соратники по борьбе. Только спустя 20 лет после войны первой его разыскала бывшая летчица Анна Егорова. И в Челябинск прилетело письмо, полное любви и восхищения, благодарной памяти.

Из письма Г. Ф. Синякову бывшего смертника, офицера Советской Армии Ильи Эренбурга: «Только вам я обязан своим спасением от смерти. Только ваша отеческая забота, ваша способность воскрешать мертвых заставила меня жить, чтобы отомстить».

... Прошли годы. Уже давно нет в живых замечательного доктора и удивительного человека Георгия Федоровича Синякова. Постепенно уходят от нас наши близкие, пережившие войну. Но остается память...¹.

* * *

Написать о Юлии Яковлевне Абраменко меня попросили жители поселка Коминтерновский. Многое из прожитого и перенесенного этой женщиной заслуживает внимания к ее судьбе.

¹ Тарасевич О. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

15-летняя новошахтинская девочка была угнана в концентрационный лагерь, провела в нем два с половиной года, часто попадала в карцер «за строптивость». В таком юном возрасте она не сломилась, нашла в себе силы и мужество жить...

Семья Якова Степановича Лачуги была большой – семеро детей. Юлия родилась слабенькой, болезненной, и по этой причине родители отправили ее в школу № 3 в 8 лет. Юлия училась хорошо, все схватывала быстро, своею памятью удивляла первую учительницу Клавдию Ильиничну Родионову.

Юлия Яковлевна и через столько лет отчетливо помнит июньское воскресенье 1941 года. Она закончила пятый класс, охотно помогала по дому маме. Когда по радио (была у них большая круглая «тарелка») объявили о начале войны, мама и соседки зарыдали в голос. А девочка еще ничего не осознавала, откуда ей было знать, что это слово принесет в ее жизнь...

День 24 октября 1942 года – в памяти тоже навсегда. Оккупированный немцами Новошахтинск словно вымер. Полицейские ходили по домам и искали девушек, которым исполнилось 17 лет. Напуганная соседка прибежала в дом к Лачуге, схватила старшую Юлину сестру Машу и успела спрятать ее вместе со своей дочерью. Когда полицаи обнаружили, что девушки нет, они заявили, что забирают младшую ее сестру. Мать кричала, что она ребенок, пыталась «откупиться» – отдать единственного поросенка. Но ничто не помогло: девочке едва удалось одеться, мать не успела даже собрать узелок с вещами и едой. Юлю захихнули в грузовую машину, где уже были 20 девушек, и повезли к полицейскому участку. Среди тех, кого готовились угнать в Германию, была двоюродная сестра Юли – Зоя. Вскоре замерзших, напуганных девушек доставили в центр города. Их свезли со всех поселков и Красного Сулина. Всего – около 500 человек. Дальнейший пункт следования – Ростов. Шли пешком. Рядом – немцы с автоматами, собаками. Ночь настигла в степи. Немцы боялись, что девчонки убегут, и обходили поселки стороной. На ночлег остановились в коровнике. Было грязно, холодно. Всю ночь стояли, не попадая зуб на зуб, согревая друг друга. До Ростова шли несколько дней. Потом в одном из железнодорожных тупиков их загнали в вагоны из-под цемента. От голода, холода, обиды девочки плакали, а Юлия все утешала их: «Слезам горю не поможешь. Будет и на нашей улице праздник».

Сколько ехали – не помнит. Остановились в Польше. Затем были Венгрия, Австрия. Последний пункт следования – город Грац. В бараке, куда их поместили, стены были испещрены сотнями русских фамилий. Работала Юля в деревообрабатывающем цехе, а когда не хватало древесины, посылали в лес пилить ели, сосны. Рацион на день – 50 граммов черного хлеба и картофельный суп.

Издевательства, побои, унижения, нечеловеческое обращение – все это перенесла Юля Лачуга, девушка неробкого десятка. Как-то заставили их разгружать неподъемные ящики с цементом. Девушки отказались: и втроем не поднять. Их начали зверски избивать и, не в силах защитить себя, Юля и ее подруги схватили по горсти цемента и бросили его в глаза надзирателям. Автоматные очереди «скосили» тех, кто был рядом с нею, Юля чудом осталась жива. Ее отправили в штрафной лагерь, в котором были такие условия, что мало кто выдерживал. Она копала окопы, практически существовала без еды, ее вес был меньше 30 килограммов. Однажды Юля с подругами совершила побег. Жили в лесу, ходили в ближайший австрийский поселок просить еду. Им не отказывали, но в дом не пускали. Девушки понимали, что так долго продолжаться не может – их ищут – и постоянно меняли свое местонахождение. Два месяца они скитались по лесам, пока их не нашли немцы с собаками. Наказания были суровые, их словами не описать.

– Мы жили верой, что нас скоро спасут, поскольку уже видели английские и американские самолеты, знали, что Красная Армия освобождает Европу, – вспоминает Юлия Яковлевна. – Еще немного продержаться, подождать, выстоять призывали мы друг друга.

И этот момент наступил, они его почувствовали. Их не гоняли на окопы, закрыли в бараке, не кормили. 7 мая 1945 года девушки слышали гул самолетов, увидели наши танки. Обессиленных, истощавших, их отправили в госпиталь, где они восстанавливали силы. Только 1 сентября 1945 года Юля вернулась в Новошахтинск, в родную семью. Работала в стройцехе, затем – телефонисткой на шахте № 7. Встретила удивительной доброты и щедрости человека – Ивана Петровича Абраменко...¹.

¹ Мирошниченко В. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

* * *

Все дальше и дальше от нас события грозных военных лет, все меньше и меньше остается их участников и очевидцев. Уходят от нас ветераны и люди, пережившие войну, уносят с собой не рассказанную правду о ней. И когда мы читаем или слушаем воспоминания о войне, понимаем ли мы, что с нами говорит сама История?

Из письма в редакцию газеты «Знамя шахтера» Надежды Ивановны Ципляевой, жительницы поселка Соколово-Кундрюченского, несовершеннолетней узницы концлагеря «Равенсбрюк», инвалида второй группы и вдовы участника Великой Отечественной войны: «Я была угнана в Австрию в 1942 году, работала на стройке, потом переведена на завод. Там меня поставили за фрезерный станок, и я испортила много деталей. Мастер в отместку ударил меня по ноге с такой силой, что я до сих пор мучаюсь болями. Тогда меня арестовали.

Нас, 102 человека, в наручниках отправили в ад – концлагерь «Равенсбрюк». Зима, а в бараках нет ни окон, ни печек. Оконные проемы закрывали одеялами. Одеты мы были легко, а обуты кто во что.

В три часа ночи нас выгоняли на большой плац, где мы стояли до утра на расстоянии метра друг от друга, чтобы между нами был сквозняк. Ноги мерзли страшно. Но притоптывать ими было нельзя – надзиратели сразу били резиновыми дубинками. Особенно жестокой была среди них русская Галина. Как она выслуживалась перед немцами, орала на нас, хотя мы и так стояли как муляжи. Кто не выдерживал – падал. Их жестоко били. Нас выгоняли за лагерь – долбить мерзлый песок. В бараки до вечера не пускали.

День и ночь в лагере дымил крематорий. Огромные машины с прицепами привозили пленных, которых отправляли в «ревир» – комнату при крематории. Вечером пленных привезут, а утром их уже нет – отправили в газовую камеру. Ни имен ни фамилий. Вот так люди без вести пропадали на войне. Потом в филиале этого лагеря потребовались рабочие, и двести человек, в том числе и меня, отправили туда в товарных вагонах. Я была такая слабая, что от станции до лагеря другие заключенные вели меня под руки.

Запомнилось, как в лагерь пригнали евреек и почти голых оставили на морозе. Многие из них умерли прямо на плацу. За городом было кладбище, но заключенных там хоронить не разрешали, их бросали на мусорную свалку. Вот туда мы и свозили умерших, иногда еще теплых.

В этом лагере у нас была врач из военнопленных, киевлянка Анна Ивановна, хороший, отзывчивый человек. Весной она и трое заключенных бежали, но заблудились в горном лесу. Их поймали. На плацу у нас на глазах страшно били. Так продолжалось несколько дней подряд. Пить-есть им не давали, а нам не разрешали плакать. Особенно издевались над Анной Ивановной, били ее наганом по голове. Она умерла на пятый день, а лагерь-фюрер приказал выдрать у нее золотые зубные коронки.

Вскоре к лагерю стали приближаться американские войска, и нас гнали куда-то девять дней. Кто не мог идти, того пристреливали. Ночевали в болоте. Говорили, что хотят затопить на баржах. Нам удалось убежать. Прятались в лесу, ели гнилую картошку, выкопанную в поле. Это продолжалось почти месяц. Когда пришли американцы, нас собрали в один лагерь, открыли кухню, стали кормить, а потом передали советской стороне, и наши муки закончились. Мы вернулись больные. Пока были молодые – работали. А теперь, в старости, все страшные испытания дают о себе знать»¹.

* * *

Родилась я и проживала в годы войны в деревне Княжное Починковского района Смоленской области. Когда началась война, мне еще не исполнилось 16 лет. Этот день, 22 июня 1941 года, навсегда останется в памяти. Мы, как и все подростки того времени, в дни школьных каникул трудились в колхозе и шли стайкой к конторе, чтобы получить наряд на предстоящий рабочий день. Вдруг со стороны сельсовета бежит наш сосед Женя Ковалев и во весь голос кричит: «Война! Война!». Мы опешили, попросили рассказать подробнее. Он сообщил о бомбежках городов и наступлении немцев, что бои идут на Соловьевой переправе на Березине.

В этот же день была объявлена мобилизация, и мой отец (он был бригадиром), вместо того чтобы дать нам наряд, стал собираться на войну и оповещать других, так как к восьми утра следующего дня нужно было быть на сборном пункте в районном центре в 15 километрах от деревни.

¹ Тарасевич О. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 8 августа 2006 года.

65-летию Великой Победы посвящается

Так начались военные будни. Старшие были мобилизованы на эвакуацию колхозного стада в тыл, а мы, подростки, продолжали работать в поле. На всю деревню остались дед-инвалид – секретарь сельсовета. Он и руководил женщинами и подростками. Перед выходом в поле он нам наказывал, чтобы мы были бдительными и сообщали в сельсовет о всех подозрительных людях.

И вот произошел с нами такой случай. Мы занимались прополкой льна в двух километрах от деревни и вдруг видим: по дороге среди поля идет женщина в белом платочке в мужском костюме. Мы подбежали к ней и видим, что она в военной гимнастерке под пиджаком и солдатских ботинках. Мы ее расспросили, кто она и куда идет, и отпустили. Потом, смотрим, наша бабуля свернула с дороги и бегом бросилась в рядом растущую рожь. Ну тут мы, верные долгу и наказу нашего Михалыча, догнали ее и повели в сельсовет. Секретарь, увидев эту картину, зашелся гомерическим смехом, воскликнул: «Ивановна, что попалась, не будешь шляться по полям в военной гимнастерке и солдатских ботинках». Мы, конечно, сконфузились, но он нас похвалил и просил и впредь быть бдительными.

Еще был случай, который тоже кажется смешным, но в то военное время принимался вполне серьезно. В сельсовет поступили сведения, что в соседнем лесу спустились парашютисты. И вот нас, всю молодежь и подростков, собирают на поиски диверсантов, где-то человек около 80, и ведут прочесывать этот лес. Мы выстраиваемся в длинную шеренгу и прочесываем лес, ищем шпионов. Конечно, никого не нашли, будут они нас там дожидаться!

18 июля в нашей деревне появились немецкие мотоциклисты, проехали по деревне и скрылись. Вскоре пал Смоленск. В эту ночь в деревне никто не спал, под Смоленском стояло огромное зарево, и был слышен несмолкаемый гул и грохот.

Немецкие части появились в нашей деревне тогда, когда начались бои за Ельню. Сначала в деревню прибыло много беженцев из-под Ельни, потом, когда Ельню опять взяли наши, отступающие немцы появились в нашей деревне. Нас гоняли по несколько семей в одну хату, а сами занимали освободившиеся. Кур, свиней – все позабирали, требовали молоко. Заставляли наших бабушек и матерей пережаривать в русских печах их белье, так как у них было много вшей, они их буквально съедали. Зимой гоняли молодежь чистить большак от снега, чтобы могли пройти их машины.

Зима 1942–1943 года была очень холодной. В деревне началась эпидемия сыпного тифа. Это спасало ее обитателей от воинских немецких частей. Они объезжали тифозные дома и деревни. На двери домов вешали таблички «тиф», где есть и где нет, это срабатывало – и они не заходили в дома, ехали дальше.

Тиф унес многие жизни, особенно пожилых людей. Умерли мои бабушка и дедушка, им было по 65 лет. Лечились, в основном, отваром полыни, она снижала температуру.

Наступило лето 1943 года. Начало жатвы хлебов. Продолжали всей деревней сеять, растить и убирать хлеб и картофель. Было нам уже почти по 17 лет. Мы вместе с матерями работали на жатве ржи серпами. 2 августа 1943 года к нам в поле приехал всадник на лошади из комендатуры и сообщил, что молодежь 1925 года рождения должна явиться 3 августа к 4 часам дня с набором еды на три дня и вещами в районный центр. Так наступил черный день в нашей жизни. Было сделано предупреждение: у того, кто посмеет не явиться, будут расстреляны родители.

Нас оказалось 9 человек – 4 парня и 5 девушек. И много было молодых людей с окрестных деревень.

Наступило 3 августа. В центр деревни подали 5 подвод, запряженных лошадьми. Провожала вся деревня, все шли пешком километра два, плач стоял по всей округе: рыдали мы, рыдали близкие, рыдала вся деревня.

В 7 часов вечера, после регистрации в комендатуре в районном центре (Починок) нас погрузили в товарные вагоны, как селедку. Сидели на своих мешочках впритык друг к другу. Одна дверь вагона была закрыта, а у другой сидел немецкий солдат с автоматом. Прибыли в Смоленск в 9 вечера. Пешком погнали к областной больнице километра два от станции. На фасаде здания надпись огромными буквами: «Общежитие для отъезжающих в Германию». Нам стало жутко от этой надписи и мы, девушки, опять разрыдались. Тогда начались наши скитания по двухэтажным нарам.

Вечером мы вышли на улицу и сели на бордюр от бывшего круглого фонтана. Стали обсуждать вопрос, можно ли отсюда сбежать. А вокруг стоят танки, машины, огромные тягачи, и солдатни тьма-тьмушая, офицеры – не меньше. Поговорили, поговорили и пришли к выводу, что сбежать не удастся. Во-первых, нас сразу же поймают; во-вторых, никто из нас до войны ни разу не был в Смоленске и где из него выход никто не знает.

65-летию Великой Победы посвящается

Утром следующего дня нас опять пешком погнали в баню и санприемник. Тут мы получили очередное моральное и физическое унижение. Пока наша одежда жарилась, мы голышом сидели в огромном предбаннике, нас было около 100 человек. И вот залетает солдат и начинает поливать эту голую толпу, гонять из угла в угол, а у открытой двери стоит группа солдатни и ржут как жеребцы. Так он поливал до тех пор, пока не вывезли нашу одежду. Она была горячей после санпропускника – это нас спасло от простуды, так как мы уже посинели от продолжительного душа водопроводной водой.

5 августа нас погрузили в товарняк с вооруженным солдатом у двери. Прилечь можно было только на плече друг друга. Эшелон, около 20 вагонов, двинулся на Запад.

*Застучали колеса по рельсам.
Было только без четверти семь.
Этот день, я умру, не забуду
Может быть, расскажу о нем всем.
Смоленск быстро из глаз исчезает,
Весь сожженный, любимый, родной,
Синей лентой Днепр пробегают,
Провожая нас быстрой волной...*

Эти стихи писались во время возвращения. А тогда. Эшелон мчался с такой скоростью, что гудело и звенело все вокруг от грохота вагонов и свистящего ветра. А по обочинам железнодорожного полотна груды пущенных под откос товарных и пассажирских поездов, некоторые даже еще дымились. Наши партизаны хорошо постарались. И вот мчится наш состав ночью. Мы не спим, а чуть дремлем. А в голове такая мысль: что вот-вот и наш состав полетит под откос. Но, видимо, наши знали, кого везут в этих товарняках – немцы предпочитали пассажирские вагоны. И так за двое суток мы долетели до границы.

Разгрузка, санпропускники, дезинфекции, медкомиссии, чтобы мы не завезли в их чистенький Рейх какие-нибудь болячки и насекомых. Через день снова товарняк – и повезли нас уже по территории Германии. Здесь не гнали с такой скоростью, как по России, подолгу стояли, пропуская поезда и электрички. Какие города проезжали, не отложилось в памяти. Запомнился только город Дрезден. Здесь нам впервые за весь путь вручили по кусочку немецкого хлеба, величиной с ладонь, намазанного маргарином.

Так мы узнали, что такое немецкий бутерброд. А так мы всю дорогу питались сухарями, взятыми из дома, смачивая их водой, набранной на стоянках в бутылки. В Дрездене нас даже выпустили из вагонов, зная, что мы здесь уже не убежим, и мы даже поднялись на железнодорожный мост, с которого увидели огромный мрачный город с островерхими крышами. Нас ничто не удивило и ничто не поразило – нам было безразлично.

После Дрездена нас привезли в Австрию, сначала в город Тироль, потом в Зальцбург. В Тироле мы днем шли пешком со станции по городу до барачных, огромная колонна уставших, униженных юношей и девушек, с холщовыми мешками, в простой русской одежде и почти голодных. По обочине дороги стояли горожане и смотрели на это зрелище. Нам было очень больно, что на нас смотрят, как на дикарей, но впереди нас ожидало еще множество таких же унижений.

Через день – опять по вагонам теперь уже пассажирского поезда. И нас привезли в город Зальцбург на биржу труда. Здесь нас окончательно продали в рабство. Прежде чем начать торговлю, перед нами выступил русский по фамилии Пятаков. Он поздравил нас со «свободой» и прибытием в цивилизованную страну, где нас научат хорошо работать, только нужно подчиняться своим хозяевам.

Всех построили рядами с проходами между ними, по которым стали ходить покупатели, в основном пожилые мужчины в шляпах с перьями, кожаных штанах и с плетками в руках, которыми они время от времени похлопывали по своим высоким ботинкам. Наших мальчишек сразу купил всех один хозяин, как потом оказалось, владелец железобетонного завода. Бараки, двухэтажные нары, вокруг колючая проволока под током, на выходе часовая с оружием и овчаркой. Выход за пределы только по разрешению коменданта и по пропускам. Работа по 12 часов, без рукавиц и спецодежды. Еда – брюквенная баланда и мизерный эрзац хлеба.

Нам, девушкам, в этом смысле повезло: нас купили «бауэры», по-современному, наверное, фермеры. Две наших подруги были куплены богатым хозяином, у которого в горах располагалось несколько домов и ферм и около 400 голов крупного рогатого скота и несколько десятков русских рабов. Меня с моей подругой, с которой мы не теряем связь до сих пор, купила маленькая хрупкая женщина 35–38 лет, хозяйка мелкой фермы. Двухэтажный дом, 15 коров, сколько-то гектаров земли и леса. Мою подругу она ку-

65-летию Великой Победы посвящается

пила для владельца мельницы, пекарни и хлебного магазина, заплатила по 35 марок за каждую. Ферма была расположена высоко в горах – в трех километрах от центра деревни Эбенау.

В мои обязанности входило: встать в 6 часов утра, вычистить коровник, вымыть коровам хвосты, задать корм, подоить их всех, почистить, заменить подстилку, напоить, перегнать молоко через сепаратор, вымыть его и посуду – и все это по три раза в день. В промежутках между работой в коровнике вместе с другим батраком работала в поле: косила сено и траву, накладывала на арбу, жала серпом рожь и пшеницу, пилила и колола дрова, мыла полы, стирала белье, выполняла много всякой другой работы. Вечером в 8 часов еле притаскивала ноги на второй этаж дома, где стояла моя кровать. Комната не отапливалась зимой, стены были покрыты инаем. Хотя зимы там мягкие, но бывали и морозы до 20 градусов и выпадало очень много снега. Единственное, что давало силы для такой работы – это еда, питалась с одной кухни с хозяевами. Пища, в основном, молочная и мучная. Овощи совсем не выращивали. Картофель тоже дефицит, только по выходным дням, так же как и мясо.

Бедные наши мальчишки очень голодали, и мы им по возможности помогали. Выпросим хлеба у хозяек, еще приворуюем и спрячем в лесу по дороге в Зальцбург. Отпросимся на целый день и пешочком 15 км до Зальцбурга – немного их подкормим. Среди них был и мой двоюродный брат. Один раз за два года его отпустили, и он пришел ко мне. Спасибо, хозяйка отнеслась по-человечески, накормила и дала с собой хлеба.

Еще нам почти месяц пришлось подкармливать троих наших военнопленных. Где-то в апреле 1945 года нам сообщил знакомый поляк, что в лесу, в заброшенной мельнице, прячутся беглые русские военнопленные, и они голодные. Мы их подкармливали, ворую у хозяев хлеб и муку. В моей комнате лежал хлеб и стоял ларь с мукой. Мука, конечно, незаметно отбирается. А хлеб – хозяйка стала уже что-то подозревать... Но, слава богу, это было в конце войны – все обошлось. Когда кончилась война, беглецы вышли из своего убежища, отъелись.

На память приходят несколько курьезных случаев, касающихся наших отношений с военной комендатурой. Мы должны были носить нагрудный знак «OST», но нам очень не хотелось ходить с этим клеймом, и мы пристегивали его через раз. По воскресе-

ням с 13 до 19 часов у нас был выходной, и мы встречались в центре деревни с друзьями. Однажды нас вызвали в комендатуру и предупредили, чтобы знак носили постоянно, иначе будем наказаны.

Второй случай. Моя хозяйка говорит мне: «Почему вы не ходите в церковь?» – там все жители, взрослые и дети, по воскресеньям ходят в церковь. Вот мы и пошли в одно из воскресений. В понедельник вызов в комендатуру и опять предупреждение: нам не разрешается ходить в церковь.

Третий случай. Хозяйка моей подруги спросила, почему мы в Зальцбурге ходим пешком, ведь ходит туда автобус. И вот в очередной раз в Зальцбург мы решили поехать автобусом. Благополучно проехали туда и обратно. Утром в понедельник нас опять вызывают к коменданту: «Вам категорически запрещается пользоваться транспортом!».

Так мы постепенно изучили свои обязанности, а вот прав мы никаких не имели, кроме работы.

И еще одно событие, после которого я чуть не покончила жизнь самоубийством, да и моя подруга тоже. Придя однажды с работы в поле, хозяйка мне сказала, что приходил полицейский из комендатуры и забрал мои письма, которые я получала от друзей и от брата. Я была в шоке и решила, что концлагеря мне не миновать: в письмах было столько злобы и «званий», данных Гитлеру, столько слов уверенности в том, что Красная Армия уже подходит к границе Германии, что немцы бегут и что Гитлеру скоро «капут», как говорили некоторые австрийцы. Никаких сведений о ходе войны мы ниоткуда не получали, радио и приемники у хозяев изъяли еще в 1943 году, а это был уже конец 1944-го. Мы просто чувствовали, что немцев гонят и что нас скоро освободят. И вот эти письма попали в руки военной комендатуры. Я совсем упала духом и решила повеситься, уже подготовила веревку и определила место. Потом вдруг пришло какое-то успокоение, как вроде кто подсказал: «Не торопись!» Это было в пятницу. И я, успокоясь, решила: если в субботу не придут, в воскресенье встречусь с друзьями – и тогда решим, что делать. В воскресенье мы встречались в отеле, где работала одна украинка. Захожу, а она улыбается и протягивает мои письма. Я глазам своим не поверила и расплакалась уже от радости и от всего пережитого за эти два дня. Я тут же бросила их в горящую на кухне печь.

65-летию Великой Победы посвящается

Жизнь продолжалась, и нас не покидала надежда на освобождение. Освободили нас не наши войска, а американские. Это произошло 5 мая 1945 года. Я работала в поле и вдруг вижу на близлежащих домах стали вывешиваться белые флаги и по дороге помчались мотоциклы с солдатами в какой-то незнакомой форме. Только на следующий день утром мы узнали, что в центр деревни прибыли американские военные части. Через несколько дней они покинули деревню, установив новую австрийскую власть. Все те, кто служил в военной комендатуре, быстро сменили военную форму на гражданскую и как ни в чем не бывало стали служить на прежнем месте.

В ночь с 8 на 9 мая нас вдруг разбудил страшный грохот, стрельба, сверкание прожекторов. Мы все собрались на кухне, замаскировали окна, думали, что где-то в горах засели немецкие части. И американцы их добивают. Вскоре все стихло и воцарилась тишина. Утром хозяйка уехала на велосипеде в центр деревни и привезла долгожданное известие: стрельба была по случаю окончания войны. Вот так наступил для нас долгожданный День Победы.

Потекли дни мирного времени, мы продолжали работать и были в растерянности: что нам делать? Вспомнят ли о нас наши, или мы так и останемся прозябать в этих альпийских горах и лугах, которые, конечно, очень красивы по-своему в разное время года? Только природа поднимала настроение, особенно луга – этот сплошной ковер цветов всех расцветок и форм. Но думы, мечты были там, в родной России.

Прошел месяц мирного времени и никаких вестей. И только 14 июня пришло сообщение из новой комендатуры, что 15 июня к 9 часам утра мы должны явиться с вещами к комендатуре. Просидели мы там почти целый день. В 16 часов прибыли американские грузовики и нас, человек 20 русских и украинцев, повезли в Зальцбург к баракам с колючей проволокой. Мы уже расстроились, что теперь попали в американский лагерь. Но вдруг из ворот выбегают наши знакомые и друзья, с которыми прибыли на чужбину. Оказывается, они уже в этом лагере два дня и здесь наши военные занимаются репатриацией советских людей. Вечером должен был отправиться эшелон в нашу зону оккупации, нас включили в списки. Вскоре началась погрузка в вагоны, опять товарные, но только с нарами, на которых можно было спать.

В каком-то городе наших парней высадили и пешком погнали в воинскую часть для службы в Армии. Нас через несколько дней привезли в город Сантмараген. Опять немецкие бараки и двухэтажные нары. Это был проверочно-фильтрационный лагерь. Здесь нас допрашивали, проводили медицинские комиссии. Как нам потом стало известно, это были представители КГБ. Здесь мы прожили до конца июля, за пределы лагеря не выпускали, опять жили месяц за колючей проволокой с часовыми у ворот, но только нашими, советскими часовыми.

После всех проверок погрузили опять в товарные вагоны с нарами. Здесь уже были только смоленские девушки. Поезд шел через Венгрию и Румынию.

Прошел неофициальный слух, что нас везут в Крым – в селения высланных татар. Никто его не опровергал, но и не подтверждал. По дороге во время стоянок мы опустошали придорожные сады с абрикосами, сливами. Иногда стояли на станциях по несколько часов и даже суток. Рядом стояли эшелоны с демобилизованными солдатами, большинство из которых к нам относились с пониманием и добром. Но были и такие, которые нас оскорбляли, унижали, обзывали грязными словами. Однажды даже пришлось звать на помощь коменданта поезда, который уже хотел снять обидчика с эшелона, но тому повезло: эшелон его двинулся и он уехал в обнимку с венгеркой.

Запомнился переезд эшелона через Дунай по пути в Будапешт. Поезд шел тихо-тихо. Была ночь, светила луна, тихо плескалась река, вдали плыл маленький катерок, и с него раздавалась песня «Прощай, любимый город...». Это была первая советская песня, которую мы услышали после двухгодичного отрыва от Родины. В Будапеште мы стояли целый день, даже побывали у памятника нашим танкистам, погибшим при освобождении города. Как потом оказалось, под Будапештом в апреле 1945 года погиб мой дядя Г. Ф. Фокин, тоже танкист, Герой Советского Союза. Фамилий на памятнике не было.

В начале августа мы прибыли в город Сегед, нас разгрузили и поселили в брошенных жителями при отступлении немцев домах. Здесь мы жили до середины сентября. Иногда посылали нас убирать продуктовые склады и нам там давали дополнительный паек – по банке американских консервов: суп гороховый, каша, чай. А витамины мы собирали в садах, которые были за рекой, часто

65-летию Великой Победы посвящается

нас там гоняли деды в длинных белых рубахах и овечьих папахах, но мы почему-то никого не боялись и продолжали ходить за яблоками. Потом подросла кукуруза, и мы стали ее варить в ведре на костре и подкрепляться.

Однажды нам поменяли батальонного командира – все были разделены на батальоны и он начал нас каждый день обучать строевой подготовке: маршировали по улице строевым шагом с песнями. Это длилось около недели, пока не узнал вышестоящий командир, который приказал прекратить и наказал нашего батальонного.

В середине сентября поступил приказ двигаться пешком на станцию, но погрузку в вагоны отменили и мы еще несколько дней жили в палатках. Было здесь очень беспокойно. Вокруг бродили какие-то непонятные мужчины: некоторые в гражданской форме, некоторые в зеленой американской, пожилые и совсем юноши. Кто они, откуда приехали и куда их везли, никто нам не докладывал. Жили они здесь же в палатках. Многие из них кавказской наружности. Нам командир наказывал, чтобы по одному нигде не ходили, даже на кухню за обедом. Вот здесь нам опять стало страшно – уже среди своих.

Наконец поступила команда «по вагонам». Уже в пассажирском поезде, по два человека на полке, и даже на третьей, мы ехали в последнем эшелоне. Больше нас нигде не высаживали, и мы продвигались сравнительно быстро. Проехали Румынию. Из наших приграничных городов запомнился город Черновцы. Со стороны Брянска ночью мы прибыли в Смоленск. Освещения почти не было. Зашли во временный деревянный вокзал и сами себе не верили, что мы уже дома. Это было 1 октября. Когда стало светло, мы не узнали город, потому что его совсем не было, он весь лежал в развалинах, уцелел только собор, который сиял своими куполами среди руин разрушенного войной Смоленска. Уже самостоятельные, свободные люди, мы сели в пригородный поезд до нашей станции Починок. Денег на билеты у нас не было. Спасибо доброй русской проводнице: она нас провезла без билета. В Починке мы случайно встретили мою тетю, которая приехала на лошади за каким-то грузом. Здесь мы узнали, что наши родные отцы и братья сложили свои головы, освобождая нас. Ни у одной из четырех моих подруг не осталось отцов и братьев. В деревне только старики, женщины и подростки. У моей бабушки погибли шесть сыновей, два зятя и два внука.

На второй день нашего приезда прибыл из района сотрудник КГБ и опять начались допросы: все допытывался, почему мы не сбежали, а дали себя увезти... За октябрь мы помогли родителям убрать картофель и с 1 ноября, 20-летние девушки, пошли в 9-й класс. У меня остался пятнадцатилетний брат, и он мне сказал: «Иди, сестра, учись, а я буду работать, а потом будет видно». Я окончила 10 классов и поступила на годичное отделение Зубцовского библиотечного техникума, получила направление на работу в библиотеку с. Каспля Смоленской области. Меня принимала на работу инспектор отдела кадров культуры, а когда вышел из отпуска заведующий, он упрекнул инспектора, что приняли на работу репатриантку.

В 1954 году я окончила институт культуры, вышла замуж и переехала в город Новошахтинск. Работала в библиотеке имени Горького библиотекарем, заведующей читальным залом, заведующей библиотекой, директором централизованной библиотечной системы. Отдала библиотечному делу 51 год своей жизни. Никогда не пожалев об избранной профессии – отдавала работе всю свою душу и сердце. На протяжении всей трудовой деятельности занималась общественной работой. Была два созыва депутатом горсовета, 10 лет – председателем женского совета, членом городской комиссии по делам несовершеннолетних, 12 лет – ответственным секретарем городского совета ветеранов. Награждена знаком Министерства культуры СССР «За отличную работу», почетной грамотой МК СССР, медалью «За доблестный труд к 100-летию В. И. Ленина», медалью «50 лет Победы», многочисленными грамотами обкома и облисполкома Ростовской области, областного управления культуры, городского отдела культуры, Администрации города¹.

* * *

Воспитывался Петр Павлович Кутищев без отца, мать работала дояркой, была великая труженица. Началась война... Под бомбежками гнали они совхозный скот, эвакуировали технику. Переправились через Дон и Донец, шли бескрайними и безводными кал-

¹ Котлярова. Л. Я. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 31 января 2005 года.

65-летию Великой Победы посвящается

мышькими степями, чудом спаслись от гибели при переправе через Волгу.

В январе 1943 года Кутищев ушел в действующую армию, начал свой боевой путь от стен Сталинграда. Было ему в ту пору семнадцать с половиной лет. Сначала был связистом, потом – зенитчиком – охранял небо на подступах к Ростову, затем после тяжелой болезни и госпиталя воевал в составе 87-й Перекопской стрелковой дивизии в матушке-пехоте. В 1944 году в Прибалтике шли жестокие кровопролитные бои. В Курляндскую группировку врага входили отборные эсэсовские части и предатели-власовцы, которым терять было нечего. 29 августа Кутищев был тяжело ранен, контужен, попал в плен. И начались для него «круги ада», продолжавшиеся целых восемь месяцев. Сначала в интернациональном концлагере «Гаммерштейн» в шталаге № 315. Был в ревире для больных и раненых, где врач-грузин и фельдшер из Винницкой области спасали заключенных, налаживая связи с американцами, французами, англичанами. У них доставали лекарства, продукты. Немцы «кормили» заключенных вареной брюквой и суточной нормой хлеба величиной со спичечную коробку. Здесь впервые в жизни увидел человека, нет, вернее, скелет, обтянутый пергаментной, почти прозрачной кожей, в котором еще теплилась жизнь. Каждый день из лагеря вывозили трупы умерших от голода, холода, побоев. Но и здесь были люди стойкие, сильные духом, которые старались поддержать других заключенных. Петру Павловичу особенно запомнился майор с оторванной ногой. Бледный, еле живой от потери крови, он нашел в себе силы, чтобы ободрить товарищей: «Победа будет за нами! Держитесь, ребята!».

Петр Павлович вспоминает, как после четырехмесячного пребывания в лагере при приближении советских войск немцы погналы узников, тех, кто еще мог двигаться, к Балтийскому морю, а с остальными, немощными, расправились. В дороге заболевших, падающих от голода заключенных пристреливали. Тогда Петр Кутищев еще не оправился от ран, но товарищи сказали ему, что надо идти любой ценой. На одном из переходов он почувствовал себя плохо: подкашивались ноги и кружилась голова. Он едва не упал, но чехи, которые шли рядом, подхватили его под руки, раздобыли санки и довели до немецкого имения. Эти же добрые люди дали ему поесть и возможность отлежаться, потом он сам нашел пристанище в конюшне, где согрелся и пришел в себя.

Однажды заключенных загнали на ночлег в сарай, где в углу они увидели мешки с сушеным кормом для скотины. Голодные люди бросились к ним и были встречены свинцовым дождем автоматов эсэсовцев-охранников. Та же участь постигла и смельчаков, посягнувших на яму с гнилой брюквой. Избивали и убивали за любую провинность, даже просто за непокорный взгляд.

Когда Петр Павлович рассказывал, у меня даже язык не повернулся спросить про побег. Но, оказывается, полуживой, голодный, он пытался бежать. Однажды удалось оторваться от колонны. Укрыли его русские девушки-невольницы. Но его нашли, жестоко избили свинцовой плеткой, едва до смерти не забили. Немного пришел в себя – снова побег. И вновь – неудача. Опять жуткие побои, издевательства. Только то, что был молод, и спасло, наверное, от смерти.

И вот он, берег Балтийского моря. Что ожидало пленников? Может, судьба ранее пригнанных невольников, которых грузили на баржи и топили вместе с ними в открытом море?

Но еще на марше при подходе к городу Вольгасте услышали звуки боя, а в самом городе увидели белые флаги, выброшенные немцами, а главное – наших солдат. Было это 28 апреля 1945 года. И великий этот день Кутищев запомнил на всю жизнь. Сначала самым заветным желанием было отомстить! Отплатить за все муки, за погибших товарищей! Но когда они требовали зачислить их в действующую часть, на них смотрели с сочувствием: «Сначала окрепнуть надо, поправиться – ну, какие из вас, еле-еле живых, солдаты». Они рвались в бой, но война кончилась...

Петр Павлович служил еще до 1950 года. Затем был демобилизован в звании старшего сержанта. После войны тяжело болел – сказались последствия ранения и плена.

Он награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги», которая нашла солдата уже после войны... А третьей наградой Петру Павловичу стала его супруга Дарья Андреевна, которую знал еще до войны. А когда вернулся со службы и снова увидел Дашеньку, на других девчат и смотреть не стал. Она тоже хлебнула горяшка: в 16 лет была угнана на работу в Германию. В неволе, на чужбине много испытаний выпало на долю девушки. И каким счастьем было освобождение и возвращение на Родину, встреча с Петром!

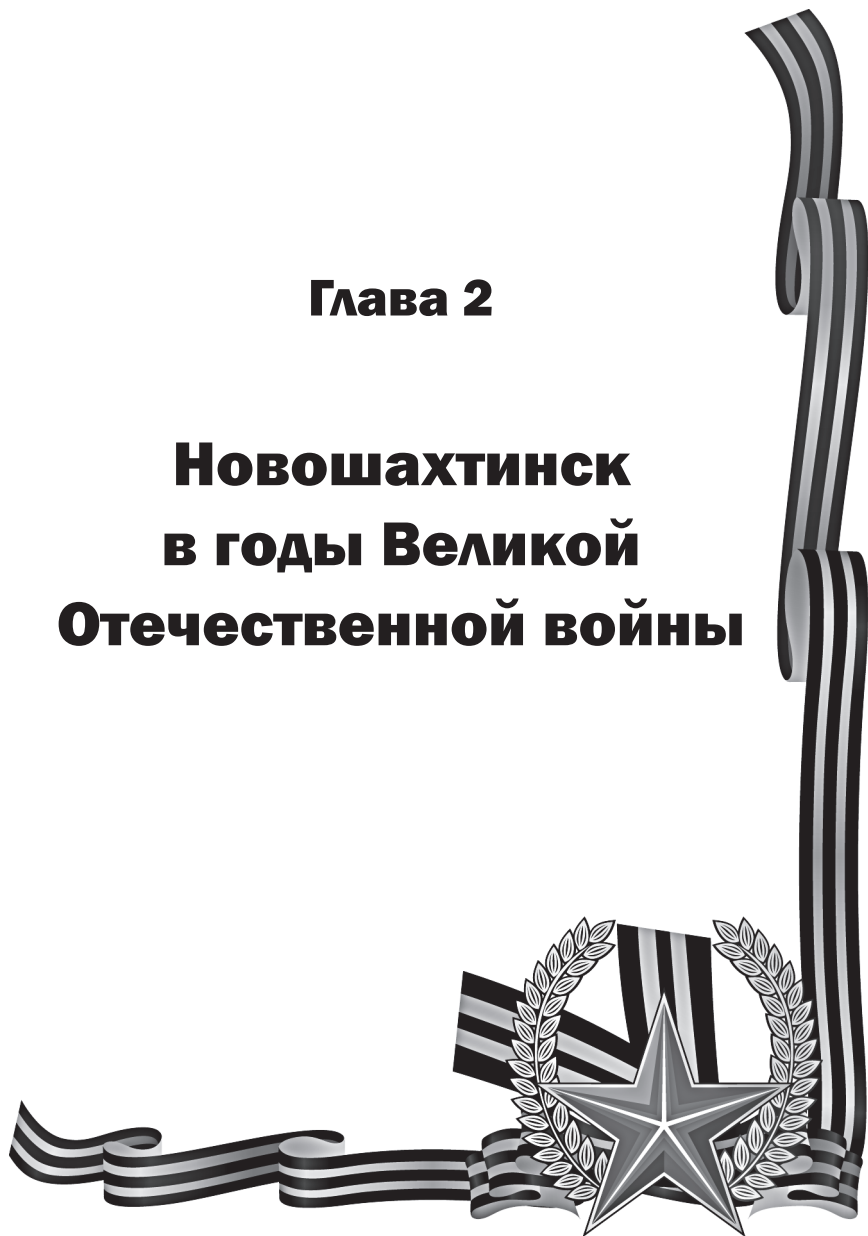
65-летию Великой Победы посвящается

Я смотрю на этих изумительных людей – Петра Павловича и Дарью Андреевну – и поражаюсь их жизнелюбию, стойкости, душевной щедрости. Да, это о таких людях поэт писал: «А почестей мы не просили, не ждали наград за дела. Нам общая слава России солдатской наградой была»¹.

¹ Тарасевич О. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

Глава 2

Новошахтинск в годы Великой Отечественной войны

65-летию Великой Победы посвящается

В первых числах октября гитлеровцы вплотную подошли к Ростовской области. Донские города и станицы подверглись ожесточенным бомбардировкам. 16 октября 1941 года после многодневных тяжелых боев, потеряв убитыми и ранеными 35 тысяч солдат и офицеров, немцы вышли на реку Миус и взяли Таганрог. Город Новошахтинск стал прифронтовым. Немецко-фашистское командование планировало нанести удар главными силами в общем направлении Новошахтинск – Шахты с последующим поворотом на юг через Новочеркасск на Ростов с тем чтобы окружить войска 9-й и 56-й армий и создать условия для выхода на Кавказ.

22 октября 1941 года к началу нового немецкого наступления 1-я танковая армия Клейста имела в своем составе 13 полнокровных дивизий, в том числе три танковые и четыре механизированные. Им противостояла сильно ослабленная в предыдущих боях 9-я армия Харитонова. Немцы превосходили ее по танкам и артиллерии в 2–3 раза. К западу от Новошахтинска упорно сражались 66-я кавдивизия, 30-я, 150-я стрелковые дивизии, 1-я и 2-я танковые бригады.

На речке Крепкой, а потом и на реке Большой Несветай разгорелись тяжелые бои. Противник ввел в бой 14-ю и 16-ю танковые дивизии, механизированную дивизию СС «Викинг» и мх-дивизию СС «Адольф Гитлер». Немцы старались во чтобы то ни стало прорваться к Новошахтинску. За четыре дня упорных боев немцы потеряли 146 танков, 54 орудия, 10 бронемашин и 9 тысяч

солдат и офицеров. К 8 ноября им удалось продвинуться всего на 36 километров и остановиться на рубеже сел Дарьевка, Болдыревка, Кутейниково, слободы Родионово-Несветайская. Клейст вынужден был отказаться от плана захвата Ростова через Новошахтинск и Шахты. 17 ноября танковая армия Клейста перешла в наступление на позиции 56-й армии. Дни, полные тревоги, переживали новошахтинцы. Несмолкаемый гул орудий, вражеские самолеты над городом, переполненные ранеными городская больница и школы, на западных окраинах – танки, стрелковые подразделения, на дорогах в город Шахты – много беженцев.

Предприятия, школы, учреждения прекратили работу. Началась эвакуация города. Дожливым днем 6 ноября 1941 года были взорваны все шахты, хлебозавод, водонапорная станция, другие предприятия. Над городом стояло зарево пожаров. Так прошло еще несколько дней, но немцы в город не вошли. Совместными усилиями 37-й, 9-й и 56-й армий немецкие танковые дивизии были разгромлены и к декабрю отброшены за реку Миус. 13 февраля 1942 года в город возвратились эвакуированные горняки, руководство города. Началось быстрое восстановление шахт. Шахта имени ОГПУ уже в марте стала выдавать уголь. Среди горняков развернулось соревнование двухсотников и трехсотников – за 200 и 300 процентов плана.

По почину горняков шахты имени Кирова рабочие ежемесячно стали отчислять в фонд обороны однодневный заработок. Население города внесло на эти же цели 317 тысяч рублей наличными деньгами. Женщины отдавали золотые кольца, броши, серьги. Тогда же новошахтинцы подписались на заем в 2 миллиона 135 тысяч рублей и собрали для фронтовиков 8178 единиц теплых вещей. В апреле 1942 года началось строительство оборонных сооружений у Новошахтинска.

Летом 1942 года немецкое командование решило нанести основной удар по войскам Брянского и Юго-Западного фронтов. Для этой цели они сконцентрировали здесь сотни тысяч солдат, 1260 танков, 1640 самолетов, 17 тысяч орудий и добились превосходства над нашими войсками в 2–2,5 раза.

6 июля 1942 года немцы прорвали оборону Юго-Западного фронта и углубились на 170 километров, а затем повернули на юго-восток. Создалась реальная угроза окружения войск нашего фронта. В этих условиях ставка Верховного Главнокомандования

65-летию Великой Победы посвящается

решила отвести войска Южного фронта из Донбасса, чтобы создать оборону за Доном.

Началась вторая эвакуация города. 23 июля 1942 года немецко-фашистские войска без боя вошли в наш город¹.

Черные дни оккупации

* * *

В первые же дни вражеского хозяйничания горожане, жители поселков сполна ощутили «новый порядок», в котором главным было слово «расстрел». Каждый житель должен был зарегистрироваться, а из того списка враги выбирали комсомольцев, коммунистов, активистов, передовиков производства, стахановцев, учителей, евреев, цыган и – на расстрел. От здания гестапо отъезжали машины с жертвами под конвоем полицейских. Их везли на полевой аэродром в районе поселка Кирова, к земляным капонирам, на Водобаки, в балку Бугултай. Над степью разносились отчаянные крики истязаемых людей, детский плач и все заглушающие выстрелы. Мольбы о пощаде женщин и детей палачей не трогали.

Вездесущие мальчишки (а сейчас они уже старики) видели, как из поселка шахты имени Горького полицаи гнали группы жителей на Бугултай, а те, завидев их, просили передать привет родным,

¹ Никитянский В. Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

сказать, что их ведут на расстрел. Полицейские прикладами, с бранью гнали своих же бывших товарищей на гибель.

Сейчас на том страшном месте в балке Бугултай две огромные Братские могилы, в одной лежат 2,5 тысячи, в другой – 950 человек...¹.

* * *

Когда немцы подходили к Новошахтинску, Евдокия была беременна седьмым ребенком. Многие из знакомых уже эвакуировались, но она не собиралась этого делать: в ее положении трудно в дороге, да еще и шестеро ребятишек вокруг. Старшая из детей, Вера, была маме помощницей, но все равно покинуть дом не решились. Глава большой семьи Ефим Васильевич Пивоваров работал на шахте имени ОГПУ, знал ее как свои пять пальцев и потому был оставлен руководством предприятия для выполнения ответственного задания: в случае прихода в город немцев ему предстояло взорвать шахту. Чтобы группа, возглавляемая им, могла после выполнения задания быстро покинуть город, в ее распоряжении должна быть машина. Но когда шахта была взорвана, исполнителей этого дела ждала подвода, запряженная лошадьми. Под Новочеркасском группу задержали немцы (как выяснилось позже, ее выдали свои же) и возвратили в город.

Вспоминает Елена Ефимовна (дочь Ефима Васильевича Пивоварова):

– От соседей мама узнала, что отец и все, кто с ним был, доставлены в город, содержатся в полицейском участке (он располагался в здании милиции). Мама и мы, трое старших детей, побежали туда. Нам удалось уговорить охранника, и папа на минуту подошел к окошку. Встреча была недолгой, но я запомнила ее на всю жизнь.

Ефима Васильевича долго били, заставляя назвать всех, его с ним был оставлен для выполнения задания, но он не сказал ни слова, даже тогда, когда узнал, что будет расстрелян и услышал фамилию того человека, который его предал.

Евдокии еще раз удалось увидеться с мужем и даже поговорить. Он понимал, что это их последняя встреча, но держался: подбад-

¹ Никитянский В. Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

ривал беременную жену и даже шутил. О том, сак погиб ее муж, Евдокии Степановне рассказал знакомый, работавший сторожем в полицейском участке:

«...На рассвете семерых человек вывезли в балку поселка Бугултай. Немцы отошли в сторону, и всей “церемонией” рьяно командовали полицаи, из своих же, местных. Они заставили мужчин вырыть себе могилу.

Когда к Ефиму подошел один из них, он шепнул:

– Земляк, пальни в воздух, я упаду. Дома шестеро ребятишек, жена беременна седьмым.

Какая была реакция “земляка” в ту минуту, неизвестно. Но как только могила была готова, Е. В. Пивоваров был расстрелян первым».

В ту же ночь, несмотря на горе, страх, свое положение, Евдокия решила похоронить мужа по-человечески и попросила самых близких людей помочь ей раскопать общую могилу.

Но не суждено было ее мужу обрести вечный покой в одиночестве: когда был снят слой грунта и женщина увидела тела, она потеряла сознание. Так и покоится ее Фима с июня 1942 года в Братской могиле поселка Бугултай.

А на плитах у братской могилы в горппарке, где покоятся расстрелянные фашистами новошахтинцы, среди сотен фамилий есть и его, Ефима Васильевича Пивоварова, простого рабочего шахты ОГПУ, отдавшего свою жизнь за счастье своей семьи и миллионов семей нашей Родины¹.

* * *

С моим свекром Петром Сергеевичем Гулевским я не была знакома: он погиб в годы Великой Отечественной войны, когда мой муж был еще ребенком. Но я знаю по рассказам его родных, людей, близко его знавших, каким незаурядным человеком он был, и светлая память о нем навсегда останется в моем сердце. Эту действительную историю о гибели П. С. Гулевского я знаю со слов его жены, моей свекрови Софьи Владимировны и других очевидцев тех трагических месяцев оккупации города немецко-фашистскими

¹ Желтобрюх Л. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 3 мая 2006 года.

захватчиками. Пусть узнают эту историю земляки П. С. Гулевского, послевоенное поколение новошахтинцев.

До Великой Отечественной войны Петр Сергеевич Гулевский работал на шахте имени В. И. Ленина (тогда – имени ОГПУ) треста «Несветайантрацит» начальником спецотдела. В октябре 1941 года, когда фашистские войска находились на подступах к Донбассу, горком КПСС и городской Совет депутатов трудящихся поручили начальнику горотдела НКВД создать боевую группу, на которую была возложена задача при отступлении из города наших войск взорвать шахты. Членом этой группы был и П. С. Гулевский. Дважды, 6 ноября 1941 года и 18 июля 1942 года, участники группы по команде работников НКВД взрывали несветайские шахты. В июле 1942 года после выполнения боевого задания П. С. Гулевский вместе с другими участниками группы был эвакуирован в тыл, но по пути попал в окружение и вынужден был вернуться в Новошахтинск. Но здесь, дома, он был предательски сдан фашистским оккупантам как коммунист и участник спецгруппы и вскоре казнен. Вместе с десятками других новошахтинцев – коммунистов, комсомольцев, учителей, просто жителей города, оказавших сопротивления «новым властям», он был расстрелян в балке Бугултай.

Накануне расстрела он сумел передать домой записку о том, что утром его поведут на расстрел. Софья Владимировна со старшим сыном (моим мужем) видели, как колонну арестантов вели на расстрел, более того, они прокрались вслед за нею к месту расстрела, спрятались в кукурузном поле и слышали доносившиеся выстрелы. Казнь производили не немцы, а предатели-полицаи, которые, сделав свое подлое, черное дело, уехали на лошадях. Моя свекровь и мой муж прибежали на место расстрела – слегка присыпанную землей свежую могилу, которая еще «дышала»: может быть, кто-то был еще живой, хотели разрыть ее, но не успели – показались немцы, которые подходили к месту казни.

Так погиб коммунист, до конца исполнивший свой гражданский долг, Петр Сергеевич Гулевский. Чудом осталась жива его семья. Софья Владимировна и четверо ее малолетних детей числились в списках на расстрел, который был назначен на 14 февраля 1943 года. Самому маленькому ее ребенку в ту пору был один месяц и 10 дней. К счастью, 13 февраля 1943 года немцы были выбиты из города, Новошахтинск был освобожден – спасены от расстрела сотни его жителей.

65-летию Великой Победы посвящается

Петр Сергеевич Гулевский похоронен в Братской могиле в поселке Бугултай, на стеле среди других имен жертв фашизма начертано и его имя. Каждый год родственники П. С. Гулевского в День Победы приезжают на Братскую могилу, чтобы возложить цветы, почтить его память...¹.

* * *

Детство и отрочество ветерана шахтерского труда Ивана Григорьевича Крумздорова выпало на военное лихолетье, на годы оккупации Новошахтинска. Ему и его семье, как и многим другим нашим землякам, пришлось многое пережить: голод, холод, страх быть угнанными в неволю или убитыми. Воспоминаний той поры хватило бы, пожалуй, на много рукописей. Вот только один из эпизодов, рассказанных И. Г. Крумздоровым в письме, которое он принес в редакцию нашей газеты.

Война войной, а мальчишки всегда остаются мальчишками, да к тому же в военное время они гораздо быстрее взрослеют. Несмотря на материнские запреты, они убегали из дому, чтобы пообщаться, побывать на водоеме, пообсуждать свои планы мщения ненавистному врагу. И вот однажды, вспоминает Иван Григорьевич, возвращаясь с реки, они встретили человека в мешковине, под которой он скрывал свою одежду военнопленного. Как потом выяснилось, это был учитель истории из Новошахтинска Тихон Иванович. Он участвовал в Сталинградской битве, был начальником штаба стрелкового батальона. В боях под Сталинградом Тихон Иванович был тяжело ранен. Пожилая женщина вытащила его из-под обвала и притащила к себе. Но немцы устроили облаву, многих тогда нашли и отправили в концлагерь. Военнопленные были вывезены для работы в каменный карьер. Оказался там и Тихон Иванович. В один из дождливых дней старик-пастух помог бежать старшему лейтенанту, бросив ему мешок, которым сам укрывался в дождливую погоду. Как Тихон Иванович добрался до Новошахтинска, одному богу известно. И вот тут он и встретился с мальчишками. Они и помогли ему найти надежное убежище. Им, детям военной поры, пришлось пережить немало, потому что каж-

¹ Гулевская В. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 13 февраля 2001 года.

дый их проступок мог навлечь на них гнев оккупантов и караться смертью.

– И как же мы ликовали, – говорит Иван Григорьевич, – когда наши части освободили Новошахтинск, и гордились этой победой, потому что и себя считали чуть-чуть причастными к ней. Хочется, чтобы наша молодежь знала правду о страшных днях войны и с уважением относилась к ее ветеранам. Много правды о войне не бывает¹.

* * *

Каждый день, задолго до того как по радио передавалась сводка Совинформбюро, у единственного в центре Новошахтинска громкоговорителя в парке собиралось множество народу. Новошахтинцы спешили услышать известия о ходе сражений на фронтах Великой Отечественной. В толпе среди взрослых неизменно кружились как-то в одночасье посерьезневшие, возмужавшие подростки, заменившие на шахтах, в мастерских своих ушедших на фронт отцов и братьев. Был среди них и 12-летний паренек Валентин Молчанов. В 1941-м, когда началась война, он только закончил четвертый класс.

В семье Молчановых было семеро детей. Валентин был средним. И когда двое старших братьев ушли на фронт, он остался в семье за старшего. О продолжении учебы думать было некогда: надо было зарабатывать на хлеб своим младшим братьям и сестре с матерью.

Страшные дни оккупации Валентин пережил наравне со взрослыми. Тревожные, черные дни, о которых еще и теперь нельзя вспомнить без слез и душевной боли. И тем радостней было освобождение, принесенное жителям Новошахтинска 32-й кавалерийской дивизией генерал-лейтенанта Чудесова 13 февраля 1943 года.

С первых дней освобождения новошахтинцы дружно взялись за восстановление родного города. Работа предстояла большая. Были разрушены шахты, не осталось не одной шахты, которую оккупанты не превратили бы в хлев. Пришло в негодность электрическое хозяйство, не работал водопровод. Бездействовали хлебозавод, маслобойня, мельница. Надо было возобновлять работу радиоузла, почты, телеграфа.

¹ Шевченко Г. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

Валентин, которому в то время исполнилось 15 лет, пошел работать в металлоремонтную мастерскую горпромкомбината. Выполнял всякую работу: лудил кастрюли, чинил замки, шил чужаки. Пока мастерская была в центре города, работы хватало. А после того как ларек перенесли в район бывшей шахты № 3, люди заходили реже, работы стало меньше и начальник горпромкомбината забрал Валентина к себе конюхом. Обещал, что работа будет временная, потом, мол, подыщем что-нибудь посерьезнее. Но прошел месяц, другой, а изменений не происходило. Валентин Иванович вспоминает:

– Надоело мне лошадям гривы чесать, пришел как-то к начальнику, говорю: так, мол, и так, не хочу такой работы, отказываюсь. А он ни в какую – грозить стал за неподчинение. На мое счастье, в кабинете кузнец как раз сидел и разговор наш слышал. Говорит начальнику: «Да ты погоди. Слышишь, хлопец, пойдем ко мне молотобойцем? Мне как раз подручник нужен».

Так пошел Валентин в кузню. Работал с дядькой Сашкой – цыганом до самого 46-го. Наставник он был хороший – дело свое выполнял мастерски и Валентина всему учил. Вместе они дружно работали, как теперь говорят, без рекламаций.

В. И. Молчанов работал на победу в тылу. Есть у него память о тех днях: в 1946 году В.И. Молчанов был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»¹.

* * *

Что запомнилось мне, пятнадцатилетнему пареньку, проживавшему в то время в западной части города.

В 1941 году военные части оккупантов подошли к Новошахтинску на близкое расстояние, а в поселках Кирова и Тельмана уже была немецкая разведка на мотоциклах. В поселке Кирова немцы, забежав во дворы, похватили кур, яйца и, убив одного человека, помчались дальше. И такие набеги на дворы жителей случались постоянно. Это происходило в сентябре – октябре 1941 года.

Был приказ руководителя Советского государства И. В. Сталина не оставлять врагу ни килограмма зерна, ни литра бензина. Были созданы подрывные бригады, которые должны были выполнять

¹ Давыдкина С. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

этот приказ, и мощные взрывы, которые они производили, мы слышали еще до оккупации города.

Мы, группа пацанов, бежали на железнодорожную насыпь вблизи шахты «Западная–Капитальная» и наблюдали за печальной картиной: после взрывов летели в воздух копры и административные комбинаты шахт. Многие шахтеры плакали при виде разрушенных шахт.

После войны мне довелось встретить одного из взрывников Матвея Кирилловича Зенкина. И он мне рассказал, как до слез было больно и жаль взрывать свою родную шахту № 5 (он был на ней начальником добычного участка).

Почти год шахтеры оставались без работы. Некоторые из них эвакуировались на Урал и в Сибирь. Но при эвакуации переправа через Дон бомбилась немецкой авиацией, многие погибли, некоторые вернулись назад.

С 23 июля 1942 года город был оккупирован немцами. С первых дней установили комендантский час, с вечера до утра по всем улицам ходили патрули. В вечерние часы жизнь горняцких поселков замирала. Началась мобилизация молодежи на работу в Германию. Был объявлен добровольный прием на службу в вермахт. Вскоре появились в людных местах – на базаре и у магазинов – красочно оформленные плакаты, призывающие добровольно вступить в казачьи отряды генерала Краснова, который находился в Берлине.

В дни оккупации началась регистрация коммунистов и комсомольцев в гестапо, после чего были аресты, пытки и расстрелы. Погибали люди и по заявлениям, от рук предателей.

Вот и наша семья оказалась в числе неблагонадежных. Отца дважды вызывали в полицию. В то время старший мой брат Николай уже был в Красной Армии. Мы, трое братьев, работали в школе, где отец был завхозом.

Брат Николай закончил войну в звании старшего лейтенанта, стал инвалидом после прорыва блокадного кольца у Ленинграда, брат Иван погиб в Карпатах (село Заболотное) в звании младшего лейтенанта. А мне, автору этих строк, также пришлось служить в Советской Армии с 1944 года по март 1953 года...¹.

¹ Алейников П. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

* * *

Татьяне Кирилловне Котовой в годы Великой Отечественной войны во время оккупации Новошахтинска фашистскими войсками было 13 лет – а детская память цепкая – до сих пор помнятся в деталях многие события тех дней. Помнит, к примеру, как при отходе наших войск эвакуировали из города людей, угоняли скот, вывозили оборудование. Помнит, как содрогнулся городок от мощного взрыва: это «залпом» одновременно взорвали шахты, чтобы не служили они гитлеровцам после отхода наших войск. Как колонной, на подводах, по улице Центральной, ныне Ленинградская, мимо ее дома шло немецкое воинство: рукава гимнастеров засучены по локоть, в руках автоматы...

Один из вояк, соскочив с подводы, вошел на подворье и потребовал:

– Матка, дай яйца, молоко.

Помнит, как прятала ее семья от угона в Германию шестнадцатилетнего брата Петра. Не раз врывались в дом выродки-полицейские по чьему-то доносу и допытывались: где Петро? Как жители поселка выходили встречать наших военнопленных, чтобы передать им хлеба, картошки, капусты. Их тогда содержали в концентрационном лагере близ шахты № 5 и по утрам гнали на работу. Немцы не разрешали передавать военнопленным продукты. Одну женщину, пытавшуюся это сделать, даже расстреляли. Но и это не остановило горожан. Они раскладывали продукты прямо на дороге, и военнопленные их подбирали. Тяжко это было видеть...

О дне освобождения Татьяна Кирилловна говорит:

– Это было в ночь с 13 на 14 февраля. До этого над городом зачастили наши самолеты. Не переставая, гремела артиллерийская канонада. Бои шли где-то возле поселка Шахтенки. Немцы нервничали, грузились на машины, подводы. В городе уже знали о разгроме немецких войск под Сталинградом. В тот день мать меня послала с утра к тетке на «27-й километр». Сейчас не знаю, как эта улица называется. Стоял плотный туман. Зима выдалась снежной и холодной. И вдруг из тумана появляется воинская колонна. Сразу сердце екнуло. Это же наши! Я бежала к тете и кричала: «Наши, наши пришли!». А о том, зачем меня посылала мать, вовсе забыла. Не до этого было! Наши передвигались на лошадях, тянули за собой пушки, телеги, груженные снарядами. Одеты были тепло, добротнo. Вот как это было. А дня через три брат мой, Петр

Котов, приписав себе один год к возрасту, добровольцем ушел вместе с войсками на фронт. Воевал до конца войны. Вернулся израненным, но живым, с боевыми наградами. Потом долгие годы работал на шахте «Несветаевская». Институт закончил. Его до сих пор добрым словом там вспоминают. Светлая ему память!¹.

* * *

Во время оккупации немцами нашего города в 1942 году в Новошахтинск были пригнаны пленные советские солдаты и офицеры, которых временно разместили во дворе хлебозавода. Пленные были плохо одеты и практически разуты, голодны. Группа женщин-патриоток из центра города, организованная Марией Пономаревой, решила помогать пленным чем только возможно.

Часть пленных удалось освободить, обманув немецкую охрану. Как это сделали?

Женщины заверили, что среди пригнанных в наш город есть их мужья и братья. Немцы им поверили, отпустили пленных, которых новошахтинцы отвели в свои дома, приютили, накормили. И когда освобожденные уходили, чуть отдохнув, они тепло благодарили своих спасительниц.

Затем лагерь военнопленных советских солдат и офицеров был переведен в среднюю школу № 1, а территория вокруг школы, вплоть до Дворца культуры шахты имени В. И. Ленина была огорожена колючей проволокой.

Однако это не остановило патриотов. Они умудрились с большим риском для жизни передавать не только воду, одежду, но и инструменты, которые использовались для разрушения заграждений, перекусывания проволоки, для побегов.

Вместе с Марией Пономаревой жизнью рисковали Александра Дубинская, Александра Ковшарь, Юлия Андреева, Анна Кошлякова и многие другие. Спасибо им сердечное!

Сразу же после освобождения города в здании средней школы № 1 был размещен полевой передвижной госпиталь № 35–43. И снова Мария Пономарева первой пошла в него работать, а вместе с ней – Е. Чернецова и другие новошахтинки. Им доводилось

¹ Лисицын В. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 12 февраля 1999 года.

65-летию Великой Победы посвящается

хоронить умерших в госпитале солдат и офицеров за городом, у балки Соленой...

Вот выдержка из письма солдат и офицеров, чьи жизни спасли новошахтинские женщины-патриотки:

«Дорогая Мария Ипполитовна и другие женщины, спасшие нас от смерти! Спасибо вам еще раз от всех, кого касались руки русских женщин, перевязывавших нас, спасших от смерти в госпитале № 35–43. М. Петренко, А. Якубов, В. Смекалкин».

В 1986 году состоялась незабываемая встреча через 43 года: в наш город приехали на встречу со своими спасительницами капитан А. Якубов и бывший разведчик В. Смекалкин¹.

* * *

Мальчики военного лихолетья... Вы выросли очень быстро. Сколько смертей видели ваши глаза, сколько горя прошло через ваше сердце! Тебе, папа, было 12 лет, когда Новошахтинск был захвачен фашистами. 206 дней длилась для наших земляков мрачная ночь гитлеровской оккупации.

Вы, пронырливые и шустрые мальчики, знали многое: что немцы безжалостно расправляются с теми, кто отказывается на них работать, что расстреливают даже просто за то, что ты русский. Люди говорили, что расстрелы происходят за городом, и даже видели рвы, заполненные трупами, слышали крики привезенных на расправу. Это потом, после освобождения, найдут 29 ям с расстрелянными новошахтинцами и жителями окрестных хуторов. Почти 5 тысяч наших земляков погибли от рук палачей, среди них были женщины, дети, старики. Многие умирали страшной, мучительной смертью.

В городе поселились страх и ненависть. Однажды беда постучалась и в ваш дом. Ночью вы с братом проснулись от страшного шума: в дом ломились фашисты. Испуганно заметались по комнате тетка с сестрами. Дед стоял на пороге и не пускал пьяных солдат... Вид могучего русского старика с окладистой белой бородой и окровавленным лицом, готового до последнего защищать свой дом и родных, даже на фашистского офицера произвел такое впечатление, что он велел пьяным солдатам убираться.

¹ Пушкаренко А. И. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

Вы с товарищами часто бегали к школе № 1, где находился лагерь советских военнопленных, с болью и жалостью смотрели на изнеможенных, больных людей и старались перебросить через проволоку что-либо съестное. Но немцы стреляли даже по детям. И тогда мальчишки прятались за трансформаторную будку и выжидали подходящий момент, когда часовой отворачивался; тогда за колючую проволоку летели куски лепешек, картофель. Иногда вам это не удавалось, и сквозь слезы вы видели, как с территории лагеря выносят трупы умерших от побоев, холода и голода заключенных. (Из 400 человек к моменту освобождения осталось всего 30).

Ты хорошо помнишь, как шли бои за город. А тебе позарез нужно было добраться до больной матери, чтобы отнести еду и воду. Уже на переезде ты попал под огонь немецкого пулемета. И ты прожил эти полмига, полшага, вихрем скатился в окоп, где ползком, где бегом, все же добрался до родного дома.

Во время боя за город ты со своими родными был в погребе и все хотел первым увидеть наших. И наконец, приоткрыв крышку погреба, увидел милые сердцу русские валенки, а затем и их обладателя. Солдат ласково улыбнулся чумазому мальчишке и уже на ходу крикнул: «Не спеши, сынок. Выходите, когда перестанут стрелять!». И было удивительное, всепоглощающее чувство счастья и всеобщей радости оттого, что кошмар, наконец, кончился и теперь-то, уж точно, наступит хорошая жизнь. А мир так огромен и прекрасен!

Я смотрю в широко распахнутые глаза твоих внуков. Старший внимательно слушает рассказ деда, а потом спрашивает меня тихонько: «Ты ведь напишешь об этом, правда, напишешь?». И я пишу, потому что в наших, русских городах (а это так больно и так стыдно!) появляется на стенах фашистская свастика, по улицам, в колонных, маршируют мальчишки – почти ровесники мальчишек той, военной поры. Только на рукавах у них фашистские знаки, а в голове бредовые идеи. Они забыли или не знают, за что сражались и умирали их деды и прадеды, они забыли или не знают о простых русских мальчишках, погибших на той, уже далекой для них войне. Как это тревожно...¹.

¹ Тарасевич О. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

* * *

23 июля 1942 года немцы вошли в город, начались аресты, расстрелы. На стенах домов появились приказы местной комендатуры, в которых расписывалось поведение горожан в оккупированном городе. За нарушение хотя бы одного из пунктов приказа следовал расстрел. Потом жители города на тех же стенах увидели красочные плакаты, приглашающие русских девушек и парней уезжать в самую цивилизованную из всех стран Европы – в Германию на работу по найму, где они могли научиться многим прекрасным рабочим профессиям. Желающие уехать в Германию должны были явиться на биржу труда, созданную немцами в городе. Напрасно трудилась работница биржи Гинзбург, создавая эту рекламу: русские девушки и юноши не захотели уезжать в «цивилизованную» Германию в услужение к «цивилизованным» фрау.

Немцы из комендатуры сделали перепись всей молодежи города. Начались облавы и насильственный угон молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет в Германию. Их отправляли в товарных вагонах с зарешеченными окнами. Матери прятали своих детей от немцев. Обычно их уводили тайно в те дома и в те семьи, где не было детей, записанных к отправке в Германию. Жители города знали, что за укрытие детей-подростков, подлежащих к отправке, положен расстрел. Но отказать друзьям в спасении детей не находили сил и спасали. Вспоминает бывшая учительница А. С. Нечитайлова: «У меня в кладовой сидел Виктор Князев, прячась от угона в Германию. В кровати на кухне, куда все сбились от холода, лежала его сестра Нина под видом больной, а под этой кроватью, еле втиснувшись, обитала Алиса Кетько. Из отверстия в потолке, куда выходил электропровод с лампочкой, падали нам на головы кусочки земли и глины от неизвестных нам прятавшихся таких же подростков. Они на чердак забирались по наружной лестнице, которую потом за ними кто-то убирал. 13 февраля нас освободили. По нашей улице шли солдаты-сибиряки. Мы с Асей встречали их на углу у школы и показывали дорогу на Михайловку, куда бежали немцы...»

Помимо отправленных 3000 подростков, немцы хотели набрать еще одну партию – 2000 рабов и рабынь, но не смогли этого сделать¹.

¹ Никитянский В. Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

* * *

Мне пришлось на себе испытать все ужасы гитлеровской оккупации. Фашисты заняли Новошахтинск в двадцатых числах июня 1942 года. И как только вошли в город, сразу пошли по дворам, требуя: «Матка, млеко, яйки». Забрали все: не только съестное, но и носильные вещи, не говоря уже о драгоценностях. Словом, грабили подчистую, ничего не оставляя, ничем не гнушась... Нас в семье вместе с мамой было шесть человек. Из детей я самый старший. Мне тогда не исполнилось и шестнадцати лет.

Как мы жили? Выручала корова, огороды, собирали на полях початки кукурузы и семена подсолнечника. И все это приходилось добывать под вечным страхом быть пойманными и даже расстрелянными врагами. И хотя фашистская оккупация Новошахтинска продолжалась недолго – чуть более семи месяцев – нам она казалась вечностью. Мы не чаяли, когда же придет избавление. Но поголовный голод – это еще не беда по сравнению с карательными операциями фашистов и их пособников. Почти каждый день они творили свое черное дело. Чуть ли не у нас на глазах были расстреляны два наших соседа – Семен Михайлович Тишанский и Тимофей Григорьевич Харченко.

Особенно зверствовали оккупанты и их холоуи, когда была разгромлена сталинградская группировка гитлеровцев и они поняли, что на прежних позициях им не удержаться, в том числе и в Новошахтинске. Оставляя город, они хотели угнать с собой все мужское население, даже несовершеннолетних. Мне тоже была вручена повестка о явке для регистрации. Я не пошел на регистрацию. Чтобы избежать насильственного угона, я был вынужден с первых чисел февраля 1943 года и до дня освобождения города скрываться у знакомых: вначале в поселке имени Горлова, а потом на нынешней улице Конноармейской. И лишь когда в город вошли первые советские солдаты, вернулся домой.

Сравнить такое событие, как освобождение города от гитлеровских оккупантов, я могу только с Днем Победы. Какая была радость, ликование на лицах людей, переживших страх и унижение во время оккупации.

Во время оккупации на копер нынешней шахты имени В. И. Ленина вместо звезды было водружено изображение немецкой свастики. И как ликовали мы, когда один из советских солдат, всту-

65-летию Великой Победы посвящается

пивших в город, в первую очередь залез на копер и сбил ее. Только после этого мы поняли, что свободны.

13 февраля 1943 года фашисты еще пытались сопротивляться советским войскам, в частности, в районе Соцгородка. Но уже на следующий день были окончательно разгромлены, и двор горотдела внутренних дел (между прочим, горотдел милиции и теперь располагается в этом здании) был переполнен пленными вражескими солдатами.

Примечательная деталь: во время оккупации гитлеровские солдаты, самодовольные, сытые, увидев, как мы, ребятишки, грызем семечки, чтобы хоть как-то утолить голод, с презрительной усмешкой бросали:

– Сталинский коколад.

А пленные, увидев у кого-то семечки, протягивали руки и сами униженно их просили. Волки превратились в ягнят? Я, как и многие мои сверстники, да и взрослые люди, не верил в это. Слишком много натерпелись мы от оккупантов. Слишком кровоточили раны, нанесенные ими. Мы жили одним стремлением: разбить врага окончательно и довести войну до победного конца.

После освобождения города я некоторое время работал в водопроводной мастерской, потом – молотобойцем, откатчиком вагонов на бывшей шахте № 3, а 8 мая 1943 года был призван в армию. Воевал на втором и третьем Прибалтийских фронтах. Но по каким бы дорогам войны я ни шел, освобождая города и населенные пункты, перед глазами стояли те зверства фашистов, которые они творили во время оккупации в Новошахтинске. И это, незабываемое, помогало вершить правое дело¹.

* * *

Немало осталось в Новошахтинске женщин, чьи мужья ушли на фронт.

– Мы не сидели сложа руки. Клавдия Петрова и Екатерина Сидорова, Ирина Асламова и Татьяна Сычева, Анастасия Климова и Агафья Полякова, Надежда Боева и Мария Гриненко, Варвара Лазарева и Марфа Рогачева, Александра Гончарова и Наталья Ра-

¹ Гриценко В. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

китянская, Тамара Никулина и многие другие наши женщины-активистки рыли окопы, противотанковые рвы. Работали, не зная отдыха, не замечая кровавых мозолей на натруженных руках.

Страшными были дни немецко-фашистской оккупации города, и, несмотря на то, что каждую из нас подстерегала смерть, мы тайно собирали продукты и передавали их пленным советским солдатам. Во время одной из таких передач немецкий автоматчик убил одну из наших подруг – Марию Громову. Угрожая нам плетьюми и расстрелами, фашисты и их прислужники – полицаи заставляли нас разгребать горящие терриконы, чистить туалеты. Мы все стерпели. А когда город освободили, женщины организовали, что-то вроде временного госпиталя в здании теперешней школы № 3. Вымыли, вычистили, завезли свежего сена и пошли по дворам. Люди отдавали последнее воинам-освободителям: кровати, матрацы, подушки, простыни. Уложив раненых, мы установили дежурство. Кормили солдат всем миром: люди делились последним куском хлеба, последним кочаном кукурузы.

В февральскую стужу, мы разыскивали по балкам и оврагам замученных и расстрелянных советских людей и на санках свозили их в братские могилы, что в городском парке и на Бутултае.

Готовили подарки для воинов Миусского фронта. И снова отправлялись по дворам, собирая квашеную капусту, огурцы, чеснок, лук. Все это было отправлено на передовую. Вечерами при коптилках мы пряли шерсть, вязали теплые носки и варежки и отправляли на фронт.

Женщины моего поколения помнят то тяжелое время, когда восстанавливалась шахта № 7. «Коминтерновская». Не хватало мужских рук, женщины валились от усталости, но работали по две смены. Многие тогда были удостоены звания «Почетный шахтер». Шахта была затоплена, и мы вручную с помощью бадьи откачивали воду. Мои сверстницы в то время были забойщицами и проходчиками. А какую гордость испытала каждая из нас, когда уже в октябре 1943 года мы отправили первый железнодорожный эшелон, груженный несветайским антрацитом. Принимай, Родина, подарок!

А потом мы собирали семена для подсобного хозяйства. Собственными силами обрабатывали землю, помогали ремонтировать детские сады и ясли, магазины. Мы заботились о детях, чьи отцы и матери погибли на фронте.

65-летию Великой Победы посвящается

Теперь, спустя столько лет, я часто задумываюсь над тем, откуда только силы у нас брались! Мы и впрямь были двухжилыми, когда голодные и холодные по две и более смен находились в шахте. Какая сила двигала нами в то время? Имя ей – единое стремление добиться скорейшей победы над врагом¹.

* * *

Что двигало им, когда он впервые залез на овощной склад, где немцы держали свои боеприпасы, Витек не знал. Это не было ни геройство, ни месть, скорее, ребячье любопытство с примесью озорства и хулиганства, которое в условиях войны воспринимается, наоборот, как удаля и отвага. Объяснить свои поступки он не мог ни тогда, ни сейчас, просто вспоминает, как однажды соседский парень по фамилии Ланцов предложил ему «Айда со мной!» – и Витек без колебания согласился.

Витек – это в те далекие сороковые, а сегодня – пенсионер Виктор Федорович Рыбников. Детство и юность его прошли в нашем городе, в поселке им. Кирова. Война застала 14-летним подростком.

В 1942-м, когда Новошахтинск оккупировали немцы. Витек остался один с матерью. Мама Серафима Михайловна работала учителем младших классов в школе № 4. Вечерами ходила по домам и дворам, рассказывала людям последние новости с фронта. А в ноябре 1942-го по доносу предателей ее, как члена партии, расстреляли немцы. И Витек остался один. Первое время прятался на чердаках, чтобы немцы не взяли и его.

А потом полез с Ланцовым на склад. Попасть туда им не составило труда: их тощие тела легко проскальзывали через любую лазейку. Выставив боковое окно, они увидели, что весь склад заставлен ящиками с противотанковыми патронами.

– Смотри сюда, Витька, – ткнул его Ланцов в бок и показал ему, как снимать с патрона боеголовку и вынимать оттуда порох. – Потом назад головку прикрутишь и на место патрон положишь. Только аккуратнее.

Сколько времени они провели на складе, Витек не помнил. Страх не было. По малолетству они, наверное, просто не пони-

¹ Хлопкова Т. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 8 мая 1985 года.

мали, какой опасности подвергались. Зато азарт, охвативший их, заставлял работать быстрее и быстрее. В том, что они снова придут сюда, никто из подростков не сомневался.

Но потом случилась беда: погиб Ланцов. Погиб глупо, из-за своей неосторожности. Повздорив, погнался за мальчишкой, держа в каждой руке по патрону с разрывной боеголовкой. Нечаянно ударил один о другой, прогремел взрыв.

Витек лишился друга и напарника. Одному лазить на склад было рискованно, и он решил взять с собой соседа Ваську, которого местная детвора окрестила Жоганом. Почему выбор Витька пал на него, одному Богу известно. Васька держался особняком, в игры с пацанами не играл, всегда хмурый сидел на завалинке, угрюмо наблюдая за детворой. Но именно к нему подошел Витек и так же, как когда-то ему Ланцов, предложил: «Пойдешь со мной?» Жоган пошел.

На склад лазили каждую ночь. Добытый порох сжигали в лесополосе. С каждым разом азарт захватывал их все сильнее. Окрыляло чувство, что они, простые мальчишки, далеко от фронта делают пусть маленькое, но все же дело ради тех, кто был в самом пекле во имя Победы.

Но однажды...

– Слышь, Витек, вроде бы машины гудят, – прислушался Васька. – Точно, машины. Бежим! – и мальчишки юркнули в окно.

Это были немцы. Заподозрив неладное, они внезапно нагрянули на склад среди ночи для проверки.

– Хорошо, что у них не было собаки, – вспоминает много лет спустя Виктор Федорович. – Она бы нас обязательно догнала.

А тогда мальчишки сломя голову бежали через железнодорожный переезд, через поля и огороды, а вслед им раздавались автоматные очереди. Из переделки выбрались невредимыми, но на склад больше не лазили: знали, что немцы обязательно устроят там засаду. Витек стал воровать патроны и снаряды прямо из немецких машин, а на Ваську та ночь подействовала как холодный душ. С Витьком он больше не встречался. А вскоре в город пришли наши войска.

После войны Виктор Рыбников работал на шахте, в ФЗО, потом уехал в Волгодонск. Став пенсионером, вернулся в Новошахтинск, в родной поселок Кирова. Василий всю жизнь жил в Новошахтинске. Другьями они не стали. За всю жизнь виделись всего не-

65-летию Великой Победы посвящается

сколько раз. Минута опасности и общее дело свели их, абсолютно разных людей, на время, а потом окончательно развели в разные стороны¹.

Новошахтинское подполье

В марте 1979 года я принес в редакцию газеты «Молот» статью о санаторно-курортных учреждениях Ростовской области, которую написал в канун 60-летия советских курортов. Журналиста, ведающего вопросами здравоохранения и культуры, в тот день в редакции не было, и мне уделила внимание женщина средних лет, чуткая и внимательная. Прочитав статью, она обещала передать ее по назначению. Это была моя первая встреча с прекрасным журналистом – Валентиной Ильиничной Животковой. В апреле моя статья «Донские здравницы» была опубликована, а я с тех пор, просматривая и читая «Молот», все чаще стал обращать внимание на статьи, очерки, заметки Валентины Ильиничны, не подозревая о том, что эта женщина – легенда, которая была связана с моим городом в годы Великой Отечественной войны...

...Валентина Ильинична Животкова родилась в 1922 году в г. Морозовске Ростовской области. В 1940 году закончила среднюю школу в г. Новошахтинске, где жила с родителями. Поступила в Московское высшее техническое училище (МВТУ) им. Баумана. Перейдя на второй курс, приехала домой в Новошахтинск на похороны дедушки, где ее и застала оккупация. Вместе с сестрой решили бежать из города, но дошли лишь до Аюты, откуда немецкие мотоциклисты вернули их в город. Познакомившись с Сергеем Бутиным, вместе с местной молодежью приняла самое активное участие в создании и боевых действиях подпольной комсомольской молодежной группы. За боевые действия была награждена медалью «За боевые заслуги»...

...23 июля 1942 года в город вошли немецкие части, и началась 206-дневная оккупация. С первых же ее дней немцы установили в городе жесточайший режим террора. После освобождения в балке Бугултай, на аэродромах, у водонапорной башни, было обнаруже-

¹ Кушнир Н. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 29 апреля 2003 года.

но 29 ям, наполненных трупами. Издевательствам подвергались и жители города, и военнопленные бойцы и командиры Красной Армии. На Кооперативной улице, в здании новой школы, был лагерь военнопленных. Из 400 человек к середине января 1943 года осталось их в живых 38 человек. На Ворошиловской (Отечественной) улице, в яме, в противотанковом рву, были обнаружены трупы военнопленных. Жители поселка шахты «Западная-Капитальная» с ужасом вспоминали полицейскую преисподнюю в одном из зданий шахты.

С такими зверствами фашистов и их приспешников трудно было смириться. И тогда нашлись горячие головы, особенно среди молодых людей, которые стали искать и нашли единомышленников по борьбе с оккупантами. 28 августа 1942 года, через месяц с лишним со дня оккупации, в поселке между Южной и центром города (так называемой Жилкооперацией) родилась городская молодежная, комсомольская, подпольная группа. Их было 15 человек – 11 парней и 4 девчонки. Командиром стал инициатор создания группы – Сергей Бутин. 23-летний пограничник из Бреста, он был ранен в ноги при обороне крепости. Попал в окружение. Жители одного приграничного села подобрали его, выходили, поставили на ноги. Затем он стал пробираться на Восток. Дошел до поселка в Новошахтинске, где жила мать его жены, Анна Федоровна Будякова с младшими сыновьями, и остался в оккупированном городе.

В тот августовский день на квартире Валентины Козьменко собрались первые 11 человек, якобы «повеселиться». Вынесли старенький патефон для конспирации. Каждую кандидатуру тщательно обсуждали, и каждый, вступая в организацию, давал письменную присягу – клятву на верность Родине.

В государственном архиве Ростовской области сохранились материалы о Новошахтинской подпольной группе: протоколы собраний, сообщения о выполненных боевых заданиях, донесения о расправе над предателями, послевоенные сообщения в ЦК ВЛК-СМ о работе этой группы, текст клятвы с подписями. На первом заседании постановили вести борьбу с оккупантами, выпускать листовки, в которых давать правдивую информацию о положении на фронте, призывать людей к саботажу, срыву распоряжений. Первые листовки были написаны от руки на тетрадных листках печатными буквами, чтобы не нашли по почерку. В них пересказывались сообщения Совинформбюро о положении на фронте. Лис-

65-летию Великой Победы посвящается

товки наклеивали и прикрепляли на телеграфных и электрических столбах, стенах домов в центре города и поселках, на рынках и административных зданиях шахт. Информацию брали, слушая радиоприемник, добытый с большим трудом и риском Володей Москаленко и Васей Смоляных. Они же добыли и аккумуляторы с немецких автомашин. Радиоприемник прятали внутри печи для выпечки хлеба в доме Миши и Наташи Будяковых.

Володя Москаленко, до оккупации работавший в типографии газеты «Знамя шахтера», знал, куда бросили перед эвакуацией наборные шрифты. Он вскоре и набрал первые листовки типографским способом. Это было обращение к селянам: не давать немцам угнать скот, вывозить хлеб, другие продукты. К сожалению, немцам удалось разграбить совхозы № 6 и 9 и угнать из них 5000 голов крупного рогатого скота. В листовках также было обращение к молодежи не дать увезти себя в Германию. Таких листовок выпустили 500 штук. И хотя бумага была не ахти какая, а вместо типографской краски использовался немецкий сапожный крем, – свою задачу эти листовки выполнили.

Особой заботой группы был саботаж отправки молодежи в Германию. Немцам удалось собрать и отправить в Германию лишь десятую часть молодых людей, внесенных в списки. И в этом заслуга подпольной группы. Немцы были в бешенстве. Тогда они придумали угнать молодых людей хитростью. Во Дворце культуры был организован концерт для молодежи. Расклеили по городу афиши-приглашения. Группе удалось узнать о провокации и хитрости немцев. Все силы были брошены на предупреждение молодежи о немецкой приманке. На афишах руками подпольщиков было написано: «Не ходите на концерт, будете арестованы». Затея немцев была сорвана. После этого вокруг группы и их вожака Сергея Бутина стало сжиматься кольцо. Во время очередной облавы Сергея арестовали и посадили в лагерь, находившийся в центре города. В этом лагере вспыхнул тиф. Люди стали умирать. И тогда Василий Смоляных, Владимир Москаленко, Женья Пылев, Петр Поляков и Костя Солонин установили связь с двумя охранниками лагеря – ребятами, которые попали в охрану случайно. Они переправили Сергея в больницу под видом тифозного. В больнице лежали 170 раненых красноармейцев. Среди обслуживающего персонала в больнице работала член подпольной группы Аня Ткаченко. Ей было поручено держать под наблюдением больных и не допустить

уничтожения раненых красноармейцев. А такое уже бывало в других больницах. Сергей Бутин попал в отделение, где работала Аня. Вместе с Аней В. Смоляных, П. Поляков и В. Москаленко разрабатывали план побега Сергея Бутина. В ночь на 10 января 1943 года Василий, Петр и Владимир пришли в условленное место. Когда в больнице все утихомирилось, Аня раскрыла окно на первом этаже. Все шло, как намечали. Но случилось непредвиденное. Двое полицейских не спали. Заметив подозрительное движение у окна, они подняли переполох. Подхватив Сергея, Василий, Петр и Владимир побежали к балке Бугултай. Василий стал стрелять по преследователям. Один из полицейских упал, а другой наклонился над ним. Подпольщиков спасли начавшаяся метель, крепкие ноги и отвага.

Ближе к утру храбрая четверка постучала в окошко Вали Козьменко, а затем все четверо ввалились в комнату. Утром Валя, взяв ведра на коромысла, пошла на плотину у Горловки – узнать, что делается в городе. По пути встретила Мишу Будякова. От Миши узнала, что после побега Сергея и ранения полицейские поднятые по тревоге жандармы и полицейские бросились первым делом в поселок Красный Шахтер. Анна Федоровна – мать Миши – разбудила сыновей и приказала молчать и ничего не говорить о Сергее и группе. Затем она, как была в ночной сорочке, кинулась на чердак, прыгнула с крыши, где ее настигла пуля. Миша предупредил Валу, чтоб никто из ребят не приходил на похороны мамы. Там будет засада. По всему городу искали Сергея. А он через несколько дней перебрался в разрушенный дом, где находилась аптека, в которой работала Катя Гудилова. Здесь Сергей собрал всех ребят с оружием и объявил готовность № 1.

А бои уже шли близко от города. Задачей группы было облегчить Красной Армии освобождение города. Перед каждой тройкой была поставлена конкретная задача. Прежде всего нужно было не дать уйти от возмездия предателям Родины. Одним из них был полицейский Стоценко. Это по его доносу были арестованы и расстреляны коммунисты Зайцев, Хнышкин, Чалых и другие. Предателя Стоценко подпольщики расстреляли прямо у него на квартире. Гестапо объявило награду в 25 тысяч рублей за выдачу Сергея Бутина. Но никто не позарился на эти деньги.

Перед отступлением немцы заминировали больницу и подготовили ее к взрыву вместе с больными. Сергей Бутин приказал Евгению Пылеву и Петру Полякову любой ценой предотвратить взрыв

65-летию Великой Победы посвящается

и спасти больных и красноармейцев. Аня Ткаченко провела ребят в подвал, и они смогли обезвредить взрывные устройства. Другой группе поручили перебить службу двух немецких орудий, которые стояли на окраине города и держали под прицелом главную дорогу, по которой наступали части Красной Армии, а затем повернуть стволы орудий в сторону немцев и бить из орудий по отступающим фашистам. Обе задачи были выполнены. Наградой Е. Пылеву и П. Полякову, которые предотвратили взрыв в больнице и спасли жизни 170 больных и военнопленных, были радость, слезы, благодарность и крепкие объятия спасенных. А ребятам – «орудийщикам», как в шутку прозвали их товарищи, командир одного из наступивших кавалерийских полков полковник Кащенко с похвалой сказал:

– Молодцы, хлопцы, грамотно сработали!

Вот такую историю о подпольной комсомольской молодежной группе Новошахтинска поведала мне женщина-легенда Валентина Ильинична Животкова (Козьменко).

Выйдя из ее квартиры, я подумал: «Сколько же было смельчаков на нашей Донской земле, бесстрашно вступивших в неравную схватку с коричневой чумой XX века». На территории Ростовской области в годы войны действовало 160 партизанских отрядов, подпольных организаций и групп, в которых сражались более 5000 человек. Среди них и имена моих дорогих земляков-новошахтинцев...

О подвиге членов подпольной комсомольской молодежной организации Новошахтинска под руководством С.В. Бутина я рассказал на страницах «Знамени шахтера» в статье 13 февраля прошлого, 2002 года. Та статья была написана по материалам, опубликованным в сборнике воспоминаний участников Великой Отечественной войны «На земле, в небесах и на море» (Ростовский городской клуб молодежи и ветеранов «Патриот», РД, 1996 года, с. 37–44) и по фактам из личной беседы с одной из участниц группы Валентиной Ильиничной Животковой (Козьменко). Некоторые очевидцы тех событий прислали в редакцию свои отклики на статью. Но у меня возникло много вопросов, на которые не дали ответа ни материалы сборника воспоминаний, ни лично В. И. Животкова. Во-первых, почему до настоящего времени почти, что ничего неизвестно об этой организации. Даже В. И. Животкова (Козьменко) и ее соавтор Мирошниченко в статье к 5-й годовщине освобождения Но-

вошахтинска от оккупации (см. «Знамя шахтера» от 11.02.48 г.) ни словом не обмолвились о существовании в годы войны этой организации. Да и сама В. И. Животкова (Козьменко) за личное мужество, проявленное в борьбе с оккупантами, была награждена медалью «За отвагу» лишь в 1965 году – двадцать два года спустя (Указ Президиума ВС СССР от 10.05.65 г.). Во-вторых, что стало со многими членам подполья, их дальнейшая судьба, работа, жизнь. Например, имя Сергея Бутина я встретил на странице «Знамени шахтера» за 22 декабря 1943 года, где он выступил с заметкой «Стахановская вахта». Подпись гласит, что он – заместитель директора школы ФЗО № 2 по политической части. Больше его имя нигде не встречается. Работница центра документации новейшей истории Ростовской области Наталья Яковлевна Емельяненко сообщила мне, что СВ. Бутин был заброшен в тыл врага. Документов об этом я нигде не обнаружил. О другом члене подпольной организации В. И. Смоляных информация есть. Он после окончания Великой Отечественной войны работал помощником начальника шахты имени Горького по быту и кадрам. Избирался депутатом Новошахтинского городского Совета депутатов трудящихся. На фронте был несколько раз ранен. Вновь возвращался в строй. За проявленное мужество в одном из боев командир стрелковой роты 133-го стрелкового полка 44-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии старший лейтенант В. И. Смоляных был удостоен высокого звания – Героя Советского Союза. Его грудь украсили также ордена Ленина, Отечественной войны 2-й степени, медали «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией». В июне 1945 года Василий Иванович Смоляных был участником Парада Победы на Красной площади в Москве. Но и в его биографии, опубликованной в «Знамени шахтера» 5 декабря 1947 года как кандидата в депутаты городского Совета, нет ни слова о его участии в подпольной молодежной организации Новошахтинска. В чем причина такого долгого умолчания? И я отправляюсь за ответами на эти вопросы в Центр документации новейшей истории (партийный архив). Ведь все члены организации СВ. Бутина были кандидатами или членами ВКП(б) и ВЛКСМ.

Первое, на что обратил внимание, – рукописная докладная записка первого секретаря Новошахтинского ГК ВКП(б) И. К. Датченко на имя секретаря Ростовского ГК ВКП(б) Александрюка. В этой записке он сообщает: «...В работе и действии указанной груп-

65-летию Великой Победы посвящается

пы характерной чертой являлось отсутствие стройной организации, боязнь перед немецкими властями за свои поступки, нерешительность. Поэтому за время немецкой оккупации в городе не было ни одного более или менее значительного факта, свидетельствующего о наличии партизанских групп». Так вот в чем причина, долгого умалчивания о действиях группы СВ. Бутина! И тем не менее, и секретарь Ростовского ОК ВКП(б) Александрюк в своем докладе, и архивы ЦДНИРО и ЦК ВЛКСМ, и доклад СВ. Бутина говорят об обратном. Более того, Ростовский ОК КПСС неоднократно возвращался к этой теме и подтвердил наличие данной организации и ее действия в тылу врага по борьбе с оккупантами, храбрость и стойкость многих членов организации и конечный результат этой борьбы. Само собой разумеется, напрашивается вопрос: на каком основании партийный лидер города сделал свои выводы о бездействии партизанской группы? Либо у него не было на тот момент достаточно правдивой информации, либо были другие мотивы. С первых дней начала Великой Отечественной войны Ростовским ОК ВКП(б) был разослан в партийные организации области план работы по руководству подпольным и партизанским движением. Ответственность за организацию и руководство возлагалась на уполномоченных ОК ВКП(б) (их было в Новошахтинске два человека) и руководство ГК И ОК ВКП(б). Согласно этому плану, Новошахтинский ГК ВКП(б) информировал «Остаются на подпольную партизанскую работу

Комитет ВКП(б):

1. Масленников Петр Павлович;
2. Смирнов Валерий Алексеевич;
3. Письменский Даниил Васильевич;

Члены организации:

1. Хныцкин Николай Павлович;
2. Каменев Аким Ефимович;
3. Зайцев Николай Васильевич;
4. Котовская Раиса Ивановна;
5. Чалых Василий Иванович.

Явочные квартиры:

Центральный поселок. 1. Улица Советская, 5, спросить Монченко Павла Васильевича. Он – член организации, может вызвать остальных;

ул. Ленинская, 6, спросить Евроненко Анастасию. Она вызовет Котовскую, последняя отзовется.

“Западная–Капитальная”, ул. Димитрова, 11, спросить Бобровских Петра Варламовича. Он вызовет Смирнова или Чалых.

Пароль “Москва”.

Секретарь Новошахтинского ГК ВКП(б) радио, печатного станка и шрифта – нет».

Другой интересный документ: письмо секретаря Новошахтинского ГК ВКП(б) И. К. Датченко на имя секретаря Ростовского ОКВКП(б) Майорова.

«Мною, согласно вашему указанию, организован партизанский отряд в количестве 17 человек. Бойцы распределены следующим порядком:

Южная группа шахт – 5 человек.

Западная группа шахт – 5 человек.

Центр города – 7 человек.

Комиссаром отряда рекомендую Григория Васильевича Еремينا, работающего в настоящее время заведующим военным отделом Новошахтинского ГК ВКП(б).

Командиром отряда прошу утвердить мою кандидатуру. Вторую кандидатуру на командира отряда рекомендую Григория Лаврентьевича Белоусова, работающего в настоящее время начальником городского отдела милиции».

К письму приложены данные об этих людях.

Во время оккупации города немецко-фашистскими войсками группа П. П. Масленникова была сразу раскрыта, не приступив к работе. Парадокс, но группу выдал член организации, некто Карташов, который почему-то был оставлен вместо В. А. Смирнова.

Куда исчез В. А. Смирнов и откуда взялся подонок Карташов? Этот негодяй, став начальником полиции, выдал гестапо не только П. П. Масленникова и Д. В. Письменского, но и схрон с оружием и продовольствием. От жадности он присвоил себе часть продуктов, за что гестапо был расстрелян. Были расстреляны, помимо П. П. Масленникова и Д. В. Письменского, другие члены этой группы: Н. П. Хнышкин, Н. В. Зайцев, В. И. Чалых, которых выдал другой подлец Стоценко. Он же их после издевательств и расстрелял. Таким образом, подпольный комитет ВКП (б) был провален. Что касается партизанского отряда под руководством Г. В. Белоусова (И. К. Датченко вообще нигде больше не фигурирует), то об этом отряде в архивах нет никаких сведений.

65-летию Великой Победы посвящается

Но свято место пусто не бывает. В момент оккупации Новошахтинска в городе возникла никем не запланированная группа подпольщиков из числа раненых красноармейцев, не успевших эвакуироваться, и из числа местной молодежи, не пожелавшей оставаться безучастной к судьбе своего родного города и его жителей. Организатором и руководителем этой группы стал Сергей Васильевич Бутин – 24-летний пограничник из Бреста, раненый в ноги при обороне крепости, прибывший в Новошахтинск на квартиру тещи Анны Федоровны Будяковой 17 мая 1942 года, за два месяца до оккупации города. Заместителем командира стал Петр Пуголовкин, начальником разведки – Василий Смоляных, вышедший из окружения, медсестрами стали Аня Ткаченко и Катя Гудилова. Бойцами группы были Владимир Москаленко, Петр Поляков, Алексей и Иван Ткаченко, Евгений Пылев, Константин Солонин, Валентина и Зоя Козьменко, Николай Гуцин, Михаил Будяков. В состав группы вошли и четыре человека из немецко-русской воинской части: И. Осипов, П. Целиков, В. Кондратенко, С. Сорокин. На самом первом заседании (протокол № 1 от 20.08.42 г, ф. 3, оп. 1, д. 139, с. 114) Сергей Бутин доводит до сведения членов организации информацию об изменниках Родины и называет их поименно: Н. Губанов, Ф. Король, Л. Король, Матросов, бежавший уголовник Нестеренко, начальник полиции Петрухин. врач Рыбцев. Через три дня, 23.08.42 г. на очередном заседании (протокол №1-а. ф. 3, оп.1, д. 139, с. 109-а) была расформирована организационная тройка: Бутин, Пуголовкин, В. Козьменко – и образована боевая партизанская группа, члены которой избрали из своего состава руководящий комитет. На этом же заседании был намечен план действий и принято клятвенное обещание. Привожу его текст-подлинник, ничего не меняя:

«Я, ниже подписавшийся, добровольно, с полным сознанием цели и долга перед моей Родиной вступаю в ряды комсомольской подпольной организации г. Новошахтинска, торжественно клянусь:

1. Вести непримиримую борьбу с врагами моей Родины до полного их уничтожения, не щадя своих сил и своей жизни.

Клянусь.

2. Беспрекословно в любое время дня и ночи выполнять любые задания и приказания комитета.

Клянусь

3. Сохранять тайну организации и цели заданий.

В случае невыполнения или нарушения моего клятвенного обещания, пусть постигнет меня смерть по воле комитета».

Ниже стояли фамилии членов организации и их подписи. Правда, из 18-ти фамилий клятвенное обещание подписали лишь семь человек: С. Бутин, П. Пуголовкин, Е. Гудилова, З. Козьменко, А. Ткаченко, И. Ткаченко, Е. Пылев. Возможно, в архиве сохранился черновик клятвенного обещания, поэтому в нем и нет подписей остальных членов организации.

21–22 июля 1942 года в город вошли немцы, а уже 27 июля предатель-дезертир из войск Красной Армии Н. Губанов выдал немецким танкистам уполномоченного поселка Красный шахтер Украинцева, отца и сына Алексеевых, Латышева, Удовина, которых сам и расстрелял из пулемета. В поселке Горлова в это же время врачом Рыбцевым были выданы 13 красноармейцев, которых расстреляли. Подонки Федоров, Евдокимов, Ф. Король, заручившись поддержкой немецких танкистов, стали организаторами немецкой власти в поселках Южной группы: шахты Кирова, Красный шахтер. Уголовник Петрухин организовал полицию. Бывший кочегар хлебозавода Сидоренко стал бургомистром города. Диспетчер шахты имени ОГПУ Шкондин организовал полицию в Алексеевке. Перекрестки улиц заполнили румынские патрули и полицейские. В город приезжает гестапо. Переводчиком в нем становится электрослесарь шахты № 7 (фамилия не указана). Начались повальные аресты и расстрелы людей, угон населения на работу в Германию.

В противодействие репрессиям усиливается борьба горожан с оккупантами. В первых рядах борцов становится подпольная организация. Под видом сбора колосков члены подпольной организации ищут оружие в поле, в балках, сараях, скирдах. В конечном счете все члены организации были вооружены винтовками. У С. Бутина был пистолет, у П. Пуголовкина – револьвер. Был и сломанный пулемет, который отремонтировали. Уже на заседании 23 августа 1942 года С. Бутин в своем выступлении обращает внимание на вооружение: «Радиоприемник есть, необходимо питание и нет радиста. Это одна задача, второе же – это вооружение и еще раз вооружение» (протокол №1-а от 23.08.42 г., ф. 3, оп. 1, д. 139). В постановлении комитета от 7 сентября 1942 года конкретно дается задание по оружию: «Выполнение заданий считать продолженным. Тов. Москаленко, Солонину, Полякову и Смоляных выйти в степь за оружием. Отвечает – Пуголовкин» (протокол №2 от 7.09.42 г., ф. 3 оп. 1, д. 139, с. 110).

65-летию Великой Победы посвящается

Действия группы не остались незамеченными. За ее членами начинается слежка. Полицейскому Бубнову гестапо дает задание следить за передвижениями С. Бутина и поручает его уничтожение. Бубнов действует примитивно. Его способ слежки разгадывают члены организации. Но 13 сентября 1942 года по заявлению Н. Губанова Сергея Бутина арестовывают, а затем освобождают. И все-таки 20 октября 1942 года его арестовывают вторично и помещают в концлагерь для военнопленных. Из лагеря через А. Ф. Будякову и Ткаченко С. Бутин продолжает руководить деятельностью организации. Вскоре арестовывают Ивана Ткаченко, он совершает побег, но неудачно. Его арестовывают вторично и отправляют в Германию. Арестовывают Пуголовкина и Смоляных, но освобождают. Из лагеря С. Бутин отдает распоряжение об уходе членов группы из города в сельские районы. Пуголовкину дает задание войти в доверие к старосте шахты имени Кирова Рязанцеву и быть у него секретарем, В. Смоляных должен поступить на работу на шахту, А. Ткаченко – в совхоз. Организация уходит в подполье, ее деятельность ослабевает. Но 10 января 1943 года по инициативе и при личном участии В. Смоляных, Пуголовкина, П. Полякова и А. Ткаченко, благодаря их смелым и дерзким действиям, организуется и успешно осуществляется побег Сергея Бутина. Через три дня, 13 января 1943 года, в помещении аптеки Сергей Бутин собирает членов группы и проводит собрание. В своем выступлении он говорит: «За эти три месяца деятельность организации заметно упала, арест члена комитета Ивана Ткаченко, его побег, затем повторный арест и под конвоем отправка в Германию, мой арест, уезд В. Козьменко на учебу и ограничение движения из-за слежки и арестов, патрулирование ночами – все это в сумме действовало на дела организации и выполнение плана работы, особенно по вооружению. Я призываю усилить борьбу» (протокол № 5 от 13.01.43 г. ф. 3 оп.1, д. 139, с. 113).

Постановление собрания группы сыграло важную роль в усилении борьбы с оккупантами. Была образована ударная группа, которая начала свои действия с уничтожения предателей. Прямо у себя на квартире группой был захвачен и расстрелян полицай Стоценко. Группа систематически уничтожала телефонную связь между Красным Сулином и Новошахтинском. Во время отступления фашисты угоняли и скот. Группа, разогнав охрану, пустила скот по степи. Старосте села Белоглинка Абраменко было приказа-

но заразить весь скот ящуром, что он и сделал. Благодаря смелым действиям группы и ее добровольным помощникам полиции и отступающим фашистам не удалось поджечь уголь на шахте имени Кирова и шахте № 16. Был предотвращен взрыв горбольницы, где находилось 168 раненых красноармейцев. Группой было уничтожено 13 фашистов, а 14 взято в плен. В заключительном бою при освобождении города был ранен Владимир Москаленко. По приказу штаба 3-го гвардейского кавалерийского корпуса после изгнания фашистов из города он был взят под охрану ударной группой молодежной подпольной организации С. Бутина.

В борьбе с оккупантами активно действовали и одиночки, как члены ВКП(б) и ВЛКСМ, так и беспартийные.

Анна Федоровна Будякова – беспартийная, принимала непосредственное участие в доставке вооружения для группы. Погибла в день побега С. Бутина 10 января 1943 года в возрасте 43 лет.

Шталь организовал группу из четыре человек, в которую вошли Рогов, Зибарова, Бондарева. Эта группа выпустила и расклеила по городу 20 листовок, написанных от руки, сохранила здание клуба от разрушения, спасла людей от отправки в Германию.

Антонина Сухова работала в закусочной. Была «ушами» группы С. Бутина. Пьяные полицейские рассказывали о расстрелах и арестах, выбалтывали некоторые планы полиции. Сухова узнавала об этих планах, сообщала о них группе, предупреждала людей, которым грозила опасность.

На шахте № 16 один горняк (фамилия не установлена) выпустил в снег нефть, предназначенную для поджога угля. Рубцов выкрал у немецкого офицера списки служивших на немцев, и эти списки передал начальнику особого отдела 12-й гвардейской дивизии.

В Соколовке, в совхозе «Ударник» (Красногвардейский район) действовала группа, которой руководил И. К. Леонтьев. Эта группа уничтожила 9 немецких солдат на шляху Соколовка-Гуково, 5 немецких солдат в хуторе Скелеватка, вывела из строя немецкую автомашину. В хуторе Павловка забрала старосту Сафуянова и через него изъясала продукты, приготовленные для немецких солдат. Переведя свою деятельность в Алексеево-Лозовский район, группа Леонтьева обезоружила и взяла в плен 150 немецких и 50 итальянских солдат, задержала 6 полицейских и 4 старост.

С освобождением города Новошахтинска от оккупантов борьба народных мстителей не закончилась. Еще шла война. Юго-запад-

65-летию Великой Победы посвящается

ные районы области и город Таганрог находились под пятой немецкой оккупации. Да и в освобожденных населенных пунктах еще не были уверены, что не будет повторения оккупации, как это случилось с Ростовом-на-Дону.

Закончились торжества по случаю освобождения города от немецко-фашистской оккупации. Действующая, армия погнала врага дальше на Запад. Началось восстановление разрушенного и работа восстановленного. Но, как поется в песне, «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». Таким бронепоездом стал сформированный резервный партизанский отряд «Заря», полевая почта 28301. 3 июля 1943 года выходит приказ штаба партизанского движения Юго-Западного фронта:

«3.07.43. Приказ штаба партизанского движения на ЮЗ-фронте.

Действующая армия.

§ 1. В созданном резервном партизанском отряде г. Новошахтинска назначить:

Командиром отряда Негрецкого Михаила Дмитриевича, псевдоним «Орлов Андрей Гаврилович».

Комиссаром – Слепченко Георгия Спиридоновича, псевдоним «Тераськин».

Состав отряда 9 человек.

§ 2. В случае отхода по стратегическим соображениям частей Красной Армии и оккупацией противником г. Новошахтинска развернуть партизанские действия в тылу врага:

а) диверсиями, саботажем, порчей оборудования срыwać добычу угля, в случае если противник начнет работу на шахтах;

б) всемерно уничтожить боевую технику и живую силу противника;

в) вселять уверенность о неизбежной победе Красной Армии в жителей города устной, письменной агитацией;

г) агитацией, шантажом, террором уменьшать число прислужников врага;

д) иметь осведомителей в немецких учреждениях;

е) вести агентурную разведку в пользу Красной Армии;

ж) разоблачать истинное лицо врага, срыwać все его мероприятия, не допускать угона в рабство советских граждан.

§ 3. Увеличивать число народных мстителей, отобрав честных патриотов Родины.

§ 4. Присылать связного в штаб партизанского движения раз в 1–2 месяца. Пароль на переход фронта связным от отряда: “Иду в хозяйство майора Донского”. Связные от штаба в отряд придут с паролем – цифры “8” и “18”.

§ 5. Явочная квартира отряда у бойца отряда М.И. Малыхина, г. Новошахтинск, ул. Кирова, 21.

От имени штаба ПД на ЮФ приказ отдал:

капитан Белых

Приказ читали, освоили и приняли в случае оккупации (подписи)».

Кто же были они, бойцы резервного отряда?

Михаил Дмитриевич Негрецкий, горный мастер шахты № 5, командир отряда. Георгий Спиридонович Слепченко, заместитель заведующего шахты № 7, комиссар. Бойцы отряда – Василий Федорович Лофиченко, Гавриил Михайлович Алехин, Михаил Иосифович Малыхин, Тимофей Петрович Алексеенков, Василий Васильевич Белоусов, Прохор Федорович Воронин, Федор Петрович Соколов. К списку состава группы приложены их заявления, подписи, автобиографии и военная присяга.

Как известно, в Новошахтинск немцы больше не вошли, разве что после окончания войны их пригнали под конвоем в лагеря для военнопленных, где они находились до 1949 года. Необходимость функционирования резервного партизанского отряда «Заря» отпала. И хотя я больше не обнаружил документов о дальнейшей судьбе этого отряда, уверен, что многие из его бойцов были использованы в других местах и продолжили беспощадную борьбу с врагом. Кто-то из них, наверное, пал смертью храбрых кто-то продолжил свои боевые дела на трудовом фронте. В освободительной борьбе против фашистской оккупации участвовали не только перечисленные мною в статье герои новошахтинского подполья, но и множество других людей. Честь и слава им от их потомков. «Никто не забыт – ничто не забыто!» – гласят неумирающие слова. Я постарался в своих статьях перечислить имена героев Несветая, которые отыскал в архивах и печатных средствах массовой информации. Но все равно осталось еще много вопросов по членам группы С. Бутина: их дальнейшая судьба, работа, служба, жизнь. Вернулся ли из заточения угнанный в Германию под конвоем Иван Ткаченко или нет? Каким образом из оккупированного города уехала на учебу Валентина Козьменко и на какую учебу и куда? Не был обнаружен

65-летию Великой Победы посвящается

после освобождения города труп П. П. Масленникова, а значит, и неизвестно место его захоронения. Что стало с остальными предателями Родины, фамилии которых, взятые из архивных документов, перечислены в статье. Еще много-много неразгаданных тайн и вопросов, а значит, и статья не закончена. Рано ставить точку. Продолжение следует¹.

* * *

Во время немецкой оккупации я был командиром подпольного комсомольского отряда. Почти все комсомольцы имели оружие, чаще пистолеты, чем гранаты. Самым надежным помощником у меня был Василий Смоляных, впоследствии Герой Советского Союза. Он был молодец. Мы с ним больше работали вдвоем и не все доверяли остальным.

Я ходил по поселку больше ночью, но иногда и днем. Меня в городе никто не знал; не знали, что я офицер и что я коммунист. Однажды я возвращался из поселка Южный в город и вдруг на переходном мостике через балку (речка Малый Несветай) встретил человека и в нем я узнал полиция, который видел меня в первый день приезда. Он остановился, преграждая мне дорогу. Я испугался, что он меня может узнать и выстрелил ему прямо в лицо. Он свалился под мостик. Я побежал вдоль балки за камышами, но этот выстрел не поднял тревогу. Убитого полиция обнаружили утром, но никто его в первые дни не стал вытаскивать и опознавать. Лицо его было разбито и окровавлено, и даже потом никто не опознал в нем полиция.

Только неделю спустя городские полицаи подобрали труп пропавшего полицейского в балке и похоронили его на кладбище².

* * *

В феврале 1946 года в Новошахтинске проходил открытый судебный процесс. Военный трибунал слушал дело изменников родины Чернова, Травкина и Фомина.

¹ Пудов А. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 13 февраля 2003 года.

² Бутин С. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

Тысячи людей собрались во Дворце культуры, где шел суд. Уже заняты проходы зрительного зала, а люди все идут и идут.

Распахнулась дверь, и в зал ввели подсудимых. Наклонив голову, бросая по сторонам злобные взгляды, идет палач Чернов, убийца боится показать людям лицо, прячет его под низко надвинутой шапкой-ушанкой.

Следом за ним развязной походкой направляется к скамье подсудимых Гранкин. На его губах подобие улыбки. С тупым и бессмысленным взглядом, стараясь казаться безобидной овцой, последним усаживается предатель Фомин.

Взгляды, полные презрения и ненависти, обращены к палачам.

Гранкин и Фомин добровольно пришли в фашистскую полицию. Кровью замученных ими советских людей они доказали свою преданность оккупантам.

Вскоре Чернова назначили начальником городской полиции, Гранкин стал следователем, Фомин – секретарем, а впоследствии – начальником отделения полиции.

Бандиты и их подчиненные рыскали по городу в поисках коммунистов, партизан, военнослужащих Советской Армии, евреев и всех активно борющихся с захватчиками.

По приказанию гестапо шайка полицейских, возглавляемая Черновым, арестовывала ни в чем не повинных людей, истязала их и расстреливала.

Аресты и допросы сопровождались зверскими пытками. Арестованных избивали плетью и палками, выкручивали им руки, отрезали носы и уши, выкалывали глаза, фашисты снимали одежду со своих жертв и делили ее между собой.

За пять с половиной месяцев оккупации были арестованы и расстреляны тысячи жителей города и прилегающих к нему районов: Краоносулинского и Родионово- Несветайского.

В расстрелах советских людей принимали участие Чернов, Гранкин и Фомин. Их руки обагрены кровью коммунистов В. Д. Долгова, М. Н. Буракова, С. М. Тишанского, И. Ф. Иванова, А. И. Иванковой, Т. И. Доценко, И. Я. Резникова, Д. В. Письменского, О. Е. Чалова и многих других патриотов.

Особым зверством отличался Гранкин, который лично расстрелял без всякого суда и следствия коммунистов Боева и Куримова, замучил многих других людей.

65-летию Великой Победы посвящается

Озверелый бандит возглавил расстрел группы инвалидов, стариков и душевнобольных, вывезенных из поселка Ютинская балка.

Он избивал десятки людей. Производя обыск в квартире М. Титовой, он жестоко избил ее и сбросил вниз головой в подвал. Титова на всю жизнь осталась инвалидом.

Фашистские приспешники Чернов и Гранкин организовывали массовые облавы с целью истребления преданных родине людей, устраивали повальные обыски и отбирали личное имущество граждан. Они угоняли советскую молодежь на каторжные работы в Германию.

Суд перешел к допросу подсудимых.

Невозможно без волнения перечитывать материалы этого процесса.

Перед трибуналом стоит подсудимый Чернов.

Председательствующий. Скажите, Чернов, какие функции выполняли вы как начальник полиции?

Чернов. Я давал установку к действиям полицейских.

Председательствующий. К каким действиям?

Чернов. Арестовывать людей.

Председательствующий. В чем были повинны люди, которых арестовывала полиция? За что вы лишали жизни тысячи людей?

Чернов. Их обвиняли во враждебном отношении к немецкой армии.

Председательствующий. Расскажите о судьбах арестованных.

Чернов. Все арестованные, за очень редким исключением, на машинах вывозились за город и расстреливались.

Председательствующий. Где производились расстрелы?

Чернов. На месте бывшего аэродрома, в Бугултаевской балке, в саду водонапорной станции.

Председательствующий. Куда девали одежду убитых?

Чернов. Одежду расстрелянных полицейские делили между собой.

Председательствующий. Себе вы брали что-нибудь из этих вещей?

Чернов. Да, брал и носил их.

Председательствующий. Вы не ощущали, что на этих вещах запеклась кровь русских людей, убитых вами?

Чернов. Да, чувствовал, ощущал. Я – палач.

Председательствующий. Скажите, подсудимый, вы принимали лично участие в убийстве советских граждан?

Чернов. Да, я сам застрелил двух человек, из них один был коммунист.

Прокурор. Вы могли бы освободить арестованных советских людей?

Чернов. Мог. Но сознательно не делал этого. Мы убивали их. Наглое заявление убийцы вызвало в зале бурю негодования. Допрашивают Гранкина.

Сперва он пытается отрицать свои кровавые преступления. Однако, припертый к стене показаниями свидетелей, сдается.

Председательствующий. Подсудимый Гранкин, расскажите о расстреле советских граждан из Ютинской балки.

Гранкин. Вместе с полицией на автомашинах я сделал два рейса в село. Мы забрали стариков, детей, одного инвалида без ноги и несколько человек умалишенных. Всех вывезли прямо на аэродром и там расстреляли. Я лично расстрелял двух человек.

Председательствующий. А сколько вы всего застрелили?

Гранкин. За период работы в гестапо я убил четырех человек.

Председательствующий. Куда вы стреляли при расстрелах?

Гранкин. Я стрелял в голову.

Председательствующий. Почему вы отступили с фашистами и в оккупированной ими Украине по-прежнему работали в полиции?

Гранкин. Я – враг Советской власти...

... Последним допрашивали ярого врага советского народа Фомина, боровшегося против Советской власти еще в 1918 году в белогвардейских войсках генерала Краснова. Когда Красная Армия разгромила белогвардейцев, Фомин эмигрировал за границу, но в 1922 году вернулся в СССР.

Председательствующий спрашивает у Фомина, что побудило его с первых же дней прихода вражеских войск пойти на службу в гестапо.

Фомин. Я считал, что Красная Армия сюда больше не вернется.

Председательствующий. Значит, вы решили помочь врагу?

Фомин. Да.

Председательствующий. Кто допрашивал Даниила Васильевича Письменского?

Фомин. Я допросил и передал протокол допроса в гестапо.

Председательствующий. Какова дальнейшая судьба Письменского?

Фомин. Он расстрелян.

65-летию Великой Победы посвящается

Председательствующий. За что вы избили розгами гражданку Большакову?

Фомин. Мне сообщили, что она взяла на угольном складе два куска угля.

Военный трибунал переходит к опросу свидетелей. Один за другим они дополняют картину страшных злодеяний.

С обвинительной речью выступил помощник военного прокурора СКВО. Его слова о мощи Красной Армии, о высоком моральном и политическом единстве советских людей неоднократно прерывались аплодисментами всего зала.

– Но, – заявил он, – в семье не без урода. На этих уродов, на это охвостье и опирался враг в период оккупации.

– Петлю им на шею!

– Смерть изменникам родины! – единодушно потребовали присутствовавшие.

Палачи были осуждены и стерты с лица земли¹.

* * *

Передо мною акт, датированный 30 марта 1943 года и подписанный 11 новошахтинцами. Под актом стоит фамилия и.о. председателя горисполкома Л. А. Клевцовой, машиниста врубовой машины шахты имени ОГПУ Г. Н. Белоусова, крепильщика шахты «Западная – Капитальная» Т. Я. Казакова, работницы шахты № 3 М. Т. Ляшковой, заведующего шахтой № 3-2/бис К. П. Гурцева, главного врача горбольницы А. И. Сухачева, учительницы и ученика школы № 1 В. П. Подчередниченко и А. И. Сурначева, капитана Г. Е. Шпакова, председателя женсовета Ю. К. Андреевой, домохозяйки, матери казненного немцами А. И. Иванковой, М. М. Иванковой. В акте приводятся подробности «хозяйничания» немцев в Новошахтинске. Приведу выдержки только из одного раздела большого перечня зверств и насилия над нашими земляками.

«После освобождения Красной Армией города от оккупантов в одной из комнат зданий полиции, которая находится в поселке шахты «Западная – Капитальная», были найдены тысячи человеческих зубов».

«За городом в районе аэродрома, балки Бугултай, водонапорной башни обнаружено 29 больших ям, в них – тела расстрелянных стариков, женщин, детей. В 21-й из них на аэродроме свыше трех с половиной тысяч человеческих тел, изуродованных, со следами чудовищных истязаний (далее идет описание увиденного при вскрытии ям)».

В документах описывается, как новошахтинцы помогали жить военнопленным из лагеря, который находился на улице Кооперативной (ныне проспект Ленина), как наших земляков угоняли в Германию, как истреблялись евреи и как командир 336-й пехотной дивизии генерал-майор Лухт издал приказ перед отступлением из города о создании специальных отрядов поджигателей и подрывников. Они жгли уголь, разрушали и жгли жилые дома, промышленные объекты.

В городе немцы взорвали и сожгли 205 жилых домов, 245 промышленных сооружений. Были выведены из строя вся электросеть, телефонная станция, водопровод, типография, хлебозавод, мыловаренный, кирпичный, кожевенные заводы, гончарное производство. Немцы разрушили лучший корпус больницы, разграбили больничное имущество, уничтожили медикаменты. Особую ненависть, как отмечено в акте, проявили оккупанты к культурно-бытовым учреждениям, ценностям города: сожгли здания горсовета, горкома партии, летний кинотеатр, клуб южной группы шахт, 8 библиотек и читальный фонд, уничтожили 11 памятников.

И еще одна цифра, которую нельзя не привести: за время своего пребывания в городе Новошахтинске, фашисты нанесли народному хозяйству города убытки, которые исчислялись суммой в 767 960 785 рублей (в ценах 1926–1927 годов).

Закljučается акт эмоциональным абзацем: «Мы хотим, чтобы об этом знал весь советский народ, вся Красная Армия и беспощадно мстила фашистским “людоедам”...».

Красная Армия вошла в наш город 13 февраля 1943 года, и новошахтинцы со слезами на глазах, пережив потери, угнетение и разрушение любимого города, радовались его освобождению¹.

¹ Желтобрюх Л. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

В боях за наш город

Остроконечные стрелы, выступающие из Сталинграда, вонзаются в Новошахтинск и летят дальше на Северный Кавказ, Украину, Черноморское побережье, останавливаются в Севастополе. Это – карта боевого пути после Сталинградской битвы 315-й Мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии, освободившей наш город от фашистских захватчиков 13 февраля 1943 года. Помещена карта в книге Г. А. Дорофеева и К. М. Михтунца «315-я Сибирская в боях за Сталинград».

У дивизии, сформированной в Барнауле, славный боевой путь. Ее воины участвовали в Сталинградской битве и пошли далее на юг, освобождая от фашистов один за другим города и села Черноморского побережья Кавказа. Своими решительными действиями дивизия внесла значительный вклад в разгром гитлеровцев, оккупировавших Севастополь.

Авторы книги Г. А. Дорофеев и К.М. Михтунц (первый из них был тогда помощником начальника строевого отдела штаба дивизии, а второй, впоследствии гвардии полковник, – командиром 900-го отдельного батальона связи) конкретно указывают, что их дивизия освобождала наш город. Они пишут: «Шахты и Новошахтинск Ростовской области. Их тоже брали наши воины, освободили от захватчиков».

Экземпляр книги, который оказался в моих руках, по всей вероятности, в прошлом принадлежал Нине Ивановне Серебро, потому что на нем дважды значится ее факсимиле: «656052 г. Барнаул-52, ул. Северо-Западная, 163-57». В книге помещена фотография, подпись под которой гласит: «Санинструктор 362-го стрелкового полка Н. И. Серебро».

Несколько раз здесь упоминается ее фамилия в связи с различными ситуациями во время боев. Приведу эпизод, который произошел на окраине Сталинграда, когда наши войска брали одну из высот на железнодорожном разъезде. «Со всех сторон раздавались стоны раненых. К ним на помощь спешили санинструкторы и санитарки. Презируя смерть, спасали жизнь раненым. Нина Серебро в тот день вытаскивала на плащ-палатке уже десятого тяжелораненого бойца и вдруг пошатнулась и упала. Кто-то из воинов крикнул: «Нашу Нину убили». Но Нина оказалось жива. Далее указывается, что Н. И. Серебро в 1962 году, когда книга была выпущена Алтайским книжным издательством, жила в Барнауле и работала медсестрой. В книге есть и пожелание молодому поколению. Вот оно: «Читайте, помните и чтите память героев минувшей войны! Свято храните и приумножайте их героическое дело, несите с достоинством эстафету мужества и героизма!» (из книги Г. А. Дорофеева и К. М. Михтунца «315-я Сибирская в боях за Сталинград») ¹.

* * *

Гвардии полковник запаса Александр Петрович Олейник, участник боев за Новошахтинск, живущий в городе Оренбурге, прислал письмо. В нем – воспоминания о суровых военных годах, о боях и походах, о друзьях – товарищах и о великой любви к своей многострадальной Родине. Он пишет:

«Вьюжный, колючий февраль 1943 года. Метели, морозы, заснеженные поля вокруг Сталинграда, усеянные глубокими воронками, разбитыми машинами, танками, трупами лошадей... Советские войска, разгромив крупную вражескую группировку Паулюса, неудержимо устремились от Сталинграда на юго-запад в направлении Ростова. Впереди по бездорожью, по заметенным полям, через многочисленные балки и овраги двигались конница и танки.

32-я Краснознаменная кавалерийская дивизия 3-го гвардейского кавкорпуса под командованием опытного и храброго генерала Александра Федоровича Чудесова, сметая на своем пути вражеские заслоны, все дальше удалялась на запад. С ходу прора-

¹ Михайлов А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

вала оборону немцев на реке Северский Донец у хутора Почтовый и двинулась на хутор Евсеевский, разбросавший свои хаты по речушке Кундрючей. Фашисты пытались остановить здесь конников. Но дивизия в короткой схватке разгромила противника и устремилась на Киреево-Кадашовский. В районе этого населенного пункта немцы, прикрывая подступы к городу Шахты, создали довольно прочную оборону, превратили Киреево-Кадашовский район в опорный пункт. По речке Кадашовка были подготовлены оборонительные рубежи, усиленные плотным огнем всех видов оружия. Гитлеровцы возлагали на этот район большие надежды, замышляя втянуть наши части в затяжные бои, сковать огнем и тем самым снизить темпы наступления дивизии. Но враг просчитался...

Генерал Чудесов, изучив разведданные, разгадал замысел врага. Он решил с наступлением темноты обойти укрепленную Киреевку с северо-запада и внезапным ударом с тыла уничтожить противника. В ночном бою враг был разбит, потеряв около 200 солдат и офицеров.

Были захвачены трофеи – 3 пушки, 10 пулеметов, 7 минометов, 2 радиостанции, подводы, лошади...

Перед полками дивизии была поставлена задача: овладеть хутором Табунчиков, выйти к линии железной дороги Горная-Аюта и заблокировать ее. Эта задача была выполнена.

Занимался рассвет. На горизонте виднелись высокие терриконы Новошахтинска. В бинокль из наблюдательного пункта хорошо были видны движущиеся по дорогам машины и отдельные группы фашистов.

Подтянув артиллерию и тылы, дивизия А. Ф. Чудесова повела наступление на Власово-Аюту, имея последующую цель – Новошахтинск. Попытка взять Власово-Аюту с ходу не удалась. А ждать было нельзя. По данным разведки немецкое командование начало выдвигать в район Новошахтинска свои резервы. Генерал Чудесов решил частью войска блокировать Власово-Аюту, а остальными силами ударить с севера и наступать на Новошахтинск.

Непосредственно у города, возле железнодорожной линии, наши подразделения встретили яростное сопротивление противника. Необходимо было срочно уточнить расположение огневых средств врага. Тогда лейтенант Евгений Перегудов с группой разведчиков пробрались в город и с помощью местных жителей установили места расположения вражеской артиллерии, минометов, пулеметных

точек. По этим целям артиллеристы под командованием полковника Андрианова открыли огонь.

При поддержке артиллерии кавалеристы 197-го полка майора Трудгонова бросились в атаку, смяли противника и вышли на восточную окраину города. Одновременно перешел в наступление 86-й кавполк подполковника И. Дядькина. После ранения подполковника в командование полком вступил его заместитель по политчасти майор Федор Манов. В результате стремительных и решительных действий 86-й кавалерийский полк одним из первых пробился к центру города.

В разных местах Новошахтинска шел бой. В одном из зданий фашисты установили пулемет и открыли шквальный огонь по наступающим. Бойцы залегли. Сержант Горжев и рядовой Петренко, взяв по связке гранат, ползком подобрался к зданию. Раздался оглушительный взрыв. Из окон взметнулись языки пламени, повалили клубы дыма. И все смолкло... Наши подразделения бросились вперед.

На одной из улиц путь наступающим преградил фашистский танк. Он вел огонь из пушки и пулемета. В это время неподалеку оказалось противотанковое орудие. Командир орудия старший сержант Кауменов, недолго думая, развернул пушку и прямой наводкой начал бить по танку. Вторым выстрелом вражеский танк был подбит. Охваченный пламенем, он завертелся на месте, разметывая снопы огня и смрадного дыма.

Около роты гитлеровцев засело в районе лесного склада. Майор Манов приказал окружить немцев. Конники, укрываясь за строениями и рельефами местности, быстро замкнули кольцо окружения. Гитлеровцы стали бросать оружие и сдаваться.

Противник еще не терял надежды на удержание города. Подтянув спешно резервы в район Соколово-Кундрюченского, фашисты перешли в контратаку. Но артиллеристы Андрианова и подросшие наши танкисты перемололи до двух вражеских батальонов. Уцелевшие фашисты в панике разбежались.

К исходу 13 февраля 1943 года город Новошахтинск был полностью освобожден от фашистских захватчиков. Над городом взвилось победоносное Красное Знамя. Знамя свободы...».

Читаю письмо Александра Петровича Олейника и словно наяву вижу радостные лица новошахтинцев, встречающих своих освободителей. Священный долг живых – помнить об этом. Помнить

65-летию Великой Победы посвящается

о тех, кто ценою своей жизни стремился хоть на миг приблизить конец войны, приблизить Победу¹.

* * *

...В январе 1943 года началось зимнее наступление Красной Армии. Новошахтинск был освобожден воинами 1328-го стрелкового полка, 315-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии в 10 часов утра 13 февраля 1943 года. Наступление 315-й стрелковой дивизии поддерживали части 32-й кавалерийской дивизии 3-го кавалерийского корпуса. Немецкие войска пытались закрепиться и остановить наступление 5-ой ударной армии на рубеже балки Аюта, на подступах к нашему городу. Наступающий 724-й полк 315-й стрелковой дивизии встретил сильное сопротивление немцев. В завязавшемся бою противник потерял убитыми до 100 солдат и офицеров. 724-й полк своими активными действиями сковал обороняющиеся немецкие войска на балке Аюта, 1328-й стрелковый полк совершил обходной маневр по реке Кундрючьей и внезапно занял город. Немцы, боясь окружения, оставив позиции, бежали на реку Малый Несветай.

На реке Кундрючьей от огня 1328-го стрелкового полка немцы потеряли убитыми и ранеными более 50 солдат и офицеров бросили 5 автомашин, один паровоз и один подбитый бронепоезд. Командующий 5-й ударной армией генерал-лейтенант Цветаев за освобождение города Шахты и Новошахтинска был награжден орденом Суворова 1-й степени, медали «За боевые заслуги» получили сержант стрелкового полка Петр Лыков и рядовой Трифон Нужный.

В феврале 1943 года с передовыми частями 315-й стрелковой дивизии прибыл в освобожденный город Новошахтинск военный фотокорреспондент советский писатель Константин Симонов, автор книг «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются».

Сегодня с гордостью и любовью мы вспоминаем наших земляков – участников освобождения Новошахтинска – старшего сержанта Николая Михайловича Отрошко, кавалера двух орденов Красного Знамени, награжденного пятью боевыми медалями, Павла Анд-

¹ Серов Г. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

реевича Соколовского, гвардии старшего лейтенанта, командира минометной роты, награжденного орденом и медалями, Михаила Федоровича Курочкина, партизанившего в районе реки Миус и прибывшего в Новошахтинск вместе с военными частями, освобождавшими город. Он награжден медалью «За отвагу».

Жуткую картину представлял Новошахтинск после освобождения. На шахтных дворах – обгорелые бревна, исковерканные металлические конструкции. Горные выработки были затоплены. Пришло в негодность электрическое хозяйство, не работал водопровод.

Началось восстановление шахт и предприятий. Нелегкая ноша легла на плечи женщин, подростков, стариков. Учитывая важность восстановления разрушенных войной шахт и массовый героизм трудящихся Несветая, командующий Южным фронтом генерал Толбухин учредил переходящее Красное Знамя. В августе оно было присуждено горнякам треста «Несветайантрацит» за досрочное выполнение плана по восстановлению шахт, 1369 человек были награждены орденами и медалями.

* * *

О разгроме немецких и румынских войск под Сталинградом жители Новошахтинска узнали еще в декабре. Сведения эти могли просачиваться только через подпольные радиоприемники или от румынских солдат в доверительном разговоре с хозяйками своих квартир. В январе все жители города стали ожидать прихода Советской Армии.

Это было заметно по поведению немцев. В середине января они ликвидировали лагерь военнопленных в помещении средней школы № 1.

Оставшихся в живых несколько десятков русских пленных они погрузили в вагон и вывезли в сторону железнодорожной станции Горная. В январе были расстреляны все арестованные граждане Новошахтинска, Красного Сулина, Гуково и сел Родионово-Несветайского района.

12 февраля сбежали из города все полицейские. В числе их убежал и наш сосед полицейский с улицы Горького – Кухарев. На рассвете немецкие солдаты, расквартированные в поселке шахты имени Горького, по тревоге выбегали из квартир, быстро строились и уходили по дороге на хутор Ильичевка. Немецкие старшины забе-

65-летию Великой Победы посвящается

гали в каждый дом, чтобы проверить, не остался ли где случайно немецкий солдат.

Прошло не более пяти минут после ухода немцев, как над крышами домов просвистели почти одновременно два снаряда и разорвались на пустыре между школой № 2 и поселком им. Белышева. Наступила тишина.

В половине десятого жители увидели солдат в серых шинелях и с красными звездочками на шапках-ушанках. Радость людей была безграничной. Все выбежали на улицу, обнимали солдат, тянули их в дома поесть и обогреться. Но солдаты торопились. Это была разведка 1328-го стрелкового полка. А еще через полчаса в поселок имени шахты Горького пришли целые подразделения наших войск¹.

* * *

Виктор Степанович Гейко – участник Сталинградской битвы и освобождения Новошахтинска от гитлеровских оккупантов, воевал на Матвеевом Кургане, под Таганрогом, на Миус-фронте. В одном из сражений он был тяжело ранен. После излечения получил вторую группу инвалидности и вернулся в Новошахтинск, где до выхода на пенсию работал шахтером. Окончив механический факультет Новочеркасского политехнического института, работал главным механиком, главным инженером в бывшей автоколонне № 1299.

– Уверен, – говорит Виктор Степанович Гейко, – что далеко не последнюю роль в нашей победе над гитлеровским фашизмом в годы Великой Отечественной войны сыграло осознание каждым солдатом, что он ведет битву не только за страну в целом, а и за свою, как сейчас принято называть, малую родину. Ведь у многих под гнетом оккупантов там, где он родился, остались мать, отец, жена, дети, братья и сестры, другие близкие люди. И хотя далеко не каждый непосредственно участвовал в освобождении своего родного города или села, но был уверен, что его товарищи по оружию сделают это. Это придавало силы, вселяло уверенность в том, что в конце концов враг будет разбит и уничтожен.

¹ Нечитайлова А. С. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

Мне выпала редкая доля: лично участвовать в освобождении родного Новошахтинска. Здесь я родился, здесь жил и учился, здесь призывался в армию, здесь жили мои родители, родственники и друзья.

Окончив училище по подготовке комсостава гвардейских минометчиков и получив звание гвардии младшего лейтенанта, я попал на Сталинградский фронт, где служил в качестве начальника разведки дивизиона. Наши «катюши» сыграли значительную роль в разгроме гитлеровцев в Сталинградской битве. «Катюши» не позволили соединиться немецко-фашистской армии Манштейна с армией Паулюса, которая оказалась в «котле». После победы в Сталинградской битве мы начали наступление на Ростовском направлении.

Наш дивизион пошел на Шахты, а затем на Новошахтинск, в который мы въехали на «катюшах» 13 февраля 1943 года. Я сразу бросился домой. Мы жили на нынешнем проспекте Ленина. К счастью, все мои родственники, остались живы. Меня встретили отец, мать, сестра, соседи и знакомые, а толпы ликующих горожан заполнили проспект, по которому мы двигались, и встречали нас приветственными возгласами, слезами радости, музыкой, песнями, пожеланиями окончательно разгромить врага и победоносно завершить Великой Отечественной, принести этим самым всем народам земного шара избавление от фашизма и долгожданный мир. Эти пожелания мы помнили всегда, они помогли одержать Великую Победу¹.

* * *

Была тихая зимняя ночь, белыми пушистыми хлопьями падал снег. Стояла непривычная для фронтовиков мертвая тишина, без слов ползли бойцы-разведчики. С ними был Шарыпов. Белые халаты делали их совершенно невидимыми на фоне белоснежной пелены. У самого края реки, на пригорке, стоял маленький домик. «Есть ли там немцы?» – размышлял про себя Шарыпов. Путь к домику был свободен. Держа наготове автоматы, подошли к двери. Шарыпов тихо постучал в окно. Осторожно открылась дверь.

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

В ней показалась старушка. Нет, она не ошиблась. Перед ней стояли бойцы Красной Армии. Она еще раз посмотрела внимательно с ног до головы на каждого, на красные звездочки на шапках.

– Это мы, бабуся, свои! Разве не узнаешь? – говорил Евгений, осторожно и нежно беря старушку за плечи.

– Наконец-то, дождались, сыночки мои родные!.. Идите сюда, в сарай, а то в хате полно немцев, как бы не учаяли они вас.

В темном сарайчике по-матерински, по-русски расцеловала она всех бойцов, затем точно и последовательно рассказала, где стоят пулеметы, пушки.

– А штаб ихний, сыночки, напротив церкви, где школа была, – торопливо рассказывала разведчикам старушка...

Под прикрытием артиллерийского огня, зарываясь в снег, ползли бойцы к станице. Вокруг рвались снаряды и мины, со свистом проносились в воздухе осколки. Наступление велось одновременно с двух сторон. Бросая оружие, немцы пытались спастись бегством. Но их темные, бегущие по заснеженным дорогам фигуры четко выделялись

Сержант Шарыпов в числе первых проник в штаб немцев. Немцы только что покинули его. Всюду были следы их поспешного бегства – валяющиеся стулья, надвое разорванная карта, рассыпанные под столом ордена, предназначенные для вручения гитлеровским молодчикам, недопитое вино...

12 февраля Красная Армия очистила город Шахты. 13 февраля на рассвете бойцы части подполковника Щеглова в числе первых со стороны Южной группы ворвались в Новошахтинск. Восторженно, с напередаваемой радостью встречали шахтеры своих освободителей. Над молодым горняцким городом вновь взвилось Красное знамя. Возвратилась радость, жизнь...

Прошел месяц. В тяжелых боях на Миус-фронте был ранен сержант Шарыпов. На излечении он находился в городе Новошахтинске. Глубоко в сердце бойца запала нежная материнская забота женщин-горнячек. Тогда он прислал письмо в редакцию. Участник-боец за Новошахтинск товарищ Шарыпов пишет: «Я с глубоким удовлетворением вспоминаю дни, проведенные в Новошахтинске. Здесь была проявлена действительно материнская забота о раненых, о здоровье воинов. Будучи в Новошахтинске, я наблюдал, как шахтеры наступают на уголь. Сердце радуется, когда видишь такое стремление горняков, когда каждый человек отдает

все, лишь бы усилить помощь своей освободительнице – Красной Армии. В день первой годовщины освобождения Новошахтинска хочется еще раз выразить благодарность горнякам и горнячкам молодого шахтерского города. 13 февраля 1944 г.»¹.

* * *

Каким был день 13 февраля 1943 года? Вспоминают наши землячки Екатерина Никифоровна Мясник и Ганна Александровна Роженова.

– Помню день 22 июня 1941 года, – тяжело вздохнув, начала разговор Екатерина Никифоровна Мясник, – мне было всего-то 12 лет. День был теплый, летний. Тут прибегает двоюродный брат Вася и дрожащим голосом говорит: «Катя, война!». Потом пришла заплаканная мама. Она прижала нас с братишкой Володи к себе и долго не отпускала...

Екатерина Никифоровна вытерла рукой набежавшую слезу. Отец Екатерины Никифоровны – Никифор Харитонов работал на шахте № 4, был коммунистом.

– Помню, – вспоминает Екатерина Никифоровна, – мы шли с мамой за водой и увидели папу. Он возвращался с шахтного партийного собрания. Подошел к нам, остановился и долго смотрел на нас. Потом тихо сказал: «Ухожу на фронт». Он мог бы остаться, у него была бронь, но как коммунист он не смог остаться в стороне. И ушел добровольцем защищать Родину. Мне запомнилось, как мы провожали отца. Папа шел, и все оглядывался, и махал нам рукой. Будто прощался навсегда. Таким он запомнился на всю жизнь.

Немцы вошли в город Новошахтинск в июле 1942 года. Самый страшный период в жизни города. Как жилось – тяжело вспоминать. К семье Екатерины Никифоровны прочно приклеилось звание «коммунистическое отродье». Немцам было известно, что ее отец – коммунист.

Екатерина Никифоровна вздохнула и тихо добавила:

– Моей главной целью было спасти 6-летнего братика Вовочку. Как только услышу свист снаряда, старалась прикрыть его собой.

¹ Аксенова И. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

Бедный братик. Смотрит широко раскрытыми глазами, помощи ждет...

Потом вдруг улыбнулась, морщинка на лице разгладилась:

– День 13 февраля 1943 года запомнился на всю жизнь. Мамин младший брат Коля, он старше меня всего на пять лет, прибежал утром и говорит маме: «Няня (так у нас называли старших сестер), я видел красноармейцев на лошадях. Наверное, разведка». Когда рассвело, узнали, что приближаются части Красной Армии. Весь наш поселок Бельшева собрался у балки. Вынесли столы, угощение, какое у кого было. Появилось красное знамя. Его сохранила и сберегла под страхом смерти одна женщина. Жаль, фамилии ее не знаю. И вдруг мы услышали песню «По долинам и по взгорьям...». Это были наши. Дорогие, долгожданные. Наши... Вы знаете, сколько было радости у молодых ребят – солдат. Они радовались каждой освобожденной деревне, каждому городу. А я ходила среди красноармейцев и спрашивала, не видели ли они моего папу. Мне говорили: «Ничего, девочка, вернется твой папка. Потерпи немножко». И мы ждали... В июле 1944-го пришла «похоронка»...

...Ганне Александровне Роженовой в 1941 году было 17 лет.

– Был прекрасный воскресный вечер, – начала воспоминания Ганна Александровна, – у нас был школьный выпускной бал. Но неожиданно в школу вбежал мой одноклассник Антон и закричал: «Война!». Прибежала домой, открыла дверь. И увидела плачущих мать и отца, державшего на руках четырехлетнюю мою сестренку Надю. У двери стоял папин походный рюкзак.

Отец обнял нас, прижал к себе, повернулся ко мне: «Ганночка, доченька моя, береги маму и сестренку. Ничего, скоро разобьем проклятых фашистов, и я вернусь...». Потом еще раз посмотрел на нас, стараясь запомнить навсегда. Не знал тогда папа, какой долгой и жестокой будет война.

Когда фашисты заняли Новошахтинск, темная ночь опустилась на нас. Каждый день – расстрелы, издевательства. Но мы верили: Красная Армия придет и освободит нас. И этот светлый день настал – 13 февраля 1943 год. Сколько было радости при виде наших солдат-освободителей. Все обнимали их, плакали. Я подошла к пожилому солдату с кровоточащим бинтом на голове и спросила, не видел ли он моего папу. Он отрицательно покачал головой, сказав: «Не расстраивайся, доченька, вернется твой батька. Жди».

Я ждала и мечтала, что обниму своего любимой отца, и счастье возвратится в наш дом. В начале 1945 года пришло извещение, что отец пропал без вести. Но я не верила, и мама не верила, а сестренка Надя все спрашивала «Скоро папа придет?».

9 мая 1945 года, как раз в День Победы, в дверь постучали. Я открыла – передо мною стоял бородатый мужчина, но я сразу узнала отца...¹.

* * *

Снимок «Ноктюрн» был сделан военным фотокорреспондентом газеты «Красная Звезда» Яковом Николаевичем Халипом 13 февраля 1943 года в развалинах сортировки шахты имени Кирова в Новошахтинске. Город только что освободили бойцы Южного фронта. День был пасмурным и холодным. Разрушены шахты и водоканалы, нет ни воды, ни света.

В это время для дивизионных разведчиков был дан концерт ансамбля 33-й гвардейской стрелковой дивизии. Я. Н. Халип сделал снимки всех номеров программы концерта. Но только снимок, который автор впоследствии назвал «Ноктюрн», получил широкую известность. С тех пор эта фотография обошла стенды десятков выставок, страницы многих изданий. Название «Ноктюрн» снимку дано не из-за музыки, которая тогда звучала. Музыка была темпераментная, бодрящая. Но значение поэтической минуты – передышки между боями – отвечает названию снимка. Сколько сосредоточенного спокойствия в тонком профиле баяниста, какое вдохновение в энергичном повороте головы скрипача, как задумчивы лица солдат-слушателей! Многих интересуют имена солдат-музыкантов, изображенных на снимке, и то, как сложились их судьбы.

Лишь годы спустя после долгих поисков удалось узнать эти факты. Это были солдаты – солисты ансамбля красноармейской песни и пляски 33-й гвардейской дивизии Виктор Андреевич Мирошников и Григорий Константинович Вакуленко.

Оба они ростовчане, до войны вместе учились в музыкальном училище: Виктор – по классу скрипки, Григорий – по классу ба-

¹ Серов Г. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 13 февраля 2003 года.

65-летию Великой Победы посвящается

яна. В первые дни Великой Отечественной войны вступили добровольно в ряды Красной Армии, были зачислены курсантами Орджоникидзевского пехотного училища. Окончить курс наук не удалось: скоро их аудиторией стало поле боя.

В тревожные июльские дни 1942 года училище было переброшено в район железнодорожной станции Суровикино и включено в состав 62-й армии.

В тяжелых боях курсантский батальон потерял убитыми и ранеными около 800 человек, а оставшиеся в строю около 300, в том числе Виктор с Григорием, вскоре влились в 33-ю гвардейскую дивизию.

В те жаркие дни было не до музыки и друзья меньше всего надеялись, что до Победы им доведется взять в руки музыкальные инструменты. Война есть война...

Но командование понимало, как нужны бойцам песня, хорошая музыка. Хотя и трудно было, но создали дивизионный ансамбль – небольшой концертный коллектив, который возглавил воспитанник Московской консерватории гвардии капитан Волков. Главными солистами в нем стали скрипач Виктор Мирошников и баянист Григорий Вакуленко.

Ансамбль полюбился солдатам. И хотя в концертах часто приходилось объявлять «антракты» на время вражеских атак, когда исполнители вместе со слушателями брались за оружие, его выстулений ждали, подолгу говорили о них и даже рецензировали в дивизионной газете. Только в дни боев под Сталинградом было дано больше двухсот концертов, показаны премьеры пяти программ!

Виктор и Григорий всегда были в центре внимания, играли все, что бы ни попросили: русские мелодии и «Венгерские танцы» Брамса, произведения классиков и упоительные вальсы Штрауса... Пусть не очень были податливы натруженные пальцы, не всегда чисты интонации – солдаты не слышали этих погрешностей. А слышали бы – простили, потому что в музыке было главное: живая душа...

Так было и 13 февраля 1943 года в Новошахтинске. После одного из боев ансамбль прибыл в подразделение, расположившееся на отдых прямо в разбитых домах на бывшей улице. Дул пронзительный ветер, но Мирошников и Вакуленко все же сбросили стеснявшие движения шинели. Устроились прямо на груде битого кирпича. Вокруг стояли бойцы, еще не остывшие от жара атаки.

В такие минуты хотелось играть особенно проникновенно, чтобы разгладились суровые складки на лицах, чтобы боль и усталость отступили перед дыханием музыки. Тогда-то и запечатлел их Яков Халип.

Разлучили друзей начавшиеся в августе бои в Донбассе. 33-я гвардейская дивизия несла большие потери, и ансамбль был расформирован, а его участники отосланы на передовую в свои подразделения. Через несколько дней Григорий Константинович Вакуленко у села Дьяково на Миус фронте был контужен и отправлен в госпиталь. По излечении его направили для прохождения службы в другую часть, так как 33-я гвардейская дивизия была переброшена в Латвию, и с ней дальше ушел Виктор Андреевич Мирошников. Там он и принял свой последний бой: ведь артисты дивизионного ансамбля были не только исполнителями, а и санитарами, связистами, вообще мастерами на все руки. В этот раз Виктор под огнем обеспечивал связь, был ранен вражеской миной под Кенигсбергом и о Победе узнал уже несколько дней спустя, когда пришел в себя на госпитальной койке в городе Даугавпилсе.

Он потом так и остался в этом городе. Стал педагогом музыкального училища и проработал в нем почти тридцать лет. Ансамбль скрипачей училища, победитель многих республиканских конкурсов – его детище. В нем воплотились все его исполнительские и педагогические чаяния и надежды.

А Григорий Вакуленко после войны обосновался во Львове. Он тоже вернулся к своей мирной профессии, окончил Львовскую консерваторию, четверть века преподавал в культпросветучилище, воспитал немало учеников...¹.

* * *

На окраинах Новошахтинска наши войска появились ранним утром 13 февраля, а в 10 часов утра первым в город вошел 1328-й стрелковый полк и проследовал в поселок Горького. Одновременно с ним по нынешней улице Комсомольской вошел 86-й кавалерийский полк. 362-й стрелковый полк вступил в город левее шахты имени Кирова и вышел в районе поселка Петровского.

¹ Тарико Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

724-й полк прошел через хутор Кошкино (ныне Новопавловка), вышел к поселку Соколово-Кундрюченскому и с боем освободил его уже на рассвете 14 февраля 1943 года. В этом коротком бою немцы потеряли убитыми и ранеными еще до 50 своих солдат. Наш полк также имел потери. Товарищи в мерзлой земле вырыли четыре неглубокие могилы и захоронили восемь солдат и сержантов и одного офицера. У могильных холмиков тогда не были поставлены какие-либо памятники, и фамилии погибших остались неизвестными. Уже после войны, в 1948 году, их останки были откопаны и захоронены в Братской могиле мемориала в поселке Соколово-Кундрюченском. В двух Братских могилах в 1-м и 2-м отделениях ТОО «Пригородное» захоронены восемь воинов, погибших при освобождении нашего города. Фамилии их тоже, к сожалению, неизвестны¹.

* * *

В справке из Центрального архива Министерства обороны РФ, в которой содержится информация об участнике Великой Отечественной войны Г. Л. Кацкове, который в составе 315-й Мелитопольской стрелковой дивизии освобождал Новошахтинск от немецких оккупантов в 1943 году...

Метель, мороз и ветер сопровождали солдат на всем протяжении наступательной операции советских войск на Дону. Совсем не южная погода, да ее и не ждали: февраль на дворе, знали, что наступление на вражеские части будет не простым. 315-я стрелковая дивизия, подразделения которой освобождали Дон и Кубань, была сформирована в марте 1942 года и вошла в состав действующей Армии с августа 1942 года. 188-я отдельная разведрота, в которой воевал Геннадий Кацков, вела разведку на подступах к освобождаемым городам и поселкам. На счету у воинов 315-й стрелковой дивизии, сформированной в Барнауле в Алтайском крае, немало освобожденных территорий. Участвуя в боях с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне с 23 августа 1942 года по 9 мая 1944 года, дивизия прошла боевой путь от Сталинграда до Севастополя. После освобождения городов Ростовской области, в

¹ Тарико Н. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

том числе и Новошахтинска, с 18 февраля по 16 июля 1943 года дивизия обороняла полосу на реке Миус, вела наступление в направлении Саур-могилы. С 31 августа 1943 года дивизия перешла в наступление, овладела городами Ворошиловград, Дзержинск.

Перед ответственным наступлением по освобождению Мелитополя дивизия две недели находилась на отдыхе.

8 октября 1943 года дивизия в составе 63-го стрелкового корпуса совершила 120-километровый переход на юг к реке Молочной, что под Мелитополем, и вступила в тяжелые бои. Немцы упорно обороняли город, не сдавая этот важный для них рубеж. Упорные, ожесточенные бои шли девять дней, в контратаках противника участвовало от 20 до 30 танков. 22 октября 1943 года дивизия освободила город Мелитополь и до 11 ноября преследовала отходящего противника. За успешную операцию ей было присвоено наименование – Мелитопольская.

Весь путь своего боевого соединения прошел и Геннадий Лукьянович Кацков. Как следует из архивной справки, он принимал активное участие в боевых действиях против немецко-фашистских захватчиков в составе разведроты 315-й стрелковой дивизии 5-й армии Южного фронта в должности следователя. 25 октября 1943 года в боях за Матвеев Курган на реке Миус получил тяжелое ранение, в результате чего ему ампутировали ногу. Много времени старшина Кацков провел в госпиталях, затем вернулся домой, в Иркутскую область.

О послевоенной, мирной жизни Геннадия Лукьяновича мы узнали от его жены. Жили они в Сибири, здесь поженились, в 1949 и 1950 годах у них родились дочери Люба и Галя. В начале 50-х годов было много предложений по приему на работу в самые разные области, в том числе – и в молодые шахтерские города.

Как-то Геннадий Лукьянович увидел среди городов знакомое название – Новошахтинск. «А ведь я освобождал этот город, у меня там остались знакомые – сказал он жене – Давай съездим, посмотрим». Съездили, посмотрели и в 1953 году перебрались в Новошахтинск всей семьей...

Все меньше их рядом с нами – фронтовиков, освободителей. И спасибо тем их родным, кто хранит о них память, кому не безразлична их уже такая далекая фронтовая юность. Юность, отданная за счастье, любовь, труд будущих поколений. И если вы хотите поделиться с нами информацией о ваших близких, не стесняйтесь

65-летию Великой Победы посвящается

это сделать сегодня. Это нужно не им, невернувшимся, ушедшим, это нужно нам, ныне живущим¹.

* * *

13 февраля 1943 года от немецко-фашистских захватчиков был освобожден город, в котором прошло мое военное и послевоенное детство. Несмотря на то, что прошло много лет, и мне в ту пору было неполных семь, многие эпизоды тех дней отложились в памяти на всю жизнь.

Помню наши деревянные сараи, заполненные до верха овсом и ячменем для корма лошадей немецкой хозяйственной роты, расположившейся недалеко от наших бараков на кирпичном заводе. Мы, полуголодные малолетки, проделав отверстие в задней стене сарая, не охраняемого часовым, воруем потихоньку это зерно, чтобы потом истолочь его в самодельной ступе, сделанной из многодюймовой трубы, а моя бабка Христиния из этой толченки сварит похлебку, кашу, испечет лепешки.

Мать ушла на менку куда-то в сторону Голуты, оставив годовалого братишку, и меня на попечение бабки. Мы сидим с бабкой у окна, Витька лежит в люльке, подвешенной к потолку. За окном, в стороне от карьера кирпичного завода то ли идут полевые занятия немецкой пехоты, то ли эта самая пехота укрепляет огневые позиции, готовясь к обороне. Сталинград уже состоялся, и скорость отступления гитлеровцев приобрела почти что звуковой характер. В комнату поочередно приходят по 2–3 немецких солдата с автоматами, чтобы обогреться. Окна замерзшие, и значит, на улице сильный мороз. По фанерным стенам и потолку, по кухонному столу взад и вперед снуют тараканы. Бабка почему-то прозвала их партизанами. Солдат замечает насекомых и с брезгливостью на лице указывает на них бабке. Бабка по недоумению восклицает:

– Партизаны! Партизаны!..

Немцы открывают огонь из автоматов по потолку, не обращая внимания на люльку с ребенком. Потом, убедившись, что никаких партизан нет, дают бабке хорошую оплеуху и удаляются восвояси. А отверстия в потолке от пуль остаются до самого сноса бараков в 1957 году...

¹ Желтобрюх Л. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 12–13 февраля 2010 года.

В один из февральских дней со стороны Красного Сулина, Старой Соколовки и станции «27 км» раздаются орудийные залпы и автоматные очереди, и с криком «Ура!» лавиной движется людская масса с карабинами, автоматами, пулеметами, пешим строем и на лошадях, на машинах с орудиями. Это наступает Красная Армия, которую мы все ждали с нетерпением более полугода. Немцам некогда сопротивляться. Они уносят ноги в сторону совхоза № 6 по Соленой балке. Этот день – 13 февраля 1943 года. День освобождения...

Город освобождали воины ударной армии под командованием генерал-лейтенанта Вячеслава Дмитриевича Цветаева. После взятия Новошахтинска ему будет присвоено звание генерал-полковника, а в 1945 году – высокое звание Героя Советского Союза. Начальником штаба – будущий главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения и начальник Генерального штаба Советской Армии Сергей Семенович Бирюзов.

Непосредственно освобождали город стрелковые полки 315-й Мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии. Командир дивизии был Д. Куропатенко, боевыми действиями руководили командир полка М. М. Халявицкий, замполит В. П. Павлов, начальник штаба М. Д. Говор.

Первыми в город вошли батальоны капитана Д.П. Максименко из 362-го стрелкового полка и капитана Алешина из 724-го стрелкового полка. Особо отличился расчет в составе: М. П. Лыков – командир орудия, Т. В. Нужный – наводчик, Котреев – заместитель наводчика. Действующей армии помогал местный партизанский отряд. Благодаря его помощи было спасено 120 раненых советских солдат и командиров, находившихся в поликлинике, которую немцы перед отступлением пытались поджечь вместе с ранеными бойцами.

В освобождении города лично участвовали Александр Петрович Олейник, Александр Варфоломеевич Шуньков – начальник штаба 32-й кавалерийской дивизии. Знамя Победы водрузили над городом воины 315-й стрелковой дивизии.

Эти имена мы узнали позже на уроках истории и на уроках военного дела

Среди освобождавших город в феврале 1943 года был и мой отец, Пудов Василий Пантелеевич, артиллерист гаубичного орудия, награжденный в годы войны медалью «За отвагу». После ос-

65-летию Великой Победы посвящается

вобождения города, пока его часть находилась в пределах города, он несколько дней оставался дома. Вместе с соседом Николаем Алексеевичем Яковенко прирезали раненую лошадь, разделили мясо среди жильцов нашего барака, и мы питались этим мясом до конца февраля.

К сожалению, трагично сложилась судьба моего отца. Он с боями дошел до Берлина, а в день Победы, 9 мая 1945 года, был незаконно репрессирован и осужден по статье 58–10 ч. II «За контрреволюционную пропаганду». Освободился лишь в 1953 году. Фронт, лагерь, шахта подорвали его здоровье, и он умер сравнительно в молодом возрасте – в 52 года. Реабилитирован посмертно в 1989 году.

После освобождения города начались трудовые будни. Уже в 1943 году было принято Постановление Государственного комитета обороны «О восстановлении угольных шахт Донбасса». Несмотря на то что шла война и даже часть нашей области еще была под оккупацией, труженики Несветая принялись возрождать город и шахты. Многие молодые парни ринулись в горвоенкомат с просьбой об отправке на фронт. Это были 16–17-летние мальчишки 1926–1927 года рождения. Тогда ушел на фронт и мой дядя Иван Павлович Чернышков. Дошел до Кенигсберга, был дважды ранен, закончил войну в Восточной Пруссии...¹.

* * *

«Навсегда в памяти останется день освобождения Новошахтинска. 13 февраля 1943 года жители со слезами радости встречали нас, приглашали к себе домой, делились последним куском хлеба. Подростки с гордостью гурьбой шли за нами. Каждый старался хоть чем-то помочь воину-освободителю на его нелегком ратном пути. Это был для новошахтинцев настоящий праздник, который никогда не забудется, – вспоминает Хаким Хусейнович Зайкин, конный разведчик. – Этот день для меня памятен еще и потому, что с городом Новошахтинском моя жизнь была связана до войны: в 1940 году я работал грузчиком на материальном складе «Шахтжилстроя», который находился в районе шахты «Коминтерновская».

¹ Пудов А. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 13 февраля 2001 года.

Долог был солдатский путь до освобождения горняцкого города. При подходе к Несветаю мы знали, что фашисты зверствовали на оккупированной территории. За семь месяцев оккупации гитлеровские захватчики угнали в Германию тысячи юношей и девушек и около пяти тысяч новошахтинцев расстреляли. После изгнания фашистов в разных районах города было обнаружено много больших ям, наполненных трупами замученных и расстрелянных жителей. За эти зверства наша доблестная армия рассчиталась с фашистами сполна. Гвардейцы – кавалеристы 32-й кавдивизии, в составе которой я воевал, били их под Воронежем, Витебском, Брянском, Смоленском, Кенигсбергом...

Когда мы демобилизовались, нам в торжественной обстановке вручались благодарственные письма за подписью командира 3-го гвардейского кавалерийского Гродненского ордена Ленина Краснознаменного корпуса Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Н. Осликовского. В них говорилось: «Товарищ! Где бы ты ни работал: на заводе, в шахте, в колхозе – всюду высоко держи честь воина-победителя! Будь достоин доблестных подвигов гвардейцев-кавалеристов, которыми так богата была наша фронтовая жизнь... От души желаем тебе успехов в работе и счастья в личной жизни!».

Случилось так, что Х. Х. Зайкин приехал на Несветай в 1940 году. Стал работать в тогдашнем управлении «Шахтжилстрой». 25 июня 1941 года Новошахтинский военкомат призывает Х. Х. Зайкина в действующую армию. Его направляют в кавалерийское военное училище, после окончания которого он попадает в третий корпус 32-ой кавалерийской дивизии. С нею он прошел всю Великую Отечественную – от Новошахтинска до Берлина. Участвовал в Сталинградской битве, освобождал населенные пункты Ростовской области (в том числе, и Новошахтинск), Украину, Белоруссию, Польшу, участвовал в боевых действиях в Восточной Пруссии и в Берлинской операции, в исторической встрече союзных войск на Эльбе.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими. Но, естественно, наш первый вопрос ветерану о том, как был освобожден Новошахтинск, каким город и его жители предстали перед советскими солдатами в день освобождения?

«К тому времени я уже служил конным разведчиком 32-й кавалерийской дивизии, – говорит ветеран, – и оказался в числе

65-летию Великой Победы посвящается

тех, кто первый ступил на новошахтинскую землю. Мы, разведчики, проникли в город вечером, 12 февраля 1943 года, выяснили создавшуюся здесь обстановку и доложили командованию. Пользуясь нашими сведениями, впоследствии действовали все соединения, участвовавшие в освобождении Новошахтинска. Под их натиском фашисты поспешно бежали в район балки Аюта, где завязалось продолжительное сражение. Столкновения с фашистами были в некоторых местах города, пришлось преследовать бегущих врагов в поселке шахты имени Горького, по пути в Самбек, а также в районе поселка Южный. Но никогда не забуду ту теплоту, с которой встречали освободителей новошахтинцы. Слезы радости, счастливые улыбки и приветствия, крепкие объятия, хлеб-соль – словом, встречающие нас на всем пути следования принимали как самых дорогих, родных и близких им людей, приглашали в дома, угощали всем, что у них было».

Хаким Хусейнович рассказывает о 32-й кавалерийской дивизии:

– Конечно. У меня даже есть документ, где говорится, что 32-я кавалерийская дивизия своими истоками уходит в червонное казачество, которое зародилось в 1917 году в Харькове. В 1922 году дивизия стала именоваться 1-й Запорожской кавалерийской червонного казачества дивизией, а с 1938 года – 32-й кавалерийской. Под этим именем она вступила в Великую Отечественную войну и участвовала в ней. До этого в 1939–1940 годы она участвовала в освобождении Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии. С мая 1941 года по железной дороге была переброшена в Крым, где ее доукомплектовали, и уже после начала Великой Отечественной войны занимала здесь оборону почти до середины июля 1941 года. В дальнейшем в районе реки Птичь при взаимодействии с партизанами совершила 14-дневный рейд в глубокий тыл противника. Затем был 360-километровый марш по Воронежской области. В Елецкой операции дивизия освободила 33 села, уничтожила свыше пяти тысяч солдат и офицеров противника, вела крайне тяжелые бои в районе Рубежного. После Сталинградской битвы освобождала Ростовскую область. В дальнейшем вышла на реку Миус в районе Куйбышева и заняла оборону, затем была в резерве Южного фронта. Впоследствии совершала рейды в район Ржева, Сухинина, Каменки и участвовала в освобождении Смоленска, за что стала именоваться «Смоленской». Освобождала Белоруссию, Прибалтику, вела бои в

Восточной Пруссии. Перерезала автостраду Штеттин – Берлин. На правом берегу Эльбы соединилась с союзными войсками и на этом закончила свой боевой путь. Дивизия награждена орденом Суворова II степени, сотни ее воинов удостоены орденов и медалей, а троим – ефрейтору С. И. Болгарину, сержанту Я. Н. Наргану и лейтенанту А. М. Герману – присвоено звание Героя Советского Союза... В Новошахтинск дивизия вступила под командованием полковника Александра Федоровича Чудесова. Он возглавил нашу дивизию с сентября 1942 года по конец 1943 года. Продолжительное время – с 12 сентября 1943 года по 17 августа 1945 года – командиром 32-й кавалерийской дивизии был наш земляк, генерал-майор Иван Прокофьевич Калюжный. Он жил и работал в Ростове-на-Дону, много раз приезжал в Новошахтинск, встречался с боевыми товарищами, выступал с воспоминаниями о ратном пути кавдивизии¹.

* * *

В эти майские дни на улицах Новошахтинска особенно много убеленных сединами ветеранов Великой Отечественной войны в армейской форме и в гражданских костюмах с многочисленными боевыми наградами на груди. Среди них – воины 32-й кавалерийской дивизии, освобождавшей наш город от гитлеровских оккупантов. Они приехали со всех концов страны на свидание со своей боевой молодостью. Со всех сторон слышится:

– Вот здесь мы проходили по брусчатке, а теперь асфальт...

– А этих домов, да и самой улицы не было, а сейчас целый микрорайон вырос...

Вспоминает бывший командир 4-го эскадрона 121-го кавалерийского полка дивизии Иван Григорьевич Зайков:

– В ночь с 12 на 13 февраля 1943 года мы были на подступах к Новошахтинску. Наш эскадрон одним из первых ворвался в город и закрепился в районе шахты имени ОГПУ. Активно взаимодействуя, части 315-й кавалерийской дивизии на рассвете 13 февраля уже полностью освободили Новошахтинск.

– Об этом радостном событии, – вступает в разговор бывший старший сержант, начальник радиостанции штаба 86-го полка

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

Григорий Евстафьевич Бондарь, первым командованию по радио должен я. Но не только этим памятен для меня день освобождения Новошахтинска. Освободив город, мы колонной шли по одной из улиц. И вот неожиданно наперерез колонне бросились старик и две старушки и преградили нам дорогу. Когда мы присмотрелись, то оказалось, что это были изможденные до неузнаваемости голодом еще довольно молодые люди. Но еще удивительнее было то, что они держали перед собой полотенце, на котором лежал кусочек черного хлеба размером со спичечную коробку и на нем щепотка соли. Сколько лет прошло, а до сих пор у меня стоят перед глазами эти изможденные люди и их хлеб-соль!

– А мне пришлось в 1943 году побывать в Новошахтинске дважды, – говорит бывший разведчик 32-й кавалерийской дивизии Василий Ефтихеевич Смекалин, – освобождать его в феврале и в марте. Когда я был тяжело ранен уже на Миус-фронте, здесь я лежал в госпитале, ухаживала за мной тогда санитарка Мария Ипполитовна Пономарева. И вот более чем через 43 года мы снова встретились с ней. Оказывается, она и сейчас проживает в Новошахтинске...¹.

* * *

Абдурахим Якубович Якубов был приглашен в Новошахтинск на встречу ветеранов 32-й кавалерийской дивизии, которая в середине февраля 1943 года принимала участие в освобождении города от гитлеровских захватчиков.

– Наша дивизия вместе с другими воинскими частями, – вспоминает А. Якубов, – с ходу ворвалась в город. Несколько часов уличных боев – и он был освобожден. Больно было смотреть на город, разрушенные, сожженные дома. Из подвалов и убежищ к нам выходили измученные, исхудавшие люди, в основном старики и дети. Мы делились с ними своим солдатским пайком. Для детей организовали горячее питание.

Мирный же майский Новошахтинск, спустя 46 лет, встретил ветеранов теплом и улыбками. Были цветы, слезы радости. Были выступления перед школьниками, экскурсии. Особенно запомни-

¹ Телес А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

лась экскурсия по местам боев. Симпатичная девушка рассказывала о сегодняшних достижениях края, а в памяти Якубова оживали картины того далекого военного времени. Ему вспомнился бой на юго-западной окраине этого района.

Оставив Новошахтинск, гитлеровцы укрепились на левобережье реки Миус. За одну из операций, проведенных в этом районе, Абдурахим Якубович был представлен к ордену Красной Звезды. Эта награда нашла его в одном из госпиталей Новошахтинска, куда он попал после ранения.

– Невозможно забыть те чуткость и заботу, – говорит Абдурахим Якубович, – которые проявляли к нам, раненым, медицинские работники госпиталя. Когда спустя 43 года вновь побывал в Новошахтинске, то мне посчастливилось встретиться с санитаркой Марией Ипполитовной Пономаревой, которую мы тогда ласково называли Маша. Мирия Ипполитовна и сейчас проживает здесь. Трудно передать волнующие минуты нашей встречи. Мы плакали и смеялись, вспоминая трудное военное время.

Через полтора месяца А. Якубов вновь вернулся в свою часть. А спустя некоторое время был направлен в 375-ю стрелковую дивизию заместителем командира артиллерийского дивизиона по политической части.

В составе этого дивизиона он участвовал в освобождении Белграда, Харькова, Полтавы, Кременчуга. Каждый освобожденный город – новая страница военной биографии капитана А. Якубова. Наиболее яркая из них – форсирование Днепра. За эту боевую операцию А. Якубов был награжден орденом Отечественной войны II степени. А всего у него пять боевых орденов и десять медалей...¹.

* * *

Сразу после освобождения города люди приступили к восстановлению разрушенного. Каждый горел желанием внести свою лепту в восстановление родного города. В это тяжелое время страна нуждалась в топливе. Поэтому первой заботой руководства города, шахт, всех трудящихся было восстановление угольных шахт. Пробовали восстановить объекты соцкультбыта и жизнеобеспечения, школ,

¹ Иванов А. По материалам газета «Коммунист Таджикистана». 9 мая 1989 года.

65-летию Великой Победы посвящается

больниц, хлебозавода, да и жилого фонда. Стала выходить в свет городская газета «Знамя шахтера». До конца июля газета выходила на одном листе, форматом А4, на плохой оберточной бумаге, но выходила ежедневно, без выходных дней. Ответственным редактором был Сергей Никонович Иваненко. Несмотря на малый формат, газета освещала ход восстановительных работ, добычу угля на работающих шахтах, а также жизнь города, давала информацию с места боев, приказы Верховного Главнокомандующего.

К концу июня 1943 года заработали шахты имени Горького, № 2/3, им. Кирова, мелкие шахтенки. 27 июня трест «Несветайантрацит» досрочно выполнил месячный план угледобычи и до конца месяца обязался выдать на-гора еще 4000 тонн антрацита. В середине июля 1943 года была восстановлена городская больница с хирургическим, терапевтическим, родильным, гинекологическим и инфекционным отделениями. Через десять дней после освобождения города от оккупации был открыт военный госпиталь, который передали Южному фронту. Трудящиеся города взяли шефство над ним и госпиталем, расположенным в Новочеркасске.

Для быстрейшего восстановления шахт и их работы исполком городского Совета депутатов трудящихся 1 августа 1943 года принял решение «О мобилизации трудового населения для работы на шахтах: мужчин с 16 до 55 лет, женщин – с 16 до 50 лет». В каждом номере «Знаменки» были призывы к девушкам и женщинам: идти работать в шахту и заменить отцов, братьев, мужей. На эти призывы откликались сотни молодых девушек и женщин – как по велению сердца, так и по материальным соображениям. Подземным рабочим выдавали хлебную карточку на 1 кг 200 г хлеба в день, повышенные нормы на другие продукты. Выдавали спецодежду, которая служила и выходным платьем, мыло, которого у других не было и в помине. Да и зарплата была повыше. Многие девушки действительно заменили в шахте мужчин. Так, на шахту имени Горького пришла работать Мария Буракова, заменившая отца, замученного в застенках немецкого гестапо. Мария стала передовой навалотбойщицей.

19 ноября 1943 года вступила в строй действующих шахта № 5 («Несветаевская»).

Помимо рабочих профессий, предприятиям и службам города нужны были и руководящие кадры. На эти должности стали постепенно выдвигать наиболее активных людей. В школе № 11 на

должность директора школы был выдвинут мастер ЦОФ «Несветай» Бухарин, не имеющий педагогического образования, но тем не менее два учебных года неплохо руководивший школой. Ранее работавший в пожарной команде Украинский был избран первым секретарем ГЖ ВЛКСМ, а в дни болезни и первые дни после отъезда редактора газеты С. Иваненко временно исполнял обязанности ответственного редактора «Знаменки». Инкассатор из банка Берлев был избран секретарем парткома Алексеевской группы шахт, десятник Гусев – председателем профкома шахт, начальник участка Бурцев стал заведующим шахтой № 2/3.

Город не только трудился, но и учился, и отдыхал. Уже тогда появилась такая присказка: «У нас есть право доблестно трудиться и право есть культурно отдыхать».

В сентябре возобновились занятия в младших классах школ, а в октябре – старших. Старшеклассники трудились на полях совхозов № 6, 9 и колхозов Красногвардейского и Родионово-Несветайского районов. Предприятия города оказали школам большую помощь в ремонте зданий, парт, школьных досок, отопления и освещения, завозке угля. Я помню, что до самого моего окончания школы над школой шефствовала шахта «Западная-Капитальная», над другими школами – другие предприятия.

В город после освобождения приехали со спектаклем артисты драматического театра им. Горького из Ростова-на-Дону, а с 23 апреля по 7 мая на гастролях в городе был Ростовский театр музыкальной комедии, который показал 15 пьес вместо запланированных десяти. Работники киносети города провели в школах кинофестиваль с показом фильмов: «Кутузов», «Минин и Пожарский», «Александр Невский», боевые киносборники «Антоша Рыбкин». В летние каникулы на берегу Кундрючьей в Соколовке был открыт городской пионерский лагерь для школьников. Первым начальником лагеря был назначен председатель профкома шахты «Западная-Капитальная» Г. Супрунов.

В феврале 1944 в г. Новошахтинске открылся детский дом. Он тогда располагался в корпусе № 1 общежития шахты имени ОГПУ.

А город готовился отметить первую годовщину освобождения. Во Дворце культуры, клубах, школах проводились выставки, беседы, встречи с участниками подполья, партизанами, фронтовиками. В декабре 1943 года газета «Комсомольская правда» опубликовала

65-летию Великой Победы посвящается

материалы о «Молодой гвардии» Краснодона. Среди молодогвардейцев был и житель г. Новошахтинска Юрий Семенович Ваценовский. О нем также говорили на встречах с жителями города. Решением городских властей, поддержанным населением, торжества, посвященные первой годовщине, были перенесены на 14 февраля – на день освобождения города Ростова-на-Дону. И вот этот день настал. Это был всеобщий, всенародный праздник¹.

* * *

...После изгнания оккупантов Красной Армией на руины пришли оставшиеся в живых жители и закипела работа по восстановлению предприятия.

Медленно, но целенаправленно шахтная территория очищалась от завалов, были собраны и склепаны уже из металла ажурные копры – клетевой и позже скиповой. В первую очередь была смонтирована из оставшихся частей подъемная машина клетевого ствола для спуска людей в шахту, с трудом отремонтировали насосные, вентиляторные и другие сооружения. Долго пришлось откачивать тысячетонную водную массу, и перед глазами предстала удручающая картина.

В результате длительного затопления водой, насыщенной щелочью, кислотами, солями, полностью вышли из строя электроаппаратура, электрокабели, телефонная связь, разложились конвейерные прорезиненные ленты. Зумпфы и штыбоулавливающие бункеры под давлением, словно бетоном, были замурованы многометровым штыбным наносом. Во многих местах из-за обрушения кровли были выведены из строя горные выработки. Не хватало транспортеров, врубовых машин, моторов, канатов, стройматериалов, а главное – рабочих рук. В тяжелейших условиях, работая по 12–15 часов в сутки, люди все-таки преодолевали трудности, понимая, что на фронте еще тяжелее.

Хотя война была в самом разгаре, но уже тогда Советское правительство считало не менее важной задачей, чем изгнание оккупантов, восстановление народного хозяйства и в первую очередь угольной отрасли. Большое внимание было уделено проходке штреков, а

¹ Пудов А. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 13 февраля 2002 года.

потом уж и нарезке лав, что позволило начать выемку угля. Много уже было сделано. Но шахта не могла работать в полную силу, потому что действовал только клетевой ствол, по которому приходилось не только выдавать уголь, но спускать и поднимать смены рабочих, оборудование, крепежный лес, породу и находить время на ремонт и профилактику подъемного комплекса.

Только после полного изгнания немцев с Донецкой земли Старокраматорский машиностроительный завод имени Орджоникидзе в сентябре 1944 года сумел изготовить первую подъемную машину, которая после победы над Германией к всеобщей радости была установлена на угольном подъеме нашей шахты. С выдачей угля на-гора стало легче, а вот добывать его из забоя было гораздо сложнее из-за нехватки людей. Одни сражались или погибли на фронте, эвакуированные только возвращались.

Тяжело было без опытных мужских рук, и для выемки угля из забоя часто привлекались женщины – работницы поверхности, служащие, домохозяйки и, конечно, мы – недоростки – подранки войны, окончившие ФЗО, но имеющие хоть какие-то навыки в шахтерском деле. Работали без касок, без спецодежды, неизвестно во что обутые. Все это было сопряжено с опасностью и с нарушением элементарной техники безопасности. В общем, лозунг времен войны «Все для фронта, все для Победы!» был не пустым или отвлеченным понятием. Каждый делал все, что мог, и даже больше.

Многие из нас были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За восстановление угольных шахт Донбасса». И хотя эти медали были из меди и латуни, нам они казались дороже золота¹.

* * *

...Нужно было помогать взрослым восстанавливать полуразрушенные, захламленные немцами школы... Но эта забота была не единственной. Школьники продолжали собирать и отсылать на фронт свои подарки. В мае 1943 года учащиеся школы № 1 собрали и отвезли бойцам целую машину подарков.

¹ Е. Титов. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 28 августа 2003 года.

65-летию Великой Победы посвящается

Тяжело жилось всем в разгромленном фашистами Новошахтинске. Особенно трудно жилось детям в семьях фронтовиков. В пионерских дружинах повсеместно были созданы тимуровские отряды. Они собирали продовольствие и детские вещи и оказывали нуждающимся посильную помощь. Особенно много поработали тогда тимуровцы школ № 1, № 2, № 15. В некоторых семьях пионеры становились кормильцами, шли работать на шахту.

2 мая 1945 года Красная Армия водрузила Знамя Победы над Берлином, а 9 мая 1945 года Германия капитулировала. И в этой Победе есть доля труда наших пионеров...¹.

* * *

В первые же дни после освобождения города Новошахтинска от немецко-фашистских захватчиков трудящиеся приступили к восстановлению разрушенного хозяйства. Дела новошахтинцев были проникнуты чувством глубокого патриотизма и любви к Родине. Об этом свидетельствует, например, сбор средств на танковую колонну «Новошахтинский горняк».

Через месяц после освобождения города, 13 марта 1943 года, газета «Знамя шахтера» сообщала, что трудящиеся шахты № 3 единодушно решили внести наличными деньгами на строительство танковой колонны 4-дневный заработок. Сбор средств активно проходил в тресте «Несветайантрацит», в городской больнице, в типографии, в горисполкоме, в средней школе № 1 и на других предприятиях и учреждениях города, а также среди трудящихся. На 27 марта рабочие, служащие, домохозяйки нашего города собрали на танковую колонну «Новошахтинский горняк» 85300 рублей и облигаций государственного займа на 22685 рублей.

В эти дни все усилия трудящихся были направлены на помощь фронту.

Один за другим отправлялись эшелоны с несветайским углем в промышленные центры страны. В апреле 1943 года два эшелона с углем были отправлены в Москву. При торжественной отправке на эшелоны вывешивали красочные плакаты: «Жив Донбасс!». После член делегации, сопровождавшей угольный эшелон до Москвы,

¹ Самсонов Ф. Г. По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

отправленный накануне 1 мая, И. Петров писал в газете «Знамя шахтера», что делегация была принята наркомом угольной промышленности товарищем Вахрушевым, побывала в редакции «Правды», на заводе «Серп и Молот». Московские товарищи интересовались жизнью трудящихся в освобожденном городе, посадкой индивидуальных огородов, работой профсоюзных организаций и т. д. Москвичи в ответ прислали в наш город два вагона с подарками: белье, постельные принадлежности, канцтовары, библиотечки, учебники, оборудование для школьных физкабинетов, аптечки.

Документы свидетельствуют о том, что эшелоны с углем направлялись и в другие города нашей Родины. Недавно редакция газеты «Знамя шахтера» получила письмо из Ленинграда. Ленинградский журналист А. В. Васильев пишет: «27 января ленинградцы отметили славное 35-летие разгрома фашистских захватчиков под городом Ленина, полного снятия вражеской блокады. В связи с этой датой в Ленинградском партийном архиве и в центральном государственном архиве Октябрьской революции выявлен ряд документов, относящихся к тому времени. Вот один из них, озаглавленный «Заверяем вас!».

Ленинград. Обкому ВКП (б).

Горняки Ростовской области города Новошахтинска месячный план угледобычи выполнили на три дня раньше срока и взяли на себя обязательство за счет сверхплановой добычи отправить наш скромный подарок Ленинграду – эшелон высококачественного антрацита.

Материалы газеты «Знамя шахтера» свидетельствуют, что речь идет о досрочном выполнении майского плана угледобычи, когда за счет сверхплановой добычи, трудящиеся нашего города отправили три эшелона угля для Москвы, Ленинграда и Сталинграда¹.

* * *

Мы заканчивали первый класс Новошахтинской семилетней школы № 11. В ноябре 1944 года отправили посылки на фронт, а в декабре представитель комитета профсоюза шахты «Западная-Капитальная» вручал нам подарки. Многие девчонки и мальчишки

¹ Яценко В. По материалам Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера». 13 февраля 1979 года.

65-летию Великой Победы посвящается

получили кто ботинки, кто платище, кто костюм, кому-то выдали талоны на питание в столовой № 6. На больших переменах всем выдавали по кусочку хлеба, посыпанного сахаром. Трудное было время: шло восстановление разрушенного войной, но о нас, детворе, подростках, беспокоились. Я не помню случаев, чтобы в школе было холодно или не было света (учились в три смены). Не было учебников и тетрадей. Но и здесь выход находили. Наша «Знаменка» заменила нам тетради, мы писали поверх типографского шрифта. На класс, а было нас свыше 40 человек, приходилось два учебника – букваря. Учителя – женщины, и лишь директор школы да военрук – вот и все мужчины, которые нас окружали.

Мы с нетерпением ждали возвращения с войны наших отцов. Увы, не все вернулись домой, и не только по причине гибели. Некоторые, в том числе и мой отец, из огня попал в полымя за так называемую контрреволюционную агитацию: не то сказал в адрес некоторых политработников.

Но были рады возвращению отцов наших сверстников, просто незнакомых мужчин и особенно учителей. Пришли в фронта дядя Митя Степаненко – шофер-фронтовик, наш любимец за то, что позволял прокатиться на его полуторке; дядя Ваня Некрасов – инвалид без обеих ног, Иван Павлович Чернышков, ушедший на войну в неполные 17 лет. Почувствовали мы и приход в школу учителей-мужчин. Это Владимир Алексеевич Шумилин – директор школы, Тихон Иванович Бондаренко – завуч, Алексей Иванович Донсков – преподаватель физкультуры.

Нашей гордостью и любимцами стали начальник шахты Дза-сахов и бессменный заместитель начальника шахты, Герой Советского Союза Леонид Леонидович Стромкин, директор кирпичного завода Красиев, при которых были восстановлены шахты и заводы. В стройуправление пришли фронтовики В. Г. Четырин и И. И. Пичугин, в забое трудился И. Я. Майсак. На наших глазах эти люди восстанавливали разрушенное в годы войны: шахту, завод, жилой фонд, производственные помещения и строили новые. Многие фронтовики были удостоены трудовых наград. Среди них получили высокое звание Героя Социалистического труда Е. И. Духанин и И. Я. Майсак. Этих людей мы знали, гордились ими, и они проявляли заботу о нас, являясь депутатами.

Рядом с шахтой находился немецкий лагерь для военнопленных, а по соседству с нашей школой – румынский. И не стоит

забывать, что в восстановление шахт и других объектов вплоть до 1949 года внесли свою лепту военнопленные немцы, румыны, мадьяры.

Послевоенная жизнь была полна не только радостями побед в войне и на трудовом фронте, но и народным горем. Его принес голод 1946–1947 годов, репрессии за самую малость: собранные на поле колоски, опоздание на работу, за то, что был в плену, и просто за неосторожно сказанное слово.

Работал директором Дворца культуры шахты имени ОГПУ Ленский. Прекрасный человек, профессионал. И вот по доносу ему инкриминировали предательство «Молодой гвардии» в Краснодаре. Упекли на долгие годы в ГУЛАГ. Мне посчастливилось увидеться с этим человеком в 1971 году и узнать от него всю его эпопею: лагерь, отказ от него жены, реабилитацию...

А вот пример судьбы моего родного дяди, Ивана Павловича Чернышкова. Ему еще не было 17 лет, как он ушел на войну. Закончил фронтовой путь в Восточной Пруссии. Награжден орденом Красной Звезды. На фронте вступил в партию. Возвратился домой в 1946 году по ранению. Стал работать на шахте «Западная–Капитальная». Повысили в должности, стал механиком ЖКО. Донесли, что муж его сестры, т. е. мой отец, – «враг народа». И в результате его освободили от должности механика. Правда, из партии не выгнали и не посадили.

А сколько подобных судеб было только в нашем поселке! Конечно, справедливость восторжествовала. Отец мой был реабилитирован в 1988 году по моему ходатайству. А сам он до этих дней не дожил, умер в 1960 году в возрасте 52 лет. Я преклоняю голову перед живущими и ушедшими из жизни фронтовиками, замечательными людьми Несветая, которые не только защитили нашу Родину от коричневой чумы, но и всю свою дальнейшую жизнь посвятили любви к своему родному городу и согражданам¹.

¹ Пудов А. Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

Хроники военных лет

По страницам «Знамени шахтера»

Радио в городе. Началась трансляция радиопередач в городе. На Садовой улице установлен мощный рупор. Трудящиеся нашего города получили возможность ежедневно слушать последние известия. Новошахтинский радиоузел приступил к установке радиоточек на квартирах горняков. При радиоузле организовано изготовление репродукторов. *10 марта 1943 года.*

В библиотеке. При городском парткабинете открылась библиотека. В библиотеке собраны труды классиков марксизма – Маркса, Энгельса, Ленина. Каждый день библиотеку посещают десятки трудящихся. Подолгу в библиотеке просиживают за книгами агитаторы т.т. Ульяновца, Грязнева, Стадникова, Вдовина и другие. Они подбирают необходимую литературу для своих докладов и бесед. *10 марта 1943 года.*

На танковую колонну. Вчера трудящиеся шахты № 3 на посменных собраниях обсуждали обращение коллектива рабочих и служащих совхоза №9 о мобилизации средств на танковую колонну «Новошахтинский горняк». Рабочие и служащие единодушно решили внести наличными деньгами на строительство танковой колонны 4-дневный заработок. *10 марта 1943 года.*

Шахты перевыполняют план. Горняки треста «Несветайантрацит» с каждым днем увеличивают добычу угля. Восстановив свои шахты, они поклялись ежедневно удваивать свою производительность. Большевицскими делами они подкрепляют свое обещание.

Так, горняки восточного шурфа шахты имени Кирова 11 марта выдали угля на 20 тонн больше, чем предусмотрено планом. Уголь сверх плана выдали горняки шахты № 3. За первую декаду новошахтинские горняки выдали более 200 тонн угля сверх плана. *13 марта 1943 года.*

Депутаты действуют. 7 месяцев нельзя было произносить слово – депутат городского Совета. Фашисты уничтожали избранников народа, и лишь после прихода родной Красной Армии депутаты городского Совета вновь начали свою почетную работу.

Сейчас горисполком проводит регистрацию депутатов и поручает каждому из них специальную работу. *17 марта 1943 года.*

Работают за двоих. Работать за двоих – вот лозунг каждого советского патриота в дни войны. Горняки шахты № 3 с честью выполняют свой гражданский долг перед Родиной. Они с каждым днем увеличивают свою производительность труда. Зарубщики т.т. Голубов, Журкин и Долгополов, изучив свою профессию, добились выполнения двух норм в смену. По стахановски работают выгрузчики лав т.т. Тугов и Тимошенко. Они ежедневно выполняют по две нормы и вдвоем очищают столько забоя, сколько в мирное время очищали 4 рабочих. *19 марта 1943 года*¹.

Боевые листки

Они принадлежали 7-й гвардейской артиллерийской батарее, которая прошла трудный путь от Москвы до Одера. Редактором был старший сержант, наводчик, новошахтинец Леонид Александрович Никитин. Боевые листки воспитывали у солдат ненависть к врагу, любовь к Родине, звали их на военные подвиги.

Военкоры писали:

«В разгар боя батарея оказалась под обстрелом вражеской артиллерии. Снаряды рвались у орудий. Ранен замковой Л. А. Шнилев, потом были ранены замковой Кравцов и телефонист Заболотный. Все раненные гвардейцы, преодолевая боль, остались на своих местах и продолжали бой. Заболотный и Кравцов представлены к награде – ордену Славы. *20 июня 1944 года*»

¹ Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

65-летию Великой Победы посвящается

«Преграждая путь к Москве, 16 октября 1941 г. гвардии старшина П. С. Михайличенко со своим расчетом уничтожил более 100 немецких солдат, четыре пушки и десять минометов. За три года войны он подготовил десять гвардейцев командирами орудий, наводчиками и заместителями наводчиков, готовыми в бою заменить у орудия своих товарищей. *19 ноября 1944 года*»

«Расчет 1-го орудия заверяет своих командиров, что солдаты приложат все усилия и выполнят приказ товарища Сталина бить фашистов до полного уничтожения. *7 ноября 1944 года*»

«За десять месяцев батарея уничтожила 9 немецких артбатарей, одну установку реактивного миномета, два немецких танка, три бронетранспортера и много немецких солдат и офицеров. За проявленный героизм, отвагу и мужество награждены орденами и медалями 41 гвардеец – более 53 % состава батареи. *19 ноября 1944 года*»

«Перед нами стоит задача высвободить наших братьев и сестер, угнанных на каторгу в фашистское рабство. Разобьем немецких бандитов, обеспечим мирную и счастливую жизнь всему человечеству. *Февраль 1945 года*»¹.

* * *

В ноябре 1942 года 6-я Сталинская мотобригада прорвала немецкую оборону в районе деревни Черепы и пыталась обойти город Белый с юга. Не поддержанная соседними частями, бригада попала в окружение. Атакованная со всех сторон, она героически пробивала себе дорогу на соединение со своими войсками. В этом неравном бою бригада, потеряв убитыми более шестисот человек и половину танков, вырвалась из окружения. Штаб дивизии остановился в неглубокой балке у деревни Клемятино, теперь также исчезнувшей с лица земли. Недалеко впереди, в роще, непрерывно рвались снаряды и мины. В балке было много немецких землянок, но никто туда не заходил. Все они были заминированы. После многих усилий нашим минерам удалось разминировать только две. В этих землянках были заминированы столы, стулья, книги и даже куски хлеба. На некоторых землянках или вблизи них небрежно валялись несколько байковых одеял. Они были также заминиро-

¹ По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

ваны. Постепенно неглубокая балочка стала заполняться людьми. Здесь же разместились саперы и разведчики. Все толклись и мерзли. Стали разжигать костры. Их зажигали саперы. Снятый с немецких мин тол кусочками бросали в огонь, и он ярко горел. Такой костер мало согревал. Всю ночь мы были на ногах. Спать было нельзя даже у костра, а наутро прибавилось острое ощущение голода.

Мне захотелось пить. Я нашел ниже землянок ручеек, полузасыпанный снегом. Стал на колени и наклонился над ручьем. Едва успел выпить пару глотков, как глаза мои разглядели в ручье торчащие из снега пальцы человека, а потом и его лицо. Чувство безразличия у меня давно притупилось. Но пить воду мне уже перестало хотеться. К концу дня привезли продукты и накормили нас, но впереди опять морозная и бессонная ночь. Уже вечером я слышал разговор на узле связи: «Соседа не ищи справа, ищи его впереди себя». Это начальник штаба отвечал 129-му стрелковому полку, потом 51-му. Стало ясно, что дивизия наша выводится во 2-й эшелон. Мне было приказано немедленно отправиться по полкам и подготовить их к маршу

Начиная с 3-го марта, в городе Белом каждый день гремели взрывы. Наша 93-я дивизия накануне вела тяжелые многодневные бои, понесла большие потери и теперь насчитывала не более 800 солдат...

Утром 10 марта мы не увидели купола собора: немцы взорвали его и, боясь попасть в окружение, покинули город. В 11 часов мы получили приказ – преследовать противника.

В нескольких километрах за городом нас догнал командир нашей дивизии полковник Латышев. Он приказал мне следовать за ним. Дорога была снежная и во многих местах заминированная. Впереди чернела на белом снегу наша машина, подорвавшаяся на mine. Мы остановились у дороги. Подорвавшаяся машина с боеприпасами была уже третья, а с передовых наступающих цепей все передавали: «Давайте патроны». Подошла четвертая машина. Полковник остановил ее, достал несколько медалей и предложил водителю машины выбрать любую. Он выбрал.

– А теперь, – сказал полковник, – прорвись с машиной к наступающим впереди батальонам.

Через пару минут, объезжая нас, свернула с дороги конная подвода с противогазами и противоопричными накидками. Наверху

65-летию Великой Победы посвящается

подводы сидел командир взвода химзащиты. Не отъехали они и десяти метров, как раздался взрыв. На какое-то мгновение люди с повозки повисли в воздухе и затем упали. Лошадь завалилась набок, передок повозки осел. Идти по дороге было нельзя. Мы свернули влево и пошли полем, напрямик. Отойдя от дороги на километр, потеряли ориентировку. По карте уже должна быть деревня, но на местности никаких признаков ее не было. Поплутав немного в степи, мы неожиданно попали на «мертвое поле». Здесь снег растаял и остался только на дорогах и в оврагах. Деревень Турово, Морозово и Попово не было. Они были сожжены немцами дотла...

25 сентября 1943 года наш полк освободил большое село Поповка (Полтавская область). Пехота обошла его слева и справа, а мы, артиллеристы, вошли в нее первыми. Село немцами было сожжено наполовину. Дома еще горели, и повсюду расстилался дым. Кое-где у сгоревших хат сидели погорельцы – женщины и дети. На улицах лежали еще не убранные трупы лошадей и коров, застреленных немцами при отступлении. С большой радостью встретили нас жители Поповки.

Через несколько часов во дворе школы собрались все жители села. Заместитель командира полка по политчасти Фаламеев уполномочил меня быть на собрании жителей Поповки и помочь им восстановить Советскую власть в их селе.

Сельчане встретили меня аплодисментами как представителя Советской Армии, освободившей их от фашистов. С большим интересом они прослушали сообщение о положении на фронтах, задачах, стоящих перед гражданами Поповки. Открытым голосованием здесь же, у школы, избрали временно исполняющего обязанности председателя сельского Совета. Ему наказали сейчас же организовать весь народ на тушение пожаров, уборку улиц села.

На этом же собрании избрали председателя колхоза и двух бригадиров, которым предложили собрать весь колхозный скот, спрятанный от немцев в заросших лесом балках, открыть ямы с зерном.

Затем я поздравил сельчан от имени артиллеристов полка с восстановлением Советской власти на Полтавщине и пожелал им успехов в восстановлении села и колхозного хозяйства. По их просьбе протокол собрания был заверен моей подписью и печатью 444-го

противотанкового истребительного полка. Вместе со всеми я переживал радость их освобождения...¹.

* * *

Враг бежит!

23 февраля 1943 года. Выбыл из госпиталя в воинскую часть после излечения тяжелого ранения для продолжения службы. По дороге из госпиталя проезжал через Миллерово, где совсем недавно фашистским войскам был нанесен сокрушительный удар. Я еще никогда не видел такого количества брошенной противником техники: все пустыри, дворы, кюветы, балки и овраги были завалены и заставлены автомашинами, выведенными из строя пушками, танками и другой техникой, оставленной противником при поспешном бегстве. На улицах то же самое: в два-три ряда стояли в разных «позах» машины, машины и машины. Десятки, сотни брошенных врагом машин, фашисты драпали без оглядки!

Еду к папке!

23 февраля 1944 года. Писем из дома нет давно. Скучаю по семье. Сегодня встретил мальчишку. Тоже примерно таких лет, как мой сыночек Саша.

Радостью наполнилась душа от его детского счастливого щебетания.

– Мы к папке едем, – восторженно сообщил он мне, – он в госпитале, раненый, но живой! Я его скоро увижу и крепко-крепко обниму за то, что прогнал немцев навсегда! Мама сказала, папка придет, и совсем-совсем войны не будет! Ура!!!

Домой!

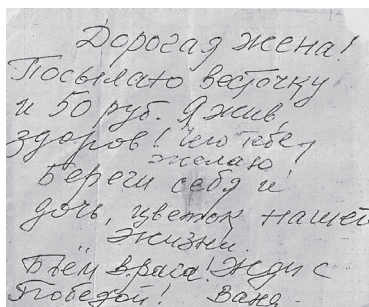
23 февраля 1945 года. Накануне наши войска вошли в немецкий городок Грюнберг. Здесь нас радостно встречали много русских юношей, девушек и женщин, которых гитлеровцы насильно вывезли для работы в Германию из оккупированных городов и сел. Радость встречи трудно описать. Многие были очень худыми, изможденными и плохо одетыми. Но не это главное: лица узников светились счастьем – возвращались домой, на Родину – в СССР!².

¹ Самсонов Ф. Г. Из фронтового дневника.

² Пушкаренко А. И. Из фронтового дневника.

65-летию Великой Победы посвящается

Письма огненных лет

Дорогая жена!
Посылаю восточку
и 50 руб. Давид
здоров! Лю тебе!
Береги себя и
детей, цветов нашей
жизни.
Будь в раса! Жди с
Победой! Ваня

13 февраля новошахтинцы отмечают очередную годовщину освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Сколько бы лет ни прошло, но мы всегда возвращаемся памятью к тому, как это было. Вспоминает бывший начальник штаба 32-й кавалерийской дивизии гвардии подполковник А. В. Шуньков: «Развивая наступление после окружения немецко-фашистских войск в

районе Сталинграда, дивизия в составе 3-го гвардейского корпуса на рассвете 13 февраля 1943 года была встречена сильным артиллерийскоминометным огнем противника перед восточной окраиной Новошахтинска. По приказу командира дивизии полковника А. Ф. Чудесова полки развернулись из походного порядка в боевой и стремительным ударом сбили подразделения немцев и овладели городом Новошахтинском. Помнится исключительно теплая встреча с жителями города, с женщинами, детьми, которые со слезами обнимали, как родных, солдат, офицеров дивизии. Бойцы делились с жителями хлебом, кусочками сахара».

Обращаясь к школьникам Новошахтинска, Александр Варфоломеевич говорил: «Дорогие ребята! Никогда не забывайте героизм старшего поколения в тылу и на фронте в годы войны. Никогда не забывайте содержать в образцовом порядке братские могилы. Это ваш священный долг по отношению к павшим в боях с ненавистным врагом. Будьте всегда готовы по примеру старшего поколения мужественно защищать нашу любимую Родину!».

Как бесценная реликвия хранится в городском музее единственное письмо Александра Федоровича Чудесова – командира 32-й кавалерийской дивизии гвардии полковника к школьникам нашего города. Этот боевой полководец прошел нелегкий путь от красноармейца легендарной 1-й армии С. М. Буденного до генерал-лейтенанта.

Обращаясь к ребятам, он писал: «В какую интересную эпоху живут сейчас дети нашей великой Родины. Наши космонавты!

Наши спутники! Только учиться, работать и радоваться, чтобы был мир во всем мире»².

* * *

Большую историческую ценность представляет для города письмо Маршала Советского Союза С.С. Бирюзова совету дружины восьмилетней школы № 6 города Новошахтинска в 1963 году, где он так описывает освобождение нашего города: «В полдень 13 февраля, преследуя отступающего противника, 1328-й стрелковый полк 315-й стрелковой дивизии ворвался в Новошахтинск. К 16 часам город был полностью освобожден. Особенно отличились в бою солдаты и офицеры полковой батареи. За мужество и отвагу командир орудия сержант Петр Моисеевич Лыков и наводчик орудия солдат Трифон Владимирович Нужный награждены боевыми медалями.

Командовал в то время 1328-м стрелковым полком капитан Максим Михайлович Халявицкий, его заместителем по политчасти был капитан Василий Павлович Павлов, начальником штаба – старший лейтенант Матвей Денисович Говор.

315-й стреловой дивизией командовал полковник Дмитрий Семенович Куропатенко.

13 февраля 1943 года член военного совета Южного фронта Н. С. Хрущев и командующий фронтом генерал Р. Я. Малиновский поздравили воинов 5-й ударной армии с боевыми успехами и представили ее командующего генерал-лейтенанта Вячеслава Дмитриевича Цветаева к награждению орденом Суворова I степени»³.

* * *

Все дальше уходят грозные годы Великой Отечественной, но память о ней сохранилась в драгоценных документах, прошедших через десятилетия. Передо мной – записка, написанная карандашом и вставленная в винтовочную гильзу. Ее нашли в земле в 1978 году. Солдат перед смертью написал: «Враг не пройдет. Все друзья гибнут. Капитан нам сказал: утром – атака. Мы умрем, но не сдадимся».

¹ Самсонов Ф. Г. Из фронтового дневника.

² По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

³ По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

Нет тех солдат – они пали смертью героев, а их письмо дошло к нам в ХХІ век. Мы помним о вас, ребята, хотя не знаем ваших имен. Вы не зря погибли!¹.

* * *

Солдатские письма с фронта – треугольники, листочки с карандашными и чернильными строками – через десятилетия они дошли к нам. Вот выдержки из некоторых:

«А у нас на юге весна, налетела сразу, в одну ночь меняла все. Еще вчера было сыро, пусто, холодно, а сегодня расцвели желтые цветы, запели жаворонки, зазеленели поля, и девчата смотрят по-другому, как будто и глаза у них не те, и сердце новое. Жить бы да жить в такие дни. Добьем гадов, чтобы можно было спокойно жить, радоваться, покончим с убийцами. И тогда будет такая весна, такое цветение, такие песни, что сейчас не расскажешь! Еще немного! Вместе поднажмем. Ведь впереди – счастье!».

До Победы оставался еще год, а написано это письмо 5 мая 1944 года.

Пришел в семью маленький листок, а в нем коряво, на ходу написанное: «Пока жив, здоров, что и вам желаю. Очень далеко ушли мы от старых насиженных мест. Идем уже по таким местам, где наш язык редко кто понимает. В общем, дело идет пока неплохо, и фрицам приходится туго». Дома рады этому письму – лишь бы жив был кормилец, а там все образуется.

Десятки фронтовых писем, хранящихся в городском музее, – это привет из тех огненных лет. Они всегда будут напоминать новым поколениям, что надо любить, ценить мир, за счастье надо бороться так, как боролись они, ушедшие в вечность солдаты Великой Отечественной войны².

* * *

Г. Давыдов: «Это фото и письма я помню с детства. Довоенную фотографию моего деда и пожелтевшие листки его весточек с фронта. Они и сейчас лежат передо мною. Я перечитывал их десятки раз, выискивая хоть какую-то информацию, чтобы достой-

¹ По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

² По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

но и достоверно написать о нем. Но сегодня я понял, что ничего придумывать не надо. Пусть он все расскажет сам. Точнее, два его письма. Говорят, что нельзя читать чужие письма. Но эти письма – не чужие. Они не могут быть чужими, как не может стать чужой беда, принесенная нам всем той войной. Старший сержант Давыдов Захар Борисович, полевая почта 04161 «г», пропал без вести осенью сорок третьего...».

«Действующая армия. 16 июня 1943 г.

Здравствуй, моя милая, любимая Анечка!!! Здравствуйте, мои дорогие, ненаглядные деточки – Валя, Рудик и маленькая Эммочка и мама!!! Сегодня у меня счастливый день. Только что получил от вас письмо, адресованное на имя начальника штаба, который передал его мне. Сердце мое переполнилось радостью. Ведь скоро тринадцать месяцев, как я ничего не знаю о вас.

Как я волновался, мучился, не имея весточки. Не знал, что и делать. Местность, где вы живете, была занята немцами. За последнее время я написал вам несколько писем. Но ответа нет. Начал предполагать, что вы успели уехать до прихода врага. Незнание, где вы, живы ли, здоровы, было для меня тяжестью, которую я был не в силах сбросить с себя. 20-го мая 1943 года я написал письмо во Всесоюзный радиокомитет – в отдел «Письмо с фронта Отечественной войны» и просил помочь мне разыскать вас по радио. Одновременно с этим просил их направить мое письмо советским и партийным организациям с просьбой, чтобы они помогли мне найти вас и моих деток. Но ответа до сих пор нет. Да он сейчас и не нужен. Долгожданная весточка пришла от вас.

Сердце мое переполнено радостью. Вы живы. Все эти дни мои мысли были вместе с вами. Анечка, не волнуйся. Я пока жив и здоров, нахожусь на боевом посту и выполняю священную обязанность защитника нашей Родины. За все время войны с 19 августа 1941 года, несмотря на то, что бился лицом к лицу с врагом, ни разу не был ранен.

Анечка!! Во время войны с фашистским зверем, поверь мне, я все отдавал Родине, уничтожая врага. В зимнем наступлении мы прошли около 800 километров, освобождая города и села, занятые врагом. Я не жалел врага, видя собственными глазами все зверство, которое враг принес на нашу землю. Разрушения, которые враг произвел на нашей земле, переполнило мое сердце злобой и

65-летию Великой Победы посвящается

яростью и ненавистью к поработителям моей страны. Я мстил им беспощадно. Много фрицев пало от моей руки, и я обещаю, что приложу все свои силы, чтобы счет убитых мною врагов еще приумножился. Аня! За активное участие в боях зимнего наступления командование присвоило мне звание старшего сержанта, а правительство за образцовое выполнение боевых заданий командования наградило медалью «За боевые заслуги». Считая, что путь мой отныне связан с партией Ленина-Сталина, я вступил в ее ряды.

Аня! Ты помнишь, когда мы гуляли в городе Моздоке у Сурена, играл баян, была выпивка, и мы с тобой сидели за столом, я говорил тебе – не плачь, я вернусь... Я помню, как мы ожидали в саду нашего отправления на станцию. Как раз была ночь, и играл джаз. Я часто вспоминаю эту прекрасную ночь и разговариваю с тобой. Теперь слышу джазы наших “катюш”, которые играют по головам гитлеровских банд. Анечка! Я так мало знаю о вас, здоровы ли, как живут мои малыши, как учатся, как вы обеспечены материально. Анечка, прошу, напиши мне все подробно в следующем письме.

Скоро в газетах должна быть моя фотография с группой награжденных. Как выйдет эта газета, обязательно вышлю. Аня! Писать еще много можно, но пока и этого достаточно. Через два дня еще напишу. Передай, моя любимая Анечка, моим детям, что их отец не отстает от остальных и беспощадно бьет врага...».

«Действующая армия. 23 августа 1943 г.

Привет из Харькова! Здравствуй, незабываемая моя Анечка! Здравствуй, мама и мои дорогие деточки Валюша, Рудик и Эммочка!!! В первых строках моего письма спешу сообщить о том, что я пока жив и здоров, чего и вам желаю. Анечка! После того, как получил твое письмо 12 августа 1943 г., только сегодня я имею больше времени, и пишу еще одно письмо...

Развивая наступление, мы двигаемся на Запад и перемалываем фашистскую машину. Спасибо тебе за пожелания мне успеха и второй награды. Вторая награда у меня есть, Орден Красной Звезды. Только нет сейчас времени ее получить. Скоро пойдем на отдых, тогда и получу. Анечка! Мы идем вперед и не чувствуем усталости, освобождаю города и села, берем пленных. Сегодня мы в большом городе Украины. Нельзя передать радость жителей этого города. Встречают со слезами. Жалуются на гитлеровских захватчиков,

причинивших им страдания, убивавших ни в чем не повинных людей. Аня! Этот город представляет собой красоту Украины, которую немцы оскверняли в течение нескольких месяцев.

Теперь несколько слов о себе. Я пока выгляжу ничего, есть что кушать и одевать благодаря вашим неустанным заботам в тылу. Имеем тульский самовар, из которого обмываем фрицев, и много чего еще, чтобы поправить мозги немцам, образца 43-го года, которые играют драп-марш со скоростью 40 километров в минуту.

Аня! Неужели я все-таки вернусь, к тебе и детям моим? Сколько раз я был в таких переплетах, что невозможно передать. И спрашивается, сколько можно еще преодолеть таких моментов? И благодаря смелости и надежде продолжаю жить, и, может быть, вернусь. Аня, не очень грусти. Буду жить и вернусь. Анечка! Может быть, нас некоторых не будет. Но имена будут жить как павших за честь Родины. Но я об этом меньше всего думаю, что меня убьют, что меня не будет. Я почему-то надеюсь, что увижу Победу.

Анечка! Я хочу послать тебе песню под названием “Черные глаза”. Я каждый день пою эту песню и часто мечтаю о твоих черных глазах:

*Ты стояла долго у того вокзала,
На глазах повисла крупная слеза.
Видно, в путь далекий друга провожали
Черные ресницы, черные глаза.
Вот умчался поезд, рельсы опустели,
Милый мой уехал, может, навсегда.
И с тоской немой вслед ему глядели
Черные ресницы, черные глаза.
Кончил я недаром школу боевую,
Научился метко я разить врага,
Но не забываю девушку простую,
Черные ресницы, черные глаза.
Пишет письма редко, но зато в газетах
Пишут очень часто о его делах.
И о них читая, с гордостью сверкают
Черные ресницы, черные глаза.
Ястреб краснокрылый снова вылетает,*

65-летию Великой Победы посвящается

*Хищникам фашистским страшен, как гроза.
О таких в народе песни сочиняют,
О таких мечтают черные глаза...¹»*

* * *

Здравствуйте, мама!

Уже неделю занимаемся. Очень трудно. Звание среднего состава достается не так-то просто, как мне казалось. Целыми днями на занятиях, так что даже одной минуты нет свободной, чтобы написать письмо. Сегодня выходной день, и то освободился только на три часа на комсомольское собрание. От вас еще писем не получал, видимо, еще в дороге, так как далеко до вас. Из вещей у меня остались только носки и варежки. Остальное в складе. Местным жителям разрешили передачи родителей. В выходной день всем курсантом разрешается приглашать родителей с 12 часов утра до 7 часов дня. Жаль, что вы далеко, а то бы мы могли видеться каждый день. Я еще Шуре не писал. Все собираюсь, да никак не могу. Если сегодня успею, то напишу. За меня прошу не беспокоиться. Кормят очень хорошо, даже дают масло и в остальном не отказывают. Выдали тетради, но их на все предметы не хватает. Только вот с бумагой у меня плохо. Срок обучения наш 6 месяцев, но вряд ли добудем до него. Могут по приказу отослать в часть всех курсантов, как было с предыдущими. Вам нужно переслать квитанцию на сдачу паспорта, а то я ее обязательно потеряю. Только как это сделать не знаю. В письме нельзя, так как их проверяют и на почте, и в штабе и ценным не послать.

А пока до свидания, уже зовут на собрание. Простите, что плохо писал письмо, поймите, что не дома. Передайте привет Самодуровым, Ангуриным, Наумовым. 4 октября 1942 года. (Автор неизвестен)².

* * *

Из писем бывшего капитана-артиллериста Федора Гавриловича Самсонова:

«Мама! Я пока жив и здоров, здоровье вполне удовлетворительное. Давно нахожусь в действующей армии, на фронте и в тех же

¹ По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

² По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

местах, где раньше был ранен. Зима идет к концу, за ней придет весна, и близок будет день, когда страдания нашего народа окончатся, а враг будет изгнан из нашей родной страны. Если вы живы, то живите дружно и крепко, помогайте один другому. Желаю здоровья и счастья. Ваш сын Федя. 13 февраля 1943 г.»

«Здравствуй, моя Нюся! Жива ли ты, здорова ли? Вот о чем с большим нетерпением хочу знать. Живы ли наши родные и близкие... за последние 7 месяцев ни от кого писем не получал. Пробовал еще в июле писать сыну и Володе, но ответа не последовало... Я в Смоленщине, почти там, где был раньше ранен. Быть может, уже в этом году твой Федя снова будет с тобой вместе и будет заниматься созидательным трудом. Целую крепко.»

«Здравствую, Нюсенька! У нас снова грязь и холод, но тем не менее бои с каждым днем становятся все ожесточеннее, преодолевая всю непогоду, мы упорно ждем на немцев и заставляем их уступать ежедневно по несколько населенных пунктов... Сейчас живем в маленькой землянке, как у крота. Вчера получили втроем 1,8 кг сладкого печенья и 2,4 кг сливочного масла и по сотке любительских папирос и, стоя в землянке, осыпавшейся после каждого разрыва, смеялись. Жалели, что не можем послать печенье своим женкам... Целую, Федя. 24 ноября 1943 г.»

* * *

Письма с фронта – бесценные свидетельства истории. Эти письма от отца Антонины Антоновны Колесниченко Антона Ивановича Калинина.

«...17 августа 1941 года. Здравствуйте, дорогая моему сердцу семеечка. Сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Шлю вам низкий чистосердечный поклон и целую вас бесчисленное количество раз. У меня все порядке, лишь бы у вас все было благополучно...».

«25 августа 1941 года. Здорово живете, родная моя семеечка – жена Васюточка, дочечки Тоня, Леночка и сыночек Александр. Я нахожусь жив и здоров, того и вам желаю. Сейчас мы находимся в Смоленской области. А дальше где будем, не знаю. За меня не волнуйтесь, лишь бы с вами все было хорошо. Знаю, Васюточ-

65-летию Великой Победы посвящается

ка, как тебе приходится тяжело. Потерпи, родная, вот закончится война, и все у нас наладится, все мы сдюжим!»

И в каждом письме минимум информации о себе, чтобы не волновать родных, и неизменное беспокойство о них, слова тепла и ласки, чтобы хоть на расстоянии, но утешить, поддержать, ободрить, вселить веру в победу.

А в 1943 году пришло извещение о том, что А. И. Калинин пропал без вести...¹.

* * *

Эти письма были найдены в небольшой промокшей старой сумке среди многих поношенных, ненужных вещей и принесены в городской краеведческий музей. Кто и где их хозяин – неизвестно. Лишь по уже истершимся, но все еще видным строчкам можно понять, что эти письма писал наш земляк Василий Александрович Абрюшин (который был призван в действующую армию в конце 1942 года) своей жене Нине Дмитриевне, проживающей по улице Буженовской, д. 5 (ныне улица Просвещения). Ниже приведены некоторые выдержки из этих фронтовых писем.

16 февраля 1943 года: «Здравствуйте, все! Все ли? Не могу себе представить, что вы пережили. Живы ли? Если уже есть возможность, телеграфируйте. Твой Василий».

10 апреля 1943 года: «Здравствуй, Нина! Снова тот же вопрос. Живы ли вы? Что с вами, не знаю. Должен ведь кто-нибудь остаться и написать... Я ведь начал писать с первого дня освобождения Новошахтинска. Что с вами? Где вы? Живы ли? Не знаю, что и думать. Твой Василий».

16 июня 1943 года: «Здравствуй, Нина! Вчера узнал из письма, что вы живы. Не могу тебе описать мои мученья после того, как узнал о расстреле более 4 тысяч новошахтинцев. Одно только скажу, что вас уже похоронил. И это тянулось с марта до 12 июня 1943 года. Напишите, как вы жили все эти семь месяцев».

8 июля 1943 года: «Здравствуй, Нина! Живу по-прежнему в том же лесу. Получил, наконец, от тебя весточку – открытку от

¹ Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

5 июня. Маловато! Теперь уже маловато! Твой Василий».

5 сентября 1943 года: «Здравствуй, Нина! Я на фронте, времени у меня мало остается, даже и совсем нет, некогда писать. Представь себе – особенно устаешь, когда приходится догонять фрица, когда он упирается. Я здесь – рядовой... Рядом только что «проиграла» «катюша», кругом – гул моторов и артиллерии, в воздухе и на земле идет бой... Фрицу пришлось спешно удирать, и он не успел так напакостить, как раньше. В первые дни здесь шли, как в пустыне, – ни одного населенного пункта: от деревень остались только названия да полужасохшие, обгорелые деревья и немецкие блиндажи с противным фрицевским духом. Твой Василий».

18 ноября 1943 года: «Здравствуй, Нина... Мы уже в зимнем обмундировании, значит, нам не холодно... Зато фрицы имеют уже зимний вид, им уже прохладно... Много интересного можно будет рассказать по приезде домой. А сейчас – это военная тайна. От матери и сестер я давно уже ничего не имею».

26 декабря 1943 года: «Здравствуй, Нина! Почему от вас нет писем?... О себе мне писать не приходится. Наступаем, и удачно наступаем. Много великих трофеев. Трудновато. Приходится гнаться и гнаться, а у фрицев нет уже таких блиндажей, как раньше. Каждый день по одному, по два, десятками и сотнями бредут пленные. Видимо, уже начали кое-что понимать. Твой Василий».

9 марта 1944 года: «Здравствуй, Нина!.. Когда же сбудется ваше гаданье, и я хоть мимоходом загляну к вам? Ну, ладно, гадать нечего, что будет, то и будет. твой Василий».

21 марта 1944 года: «Здравствуй, Нина! получил сразу два твоих письма. Выдалась свободная минута, и спешу тебе ответить. Так много мыслей в голове, и хочется о многом написать... Наша армия провела подряд две удачные операции. Особенно последнюю: мы прорвали фронт и притом почти без потерь, а фрицев положили около 1500. Награды так и посыпались. Получил и я медаль «За боевые заслуги». Ну, пока, всего хорошего, главное – здоровья! Твой Василий».

30 марта 1944 года: «Здравствуй, Нина! Когда же мы с тобой увидимся? Вот уже два года разлуки!.. Ты знаешь, как у меня много хороших слов для тебя, но я их стесняюсь и берегу, не доверяю бумаге. Твой Василий».

31 июля 1944 года: «Здравствуй, Нина! Пока жив, здоров, чего и вам желаю. Очень далеко ушли мы от старых мест. Опять много

65-летию Великой Победы посвящается

увидел нового. Когда же я об этом смогу написать, а может быть, и рассказать? Не знаю, не знаю. Идем уже по таким местам, где наш язык редко кто понимает. В общем, дело идет пока неплохо, и фрицам приходится туго. Твой Василий».

Это было последнее письмо Василия Абряшина. Думая о родных, близких людях, он, как и многие советские воины, не щадил себя. И отдал жизнь ради них. Не вернулся Василий к Нине, не рассказал ей о том, о чем хотел рассказать, не произнес тех теплых и ласковых слов, что берег для нее, не доверяя бумаге...¹.

* * *

На странице городской газеты «Знамя шахтера» за 13 февраля 1973 года, хранящейся в музее, было опубликовано письмо новошахтинца Николая Петровича Мартынова, комсомольца, ученика школы № 3 г. Новошахтинска, окончившего ее 30 мая 1942 года с аттестатом отличника. Письмо адресовано школе, учителям и учащимся.

Командир отделения-гвардии сержант Николай Мартынов погиб через три месяца после написания письма в селе Скотовато-во Сталинской области при освобождении Донбасса от фашистов в сентябре 1943 года.

«Дорогие учителя и учащиеся школы! Я, воспитанник вашей школы, в стенах которой я учился десять лет, пишу вам сейчас с фронта борьбы с гитлеровскими мерзавцами. В нашей части сейчас находится большинство учащихся последнего выпуска. Мы очень часто вспоминаем о вас, о школе и очень хочется сказать всем вам большое спасибо за то, что вы дали нам образование. Спасибо Анне Григорьевне, Федору Емельяновичу, Людмиле Александровне, Владимиру Иннокентьевичу, Ольге Владимировне, Антонине Семеновне, всем, всем, которые дали хоть крупицу знаний. Передайте им всем от меня и других выпускников 1942 года гвардейский фронтовой привет и наилучшие пожелания в дальнейшей их работе и учебе.

Пусть те учащиеся, которые сейчас заняли наши места в классе, учатся только на отлично – это будет их фронт. А мы – бойцы-

¹ Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

гвардейцы – будем уничтожать немцев, чтобы дать возможность учиться спокойно и учиться после войны самим. Кто хорошо учится в школе, тот принесет больше пользы Родине. Если бы я плохо учился, я бы никогда не сумел делать на фронте то, что делаю сейчас. Мы с Петей Клейменовым артиллеристы и занимаем почетную должность в артдивизионе (хотя мы в разных дивизионах, но это не важно, мы занимаемся одним делом).

Сейчас я нахожусь на наблюдательном пункте и пишу вам эти строки. Вспомнились годы учебы, может быть, самые лучшие годы в жизни, вспомнились все подробности школьной жизни, перед глазами встали учителя, которые преподавали нам, и так захотелось провести сейчас хотя бы один день в школе в качестве ученика. Ну ничего. Кончим войну, возвратимся из Армии и тогда обязательно побываем у вас в гостях.

Анна Григорьевна, я прошу вас позаботиться о том, чтобы на мой адрес – полевая почта 04191-д все учителя прислали коллективное письмо, описали бы, как сейчас идет работа в школе, в городе, как учатся ребята. В общем, все подробности, которые сейчас очень интересуют.

Заканчиваю, надо пока заменить карандаш на бинокль, а то фрицы что-то завозились, надо посмотреть, что они будут выгадывать. С приветом – Николай Мартынов. 19 мая 1943 года»¹.

* * *

Фронтовые письма – ветхие солдатские треугольники со штампами полевой почты, посмертные записки, найденные в гильзах, военные фотографии – до сих пор после Великой Отечественной войны они бережно хранятся во многих семьях, передаваясь как священные реликвии из поколения в поколение.

В нашем доме тоже остались прадедовские реликвии – это комсомольский билет № 6706902, орден Отечественной войны II степени – посмертная награда, Почетные грамоты прадеда, а главное – письма с фронта. Бережно прикасаюсь к пожелтевшим листочкам с прыгающими строками, наспех написанными почти обесцвечившимся со временем чернильным карандашом, вчитываюсь в горькие слова.

¹ По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

65-летию Великой Победы посвящается

Вот письмо с Украины: *...освободили вчера село, вернее, то, что от него осталось. А осталось мало — трубы черные. Но бабы деревенские — вот народ!- танцы устроили. — «Уйдете, — говорят, — и потанцевать не с кем будет...* Провожали нас утром дальше, на Запад. А седая старушка все повторяла: «Возвращайтесь скорее с Победой — строить, землю пахать, детей рожать».

Дальше — письма из Польши, и гордые слова: *Когда мы входим в город или село, мне кажется, что затмение кончается и вновь солнышко светит людям.*

...Поздравили мы нашего командира с наградой. Командующий лично вручил ему орден Славы. Бой был такой, что трудно сказать, как выдержали.

А в следующем письме читаю: *Встретили наших девчат, были в концлагере. Кровь стынет в жилах от их рассказов...*

И вот последние письма, уже из Болгарии, подписанные гордо, официально — «капитан Гришин»: *Тут нас встречают, как родных. Часто слышишь: «Шипка», «Москва». Я здесь осознал, как это приятно — быть освободителем.*

Долго сижу в раздумьях над письмами прадеда. Подхожу к окну — мой город спит. Тишина. Вечерний покой. А из головы не уходят слова из одного письма: *За каждого нашего я послал бы на Берлин по снаряду. Боюсь только, снарядов не хватит.*

А дальше похоронка, извещение о гибели в бою. Скольким обжигало оно руки, неизлечимо ранило сердца. Не обошла вдовья судьба и мою прабабушку Ефросинью. Потому так бережно хранила она память о муже, передав теперь семейные реликвии своему внуку, моему отцу, который не знал деда, но всегда говорит о нем с гордостью, вспоминая письма с фронта.

Не потому ли, что и я прикоснулся к мыслям прадеда в письмах, мое сердце переполняется гордостью, когда каждый год в великий праздник Дня Победы, участвуя в торжественном шествии и возложении цветов к Вечному огню в городском парке, я с трепетом подхожу к мраморной стене, на которой высечены имена погибших в годы Великой Отечественной войны новошахтинцев. Вечная память и вечная слава вам, защитники наши!¹.

¹ Дымов Д. Из семейного архива.

* * *

6 февраля 1927 года в простой рабочей семье родился мальчик. Назвали его Сережа. Место, где он родился, тогда еще не называлось городом. Это был Коминтерновский рудник, а проще – небольшой поселок, в котором в дальнейшем были построены шахты № 7 и «Западная–Капитальная». Сережа рос таким же сорванцом, как сотни мальчишек его возраста, бегал по улицам зарождавшегося города, гонял голубей, получал заслуженные подзатыльники от родителей.

В год, когда началась Великая Отечественная война, ему исполнилось 14 лет. Он так боялся, что немцы будут разбиты без его участия, что трижды убежал из дома на фронт. Трижды его возвращали назад, а он все рвался и рвался на войну, с нетерпением дожидаясь своего семнадцатилетия. И вот в феврале 1944 года Сереже исполнилось 17 лет. Он опрометью мчался в военкомат, и отговорить, удержать его дома не было никакой возможности. Оформление необходимых документов не потребовало много времени, и уже в конце февраля Сергей Несветаев попал на Белорусский фронт в разведотряд.

Его военная история состоит всего из двух маленьких треугольников, полученных родителями с фронта. В первом коротком он писал, как встретили его в части, как он рад, что наконец-то будет бить фашистов.

Второе письмо было пропитано духом патриотизма. Сережа писал: «Мама, папа! Если б вы видели этих фрицев, как они жалко выглядят.

Им уже не удержаться, мы будем гнать их до самого Берлина, мы освободим нашу Родину, не дадим поганым фашистам топтать эту землю».

Ни слова о трудностях, только говорил о стремлении к Победе, о том, как враг будет разбит...

Родители ждали с нетерпением очередного, хотя бы коротенького известия о сыне. И оно пришло. Только уже не от него. Третьим письмом с фронта был уже не маленький Сережин треугольник, а похоронка. Всего несколько страшных для родителей слов: «Ваш сын Несветаев Сергей Григорьевич погиб 24 июня 1944 года в селе Николаевка Витебской области». Печать части и подпись командира. В семью пришло горе, как и в десятки тысяч наших семей. Теперь родители жили не ожиданием, а воспоминаниями.

65-летию Великой Победы посвящается

Еще не зажила рана, еще свежа в душе была потеря сына, когда в дом пришло еще одно письмо – от командира части. Он благодарил родителей за то, что они воспитали такого мальчика. А еще он сообщил, как погиб Сергей Григорьевич Несветаев. В ночь на 24 июня четыре солдата получили задание провести разведку в селе Николаевка, где дислоцировались немцы, поскольку в этом районе готовилось наступление. Когда через некоторое время наши войска вошли в село, на центральной его площади увидели четверых повешенных солдат с дощечками на груди, на которых было написано «Партизан». Так оборвалась жизнь семнадцатилетнего юноши, не познавшего любовь, не увидевшего мирной жизни своего города, своей Родины¹.

* * *

Во время Великой Отечественной войны труженики тыла оказывали посильную помощь солдатам на фронте, раненым в госпиталях. Приятно было фронтовику получить весточку из дома, а также подарки от незнакомых людей. В посылках были кисеты с табаком, вязанные носки и перчатки, теплое белье. Посылки с такими вещами и сердечные, душевные письма посылались и на фронт, и в тыловые госпитали. Жительница нашего города, ныне пенсионерка, Надежда Ивановна Трофимова тоже собирала посылки из скудных тогда средств и отправляла их на фронт.

Одна из ее посылок с сердечным и ласковым письмом попала в Новочеркасский военный госпиталь и была вручена тяжело раненному солдату Сергею Дмитриенко. Он прислал Надежде Ивановне благодарственное сердечное письмо: «Привет вам, Надежда Ивановна, и всем вашим товарищам!». Посылку вашу получил боец С. С. Дмитриенко. Легче бить гитлеровцев, зная, что с нами – крепкий тыл, который оказывает нам посильную помощь. Желаем вам и вашим товарищам успехов на трудовом фронте. С почтением к вам и вашим товарищам С. С. Дмитриенко».

Письмо, полученное от раненого солдата, хранит Надежда Ивановна до сих пор².

¹ Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

² По материалам Новошахтинского историко-краеведческого музея.

* * *

«Прасковье Ивановне Кошелец!

От командования роты, командира роты лейтенанта Агеева и политрука роты Бескровного. В дни 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, шлем вам свой большевистский привет. Ваш муж, товарищ Кошелец, мужественный боец нашей роты, не щадя своих сил, своей жизни, преодолевая все трудности, стойко и смело выполняет все задания командования роты. Своими хорошими примерами товарищ Кошелец показал себя как лучший боец нашей роты, не знает страха в борьбе за нашу Мать-Родину с ордами фашистских головорезов. За что шлем вам искреннюю благодарность за то, что ваш муж товарищ Кошелец стойко и смело защищает нашу Родину от лютых гитлеровцев».

– Отец был очень хорошим человеком, – вспоминает его сын Владимир Федорович Кошелец. Активист. Работал машинистом подъемной машины на шахте «Западная–Капитальная». Никогда не пил, не ругался, даже не курил. Люди его уважали.

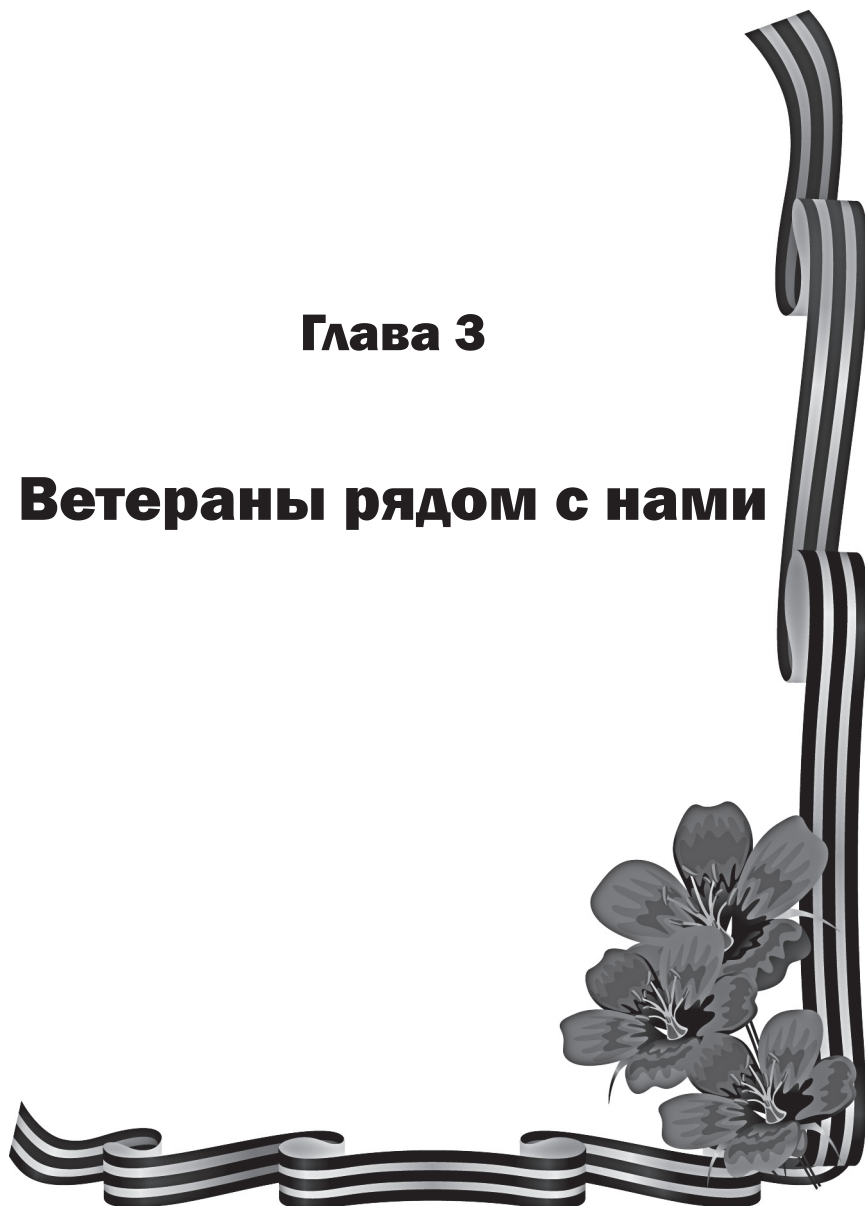
Во время оккупации новошахтинска это письмо едва не сыграло роковую роль в судьбе семьи Ф. М. Кошельца. Многие видели и читали его, и кто-то донес о нем немцам. Прасковье Ивановне с детьми пришлось прятаться, чтобы не оказаться в лапах фашистских палачей.

В последний раз Владимир Федорович видел отца, когда тот после окончания курсов лейтенантов, в Ростове-на-Дону по дороге на фронт заходил повидаться с женой и детьми. А летом 1944 года в Новошахтинск пришла похоронка, в которой говорилось, что командир саперного взвода, лейтенант Кошелец Федор Михайлович убит 29 июня 1944 года и похоронен на юго-западной окраине села Спя Тираспольского района Молдавской ССР. Орден Отечественной войны второй степени, которым он был награжден посмертно, получала в военкомате его жена, Прасковья Иванова...¹.

¹ Из архива Новошахтинской общественно-политической газеты «Знамя шахтера».

Глава 3

Ветераны рядом с нами

65-летию Великой Победы посвящается

В 2005 Н. Вакула был реализован студенческий проект «Ветераны рядом с нами», направленный на сохранение исторической памяти и патриотическое воспитание молодежи. Материалы брошюры, изданной студентами по воспоминаниям ветеранов Великой Отечественной войны в год 60-летия Победы, мы включаем в нашу книгу.

В этот раздел включены также сочинения школьников новошахтинских школ о своих семьях и родственниках в Великой Отечественной войне, интервью молодых людей с ветеранами войны.

Живут герои рядом с нами

– Только крепче ты держи баранку! –
Так сказал мне, закадычный друг.-
Землю здесь недавно рыли танки,
А теперь ее ровняет плуг.

Мир настал, теперь уже не страшно,
Если вдруг застрянут твои «дрогги».
За спиною сорок душ шахтеров –
Вытащат, всегда тебе помогут.

А я один на фронте по ночам
Без света по дорогам колесил.
На ЗИСе с деревянную кабиной
К передовой снаряды подвозил.

Четыре года море крови, пота
Не раз встречал я на своем пути,
Порой не верилось, что сможет кто-то
До логова берлинского дойти.

Дошел и на рейхстаге расписался,
Потом домой вернулся, наконец.
А по дороге степью любовался,
Где снова на холмах зацвел чабрец.

Война закончилась в далеком мае,
С тех пор солдат без дела не сидит.
Всегда в бою он, на переднем крае,
Трудом ударным Родину крепит.

На тех, кто рядом, оглянись:
Вся грудь сверкает орденами.
Остановись и поклонись –
Живут герои рядом с нами.

*Наталья Лысенко,
студентка Новошахтинского филиала ЮФУ*

Воронцова Любовь Афанасьевна

Родилась 11 сентября 1921 года. Как вспоминает сама Любовь Афанасьевна, жизнь ее и до войны не отличалась легкостью, а на фронте она познала все тяготы неустроенных военных будней, и голод, и смерть близких ей людей.

12 апреля 1942 года Люба вместе с другими девушками отправилась на войну. В это время в городе Каменске формировали 16-й отдельный полк ПВО, в который она была зачислена телефонисткой-разведчицей. Вместе со своим полком связистка прошла долгий путь от Каменска до Грозного. Когда происходило наступление на реке Темрюк, Люба была ранена в грудь несколькими осколками. С неженскими стойкостью и мужеством она отказалась от госпитализации и продолжала воевать. Любовь Афанасьевна принимала участие в освобождении Крыма,

65-летию Великой Победы посвящается

Севастополя. После того как советская армия заняла выгодные позиции на южном фронте, командованием СССР было решено отправить женщин по домам для восстановления разрушенной страны, но Любовь Афанасьевна осталась при отделе фронта ПВО телефонисткой.

На военной дороге Любовь Афанасьевна встретила своего будущего супруга. После войны вместе с мужем они приехали в Новошахтинск, все начинали с нуля: строили дом, обрабатывали землю. 42 долгих и счастливых года прожили вместе, вырастили трех сыновей.

Степаненко Павел Дмитриевич

Родился 26 ноября 1924 года в хуторе Веселый Родионово-Несветайского района. В 17 лет отправился на учебу в Ростовское артиллерийское училище. Спустя полгода он попал в самое пекло войны: Таганрог, Минск, Сталинград. Павел Дмитриевич участвовал в освобождении Белоруссии, Украины, Чехословакии, Польши, фронтовой путь за вершил в Берлине.

Война окончилась, но Павел Дмитриевич не перестал защищать Родину и родной край. Работая радистом на аэродроме, он участвовал в ликвидации бандитских формирований на Западной Украине. Закончив борьбу с преступностью, Павел Дмитриевич вернулся в родной хутор и вместе со своими односельчанами начал восстанавливать разрушенное хозяйство.

В 1963 году переехал в Новошахтинск и устроился на автобазу № 5, потом стал водителем скорой помощи.

Военные заслуги Павла Дмитриевича перед Отечеством оценены высоко: в его личном архиве хранятся медаль Жукова, орден Отечественной войны и несколько юбилейных наград, полученных в честь годовщин Великой Победы.

Валуев Иван Иванович

Родился 26 апреля 1926 года в городе Красный Сулин. В возрасте 17 лет был призван в ряды защитников Родины и до начала августа 1943 года находился на курсах подготовки молодых бойцов. Военные будни Ивана Ивановича начались в 42-м учебном полку

в городе Сталинграде. Позже фронтовая дорога привела его в зенитную батарею 343-го отдельного зенитного дивизиона. Там он и защищал родную Отчизну вплоть до окончания войны.

Ветеран вспоминает, что в разгар Орлово-Курской битвы их дивизия, направленная на помощь частям, оказавшимся в затруднительном положении, попала в прорыв: «Темно. Ничего не видно. Метались, сами не зная куда, полагаясь только на самих себя...». Эта битва закончилась разгромом врага. Военные заслуги Ивана Ивановича перед Отечеством отмечены медалью «За боевые заслуги» и орденом Отечественной войны.

После окончания войны он не захотел расставаться с военным бытом, да и стране еще нужна была помощь сильных, смелых и честных молодых людей. Иван Иванович записался на годичные курсы сержантов, а затем служил старшим вычислителем дивизиона в артиллерийском полку. В 1951 году получил звание лейтенанта. Самым запоминающимся событием в военной карьере ветерана является служба в Германии в оккупационных войсках. Целых 12 долгих тяжелых и ответственных лет Иван Иванович честно защищал интересы Родины за границей.

В 1956 году он приехал в Новошахтинск и 20 лет проработал слесарем на шахте.

Белоусов Иван Дмитриевич

Родился 15 февраля 1926 года в селе Маяки.

Юность Ивана Дмитриевича пришлась на время начала Великой Отечественной войны. Проживая в Маяках, он в 1941 году попал в немецкую оккупацию и уже тогда испытал чувство ненависти к захватчикам родного края. На его стремление отправиться защищать Родину в военкомате никто не отреагировал, так как он еще не достиг призывного возраста.

В июне 1943 года Ивана Дмитриевича приняли в ряды защитников Отечества. В Сталинграде он вместе с другими солдатами прошел курс молодого бойца и был оправлен

65-летию Великой Победы посвящается

на фронт. Как вспоминает сам ветеран, бои за каждый участок земли велись не на жизнь, а на смерть. Он участвовал в освобождении Житомирской, Львовской, Черниговской, Карпатской областей, Польши, дошел до немецкого города Гамбург. Судьба была благосклонна к молодому бойцу, он закончил свой фронтовой путь, не получив ни одного ранения.

Иван Дмитриевич имеет в своем военном архиве 9 наград и массу благодарственных писем. Он награжден орденом Великой Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и другими.

Когда окончилась война, Иван Дмитриевич еще 7 лет находился на службе. Вернувшись домой, он открыл новую, шахтерскую страницу в своей биографии. Позже работал по специальности «тракторист – машинист высокого уровня» на полях Родины, экспедитором на шахте «Самбековская».

Иван Дмитриевич – инвалид Великой Отечественной войны второй группы. Спустя 60 лет после окончания войны Иван Дмитриевич с болью вспоминает о военных буднях. Воспоминания ветерана настолько сильны, что он даже пишет об этом стихи.

Юрченко Сергей Иванович

Родился 20 декабря 1924 года в глухой деревушке на Украине.

Все детство Сережи проходило в заботах о своих младших братьях и сестренке. С первого класса учился на «отлично», хотя школа находилась в 50 км от дома. Как вспоминает ветеран, его главной мечтой детства было стать учителем, а если получится, то и директором школы. После окончания семи классов средней школы, следуя зову души, успешно сдал экзамены и поступил в педагогическое училище.

Жить во время войны было очень тяжело; из-за полуголодного существования заработал дистрофию, протекающую в тяжелой форме.

В июле 1942 года Сергея призвали в армию. В это время шли серьезные бои за Сталинград, поэтому все военные резервы отправляли туда. Сергей Иванович попал во взвод противотанковых ружей.

Ветеран вспоминает, что враги, низко пролетая на самолетах над полем боя, кричали: «Сдавайся рус!». Русским солдатам ничего не оставалось делать, как твердить в самые тяжелые минуты боя заученные слова клятвы: «Оставлю поле боя только по причине смерти...». Со слезами на глазах ветеран рассказывает о том, что днем приходилось держать оборону, а ночью, еле передвигаясь, идти в наступление, доказывая немцам, что русские живы и не сдаются.

Во время окончательных боев за Сталинград Сергея Ивановича ранило в ключицу, произошла правосторонняя парализация, но и тогда он не оставил поле боя и отстреливался левой рукой. 20 июня 1943 года его комиссовали и отправили на Родину. Уже по дороге он решил, что поедет в Ростовскую область и будет устраивать свою жизнь в молодом городе Новошахтинске.

Приехав в шахтерский город, он стал работать на шахте Несветаевская и трудился там до самой пенсии. Кроме боевых наград, Сергей Иванович имеет трудовые: он – Почетный шахтер, кавалер Ордена трех степеней Шахтерской Славы, Ордена Трудовой Славы.

Малышко Виктор Иванович

Родился 1 декабря 1925 года в Майкопском районе.

Юность Виктора проходила весело и интересно. Но с началом Великой Отечественной войны все в корне изменилось. Он мечтал уйти на фронт, вместе со своими земляками освободить Родину. До 1943 года Виктора Ивановича на войну не брали по возрасту. В феврале 1943-го мечта сбылась: Виктор в возрасте 17 лет попал в 46-ю армию, в первый батальона связи, который оборонял нашу Родину на Украинском фронте. Как вспоминает ветеран, его полк находился на нейтральной земле между немецкими и русскими армиями. Положение осложнялось непосредственной близостью к врагу. В таком случае остаться незамеченным среди чужих тяжело. 25 октября 1943 года немецкий истребитель заметил связистов и открыл огонь на поражение наблюдательного пункта. Виктор Иванович получил ранение в левое бедро, и он около девяти месяцев вынужден был лечиться в госпиталях.

65-летию Великой Победы посвящается

В июне 1944 года война для Виктора Ивановича окончилась, он вернулся домой, но раны еще долго давали о себе знать.

С 1944 по 1949 годы он работал сторожем нефтебазы, охранял заключенных лагерей МВД СССР. В 1952 году по совету родственников отправился в Новошахтинск. Первым местом работы было шахтоуправление № 13, где он трудился землекопом, а позже бригадиром группы. В 1956 году перешел на шахту «Самбековская» и проработал там до самой пенсии. Виктор Иванович очень любит город, который стал для него родным.

Кочергина Вера Михайловна

Родилась 17 января 1921 года в городе Новошахтинске. До войны Верочка работала на шахте № 7 мотористкой, общалась с подругами и мечтала о счастливом замужестве.

В 1941 году, когда немецкие войска стали наступать, девушек, работавших на шахте, отправили рыть окопы. В годы войны слабый пол переставал быть слабым и воевал наравне с мужчинами.

Вера Михайловна прошла всю войну до самого Берлина и даже участвовала в его захвате.

Заняв Берлин, русские войска пытались наладить производство вещей, нужных фронту, на немецких фабриках и заводах. Вот на одной из таких фабрик и работала Вера.

Самым памятным событием с начала войны и до ее окончания для Веры Михайловны стал парад российских войск по Берлину. Она вспоминает: сам главнокомандующий Жуков приехал поздравить солдат с победой, вместе с начальниками на площади стояли и девушки, помогающие готовить этот праздник, в числе которых была и Вера Чепурнова. Жуков лично поблагодарил каждую и пожелал счастливой жизни после войны.

Среди наград Веры Михайловны несколько благодарственных грамот, а самая главная – медаль Жукова.

В 1946 году Вера вернулась в родной город Новошахтинск к любимой маме. Она устроилась работать в столовую № 3 на шахте «Несветаевская». Там же произошло и романтическое знакомство с будущим мужем Кочергиным Виталием. Это была прекрасная история любви, плодом которой стал единственный сын.

Даценко Николай Федорович

Родился 1 сентября 1927 года в хуторе Веселый Краснодарского края. До войны Николай учился в сельской школе, окончил четыре класса и работал в колхозе. В конце декабря 1941 года семнадцатилетним юношей он был призван на фронт. Молодой боец попал в 105-й запасной полк снайперской роты и провоевал в нем до 9 мая 1945 года.

Николай Федорович не очень любит рассказывать о своих военных буднях, так как воспоминания тяжелой ношей лежат на сердце ветерана. После окончания войны Николая Федоровича вместе со 105-м запасным полком отправили в город Бреслав, Позже их подразделение расформировали, и он попал в отдельный инженерный батальон, в котором служил до 1952 года.

В январе 1952 года Николай Федорович приехал в Новошахтинск осваивать шахтерскую профессию и устроился на шахту № 5, где работал по нескольким угольным специальностям: слесарь шахтного оборудования, проходчик, навалоотбойщик – до самой пенсии.

Среди наград Николая Федоровича есть награды за освобождение Родины от захватчиков и добросовестный труд на благо города: Орден Отечественной войны II степени, медаль Жукова, Орден Победы над Германией, знак «Почетный шахтер».

Синякова Мария Ивановна

Родилась 20 ноября 1925 года в маленькой деревушке Луганской области. До начала Великой Отечественной войны Мария Ивановна переехала в Новошахтинск, но устроиться на новом месте семья не успела. В спешном порядке на фронт сначала призвали отца, а потом двух старших братьев.

В апреле 1943 года очередь дошла и до Маши. До того как попасть на фронт, она вместе с другими девушками рыла окопы, помогая русским солдатам. Мария Ивановна побывала на Ростовском фронте, где стреляла из браузера, от стрельбы из

65-летию Великой Победы посвящается

которого у нее и других девушек долго кружилась голова и шла кровь из ушей. Позже на Белорусском фронте была наводчицей в зенитной части. Тогда не приходилось делить людей на женщин и мужчин, так как нужно было стоять до последнего и не отдать врагу ни пяди родной земли.

До самого окончания войны она так и прослужила в этой части, а в 1945 году вернулась в уже полюбившийся ей город Новошахтинск. Здесь Мария Ивановна познакомилась со своим будущим мужем, работала на швейной фабрике, а потом на восстановлении разрушенного хозяйства второго отделения совхоза № 6.

Мария Ивановна не имеет высоких правительственных наград, только много благодарственных грамот и писем от администрации города и военкомата. Самое главное для этой женщины – сознание того, что в трудное для страны время она внесла свою лепту в борьбу с врагами и Великую Победу.

Великородов Николай Мартынович

Родился 16 мая 1925 года в селе Благовка Ворошиловградской области. В 1937 году Коля со своей семьей переехал в город Новошахтинск в хутор Черников. Здесь он продолжил учебу, окончил семь классов и устроился работать в колхоз. Так бы спокойно и протекала его жизнь, если бы не наступление немецких войск на просторы России. В августе 1941 года Николай отправился в дивизионный истребительный батальон, находившийся в городе Новошахтинске.

Командование батальона откомандировало юношу на курсы трактористов, после окончания которых он устроился работать по специальности в колхоз «Заветы Ленина».

Удачные бои русских войск под Сталинградом придали уверенности людям, находившимся в оккупации. Враг был сражен. Колхоз начал восстанавливать свое хозяйство. Молодежь объединилась в бригаду трактористов. Собрали из имеющихся деталей три трактора для работы на полях. Как раз в это время Николая Мартыновича призвали в армию.

Его направили в 381-й запасный стрелковый полк в учебно-пулеметную роту пулеметчиком, а в июне 1943 года перебросили в самое сердце фронта: в 5-й зимовниковский гвардейский корпус

№ 12 ордена Кутузова командиром пулеметного расчета. Как считает сам ветеран, его первое боевое крещение произошло под Белгородом в селе Прохоровка. Тогда их рота производила прорыв и попала в окружение, исход битвы был в пользу русских, но из всей роты в живых осталось только шесть человек.

Потом Харьков, Полтава, форсирование Днепра, Кировоград, Каменка, Знаменка, Львов, Краков, Одер, Берлин, Прага... Можно еще и еще продолжать список городов и сел, в освобождении которых участвовал Николай Мартынович. До 1950 года он служил в войсках российской армии. По окончании службы вернулся домой и все время до пенсии работал в угольной промышленности.

Среди наград Николая Мартыновича орден Отечественной войны 2-ой степени, орден Славы III степени, две медали «За Отвагу», медаль Жукова, медали «За взятие Берлина», «За Победу над Германией», «За освобождение Праги».

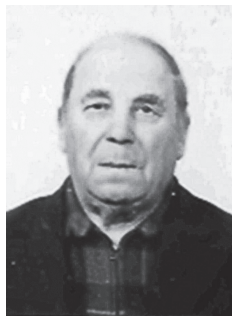
Андриенко Николай Юрьевич

Родился 17 апреля 1925 года в Смоленской области в селе Дубровка.

В возрасте трех месяцев он вместе со своей семьей переехал в город Новошахтинск. Детство его ничем не отличалось от детства большинства советских мальчишек. Черная полоса в его жизни началась со смерти любимой мамы. Пришлось менять место жительства и переезжать к дяде.

В 1941 году, когда началось наступление немцев на поселок Бондаревка, находящийся в Новошахтинске Николай вместе со своими одноклассниками участвовал в разведывательных операциях, помогая бойцам регулярной армии.

В апреле 1943 Николая Юрьевича призвали на фронт. Его вместе с товарищами отправили в Саратовскую область в город Сызрань в артиллерийское училище, окончив которое, Николай участвовал в форсировании Днепра, освобождал Запорожье, город Николаев, Болгарию, Румынию, город Бухарест, город Будапешт. При форсировании Днепра он был ранен в голень, контужен и получил еще несколько мелких ранений. В госпиталь Николай Юрьевич отказался ехать, так как не хотел бросать свой боевой пост. В 1945 году

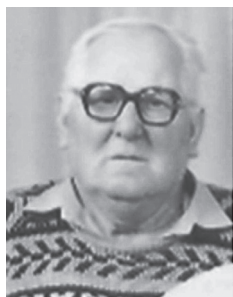

65-летию Великой Победы посвящается

он вместе со своей дивизией дошел до самой Австрии. Но служба на этом не закончилась. Для Николая Юрьевича боевые будни завершились в сентябре 1950 года. После демобилизации он вернулся в родной город Новошахтинск.

Заслуги перед Отечеством отмечены многочисленными наградами: медалями «За Победу над Германией», «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «50 лет вооруженным силам», «За проявленную трудовую доблесть», орденом Отечественной войны II степени.

Ковтун Иван Филиппович

Родился 4 февраля 1926 года в Ростовской области в Егорлыкском районе. 9 мая 1943 года Иван попал на фронт. «Боевым домом» для него сразу стал 720-й зенитно-артиллерийский полк. Первые дни на войне проходили не очень тяжело, так как воинскую часть отправили под Сталинград на учения.

После военной подготовки полк, в котором служил Иван Филиппович, был переброшен на освобождение Липецка, затем участвовал в освобождении от немецко-фашистских захватчиков Кишинева, Румынии. Далее фронтовые дороги привели его в Германию, в город Гали.

Ветеран вспоминает: во время боев в Саратове пришлось держать оборону завода «Крекинг». Немецким войскам было отдано приказание сровнять с землей это предприятие, чтобы оно не могло приносить пользу России. В этом бою Иван Филиппович был ранен осколком в голову, последствия ранения и в мирное время не давали покоя.

В мае 1950 года Иван Филиппович был демобилизован и отправлен домой, в Егорлыкский район. Однажды, приехав в город Новошахтинск в гости к сестре, влюбился в этот город без памяти и решил остаться здесь навсегда. Трудился до самой пенсии на шахте № 7, вначале горнорабочим, затем посадчиком.

О ратном труде ветерана свидетельствуют награды: орден Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Германией», орден «Знак Почета». А послевоенный мирный труд был отмечен орденом Шахтерской Славы III степени, дипломом победителя конкурса на лучшего инспектора шахты.

Васачий Александр Степанович

Родился 28 апреля 1919 года в городе Мариуполь Донецкой области.

В армию был призван в декабре 1939 года. Служил Александр Степанович в 20-м танковом полку под городом Ровно Львовской области. Уже 22 июня 1941 года был в бою под городом Радыговым на границе с Германией. В это время немцы прорвали оборону южнее Харькова. Поступил приказ отступать. Отступал 20-й танковый полк в направлении Сталинграда и попал в окружение под Полтавой. В то время Александр Степанович уже получил квалификацию военного фельдшера и воевал в этом качестве.

На вопрос о самом запоминающемся событии, случившемся на фронте, ветеран отвечает: «Это было под селом Орши. Меня попросили осмотреть раненого. Я сделал несколько шагов в его сторону, и над моей головой прозвучала автоматная очередь. Я упал, чтобы второй очередью меня не убило. Ползком добрался до колхозного домика и увидел на крыше немца. Оказав помощь раненому, я доложил лейтенанту, где сидит немец».

В июне 1943 года, когда немцы отступали от Орши до Восточной Пруссии, Александр Степанович служил в белорусском полку под командованием Черняховского, был ранен, лечился на Урале в городе Уфе, затем в Мариуполе.

После лечения Александр Степанович направляется в Славянгорск Донецкой области, где служит до ноября 1944 года. После демобилизации по состоянию здоровья возвращается домой, работает фельдшером, затем в автопарке.

Александр Степанович награжден орденами Великой Отечественной войны I и II степени и орденом Богдана Хмельницкого.

Осадчий Александр Александрович

Родился 18 марта 1923 года в Николаевской области, Вознесенском районе, деревне Бескровная.

В 1937 году Саша вместе со своей семьей переехал во 2-е отделение совхоза № 6 города Новошахтинска.

В июле 1942 года Александра Александровича призвали на фронт. Он попал в 5-ю ударную армию. Первое боевое крещение состоялось под Сталинградом. После взятия Сталинграда его подразделение перевели на реку Миус.

65-летию Великой Победы посвящается

В июле 1943 года Александра Александровича осколками от снаряда ранило в руку, ногу и немного задело лицо. Он проходил курс лечения в госпитале в городе Павлове-на-Оке. Как вспоминает ветеран, лечение проходило тяжело и долго: целый год и три месяца он был прикован к постели.

После госпиталя его отправили в город Горький на курсы радистов, но поврежденная рука не хотела выстукивать азбуку Морзе. И Александра Александровича перевели на курсы электромехаников.

По окончании курсов Александра Александровича командировали в Москву. 220 солдат завели в большое помещение и распределили по разным комнатам. Позже начались учения. Как оказалось, тогда их готовили в десантники. Самым запоминающимся событием тех лет для ветерана является высадка десанта под Белоруссией в городе Гомель. После военных действий в Гомеле десантники двинулись дальше в сторону Минска, где произошло соединение их войск с регулярной армией.

Вскоре Александра Александровича вместе с несколькими бойцами отправили в школу МВД. В 1946 году, окончив школу милиции, он работал оперуполномоченным в Минске, Бресте и других городах.

В 1949 году вернулся в любимый город Новошахтинск, где трудился на шахте «Соколовская» и несколько лет в колхозе.

Ветеран награжден орденами Отечественной войны II и III степени, медалями «За отвагу», «За Победу над Германией», значком «Участник партизанского движения».

Десятников Федор Анисимович

Родился 20 мая 1925 года в селе Астахово Свердловского района Ворошиловградской области.

Ветеран вспоминает, что после смерти отца в 1933 году матери пришлось воспитывать пятерых детей самой. Поэтому, будучи еще юношей, он устроился работать в колхоз, чтобы помочь маме растить своих братьев и сестер.

В мае 1943 года Федора Анисимовича призвали на фронт. Обучение военной профессии проходило три месяца в селе Дьяково.

И начались военные будни в пехотных войсках. Ветеран вспоминает, как однажды, когда его рота была совсем недалеко от дома, написал любимой маме письмо. Получив письмо, мать Федора Анисимовича отправилась пешком искать родного сына, чтобы увидеть его. Но встреча не состоялась: мать так и не дошла до сына – была арестована патрулем и возвращена домой.

Позже роту Федора Анисимовича отправили оборонять украинский фронт. Самым жарким сражением был бой на Саур-могиле в городе Апостол. Сила немецких захватчиков была велика, но и русские войска не сдавались, бой шел не на жизнь, а на смерть. «Но вдруг ранение... в ногу... Я думал, что споткнулся...», – рассказывает Федор Анисимович. Он не растерялся, снял с ноги обмотку и перевязал ею свою рану, но остановить кровь так и не удалось. Тогда он решил ползти в ту сторону, где находились его товарищи, чтобы хоть кто-то помог ему. Он полз вслепую, пока не добрался до роты. Укрытием на поле боя для солдат был дуб, который раскинул свои ветви и как бы прикрыл их от врагов. Вели бой, а помощи все не было. На пятые сутки разведка обнаружила окруженную роту. Было много раненых. Федора Анисимовича отправили в госпиталь, находившийся в городе Павлове на реке Оке. Прикованный к больничной койке, он пролежал в госпитале около девяти месяцев. Воевать уже больше не смог.

В 1944 году вернулся домой и, несмотря на плохое самочувствие (еле передвигался на двух костылях), отправился работать в колхоз. В 1949 году женился.

Среди наград ветерана несколько медалей: Жукова, «За отвагу», «За доблесть», орден Великой Отечественной войны II степени. Он ветеран 5-й ударной Армии и 4-й Гвардейской Краснознаменной Апостола-Венской дивизии.

65-летию Великой Победы посвящается

Михайлов Георгий Яковлевич

Родился 25 апреля 1927 года в Курской области, Черемисинском районе, селе Безобразово.

В 1936 году Георгий Яковлевич еще мальчишкой вместе со своей семьей переехал в город Новошахтинск, откуда его 25 мая 1944 года и призвали на фронт. Вместе со своими земляками он попал в Батайск, где получил обмундирование, а потом со спецнабором был отправлен на 1-й Украинский фронт в город Львов. На долгое время его вторым родным домом стала 24-я гвардейская артиллерийская бригада. Ветеран вспоминает, как участвовал в освобождении Польши, Румынии, Чехословакии.

В июле 1944 года при освобождении Чехословакии молодой боец был ранен и контужен. Ему пришлось пролежать в госпитале в Праге около восьми месяцев. Выписался, когда война уже закончилась. После выписки из госпиталя до 1950 года Георгий Яковлевич оставался в городе Львове, обороняя его от бандеровцев.

Ветеран вспоминает, что в военные будни иногда писал стихи, которые потом становились песнями их батальона. Вот одна из них:

*Веди, Брызгольд, бригаду в бой,
Пехота ждет – помочь ей надо.
Двадцать четвертая, вперед,
Вперед, гвардейская бригада.
И Родина нами гордится,
И пишет нам Сталин приказ,
И ярким салютом столица
С Победой приветствует нас.*

В 1950 году Георгий Яковлевич вернулся домой, построил дом во 2-м отделении совхоза № 6. Работал шофером, потом в угольной промышленности трудился до самой пенсии. Освоил почти все шахтерские специальности.

Георгий Яковлевич награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями Жукова и «За Победу над Германией».

Рогова Агриппина Яковлевна

Родилась 8 июня 1924 года в селе Астахово Ворошиловградской области.

В 1935 году Агриппина Яковлевна переехала во 2-е отделение совхоза № 6.

В мае 1943 года Новошахтинский военкомат призвал девушку на фронт. Военная служба началась в Ростове-на-Дону и закончилась в Берлине. Агриппина Яковлевна попала в зенитные войска, находилась постоянно в прифронтовой полосе, участвовала в освобождении Латвии, Донецка, Горловки, Каменской области, Двинска.

В июне 1945 года Агриппина Яковлевна вернулась в город Новошахтинск к своей семье и родным. Работала в колхозе, затем перешла на шахту «Соколовская», где и трудилась до самой пенсии.

Ратный подвиг женщины отмечен высокой наградой – орденом Отечественной войны II степени, а также значком «Отличник ПВО».

Гончаров Валентин Васильевич

Родился в 1921 году. В 1940 году окончил среднюю школу № 3, а затем учительские курсы.

В 1941 году Валентина в спешном порядке призвали в армию. Вначале всех собрали в Ростове-на-Дону для прохождения двухнедельной строевой подготовки.

Ветеран вспоминает: «Обмундировали нас и посадили в крытый вагон. Погрузили сено, лошадей, продукты для солдат и повезли... Мы не знали, куда едем, но точно могли сказать, что куда-то на Запад». Привезли молодых бойцов в Адлер. Построили и повели на осмотр местности, остановили перед бараками и поставили первую военную задачу: как можно быстрее построить на этом месте аэродром. Работа была тяжелая: рано вставали, поздно ложились, но первое боевое задание было выполнено в срок.

22 июня строившие аэродром слышали гул самолетов, которые их обстреляли. В обед, когда все выстроились для получения сол-

65-летию Великой Победы посвящается

датского пайка, прозвучал сигнал тревоги. Командир, обращаясь к воинам, объявил, что Германия напала на Советский Союз. Затем наступили трудные ратные времена, начались бои с врагом. Битва за каждый участок земли шла не на жизнь, а на смерть. В ожесточенных боях за Адлер, Киев, Полтаву, Омск приходилось доказывать, что русские бойцы умеют защищать свою страну.

Конечной остановкой на военном пути Валентина Васильевича стал город Сталинград, где он вместе со своим батальоном строил аэродром, переправу через реку, внося посильный вклад в защиту родной страны и соотечественников.

Ерофеев Иван Харлампиевич

Родился 22 августа 1919 года в хуторе Новая Полтава Чертковского района Ростовской области. В сентябре 1939 года его призвали в армию в войска НКВД. Окончив курсы молодого бойца на «отлично», он был направлен в школу младших командиров, где проучился до начала войны.

Как вспоминает сам ветеран, на его боевом пути было много городов, станиц и деревень, но своей настоящей заслугой он считает участие в освобождении от немецко-фашистских захватчиков Азербайджанской республики.

В 1946 году Иван Харлампиевич демобилизовался и вернулся в родной хутор. Погостив на родной стороне, он решил уехать в молодой город Новошахтинск на заработки. Судьба распорядилась так, что он остался там навсегда.

В 1955 году Иван Харлампиевич познакомился со своей будущей женой и создал семью. До самой пенсии ветеран проработал горнорабочим на шахте «Несветаевская» и никогда не пожалел, что остался в Новошахтинске.

Отвечая на вопрос о самом запоминающемся событии его жизни, ветеран отмечает, что их было много, но особенно ярко запомнился День Победы и знакомство со своей «второй половинкой». Его глаза полны боли и печали, когда он вспоминает ужасы войны и, наоборот, светятся радостью, когда он рассказывает о семье, доме и работе.

Среди фронтовых наград ветерана – орден Отечественной войны II степени, медаль «За оборону Кавказа» и несколько медалей «За Победу над Германией»¹.

Внуки память хранят (из школьных сочинений)

Я хочу рассказать о моем дедушке – **Иване Петровиче Дюжеве**. Он ветеран, прошел всю Великую Отечественную войну от начала до конца, все 1418 дней, имеет ранения и боевые награды. Уроженец хутора Красный Кут (ныне Красный Бугултай), еще в 1937 году был призван в армию, где прослужил в морской авиации четверть века.

Утро 22 июня 1941 года механик авиавооружения Дюжев встретил в районе селения Бельбек в Крыму, где дислоцировалась его воинская часть. В первый день войны авиационный полк сделал более двухсот вылетов на перехват немецких бомбардировщиков. В обязанности механика входила проверка, пристрелка, зарядка и ремонт пушек и пулеметов. Он нес ответственность, если оружие отказывало во время боя.

Тем временем линия фронта все ближе и ближе подходила к Крыму. Отчаянно боролись с врагами защитники Одессы и Севастополя, в числе которых был и Иван Петрович. В 1942 году его авиаполк был окружен и три месяца скрывался в лесах Украины. А был один случай, когда дедушку считали погибшим и прислали его родным «похоронку».

Однажды он прилетел в авиамастерские Евпатории. В это время состоялся очередной воздушный налет. Здание мастерских разбомбили. Летчик улетел, а дедушка остался под развалинами. Контуженный, он выбрался из-под груды обломков, прошагал около ста километров и через два дня явился в расположение своего авиаполка в Сарабуз.

Во время десантной операции в Новороссийске уже старший механик авиационного вооружения Дюжев снаряжал самолеты, которые оказывали поддержку героям-пехотинцам, захватившим и удерживавшим Малую землю.

Очень интересна история дедушкиного авиаполка. Он был образован в 1918 году по приказу В. И. Ленина, летчики его воевали в

¹ Вакула Н. Н. По материалам брошюры «Ветераны рядом с нами». 9 мая 2005 года.

65-летию Великой Победы посвящается

Испании. Полк был засекречен и неоднократно переименовывался. В начале войны он носил номер 039, а в конце – назывался 11-й гвардейский истребительно-авиационный.

Полк освобождал Румынию и Болгарию. Затем его часть была отозвана в Крым для обеспечения безопасности авиационного пространства во время Крымской конференции. Иван Петрович лично видел и Сталина, и Рузвельта, и Черчилля.

9 мая 1945 года гвардии старшина Дюжев встретил в Крыму, где и начинал войну. Китель Ивана Петровича украшают орден на Красной Звезде, две медали «За боевые заслуги», медали «За оборону Севастополя» и очень редкий знак отличия – «Народная Война в Болгарии», врученный ему в Софии лично болгарским царем Симеоном.

С. Дюжев

* * *

Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны **Алексея Никитовича Аверьянова**:

– Я родился 8 мая 1925 года. Мы жили в Воронежской области, но лет через пять переехали в Орловскую область, город Орел. Отец работал на заводе, а мать была домохозяйкой.

С самых первых дней война затронула нашу семью. Отца сразу же в 1941 году отправили на фронт. А меня, сестру и мать увезли в эвакуацию. Нас отправили в Среднюю Азию, в Бухару. С собой взяли немного одежды, лишь самое нужное.

Мама работала на заводе по переработке хлопка, а я, как мог, ей помогал.

Шел 1942 год. Я уже год прожил в эвакуации, потом меня призвали на защиту Родины. Так как я еще до войны учился в Орловском пехотном училище, то меня отправили в пехотную дивизию...

Мы стояли у границ Восточной Украины. В один день нам сообщили, что немцы перешли в наступление. Командование приняло решение о контрнаступлении, и наши дивизии двинулись в направлении реки Днепр, попутно освобождая города Харьков, Полтава от вражеских войск. На этом фронте со мной произошли

самые значимые события: три ранения и получение ордена «Красной Звезды» за форсирование Днепра.

Первое и второе ранения я получил во время форсирования Днепра, когда немцы шли в активное наступление. Тогда снайпер ранил меня в руку, но, слава Богу, обошлось...

Мы лежали в окопах и отстреливались. Вдруг я ощутил боль в левом ухе, руку поднес, а там кровь. Это было второе ранение. Посмотрел на товарища: ему снайперская пуля насквозь пробила голову. В этом бою было много раненых и погибших. Людей не хватало, поэтому командир отдал приказ раненым легко и имеющие раны средней тяжести не отправляться в госпиталь, а продолжать наступление.

В этом же бою я получил третье ранение от разрыва снаряда. Осколок попал мне в ногу. И после этого ранения до конца войны пролежал в госпитале...

На фронте у меня были товарищи, но настоящих друзей... не то что не было... Это война. Только-только подружисься – начался бой. После окончания боя или ты ранен или друга уже нет...

На войне нас вдохновляло многое: патриотизм, ненависть к фашизму. Я сам, своими глазами видел, как фашисты вешали или расстреливали ни в чем не повинных людей, а потом сжигали их трупы. Так что война – это не шутка! Еще самое главное: мы воевали не просто так, не зря, мы воевали за наших детей, внуков, правнуков. За их спокойную жизнь в будущем. И я хочу, чтобы потомки никогда не забывали тот подвиг...

Записал внук Н. Аверьянов

* * *

Война застала моего дедушку **Спицына Анатолия Георгиевича** в Смоленской деревушке, где он рос и учился. Ему было 17 лет. Не дожидаясь приказов, в военкоматы шли тысячи советских патриотов с просьбой отправить их на фронт. Срочно формировались дивизии, батальоны, полки народного ополчения. Прибавив себе еще один год, чтобы взяли на фронт, мой дедушка с первых дней войны стал бойцом. Война была всенародным бедствием, оставив навечно в сердцах людей память неотвратимой беды и горя. Мой дедушка был пулеметчиком, связистом и разведчиком. Был два раза ранен и один раз контужен. Воевал на Западном, на 3-м Белорусском, на 1-м Прибалтийском фронтах.

65-летию Великой Победы посвящается

Дедушка до сих пор не может спокойно рассказывать о войне. Он с большой болью вспоминает о ней. Прошло много лет, но об одном бое мы все же слышали рассказ. В конце 1943 года он командовал взводом разведчиков. Карательный отряд напал на деревню. Разведчики защищали мирных жителей, но силы были неравными. Отряд разведчиков был разбит, дедушку захватили в плен. Когда его вели на расстрел, подоспевшие разведчики и бойцы действующей армии освободили его. Вместе с бойцами мой дедушка выбил из местечка фашистов, воины освободили оставшихся в живых жителей деревни из плена. За эту боевую операцию дедушку наградили медалью «За отвагу». Всего их у дедушки 17, среди наград – медаль «За боевые заслуги», орден Славы III степени, орден Отечественной войны I степени. Войну он закончил в Кенигсберге, получил медаль «За взятие Кенигсберга».

После войны он закончил Московский горный институт и переехал в наш город, стал работать на шахте. Тогда велись восстановительные работы, строились новые шахты, восстанавливались металлургическая и угольная промышленность. За свою долгую трудовую деятельность он удостоен и трудовых медалей. Дедушка – полный кавалер знака «Шахтерская слава», есть медаль «За трудовую доблесть», «Ветеран труда». Я очень люблю своего дедушку.

П. Спицын

* * *

Шел 1941 год... В этот год лейтенант **Владимир Погребняк** окончил военное училище. Здесь и застало его страшное известие о войне.

В числе первых он пишет рапорт с просьбой направить его на фронт, туда, где черным тайфуном неся по советской земле фашизм, где вяли травы, горели села, гибли женщины, старики, дети. С волнением ждал Погребняк ответа командования. Но, как отличник боевой и политической подготовки, он должен был остаться в училище и помогать готовить командный состав для фронта.

Каждый воин знает простую солдатскую истину: приказ есть приказ – и его надо выполнять.

1942 год стал для молодого офицера одним из запоминающихся в его жизни – год вступления в ВКП(б). В эти особенно тяжелые

дни и месяцы войны, когда советский народ готовился разорвать фашистское кольцо под Сталинградом, он хотел идти в бой коммунистом.

И снова на стол командования ложится рапорт с просьбой направить на фронт. И вновь отказ: вы нужны здесь, в училище, сейчас ваш долг – растить молодых офицеров.

Наконец, мечта сбывается. В 1943 году Владимира направляют на фронт в действующую армию под Смоленском. Тяжелы были для него первые дни солдатских военных будней. Свое боевое крещение он получил под Смоленском. Прошел многими дорогами войны, дошел до Бреста, принимал участие в освобождении легендарной крепости.

– Всю зиму 1945 года, – рассказывает дедушка, – Наши солдаты находились «в плену» лютого мороза. Не хватало продовольствия. Но ничто не может сломить дух воина, полного стремлений поскорее уничтожить фашистскую мразь и вернуться в родные края строить новую жизнь, поднимать из руин нашу землю!

И снова дороги, солдатские будни. Впереди Варшава – столица Польши, где советские воины рука об руку с польскими бились с фашистами. Здесь дедушка был награжден медалью «За освобождение Варшавы».

После освобождения Польши он со своей ротой был направлен в Брестский пограничный округ, где и прослужил до 1949 года. Тяжелая болезнь вывела его из воинского строя. Но он продолжал трудиться в различных организациях.

Сейчас дедушка, ветеран войны, инвалид второй группы, находится на заслуженном отдыхе. Он часто рассказывает мне о своих солдатских буднях. И вот однажды произошел такой разговор, который начался обычно, по-житейски, просто и буднично, но было в нем, как и всегда, что-то очень важное, большое, оставившее след в моем сердце. Я спросила: «Дедушка, у тебя за плечами большой жизненный опыт. Как ты можешь оценить свою жизнь?».

На мой вопрос дедушка ответил так: «Главное – честно трудиться на благо Родины. Оглядываясь на все прошедшие годы, я тебе скажу: не жалею о той жизни, которую прожил. Конечно, были ошибки, неудачи, но никогда я не старался схитрить, словчить. Это правило я завещал твоей маме и завещаю тебе».

Эти слова больше чем когда-либо тронули мое сердце. Я впитала их всем сознанием, всей душой. Ведь это не просто прочитать

65-летию Великой Победы посвящается

где-нибудь, а услышать голос сердца человека близкого мне, человека, который прошел сквозь огонь и дым войны, ежечасно рискуя своей жизнью во имя нас, живущих ныне...

С. Решетняк

* * *

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов члены моей семьи защищали страну от немецко-фашистских захватчиков и работали в тылу.

Мой дедушка по линии отца **Степан Семенович Пилипенко** родился 15 марта 1918 года в совхозе «Горняк» Харцызского района Донецкой области. 15 марта 1940 года он был призван в Красную Армию. Служил в Дубне в 300-м гаубично-артиллерийском полку им. Ворошилова телефонистом.

В июне 1941 года полк находился на учениях близ западной границы. 22 июня авиация Германии обстреляла полк из пулеметов. Вскоре прибыли офицеры, уезжавшие на выходные в Дубну. Вся техника и вооружение были погружены в поезд, и эшелон отправился вглубь страны. Дубна уже была занята немцами, и полк последовал на Житомир и далее – на Киев. Переправились через Днепр и заняли оборону у села Дарница.

Так начался боевой путь моего дедушки Степана Семеновича Пилипенко в Великой Отечественной войне. Воевал на Перекопе, под Севастополем, Киевом и так дошел до Кенигсберга. В основном гаубицы били по закрытым целям: дотам и дзотам, но приходилось стрелять даже и по кораблям. А как воевал мой дедушка рассказывают его боевые награды: три медали «За отвагу» – за бои под Севастополем, Киевом и Кенигсбергом, а также медали «За оборону Киева», «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией». В начале 1944 года Степану Семеновичу Пилипенко было присвоено звание сержанта, и он уже командовал отделением.

Закончил воевать Степан Семенович на Зеланском полуострове в составе 20 гвардейской гаубично-артиллерийской бригады.

За две недели до Парада Победы 1945 года мой дедушка был откомандирован в Москву, чтобы продемонстрировать военную тех-

нику артиллерийского полка, в котором воевал. Остановились в поле недалеко от Москвы. К началу парада трактора, грузовики и гаубицы были отремонтированы и приведены в надлежащий вид.

Наступило 24 июня 1945 года. Место сбора участников Парада Победы было назначено на площади у стадиона «Динамо». Сам Парад стал волнующим и запоминающимся событием в жизни дедушки. Когда Степан Семенович проезжал по Красной площади, то на трибуне Мавзолея В. И. Ленина видел Сталина, Калинина, Буденного, Ворошилова и все Правительство СССР. Закончился парад, но не кончается память, в которой война остается и по сей день. За храбрость, стойкость и мужество в годы ВОВ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. дедушка награжден орденом Отечественной войны II степени.

Демобилизовался Степан Семенович 6 июня 1946 года, приехал в город Новошахтинск и 3 апреля 1947 года поступил на шахту № 7. Работал электрослесарем, навалоотбойщиком, бурильщиком, горным мастером.

Мой дедушка по линии мамы **Иван Максимович Сычев** родился 19 февраля 1922 года в селе Тимирязево Евдаковского района Воронежской области. С июня 1941 года был призван защищать Родину. Дедушка был танкистом и воевал в 1-м танковом полку механиком-водителем легкого танка. В 1943 году был переведен в 314-й автобатальон шофером. Прошел военный путь до Варшавы. В ноябре 1944 года был тяжело ранен и находился на излечении в военном госпитале по май 1945. Часто вспоминал бои за реку Днепр, г. Варшаву. Каждый год в День Победы вспоминал своих однополчан и пел любимую песню «Три танкиста». Умер дедушка в июле 2000 г. Награжден Правительственными наградами: медалями «За взятие Варшавы», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны II степени.

Моя бабушка по линии мамы Евдокия Тимофеевна Кондратенко родилась 28 мая 1927 г. Когда началась война бабушке, было 14 лет. До оккупации села немцами все подростки и женщины сушили картофель для фронта. Мыли, чистили картофель, резали тонкими пластинами, затем сушили в русской печи. Сухой картофель паковали в мешки и ежедневно отправляли на фронт для солдат. В конце июля 1941 г. село было занято немецкими войсками. Бабушка находилась в немецкой оккупации с июля 1941 года по февраль 1942. Фашисты жителей выгнали из домов и заняли

65-летию Великой Победы посвящается

их сами. Семья моей бабушки была вынуждена рыть землянку и все время оккупации ютиться в ней. Немцы насильно заставляли работать на них все население села.

Был сильный голод, холод, много вшей. Зимой, спасаясь от голода, были вынуждены рыть картофель на необработанных полях и есть его. Когда село освободила Красная Армия, люди плакали и благодарили солдат за спасение. Плакала и моя бабушка.

Она считает, что их спасение – это чудо, потому что карательные отряды немцев не успели дойти до села. С 1942 года до окончания войны бабушка работала на Евдоковском жирокOMBинате. Ей было 16 лет. За доблестный и самоотверженный труд в период ВОВ Сычева Евдокия Тимофеевна Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Я горжусь своей семьей.

О. Пилипенко

* * *

Смотрю на фотографию своей любимой бабушки **Анны Ивановны Голоколосовой**. На пожелтевшем от времени снимке юное лицо семнадцатилетней девушки с доброй улыбкой и доверчивым, наивным взглядом. Летом 1941 года вместе со сверстниками отправилась на уборку урожая, а зимой – на аэродром чистить снег.

1 апреля 1942 года, когда враг уже рвался к столице, она была в трудовой армии под Ворошиловградом. Там приходилось выполнять далеко не женскую работу: грузить бревна, рыть противотанковые рвы. А Родина нуждалась в защитниках. И Анна, покинув трудовую армию, отправилась в поселок под Краснодоном, где стояли воинские части. Платье сменила на гимнастерку и армейскую юбку, туфельки – на солдатские сапоги. После принятия присяги, пройдя полковую воинскую подготовку, Анна Ивановна стала заместителем командира взвода 57-й армии 353-й стрелковой дивизии 493-го стрелкового полка в звании старшего сержанта.

Она рассказывает о своем боевом крещении: «Это было в 43-м году под Краснодаром. Мы шли вдоль шоссе к железной дороге. Моросил холодный дождик. Сапоги разбухли, стали тяжелыми, словно каблуки у них из камней. Я подоткнула полы шинели за ремень, чтобы не путались под ногами. Кроме того, шли по высокой траве. Мокрая и густая, она мешала передвигаться. И вдруг

кто-то закричал: «Немцы! Стреляй!». У меня начали дрожать руки, по всему телу прошла дрожь. Какой-то страх... Мелькнула мысль: это же человек, хоть враг, но человек... Я взяла себя в руки и нажала на спусковой крючок... Убила или нет, не знаю. Но помню, что заплакала...».

До конца войны Анна Ивановна оставалась служить в 57-й армии. Она участвовала в боях за Северный Кавказ, Ростов-на-Дону, Донецк, Днепродзержинск, участвовала в освобождении Болгарии, Румынии, Чехословакии, Венгрии. По ее рассказам, война была жестокой и грубой школой: «Мы сидели не за партами, а в мерзлых окопах, и перед нами были не конспекты, а бронбойные снаряды и пулеметные гашетки. Мы еще не обладали жизненным опытом. Война требовала немыслимых жертв. С непоправимой жестокостью ее законы входили в наш мир. Все было на войне: смерть, страх, непосильная работа, и было женское долготерпение. Особенно тяжелыми оказались бои за освобождение Украины. Меня ранило в ногу, и я потеряла сознание, а тогда был сильный мороз. Когда очнулась, у меня были отморожены обе ноги. Теперь они здоровые, а тогда были черные и мокрые от крови. Положили меня вместе с другими ранеными, свезли в одно место, а потом отправили в медицинский санитарный батальон, который находился при нашем лагере на Украине. Через два дня меня выписали, и я радовалась, что все хорошо обошлось. А были и другие солдаты, которые остались без рук или без ног. После ранения работала уже в штабе дивизии секретарем-машинисткой...».

Война закончилась 9 мая 1945 года, а в сентябре старший сержант Голоколосова была демобилизована из армии. За участие в Великой Отечественной войне Анна Ивановна награждена орденом Отечественной войны, она получила и личную сталинскую благодарность за отвагу...

Я вижу свою бабушку уже с морщинками, с поседевшими волосами. Разные чувства борются в моей душе: гордость и сочувствие, боль и восхищение. Они заставляют меня еще пристальнее вглядываться в это лицо, вслушиваться в этот голос и думать о том, какво им, живущим одновременно в двух временах – в дне вчерашнем и в дне сегодняшнем...

Передо мной фотография семнадцатилетней девушки с доверчивым, наивным взглядом, улыбкой на губах... Удивительно: столь-

65-летию Великой Победы посвящается

ко лет минуло с тех пор, но тот же доверчивый взгляд, та же улыбка на лице моей любимой бабушки.

К. Скороходова

* * *

Иван Гаврилович Кучеров родом из Харьковской губернии, село Зайгадар Новопсковского района. В 1937–1938 годах он проходил воинскую службу на Дальнем Востоке. Время было неспокойное, нередко происходили вооруженные конфликты на границе с японцами. Он вспоминает: «В 1937 году ночью вызвали в Новочеркасск, в штаб, отправили на Дальний восток. Ехали 24 дня, остановились в деревне Черняево, жилья нет. Зимой жили в летних палатках, землянках, которые весной развалились, растаяли. Служил в 315-м стрелковом полку. Каждую ночь была боевая тревога. А еще солдаты знали: если на обед давали вермишель с мясом – значит идти в бой!»

В первых числах июля 1941 года Ивана Гавриловича вызвали в военкомат, и он, даже не попрощавшись с семьей, ушел на фронт. Служил в войсках связи. Прошел всю войну – от Москвы до Берлина. Белоруссия, Польша, Чехия, Германия – таков его боевой путь. Особенно войска связи отличались на территории Восточной Пруссии, за что младшему сержанту И. Г. Кучерову была вручена благодарственная грамота командира части 412-го отдельного линейного Оршанского батальона связи подполковника А. Дидовца. 9 мая 1945 года Иван Гаврилович встретил в Германии. Домой возвращались кто как мог – кто на машинах, кто на подводах, кто на велосипедах. И. Г. Кучеров рассказывал об этом так: «Остановились во Львове. В разрушенной помещичьей усадьбе (остались одни стены, без крыши) расположился штаб. Какое-то время жили в палатках. А потом каждому выдали три тысячи рублей и в качестве премии велосипед. Добираться домой солдаты должны были сами. Сами в пути, как могли, добывали себе пищу.

В поезде, до отказа набитом людьми, вместе с И. Кучеровым домой возвращались многие новошахтинцы.

После войны И. Г. Кучеров работал горным мастером, потом – крепильщиком на шахте имени В. И. Ленина...

Ю. Горбулева

* * *

Еще недавно, всего каких-то 10–15 лет назад, фронтовиков можно было встретить в нашем городе гораздо чаще, чем сегодня. Во многих семьях жил-был свой фронтовик – дедушка или бабушка, отец или дядя, как в той известной песне: «с сединою на висках». Были, были... Да, к сожалению, все чаще приходится говорить о фронтовиках в прошедшем времени.

Еще совсем маленькой девочкой я любила слушать рассказы о войне моего дедушки Владимира Сергеевича Сорокина. Когда началась Великая Отечественная война, он тоже был мальчишкой, но отчетливо помнит те страшные годы войны.

– Знаешь, Галочка, пережитое старшим поколением не скоро забудется, – часто мне говорит дедушка. – Ведь подвиги на границе или на берегах Волги, на нашей донской земле или в поверженном Берлине совершали наши простые советские солдаты. И хорошо, что о них помнят. Зайди в любую школу, и тебе непременно покажут музей боевой славы. Да и в вашей 31-й школе тоже есть такой музей, ты же знаешь. И все в нем собрано, сделано, написано твоими сверстниками сообща с ветеранами войны.

Я люблю праздник Победы, всегда с удовольствием принимаю в нем участие. Смотрю на фронтовиков, подтянутых, каких-то по-особому ладных, даже молодцеватых, несмотря на годы, они не признают слов «не могу», «не умею». Они могут все и учат многому нас.

– Когда немцы вошли в наш город, это было в 1942 году, – рассказывал мне дедушка, – они безжалостно выгоняли русских из их же домов, а сами заселялись. Зима 1942-го была суровой и холодной, выжить в таких условиях было трудно. С нами жили три немца, нас не выгнали, видно, пожалели двух малых детей. Один из немцев немного владел русским языком и часто показывал фотографию своих детей и мечтал о встрече, говорил, что ему тоже надоела война.

Дедушка всегда с грустью рассказывает о войне. Но когда уж разговорится, то нет-нет да и расскажет что-нибудь новенькое.

Как-то он сообщил такой факт, что после освобождения города немцы старались захватить с собой и ценные вещи. До слез обидно, что дедушка не смог сохранить серебряный рубль, подаренный ему отцом, не вернувшимся с войны: подарок отца был немцами у мальчика отнят.

65-летию Великой Победы посвящается

Встречи с ветеранами, на которых фронтовики делятся с молодыми своими воспоминаниями, очень нам нужны, чтобы мы не забыли и о 22 июня 1941 года, том страшном дне, когда грянула война.

– И не только в школах, но и в семьях надо вспоминать поименно не вернувшихся с войны – мужей, братьев, сыновей, дальних или близких родственников, а то и просто освободителей, чьи имена, может быть, даже остались неизвестными, – говорит мой дедушка. – Мы вспоминаем о них, чтобы помнить самим, чтобы напоминать молодым.

Да не прервется никогда эта нить памяти, как не прервется нить жизни, за которую наши отцы и деды заплатили своей кровью. Пусть же день 22 июня 1941 года никогда на Земле не повторится!

Г. Сорокина

Содержание

В. Г. Захаревич. Обращение к читателям	4
Л. И. Пилипенко. Знать историю из первых уст	6
Л. С. Филиппенко. Сквозь глубину времен	8
Т. И. Гричененко. На каждой странице – память	10
М. Сорокин. Память	12

Глава 1.

Новошахтинцы – участники Великой Отечественной войны ... 15

Из заявления Советского Првительства 22 июня 1941 года	15
Из гордого племени победителей	21
Они прославили Новошахтинск	171
Женщины на войне	204
Узники фашистских лагерей	245

Глава 2.

Новошахтинск в годы Великой Отечественной	271
Черные дни оккупации	274
Новошахтинское подполье	292
В боях за город	312
Хроники военных лет	344

Глава 3

Ветераны рядом с нами	367
------------------------------------	------------

С ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ!

НА АЛТАРЬ ПОБЕДЫ

Ответственный редактор Т. И. Гричененко

Редактор	<i>Кадошцева Н. Н.</i>
Корректор	<i>Кадошцева Н. Н.</i>
Компьютерная верстка	<i>Наскалова О. В.</i>
Дизайн обложки	<i>Киреев А. В.</i>

Лицензия ЛР № 65-41 от 01.09.1999.

Подписано в печать 15.04.2010.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25. Уч.-изд. л. 19,42.

Тираж 500 экз. Заказ № 1033.

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в типографии ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1.